

Александр
Дюма

Волчицы
из Машкуле

2

XIX
ВЕК
В РОМАНАХ
ДЮМА

Александр Дюма

Волчицы
из Машкуле

том 2

Книга вторая
главы XV-XXVIII
Книга третья

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕССА»
1995

84 4 Фр
Д 96

Под общей редакцией
Ю. П. Уварова

Перевод с французского

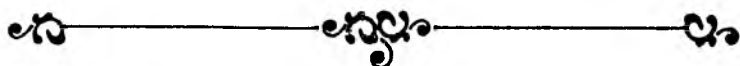
Д $\frac{4703010100-3016}{080(02)-95}$ 3016-95

ISBN 5-253-00835-7

© Чет Л. А.
Перевод 1993.

Книга
Вторая

Главы XV-XXVIII

XV

В КОТОРОЙ МЭТР ЖАК ДЕРЖИТ СЛОВО, КОТОРОЕ ОН ДАЛ КУРГУЗОМУ ОБЕНУ

В самом деле, шум, который донесся до барона Мишеля и Малыша Пьера с той стороны, куда направился Куртен, постепенно превратился в нараставший громкий гул. Минуты две спустя дюжина егерей, скакавших в догонку за беглецами или спешивших на цокот копыт лошади маркиза де Судэ, сопровождавшей свой бешеный бег яростным ржанием, пронесли галопом в десяти шагах от Малыша Пьера и его спутника, которые, по мере того как всадники удалялись, приподнимались из своей засады, провожая взглядом всадников.

— Хорошо скачут,— сказал Малыш Пьер,— но ведь ма сомневаюсь, что они ее догонят.

— Тем более,— ответил барон,— что они направляются прямо к тому месту, где нас поджидают друзья; а маркиз, как мне показалось, был сегодня в таком боевом

настроении, что наверняка на их пути возникнут препятствия для дальнейшего продвижения вперед.

— Значит, сражение! — заметил Малыш Пьер. — Вчера мы прошли испытание водой, сегодня огнем; мне так больше по душе!

И он попытался увлечь за собой барона Мишеля в ту сторону, где, по его предположениям, должна была произойти схватка с противником.

— О! Нет, нет, — запротестовал Мишель, — прошу вас, не ходите туда!

— Неужели вам, барон, не хочется сразиться на глазах у вашей красавицы? Ведь она же там!

— Я надеюсь, — произнес с грустью в голосе молодой человек, — но вы же видите, что солдаты прочесывают местность во всех направлениях, и они тут же примчатся, стоит только выстрелить, и арестуют нас; а я никогда не осмелюсь показаться на глаза маркиза, если бесславно завершу порученное мне дело.

— Скажите лучше его дочерям.

— Да, конечно.

— Тогда обещаю слушаться, чтобы не поссорить вас с вашей прекрасной подругой.

— Спасибо, спасибо, — произнес Мишель, порывистым движением схватив Малыша Пьера за руки.

Затем, тут же спохватившись, он стал просить прощения за допущенную оплошность.

— О, простите, — сказал он, отступив на шаг назад.

— Ладно! — ответил Малыш Пьер. — Не обращайтесь внимания. А где же маркиз де Судэ приготовил мне ночлег?

— На одной из моих ферм.

— Надеюсь, что не на ферме Куртена?

— Нет, на другой, стоящей на отшибе, которая затерялась в лесу по другую сторону от Леже... Вы знаете, где жил Тенги?

— Да, и вы можете меня туда отвести?

— Конечно.

— Меня совсем не убедила ваша самоуверенность; мой бедный Бонвиль тоже утверждал, что прекрасно знает все дороги в лесу, что не помешало ему, однако, заблудиться.

Малыш Пьер со вздохом прошептал:

— Бедный Бонвиль!.. Увы! Если бы он не сбился с пути, возможно, остался бы жив.

Воспоминания о недавнем прошлом снова настроили Малыша Пьера на сентиментальный лад; он вновь оказался во власти грустных мыслей, с которыми покидал дом, где с ним случилась беда, стоившая жизни его проводнику. Малыш Пьер замолчал и, кивнув головой в знак согласия, пошел за своим новым спутником, односложно отвечая на редкие вопросы Мишеля.

Что же касалось Мишеля, то он выполнял свои новые обязанности с необычайной для него охотой и рвением. Свернув налево, он пересек долину и вышел к речке, в которой не раз в детстве ловил раков; она протекала через всю долину Бенаста, а затем поворачивала на юг, чтобы направить свои воды на север и впасть в Булонь под Сен-Коломбеном.

Берега речки с находившимися рядом лугами представляли собой для путников надежный и удобный путь. Мишель какое-то время шел по берегу, неся Малыша Пьера на плечах, как это делал до него бедняга Бонвиль.

Пройдя около километра, он снова свернул налево, поднялся на холм и оттуда показал Малышу Пьеру на темневший внизу лесной массив Тувуа.

— Это и есть ваша ферма? — спросил Малыш Пьер.

— Нет, нам надо сначала пройти через весь лес; не пройдет и три четверти часа, как мы до нее доберемся.

— А лес Тувуа для нас безопасен?

— По всей вероятности, да: солдатам хорошо известно, что в наших лесах ночью лучше не показываться.

— А вы не боитесь заблудиться?

— Нет, ибо мы не будем углубляться в лесную чащу; мы войдем в нее только после того, как отыщем дорогу, ведущую из Машкуле в Леже; продвигаясь по восточной опушке леса, мы обязательно на нее выйдем.

— А потом?

— Потом нам останется только идти по ней все время в гору.

— Ну так вперед,— произнес Малыш Пьер,— да, я должен признать, мой молодой друг, что вы хорошо справляетесь с обязанностями проводника. И, честное слово, за Малышом Пьером не пропадет. Он не забудет ва-

шу отвагу и преданность. А вот и тропинка. Она, случаем, не та, которую мы ищем?

— Ее можно сразу узнать: справа должен стоять столб... А вот и он! Да, мы вышли именно на нее. А теперь, Малыш Пьер, мне кажется, что в эту ночь вы будете спокойно спать.

— Тем лучше,— произнес со вздохом Малыш Пьер,— ибо должен вам признаться, что пережитые за день потрясения никак не способствовали снятию усталости, накопленной за прошлую ночь.

Не успел Малыш Пьер договорить, как на обочине дороги выросла чья-то темная человеческая фигура и одним прыжком оказалась рядом с ним. Грубо схватив его за воротник, незнакомец воскликнул громовым голосом:

— Остановитесь или вы покойник!

Мишель бросился на помощь своему молодому спутнику и ударил нападавшего свинцовым набалдашником хлыста.

Однако благородное заступничество чуть не стоило ему жизни.

Не выпуская из рук Малыша Пьера, незнакомец выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил в барона Мишеля.

На его счастье, Малыш Пьер, несмотря на свой щедушный вид, был отнюдь не из робкого десятка, как рассчитывал человек с пистолетом; увидев его жест, он резким движением отвел руку со смертоносным оружием, и пуля, которая, не сделай он этого движения, наверняка бы прострелила грудь барона Мишеля, лишь задела его плечо.

Увидев, что Мишель не испугался выстрела, нападавший выхватил из-за пояса второй пистолет. Но тут из-за кустов выскочили двое его сообщников и напали на барона сзади.

Поняв, что он больше не представлял для него опасности, первый нападавший сказал своим подельщикам:

— Пристрелите-ка этого парня! А когда покончите с ним, займитесь другим.

— Но скажите,— произнес отважно Малыш Пьер,— по какому это праву вы нас задержали?

— Вот по какому,— ответил мужчина, показывая на перекинутый за плечом карабин.— А почему? Скоро уз-

наете. Свяжите покрепче парня с хлыстом; ну а этого,— добавил он, презрительно посмотрев на Малыша Пьера,— не надо: он и так далеко не убежит.

— Но скажите же наконец куда вы нас ведете? — спросил Малыш Пьер.

— О! Вы слишком любопытны, мой юный друг,— ответил мужчина.

— Но все же?..

— Эй, черт возьми! Идите вперед, раз вы такой любопытный. Сейчас вы все увидите собственными глазами.

И мужчина, взяв за руку Малыша Пьера, повел его за собой в лесную чащу, ну а по-прежнему яростно сопротивлявшегося Мишеля подтолкнули в лес сообщники первого нападавшего.

Они прошагали минут десять, прежде чем выйти на поляну, которую, как мы знаем, избрал Жак, предводитель мятежников, местом расположения своего отряда, ибо, выполняя данное Кургузому обещание, он задержал двух первых попавшихся ему под руку путников, которые по воле случая оказались в этот час на дороге, и именно его пистолетный выстрел привел в движение лагерь мятежников, что мы и наблюдали в конце предыдущей главы.

XVI

В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО НЕ ВСЕ ЕВРЕИ РОДОМ ИЗ ИЕРУСАЛИМА И НЕ ВСЕ ТУРКИ — ИЗ ТУНИСА

— Эй! Братья-кролики! — позвал мэтр Жак, выйдя на поляну.

На голос предводителя из-за кустов, зарослей и мелкого кустарника, куда они попрятались, услышав сигнал тревоги, на поляну высыпали лесные братья и, насколько им позволяла темнота, принялись с любопытством разглядывать пленников.

Но так как в потемках мало что можно было рассмотреть, один из мятежников спустился в землянку, зажег две сосновые лучины и, вернувшись, поднес их к лицам Малыша Пьера и его спутника.

Мэтр Жак занял свое обычное место, присев на ствол дерева, и повел разговор с Кургузым Обеном, делясь впечатлениями о том, как он только что задержал путников, так же неторопливо, как вернувшийся с ярмарки крестьянин рассказывает своей жене о том, как торговался на базаре.

Мишель, раздосадованный нападением и полученным ранением, сидел, или, вернее, лежал, на траве; стоя рядом с ним, Малыш Пьер рассматривал, не без некоторого отвращения, лица бандитов; никто не чинил ему в этом препятствий, ибо, удовлетворив свое любопытство, они вернулись к прерванным тревогой занятиям, то есть к пению псалмов, игре в кости, сну или чистке оружия.

Однако за игрой, выпивкой, песнями, молитвами, чисткой до блеска ружей, карабинов или пистолетов они ни на мгновение не упускали из поля зрения узников, помещенных для пущей надежности в центр поляны.

И, только переведя взгляд с бандитов на своего спутника, Малыш Пьер заметил, что тот ранен.

— О! Мой Бог! — воскликнул он, увидев кровь, сочившуюся из его плеча и уже начинавшую стекать на кисть руки. — Вы ранены?

— Мне кажется, что да, мадемуа..., госпо...

— О! Ради Бога, до тех пор, пока я не разрешу, только Малыш Пьер! Вам очень больно?

— Нет, вначале мне показалось, что меня ударили палкой по плечу, а теперь — что занемела вся рука.

— Попробуйте ее пошевелить.

— О! Во всяком случае, кость не перебита. Вот видите!

И, в самом деле, он довольно легко пошевелил рукой.

— Ладно, тем лучше! Вот чем вы наверняка покорите сердце вашей возлюбленной, ну а если ей будет недостаточно такого свидетельства вашего благородного поведения, обещаю, что окажу вам необходимую помощь. У меня есть все основания считать, что мое вмешательство принесет вам пользу.

— О, какая вы добрая!

— Какой вы добрый! Добрый! Добрый! Несчастный, не забывайте больше никогда!

— Да, Малыш Пьер, чтобы вы не приказали мне после подобного обещания, даже если речь пойдет о том, чтобы встать во весь рост перед батареей из ста пушек, я не задумаюсь ни на секунду. Ах! Если бы вы поговорили с маркизом де Судэ, я был бы самым счастливым человеком на свете!

— Не размахивайте рукой: вы не даете остановиться кровотечению. Ах! Кажется, вы больше всего опасаетесь именно маркиза. Ладно, я переговорю о вас с этим страшным для вас человеком; слово... Малыша Пьера; только сейчас, пока нас оставили в покое,— продолжил Малыш Пьер, оглянувшись по сторонам,— поговорим-ка лучше о наших делах. Куда нас привели и кто эти люди?

— У них вид шуанов,— ответил Мишель.

— Чтобы шуаны нападали на безоружных путников? Это невозможно.

— Между тем такое случается.

— Ой!

— И, если до сих пор такое случалось нечасто, то боюсь, что отныне это войдет у них в привычку.

— И что они собираются с нами делать?

— Сейчас узнаем. Что-то они зашевелились, наверняка сейчас займутся нашими персонами.

— Ах! Подумать только,— заметил Малыш Пьер,— мне угрожает опасность от моих же сторонников. Но пока молчок!

Мишель жестом дал понять, что на него можно положиться.

Как справедливо заметил молодой барон, мэтр Жак, посоветовавшись с Кургузым Обеном и несколькими сообщниками, приказал привести задержанных.

Малыш Пьер уверенным шагом направился к дереву, на котором сидел предводитель бандитов; однако раненый Мишель, у которого вдобавок ко всему были связаны руки, не мог встать на ноги и выполнить приказ. Увидев его безуспешные попытки приподняться, Кургузый Обен кивнул Вшивому Триго, который, схватив молодого человека за пояс, подхватил его с такой же легкостью, с какой поднимают трехлетнего ребенка, и, поднеся к мэтру Жаку, сделал так, чтобы он оказался в той

же позе, в какой был до того, для чего ловким движением поставил его на ноги, а затем, шлепнув пониже спины, заставил сесть на землю.

— Грубиян! — прошептал Мишель, от боли утративший природную сдержанность.

— Вы невежливы, — произнес мэтр Жак, — да, я повторяю, вы невежливы, господин барон Мишель де ла Ложери! И этот славный малый не заслужил таких слов. Ладно, перестанем заниматься пустяками и займемся настоящим делом.

Затем, окинув Мишеля более пристальным взглядом, спросил:

— Я не ошибся, вы действительно барон Мишель де ла Ложери?

— Да, — коротко ответил Мишель.

— Хорошо! А что вы делали в лесу на дороге в Леже в такое позднее время?

— Я бы мог ответить, что не обязан перед вами отчитываться и что дороги свободны для всех.

— Но вы не станете так отвечать, господин барон.

— Почему?

— Потому что, не в обиду вам будет сказано, вы слишком умный человек, чтобы сморозить подобную глупость.

— Как так?

— Вы же видите, что вам придется отвечать, ибо здесь задаю вопросы я; для вас также не секрет, что дороги отнюдь не свободны, раз вас остановили.

— Будь по-вашему, я не буду с вами спорить. Я направлялся на ферму Банлевр, а она, как вам известно, располагается рядом с лесом Тувуа, в котором мы находимся.

— Прекрасно, господин барон, мы с вами договоримся, если вы мне и дальше будете отвечать в том же духе. А теперь скажите, почему барон де ла Ложери, у которого в конюшнях много отличных лошадей и добротных карет на все случаи жизни, вдруг решил отправиться в дальнюю дорогу, как простой мужлан.

— У нас была лошадь, но она ускакала, когда мы с нее свалились, а мы не смогли ее догнать.

— Замечательно. А сейчас, господин барон, надеюсь, что вы сообщите нам все, что мы еще не знаем.

— Я?

— Да. Господин барон, что нового?

— А что происходящее в наших местах может вас интересовать? — спросил Мишель, еще не разобравшийся, с кем имеет дело, и не решивший, как отвечать на заданные вопросы.

— Рассказывайте обо всем по порядку, господин барон, — продолжил мэтр Жак, — пусть вас не волнует, будет ли это полезным для меня или нет. Ну, поройтесь хорошенько в памяти. Кого вы встретили на своем пути?

Мишель в замешательстве взглянул на Малыша Пьера.

Мэтр Жак перехватил его взгляд и, тут же подзвав Вшивого Триго, приказал ему встать между двумя задержанными, словно стена в пьесе «Сон в летнюю ночь».

— Хорошо, — продолжал Мишель, — мы повстречали тех, кого уже три дня можно увидеть в любое время суток на всех окрестных дорогах вокруг Машкуле: солдат.

— И они, безусловно, с вами говорили?

— Нет.

— Как! Нет? Они пропустили вас, не задав ни одного вопроса?

— Нам удалось избежать встречи с ними.

— Ба! — заметил мэтр Жак с сомнением в голосе.

— Отправившись в поездку по своим делам, мы были вовсе не настроены вмешиваться в дела других.

— А кто этот молодой человек?

Малыш Пьер поспешил ответить, прежде чем Мишель успел открыть рот.

— Я, — произнес он, — слуга господина барона.

— В таком случае, мой друг, — заметил мэтр Жак, обращаясь к Малышу Пьеру, — вы очень плохой слуга; по правде говоря, такому крестьянину, как я, становится не по себе, когда он видит слугу, который затыкает рот своему хозяину; тем более что его еще ни о чем не спрашивали.

Затем снова обратился к Мишелю.

— Ах! Этот юноша ваш слуга? — спросил мэтр Жак. — У него смысленый вид!

И предводитель мятежников с особым вниманием оглядел Малыша Пьера, в то время как один из его подручных освещал факелом его лицо.

— Послушайте, что вы от нас хотите? — спросил Мишель. — Если вам нужен мой кошелек, я с ним расстанусь без особого сожаления; вот, возьмите его; только позвольте нам продолжить путь.

— А! Фи! — ответил мэтр Жак. — Если бы я был такого же благородного происхождения, как вы, господин Мишель, то потребовал бы от вас сатисфакции за это оскорбление. Так вы нас принимаете за бандитов с большой дороги? Однако вы нам совсем не польстили, и, если бы я не боялся предстать перед вами в невыгодном свете, я бы вам продемонстрировал, на что способен; но вы ведь не занимаетесь политикой... Ваш папаша, которого, впрочем, я немного знал, весьма ею интересовался и сколотил на ней свое состояние; признаюсь, что предполагал встретить в вашем лице ярого сторонника Его Величества Луи-Филиппа.

— И вы бы ошиблись, уважаемый господин, — вмешался в разговор Малыш Пьер, — господин барон, напротив, ярый сторонник Генриха V.

— Вы сказали правду, мой юный друг? — воскликнул мэтр Жак.

Затем, обернувшись к Мишелю, продолжал:

— Послушайте, господин барон, то, что сказал ваш товарищ... нет, я ошибся, ваш слуга, соответствует действительности?

— Это чистая правда, — ответил Мишель.

— А! Наконец-то ваши слова меня обрадовали! А я-то считал, что имею дело с жуткими недотепами! Мой Бог, как мне теперь стыдно за то, что я с вами так плохо обращался. Даже не знаю, простите ли вы меня теперь, или нет! Господин барон, прошу у вас прощенья; и вы, мой юный друг, тоже простите меня. Право, мне нечем гордиться.

— Черт возьми! — произнес Мишель, настроение которого не только не улучшилось, а скорее ухудшилось от того, что он разгадал насмешку в словах мэтра Жака. — У вас есть способ доказать ваше раскаяние: стоит только отпустить нас, чтобы мы смогли направиться обратно на то место, где нас схватили.

— О,— произнес мэтр Жак,— нет.

— Как! Нет?

— Нет, нет и еще раз нет! Я не допущу, чтобы вы от нас так легко ускользнули; впрочем, господин барон Мишель, для таких поборников законности, как мы, нет более важной задачи, чем обсудить вопрос о вооруженном выступлении. Разве вы, господин барон, не разделяете моего мнения?

— Пусть будет по-вашему. Но в интересах нашего дела мы должны поскорее отправиться в Банлевр, где будем в безопасности.

— Господин барон, клянусь вам, вы нигде не найдете укрытия более надежного, чем у нас; кроме того, мне бы очень не хотелось расстаться с вами, прежде чем не представлю доказательства в моем искреннем к вам уважении.

— Гм! — пробормотал Малыш Пьер.— Кажется, наши дела осложняются.

— Похоже,— ответил Мишель.

— Вы преданы Генриху V?

— Да.

— Истинно преданы?

— Да.

— Всей душой?

— Я же вам уже ответил.

— Да, вы ответили, и я в этом не сомневаюсь. Так я хочу вам предоставить возможность доказать вашу преданность на деле.

— Говорите.

— Вы видите этих молодцов? — спросил мэтр Жак, показывая Мишелю на свой отряд.— Перед вами сорок храбрецов, похожих больше на бандитов из Калло, чем на честных крестьян; они ждут не дождутся, чтобы умереть за нашего молодого короля и его героическую мать; только им не хватает для достижения этой благородной цели оружия, чтобы сражаться, одежды, чтобы пойти в бой в достойном виде, денег, чтобы устроить более удобный бивуак и хорошенько отдохнуть перед боем. Я предполагаю, что вы, господин барон, не допустите, чтобы все эти достойные слуги короля, выполняя то, что называется их долгом, обрекли себя по причине капризов погоды на всяческие болезни, простуду и насморк, ревматизм и воспаление легких.

— Но где же, черт возьми,— ответил Мишель,— вы хотите, чтобы я нашел одежду и оружие для ваших людей? Разве я распоряжаюсь военными складами?

— О, господин барон! — продолжал мэтр Жак.— Неужели вы подумали, что я так плохо знаю жизнь, чтобы рассчитывать, будто такой человек, как вы, стал бы тратить свое драгоценное время на столь недостойные его положения мелочи? Нет. У меня есть надежный помощник.— И он указал на Кургузого Обена.— Вот кто избавит вас от всех хлопот; только бы вы дали ему деньги, а он сумеет ими по-хозяйски распорядиться.

— Если речь идет только о деньгах,— сказал Мишель с легкомыслием юности и готовностью, свойственной широким натурам и людям с только что зародившимися политическими убеждениями,— сколько вам надо?

— В добрый час,— произнес мэтр Жак, весьма удивившись легкости, с какой барон решает вопрос о деньгах.— Вы не подумаете, что я слишком много прошу, если скажу, что на каждого человека нужно пятьсот франков? Я бы хотел, чтобы, кроме военной формы — зеленой, как у егерей господина Штретта,— у них были полностью укомплектованные солдатские ранцы; пятьсот франков представляют собой примерно половину тех средств, что Филипп берет в государственной казне на содержание одного своего бойца, а каждый из моих ребят стоит двоих солдат Филиппа. Вы видите, что я весьма скромен в своих притязаниях.

— Скажите поскорее, какая сумма денег вам нужна, и закончим разговор.

— Так вот, у меня сорок человек, включая и тех, кто сейчас отлучился по своим делам, но по первому же сигналу должен немедленно встать под наши знамена: мне хватило бы и двадцати тысяч франков, сущие пустяки для такого богача, как вы, господин барон.

— Хорошо, через два дня вы получите двадцать тысяч франков,— ответил Мишель, пробуя встать на ноги.— Даю вам слово.

— О! Нет!.. Господин барон, мы избавим вас от какой бы то ни было заботы. У нас здесь поблизости живет друг, нотариус, и он одолжит вам эту сумму: вам стоит только написать ему короткую записку, а кто-нибудь из моих людей сбегает к нему.

— Охотно! Дайте мне все, что необходимо для письма, и развяжите мне руки.

— Мой приятель Кургузый предоставит вам перо, бумагу и чернильницу.

В самом деле, мэтр Кургузый вынул из кармана письменные принадлежности.

Однако Малыш Пьер сделал шаг вперед.

— Минуточку, господин Мишель,— произнес он с самым решительным видом,— а вы, мэтр Кургузый, или как вас там зовут, уберите ваши бумаги. Не бывать тому.

— Ба! Правда, господин слуга? — спросил мэтр Жак.— А скажите на милость, почему?

— Потому что ваши действия мало чем отличаются от действий бандитов Калабра и Эстрамаджора и совсем не походят на поступки людей, называющих себя солдатами Генриха V, потому что это настоящее вымогательство, которого я не потерплю.

— Вы, мой юный друг?

— Да, я!

— Если бы я принимал вас за того, за кого вы себя выдаете, то разобрался бы с вами, как с зарвавшимся лакеем; однако, если я не ошибся, как женщина вы можете рассчитывать на мое снисхождение, ибо я не желаю ронять свое мужское достоинство и не стану вас наказывать. Я ограничусь тем, что попрошу вас впредь не вмешиваться в дела, которые вас не касаются.

— Напротив, к этим делам я имею самое непосредственное отношение,— произнес высокомерным тоном Малыш Пьер,— ибо я не желаю, чтобы вы использовали имя Генриха V для прикрытия своих разбойничьих поступков.

— О! Мой юный друг, мне кажется, что вы слишком близко к сердцу принимаете дела Его Величества. И вы, конечно, скажете, на каком основании?

— Пусть ваши люди отойдут подальше, и тогда вы узнаете.

— А! — заметил мэтр Жак.

Затем, обернувшись к своему отряду, сказал:

— Эй, братья-кролики, отойдите-ка немного в сторону.

Мужчины повиновались.

— Излишняя предосторожность,— заметил мэтр Жак,— у меня нет секретов от моих храбрецов. Ну вот видите, я готов поступиться всем, лишь бы доставить вам удовольствие. Теперь, когда нам никто не мешает, говорите поскорее.

— Господин,— произнес Малыш Пьер, делая шаг вперед,— приказываю вам освободить этого молодого человека; я хочу, чтобы вы предоставили нам эскорт и сию же минуту препроводили нас туда, куда мы должны прибыть, и послали бы за другом, которого мы ждем.

— Вы желаете! Вы приказываете! О, моя горлица, вы говорите таким тоном, словно король, повелевающий со своего трона. А что вы скажете, если я откажусь?

— Если вы откажетесь, то не пройдет и суток, как вас расстреляют по моему приказу.

— Видали вы что-нибудь подобное! Так не с госпожой ли регентшей я имею честь говорить?

— Вы правы, господин.

Услышав такой ответ, мэтр Жак залился нервным смехом, а его подчиненные, увидев, что их-предводитель от хохота не может перевести дыхание, приблизились, чтобы разделить его веселье.

— Ой,— покатываясь от смеха, произнес он, когда они снова заняли прежние места,— я больше не могу! Мои бедные братья-кролики, вы только что очень удивились, не так ли? Когда барон де ла Ложери, сын известного вам Мишеля, нам объявил, что является лучшим другом Генриха V. Но то, что я услышал сейчас, еще почище этого и просто нечто невероятное! Даже в самых смелых мечтах невозможно представить: известно ли вам, кто этот симпатичный юный крестьянин, которого вы могли бы принять за кого угодно, а я так просто-напросто посчитал переодетой любовницей господина барона? Так вот вы ошиблись, и я вместе с вами: этот юный незнакомец не больше не меньше, как мать нашего короля!

По рядам мятежников прокатился ропот недоверия.

— А я вам клянусь,— воскликнул Мишель,— вам сказали правду!

— О! Хорош свидетель, нечего сказать! — воскликнул, в свою очередь, мэтр Жак.

— Уверяю вас...— прервал его слова Малыш Пьер.

— Нет,— перебил его мэтр Жак,— это я вас должен уверить, моя прекрасная странствующая дама, что если через десять минут, отпущенных ему на размышление, ваш оруженосец не выполнит то, что является для него единственным путем к спасению, он отправится к своим праотцам... Пусть побыстрее выбирает: кошелек или жизнь. Чего-чего, а веревок у нас предостаточно!

— Но это же подлость! — воскликнул Малыш Пьер вне себя от гнева.

— Взять его! — приказал мэтр Жак.

Четверо мятежников вышли из толпы, чтобы выполнить приказ.

— Посмотрим, кто из вас посмеет поднять на меня руку!

Триго, до которого не сразу доходил смысл слов и жестов, не остановился.

— Ах вот как! — продолжал Малыш Пьер, отпрянув на шаг, когда до него дотронулась грязная рука, и быстрым движением сорвал с себя шляпу и парик.— Как! Неужели среди всех этих бандитов не найдется ни одного солдата, кто бы мог меня узнать? Как! Неужели от меня отступился Бог и оставил на милость разбойников?

— О! Нет! — раздался голос за спиной мэтра Жака.— Пришел тот, кто скажет этому господину, что его поведение недостойно человека, который носит кокарду, чей белый цвет свидетельствует о том, что на ней нет пятен.

Мэтр Жак поспешно обернулся, успев уже поднять свой пистолет на вновь прибывшего; бандиты тут же схватили оружие, и Берта — ибо это была именно она — шагнула в толпу, плотным кольцом окружившую двух пленников с наставленными на них ружьями.

— Волчица! Волчица! — шепотом произнесли несколько подручных мэтра Жака, узнав мадемуазель Берту.

— Что вам здесь надо? — воскликнул предводитель бунтовщиков.— Вы разве не знаете, что я не признаю за вашим папашей власти, которую он хотел бы распространить на мой отряд, и отказываюсь вступать в его дивизию?

— Замолчите, глупец! — произнесла Берта.

И устремившись к Малышу Пьеру, она опустилась перед ним на колени.

— Прошу прощения, — сказала она, — за всех этих невежественных людей, которые вас оскорбляли и угрожали вам, той, кто имеет все права на то, чтобы ее почитали!

— О! Скажу вам честно, — радостным голосом произнес Малыш Пьер, — вы появились весьма вовремя! Если бы вы не подросли, нам бы плохо пришлось, а вот этот несчастный юноша обязан вам не чем иным, как своей жизнью, ибо эти господа уже вознамерились его повесить — ни больше и ни меньше, — а меня пообещали отпустить — составить ему компанию.

— О! Бог мой! Все было именно так, — произнес Мишель, которого Кургузый Обен, увидев, какой оборот принимали события, поспешно развязал.

— Но что мне кажется, — с улыбкой произнес Малыш Пьер, указывая на Мишеля, — так это то, что этот молодой человек вполне заслужил, чтобы к нему проявила сочувствие какая-нибудь добрая роялистка вроде вас.

Берта, в свою очередь, улыбнулась и опустила глаза.

— Вот вы и займетесь им вместо меня, — продолжал Малыш Пьер, — надеюсь, что вы не станете на меня сердиться, если я поделюсь своим мнением о нем с вашим отцом, чтобы выполнить обещание, которое я ему дал.

Берта низко склонила голову, чтобы поцеловать руку Малыша Пьера, и никто не заметил, как зардели ее щеки.

А тем временем, бормоча на ходу слова извинения, к ним подошел мэтр Жак, смущенный проявленной им оплошностью.

Несмотря на глубокую неприязнь, которую ему внушал этот человек, Малыш Пьер понял, что из политических соображений ему не стоит показывать свои чувства.

— Вы, возможно, руководствовались самыми благими намерениями, но методы, какими вы их претворяли в жизнь, достойны всякого порицания и могут привести лишь к тому, что мы прослышем бандитами с большой дороги, какими были в прошлом сподвижники господина Жею. Я надеюсь, что впредь это не повторится.

Затем, обернувшись к Берте, словно все люди вокруг перестали для нее существовать, Малыш Пьер сказал:

— А теперь расскажите мне, как вы попали на наш след?

— Ваша лошадь, видно, почуяв нас на расстоянии, покакала нам навстречу,— ответила девушка,— и мы, взяв ее под уздцы, поспешили спрятаться, ибо услышали, что ее преследовали солдаты. Увидев колючки, украшавшие несчастную кобылу, мы сразу же поняли, что вы избавились от нее лишь потому, чтобы уйти от преследователей; условившись встретиться в Банлевре, мы разошлись в разные стороны, чтобы попытаться выйти на ваши следы. Пробираясь лесом, я заметила огоньки, а затем уже услышала гул голосов. Я спешила с лошади, чтобы своим ржанием она не выдала моего присутствия. Когда я подошла поближе, никто меня не увидел и не услышал. А все остальное, мадам, вам уже известно.

— Прекрасно,— ответил Малыш Пьер,— а теперь, Берта, если господин предоставит мне проводника, мы направимся на ферму Банлевр! Признаюсь, что от усталости я валюсь с ног...

— Вашим проводником, мадам, буду я,— отозвался мэтр Жак.

Малыш Пьер кивнул ему в знак согласия.

Мэтр Жак слов на ветер не бросал.

Десять мятежников шли впереди, освещая дорогу, в то время как мэтр Жак, в окружении десятка своих сообщников, сопровождал Малыша Пьера, сидевшего на лошади Берты.

Спустя два часа, когда Малыш Пьер, Берта и Мишель заканчивали ужин, на ферму прибыли маркиз и Мари; и господин де Судэ обрадовался от всего сердца, увидев, что тот, кого он накануне называл своим юным другом, находится в безопасности.

Мы должны признать, что маркиз, будучи человеком старой закалки, был весьма сдержан в словах и жестах, несмотря на переполнявшую его сердце искреннюю радость, что свидетельствовало о его глубоком уважении, которое он питал к Малышу Пьеру.

После ужина Малыш Пьер отвел маркиза де Судэ в дальний угол и о чем-то с ним долго беседовал под вни-

мательными взглядами Берты и Мишеля, волнение которых заметно возросло, когда на ферму пришел Жан Улье; в этот момент маркиз де Судэ направился к молодым людям и, взяв руку Берты, обратился к Мишелю.

— Господин Малыш Пьер,— произнес он,— только что мне поведал о том, что вы мечтаете жениться на моей дочери Берте. Возможно, у меня были другие планы относительно ее будущего; однако, откликнувшись на настоятельную просьбу вашего прелестного заступника, я не могу вам ответить отказом и обещаю, что по завершении кампании моя дочь станет вашей женой.

Мишель меньше бы удивился, если бы молния сверкнула над головой.

В тот момент, когда маркиз взял его за руку, чтобы вложить в нее руку Берты, Мишель хотел было обернуться к Мари, как бы призывая ее прийти ему на помощь.

Но тут же услышал ее голос, прошептавший ему на ухо жестокие слова:

— Я вас не люблю!

В замешательстве почувствовав, как больно сжалось сердце, Мишель машинально взял руку, которую ему предложил маркиз.

XVII

МЭТР МАРК

В тот же день, когда в доме вдовы Пико, замке Судэ, лесу Тувуа и на ферме Банлевр происходили события, о которых мы рассказывали в предыдущих главах, часов в пять вечера отворилась дверь в доме номер 17, что находился на улице Шато в городе Нант, и на улицу вышли два человека; в одном из них можно было узнать комиссара полиции Паскаля, с которым наш читатель уже имел возможность познакомиться в Судэ, поспешившего после посещения замка к себе домой, куда он благополучно добрался далеко за полночь.

Второй человек, о ком сейчас пойдет речь впервые на страницах нашего романа, был сорокалетним мужчиной, с живым взглядом умных проницательных глаз, крючковатым носом, белозубый, с толстыми чувственными гу-

бами, свойственными людям с богатым воображением. Если судить по одежде, то его черный костюм, белый галстук и ленточка кавалера ордена Почетного легиона свидетельствовали о принадлежности к судейскому ведомству. В самом деле, он был одним из самых знаменитых адвокатов Парижа, накануне приехавший в Нант и остановившийся у своего коллеги, комиссара полиции.

В среде друзей-роялистов его величали Марком, одним из имен Цицерона.

Выйдя на улицу, как мы уже сказали, в сопровождении комиссара полиции, он остановился у поджидавшей его пролетки.

Сердечно пожав руку гостеприимного хозяина, он сел в пролетку, в то время как кучер, нагнувшись к комиссару, как будто предвидя заранее, что приезжий не знает дороги, спросил:

— Куда его отвезти, господин?

— Видите в самом конце улицы крестьянина верхом на серой лошади в яблоках? — спросил комиссар.

— Прекрасно вижу, — ответил возница.

— Так следуйте за ним.

Едва он произнес эти слова, как человек на серой в яблоках лошади, словно услышав приказ стража порядка, тронулся с места и двинулся вниз по улице Шато, затем свернул направо и поехал вдоль левого берега реки.

В тот же момент кучер хлестнул кнутом лошадь, и скрипучая повозка, которую мы назвали пролеткой, покатилась, подпрыгивая и трясясь на неровных булыжниках мостовой административного центра департамента Нижняя Луара, едва поспевая за таинственным проводником.

Когда пролетка проехала наконец всю улицу Шато и свернула за угол, путешественник еще раз увидел своего проводника, который, не оглядываясь назад, переехал по мосту Руссо через Луару и продолжил свой путь по дороге на Сен-Фильбер-де-Гран-Лье.

Преодолев мост, путешественник тоже свернул за ним на эту дорогу.

Кресьянин пустил лошадь рысью, однако довольно умеренную, давая возможность следовать за ним.

Однако всадник даже не поворачивал головы, и, казалось, его совсем не интересовало то, что происходило у

него за спиной, и он как бы и не догадывался, что являлся проводником, время от времени наводя путешественника на мысль, что стал жертвой какой-то мистификации.

Что же касалось кучера, то он, не посвященный в их тайну, не мог внести ясность в вопрос, мучавший мэтра Марка, ибо с тех пор, как он спросил комиссара: «Куда едем?», а тот ему ответил: «Следуйте за человеком на серой лошади в яблоках»,— он ехал за всадником на серой лошади в яблоках и заботясь, казалось, не больше о проводнике, чем тот о нем.

После двухчасовой езды, когда солнце уже начало клониться к закату, они прибыли в Сен-Фильбер-де-Гран-Лье.

Человек на серой лошади в яблоках остановился у трактира под названием «Трефовый лебедь», спешился и, передав поводья конюху, вошел в трактир.

Минут пять спустя подъехал наш путешественник и остановился у того же трактира, что и крестьянин.

Проходя через кухню, он столкнулся со своим проводником, который, делая вид, что его не знает, незаметно сунул ему в руку клочок бумаги.

Путешественник вошел в общий зал, который в этот час был еще пуст, заказал бутылку вина и попросил принести свечу.

Ему не пришлось долго ждать.

К бутылке он даже не притронулся, а сразу развернул записку, в которой было начертано всего несколько слов:

«Я буду Вас ждать на дороге в Леже; следуйте за мной, но не пытайтесь приблизиться и заговорить. Оставьте в трактире кучера и не берите пролетку».

Путешественник сжег записку, налил себе стакан вина и, едва пригубив, сказал кучеру, что тот может быть свободным до завтрашнего вечера, и вышел на улицу, не привлекая внимания трактирщика, или же по крайней мере ему показалось, что трактирщик не обратил на него внимания.

На окраине деревни он увидел своего проводника, вырезавшего палку из боярышника, служившего здесь жилой изгородью.

При виде его крестьянин отправился в путь, на ходу очищая палку от веток.

Мэтр Марк прошел вслед за ним примерно с половиною лье.

Когда половина лье осталась позади, а сумерки сгустились, крестьянин вошел в дом, особняком стоявший на правой стороне дороги.

Путник ускорил шаг и зашел в дом почти одновременно с крестьянином.

Перешагнув через порог, в комнате, выходившей окнами на дорогу, он увидел женщину.

Стоявший перед ней крестьянин, казалось, поджидал путешественника.

И как только тот показался в дверях, крестьянин произнес:

— Вот господин, которого нужно отвести.

И, едва закончив говорить, тут же вышел, лишив путника возможности отблагодарить его или дать денег за оказанную услугу.

Когда путешественник, посмотрев ему вслед, перевел удивленный взгляд на хозяйку дома, она жестом пригласила его сесть и, не обращая внимания на него, не проронив ни слова, продолжала хлопотать по хозяйству.

Молчание длилось уже целых полчаса, и путешественника охватило было некоторое беспокойство, когда вошел хозяин дома и, не проявляя ни удивления, ни любопытства, кивнул гостю головой.

И лишь вопросительно взглянул на жену, которая тут же повторила слова крестьянина:

— Вот господин, которого нужно отвести.

Хозяин дома бросил на незнакомца тревожный, проницательный и вместе с тем торопливый взгляд, каким смотрят на приезжих одни лишь вандейские крестьяне, и тотчас его лицо приняло свое обычное благожелательное и простодушное выражение. Он подошел к гостю, держа шапку в руке.

— Господин желает совершить путешествие по нашему краю?

— Да, мой друг, — ответил мэтр Марк.

— У господина есть документы?

— Безусловно.

— И они в полном порядке?

— В самом что ни есть полном.

— И выписанные на вымышленное лицо или на вас?

— Да, на меня.

— Я вынужден просить господина их показать, чтобы избежать ошибки.

— Неужели это так необходимо?

— О да! Ибо только после того, как увижу документы, я смогу сказать господину, сможет ли он продолжить свой путь, не боясь осложнений.

Путешественник вынул паспорт, выписанный 28 февраля.

— Вот,— сказал он.

Крестьянин, взяв в руки документ, удостоверился в том, что особые приметы, указанные в нем, совпадали с внешностью нашего путешественника, и, закрыв, отдал владельцу.

— Очень хорошо,— сказал он,— господин может ехать с ним, куда только ему захочется.

— А вы найдете мне проводника?

— Да.

— Я бы хотел, чтобы это произошло как можно быстрее.

— Поиду седлать лошадей.

Хозяин дома вышел. Минут десять спустя он вернулся.

— Лошади готовы,— сказал он.

— А проводник?

— Он ждет вас.

Путешественник вышел и у двери увидел работника с фермы, уже сидевшего верхом на лошади и державшего за поводья вторую лошадь. Мэтр Марк понял, что она предназначалась для него, а работник с фермы будет его проводником.

В самом деле, едва он вставил ногу в стремя, как крестьянин тронулся в путь, оказавшись не более разговорчивым, чем его предшественник.

Было девять часов вечера; не было видно ни зги.

ХVІІІ

КАК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ В ДЕПАРТАМЕНТЕ НИЖНЯЯ ЛУАРА В МАЕ 1832 ГОДА

Путники ехали, не произнося ни слова, около полутора часов, пока не увидели ворота типичного для этого края владения, похожего на нечто среднее между сельским домом и замком.

Проводник остановился первым и жестом попросил путешественника последовать его примеру. Затем спешился и постучал в ворота.

На стук к ним вышел слуга.

— Вот господин, которому необходимо переговорить с вашим хозяином,— сказал проводник.

— Это невозможно,— ответил слуга,— он уже спит.

— Уже? — спросил путешественник.

Слуга подошел поближе.

— Хозяин не ложился спать в прошлую ночь и провел в седле бóльшую часть дня.

— Не беда! — произнес проводник. — Вот господин, которому необходимо срочно увидеться с ним; он прибыл от господина Паскаля, а едет к Малышу Пьеру.

— Тогда другое дело,— ответил слуга,— пойду разбужу хозяина.

— Вы только спросите его,— попросил путешественник,— может ли он мне порекомендовать надежного проводника... Мне было бы достаточно одного...

— Не думаю, что господин пойдет вам навстречу,— ответил слуга.

— А как он, по-вашему, поступит?

— Он сам вас проводит,— ответил слуга.

И вошел в дом.

Минут пять спустя он появился снова на пороге.

— Хозяин спрашивает господина, не желает ли он с дороги перекусить или же хочет продолжить путь.

— Я поужинал в Нанте, и мне ничего не надо. Я бы предпочел не задерживаться.

Слуга снова исчез за дверью.

Немного погодя к ним вышел молодой человек.

На этот раз перед ними предстал не слуга, а его хозяин.

— Если бы обстоятельства сложились по-другому,— обратился он к путешественнику,— я бы настоятельно вас просил оказать мне честь и провести некоторое время под крышей моего дома. Однако вы, несомненно, тот человек, приезда которого из Парижа дожидается Малыш Пьер?

— Совершенно верно.

— Вы господин Марк?

— Да, господин Марк.

— В таком случае нельзя терять ни минуты, ибо вас с нетерпением ждут.

Обернувшись к работнику, он спросил:

— Твоя лошадь не утомилась?

— С самого утра я проехал на ней не больше полутора лье.

— В таком случае я возьму твою, ибо мои лошади загнаны все до одной. Подожди меня здесь; можешь распить с Луи бутылочку вина; я вернусь часа через два. Луи, окажи гостеприимство.

И молодой человек вскочил в седло с такой легкостью, словно он, как и эта лошадь, преодолел за день не больше полутора лье.

Затем, обернувшись к путешественнику, спросил:

— Вы готовы?

И только тогда, когда путешественник утвердительно кивнул ему в ответ, они тронулись в путь.

Проехав в молчании четверть часа, они услышали пронзительный крик шагах в ста от них.

Вздвогнув, мэтр Марк спросил, чей это мог быть крик.

— Нашего дозорного,— ответил вандеец,— он хочет убедиться в том, что путь свободен. Погодите: вы сейчас услышите ответ.

Протянув руку, он положил ее на плечо путешественника и, придерживав лошадь, дал знак мэтру Марку последовать его примеру.

В самом деле, почти тотчас до них донесся, словно далекое эхо, ответный крик.

— Мы можем продолжить наш путь: дорога свободна,— сказал вандеец, трогаясь с места.

— Так, значит, впереди идет дозорный?

— И впереди, и позади, в двухстах шагах от нас.

— Но кто же откликается на крик того, кто идет впереди?

— Крестьяне, проживающие в хижинах, разбросанных вдоль дороги. Вы сможете легко убедиться в этом, когда будете проезжать мимо одной из них и увидите, как тут же распахнется маленькое оконце и покажется мужская голова, неподвижно застыв, словно выточенная из камня; она скроется, лишь когда мы исчезнем из виду. Если бы вместо нас проходили солдаты из ближайшего гарнизона, то наблюдавший за ними человек тотчас бы вышел из дома через черный ход; и если где-то поблизости проходила бы сходка, ее участники были бы вовремя оповещены и смогли бы разойтись до прихода солдат.

Вдруг вандеец прервал свою речь.

— Постойте,— сказал он.

Всадники остановились.

— Мне кажется, что я ничего не слышу,— произнес путешественник,— кроме крика нашего дозорного.

— Правильно, но ему никто не ответил.

— А из этого следует?..

— Что где-то рядом находятся солдаты.

С этими словами он пустил лошадь рысью, и путешественник тоже пришпорил своего коня. Почти тотчас позади них раздался торопливый топот ног— это следовавший за ними человек старался изо всех сил не отставать от них.

На пересечении двух дорог их поджидал, остановившись в нерешительности, шедший впереди дозорный.

Дорога раздваивалась, а так как ни с той, ни с другой стороны никто не ответил, он не знал, по какой тропинке идти.

Обе дороги вели до места назначения; только левая была немного длиннее правой.

После короткого совещания дозорный свернул направо, вслед за ним поспешили вандеец с путешественником, оставив на развилке четвертого спутника, который последовал за ними минут через пять.

Примерно такое же расстояние соблюдается в соответствии с воинским уставом между основными силами армии, ее авангардом и арьергардом.

Не пройдя и трех сотен шагов, роялисты увидели своего дозорного, который стоял, прислушиваясь.

Дозорный махнул им рукой, чтобы они соблюдали тишину.

Затем тихо произнес:

— Патруль!

В самом деле, они различили отдаленный, но уже приближавшийся гул колонны солдат на марше. Это было одно из подразделений генерала Дермонкура, вышедшее в ночной дозор.

Солдаты шли по одной из узких троп, проложенных в лощинах, которые часто встречались в то время в Вандее, в особенности во времена первой войны; в наши дни они постепенно зарастают травой, уступая место проселочным дорогам; тропинки пролегали по таким крутым откосам, что ни одна лошадь не смогла бы по ним пройти; чтобы избежать встречи с патрулем, им оставалось только вернуться назад, выйти на открытое место и свернуть направо или налево.

Однако так же как всадники слышали гул колонны солдат, так и до пехотинцев вполне бы мог донестись стук копыт их лошадей, и солдаты бросились бы за ними вслед.

Неожиданно дозорный сделал жест, чтобы привлечь внимание вандейца.

При свете на мгновение появившейся и тут же исчезнувшей за тучами луны блеснули штыки, и по поднятому вверх пальцу вандеец и путешественник поняли, в каком направлении им следует уходить.

В самом деле, чтобы не угодить в воду, которая скапливалась на таких тропах после обильных дождей, вместо того чтобы шагать по узкой тропе, зажатой между двумя откосами, солдаты взобрались по одному из них наверх и шли по другую сторону живой изгороди, находившейся слева от путешественников.

Следуя этим путем, они должны были пройти шагах в десяти от всадников и двух пеших дозорных, притаившихся на две расщелины.

Если хотя бы одна лошадь заржала, маленький отряд оказался бы в ловушке; однако животные как будто понимали, какая им грозила опасность, и, подобно ездокам, они словно затаили дыхание; и солдаты прошли

мимо, даже не догадываясь о том, что находились рядом с теми, за кем охотились.

Как только вдалеке затихли шаги солдат, путешественники перевели дыхание и тронулись в путь.

Не прошло и четверти часа, как они уже свернули с дороги и углубились в Машкульский лес.

В лесу они почувствовали себя гораздо свободнее; можно было предположить, что солдаты вряд ли рискнут ночью его прочесывать, а если и решатся, то пойдут через лес не по окольным тропам, а по проселочным дорогам; проходя по тропе, известной лишь местным жителям, путешественники могли больше не опасаться нежелательной встречи.

Они спешили, передав поводья лошадей одному из дозорных, в то время как второй поспешно скрылся в темноте, казавшейся непроницаемой из-за появившейся на деревьях первой майской листвы.

Вандеец и путешественник последовали за ним.

По всей вероятности, они приближались к цели своего путешествия, и то, что они шли, а не ехали на лошадях, служило тому доказательством.

В самом деле, не успели мэтр Марк и его проводник сделать и двухсот шагов, как услышали крик лесной совы.

Вандеец, сложив рупором ладони, ответил на этот продолжительный и скорбный зов пронзительным криком полевой совы.

В ответ снова раздался крик лесной совы.

— Вот теперь это наш человек,— произнес вандеец.

Прошло несколько минут, и до них донесся шорох травы: кто-то шел по тропе им навстречу. И тут же они увидели дозорного, который сопровождал незнакомца.

Этим незнакомцем оказался не кто иной как наш старый друг Жан Улье, единственный и потому главный егерь маркиза де Судэ, на время забросивший охоту после того, как он принял участие в происходивших в Вандее событиях.

Как и в двух предыдущих случаях проводник произнес знакомые нам слова: «Вот господин, которому необходимо переговорить с вашим хозяином». На этот раз фраза была несколько изменена, и вандеец обратился к Жану Улье:

— Мой друг, вот господин, которому необходимо переговорить с Малышом Пьером.

На что Жан Улле коротко ответил:

— Пусть следует за мной.

Путешественник протянул руку вандейцу, и тот ее крепко пожал; затем он было потянулся к карману, чтобы достать кошелек и расплатиться с двумя дозорными; однако вандеец, догадавшись о его намерении, положил свою ладонь на его руку, тем самым давая понять, что его щедрость в данном случае была бы неуместной и только обидела бы крестьян.

Мэтр Марк понял его жест и пожал руку каждому крестьянину точно так же, как их старшему.

После чего Жан Улле отправился в путь по той же дороге, по которой пришел, на прощание сказав три коротких слова, прозвучавших как приказ, несмотря на мягкий тон его голоса:

— Следуйте за мной.

Прощание было таким же коротким, как лаконичным было приглашение. Путешественник уже стал привыкать к принятым здесь таинственным и немногословным формам общения, показавшимся ему поначалу чрезвычайно странными и указывавшими если не на готовившийся заговор, то по крайней мере на приближение восстания.

Ему так и не удалось как следует разглядеть спрятанные под широкополыми шляпами лица вандейца и двух его дозорных.

И теперь он едва различал маячившую перед ним в темноте фигуру Жана Улле.

Идя впереди, егерь между тем постепенно замедлил шаг и поравнялся с путешественником.

Путешественник интуитивно почувствовал, что проводник хочет что-то ему сказать, и приготовился слушать.

В самом деле, до его слуха донеслись сказанные шепотом слова:

— Нас выследили; кто-то идет за нами по лесу. Не волнуйтесь, если я на время исчезну. Не уходите далеко от места, где мы расстанемся.

Путешественник кивнул в ответ головой, что означало: «Хорошо, идите!»

Они сделали еще шагов пятьдесят.

Неожиданно Жан Уллье исчез в зарослях.

В двадцати или тридцати шагах от себя путешественник услышал треск ветвей в лесной чаще, как будто вскопала на ноги перепуганная косуля.

Шум затихал с такой быстротой, что можно было предположить, что его и в самом деле производила убежавшая косуля.

И было слышно, что Жан Уллье удаляется в том же направлении.

Затем все стихло.

Путешественник прислонился к стволу дуба и принял ждать.

Прошло минут двадцать, как вдруг рядом с ним раздался возглас:

— Идем!

Он вздрогнул; голос принадлежал Жану Уллье; только егеря подошел настолько незаметно, что он даже не услышал в ночной тишине его шагов.

— Ну что там? — спросил путешественник.

— В зарослях никого! — заметил Жан Уллье.

— Никого?

— Кто-то там был... Но этот тип знает лес не хуже меня.

— И вы не смогли его догнать?

Уллье отрицательно покачал головой, словно ему было трудно признаться вслух, что от него кто-то смог ускользнуть.

— И вы не знаете, кто бы это мог быть? — продолжил путешественник.

— Подозреваю, что он пришел оттуда, — ответил Жан Уллье, показав рукой в сторону юга, — но в любом случае можно сказать, что он — большой хитрец.

Затем, увидев, что они вступили на лесную опушку, сказал:

— Вот мы и пришли.

В самом деле, Марк увидел перед собой ферму Банлевр.

Жан Уллье внимательно оглядел дорогу.

На всем своем протяжении, насколько хватало глаз, дорога была свободной.

Он пересек дорогу, подошел к воротам и открыл их своим ключом.

Ворота открылись.

— Идите! — сказал он.

Мэтр Марк быстрым шагом отправился вслед за ним и скрылся в распахнутых воротах.

Ворота закрылись позади двух мужчин.

Чья-то неясная фигура показалась на крыльце.

— Кто там? — спросила женщина властным голосом.

— Я, мадемуазель Берта, — ответил Жан Улле.

— Мой друг, вы не один?

— Со мной господин из Парижа, который желает поговорить с Малышом Пьером.

Берта спустилась с крыльца и подошла к путешественнику.

— Идемте, господин, — сказала она.

И девушка провела мэтра Марка в скромно обставленную гостиную, где был, однако, до блеска натерт паркет, а занавески сияли ослепительной белизной.

Рядом с камином, в котором плясали языки пламени, был накрыт стол.

— Садитесь, господин, — произнесла самым любезным тоном девушка; при этом ее голос прозвучал по мужски твердо, что придавало особую выразительность всему ее облику. — Вы, наверное, проголодались. Угощайтесь на здоровье. Малыш Пьер отдыхает, но он распорядился разбудить его, если кто-нибудь прибудет из Парижа. Вы из Парижа?

— Да, мадемуазель.

— Я зайду за вами через десять минут.

И Берта, словно призрак, выскользнула из гостиной.

Путешественник несколько секунд не мог прийти в себя от удивления. Будучи от природы наблюдательным человеком, он еще ни разу не встречал девушки, в которой сочеталось бы столько грации и обаяния с поистине мужской решительностью и волей.

Ему показалось, что перед ним предстал переодетый в женщину юный Ахиллес, еще не успевший увидеть сияние меча Одиссея.

И, либо под впечатлением только что увиденного, либо погрузившись в свои мысли, он так и не притронулся к ужину.

Девушка вскоре вернулась.

— Малыш Пьер ждет вас,— сказала она.

Путешественник встал и пошел следом за Бертой. Она держала в руках, подняв ее высоко над головой, чтобы осветить лестницу, небольшую лампу, которая выхватывала из мрака ее лицо.

Путешественник не мог оторвать глаз от ее прекрасных волос и красивых черных глаз, матовой кожи, покрытой здоровым молодым загаром; он не переставал восхищаться ее твердой и легкой походкой, напоминавшей поступь богини.

Девушка постучала в дверь одной из комнат.

— Войдите,— ответил женский голос.

Дверь отворилась, и девушка с легким поклоном пропустила вперед путешественника. Можно было заметить, что смирение и покорность были не главными ее добродетелями.

Путешественник прошел вперед, дверь за ним хлопнулась; девушка осталась снаружи за закрытой дверью.

ХІХ

НЕМНОГО ИСТОРИИ НИКОМУ НЕ ПОВРЕДИТ

По узкой, казалось, вырубленной в стене лестнице путешественник поднялся на второй этаж; когда перед ним распахнулась дверь, он увидел большую комнату, стены которой были мокрыми от сырости, а из-под тонкого слоя штукатурки проглядывали голые доски.

И в этой комнате на грубо сколоченной сосновой кровати лежала женщина, в которой он узнал герцогиню Беррийскую.

Теперь все внимание мэтра Марка было приковано только к ней.

Нищенская постель была застелена бельем из тончайшего батиста; и только по роскошным белоснежным простыням можно было судить о том высоком положении, какое эта женщина занимала в обществе.

Вместо покрывала кровать была накрыта пледом в красную и зеленую клетку.

Убогий камин, украшенный деревянной резьбой, обогревал комнату, единственной обстановкой которой был стол, заваленный бумагами, на которых сверху лежала пара пистолетов.

На одном из двух стульев, стоявшем у стола, валялся темный парик, в то время как на другом, у кровати, в беспорядке была набросана одежда молодого крестьянина.

На голове у принцессы был повязан один из шерстяных платков, которые носили местные женщины, со спускавшимися на плечи концами.

При свете двух свечей, стоявших на испещренном царапинами ночном столике из розового дерева, по всей вероятности доставшегося по случаю после разорения одного из замков, герцогиня просматривала полученную корреспонденцию.

Однако большинство писем, лежавших на том же ночном столике под второй парой пистолетов, которые выполняли роль пресс-папье, еще не были даже вскрыты.

Мадам, казалось, с нетерпением ожидала прибытия путешественника, ибо, завидев его, привстала с кровати и протянула навстречу обе руки.

Путешественник с почтением приложился к ним губами, и герцогиня почувствовала, как на ее руку, которую путешественник держал в своей, упала слеза.

— Вы плачете! — воскликнула герцогиня. — Неужели вы принесли мне дурные вести?

— У меня шемит сердце, Мадам, — ответил мэтр Марк, — и мои слезы лишь говорят о моей преданности и глубоком страдании, которым я проникся, когда с огорчением увидел вас в одиночестве в самой глубинке Вандей на какой-то безвестной ферме. А ведь я имел честь вас лицезреть...

Он не мог больше говорить; слезы застилали ему глаза.

Герцогиня закончила его фразу:

— Да, в Тюильрийском дворце, не правда ли? Рядом с тронном? Надо вам признаться, сударь, что там за мной присматривали гораздо хуже, чем сейчас, ибо в настоящее время мне служат верой и правдой преданные мне люди, а там меня окружали лишь корыстные и расчетливые придворные. Однако вернемся к цели вашей поездки, ибо, следует сказать, меня беспокоит ваша медлительность. Скорее выкладывайте новости, привезенные из Парижа! Они хорошие?

— Поверьте мне, Мадам,— ответил мэтр Марк,— сам я часто теряю хладнокровие, и мне трудно просить вас соблюдать благоразумную осторожность.

— Ах! Ах! — заметила герцогиня.— Пока мои друзья в Вандее проливают свою кровь, мои соратники из Парижа, оказывается, проявляют благоразумную осторожность. Вы теперь видите, что я была права, когда сказала, что здесь за мной лучше смотрят и — самое главное — здесь мне лучше служат, чем в Тюильрийском дворце.

— Лучше охраняют, Мадам, да, но лучше служат, нет! Бывает, что осторожность — залог будущего успеха.

— Сударь,— произнесла, теряя терпение, герцогиня,— я не хуже вас осведомлена о том, что происходит в Париже, и мне известно о начале революции.

— Мадам,— твердым и звонким голосом произнес адвокат,— вот уже полтора года, как мятежи следуют один за другим, но ни один из них еще не перерос в революцию.

— Луи-Филипп не пользуется популярностью.

— Не спорю, однако это не говорит о том, что Генриха V в народе любят больше.

— Генрих V! Генрих V! — воскликнула герцогиня.— Моего сына зовут не Генрих V, а Генрих IV второй.

— В таком случае,— парировал адвокат,— позвольте заметить, Мадам, что он еще слишком молод, чтобы мы могли знать его настоящее имя; а потом, чем преданнее слуга, тем больше у него права говорить правду своему господину.

— О да, правду! Я требую, я хочу ее знать! Но мне нужна настоящая правда!

— Хорошо, Мадам. Вы хотите правду? Так вот она. К несчастью, у всех народов короткая память; а французский народ, то есть та его часть, которая наделена материальной и грубой силой, являющейся первопричиной всех мятежей, хранит в памяти лишь два великих события: одно произошло сорок три года назад, а другое — семнадцать; первое — взятие Бастилии, то есть свержение народом монархии, давшее нации трехцветное знамя; а второе — двойная реставрация 1814 и 1815 годов, то есть победа монархии над народом, принесящая страше белое знамя. Однако, Мадам, все великие события

имеют свою символику; трехцветное знамя означает свободу, ибо на нем начертаны слова: «Под этим знаменем ты победишь!» Белый же стяг говорит о торжестве деспотизма, ибо на нем с обеих сторон можно прочесть: «Под этим знаменем ты потерпел поражение!»

— Сударь!

— Ах, Мадам, вы хотели правды, так дайте мне договорить до конца.

— Будь по-вашему, но, когда закончите, вы мне позволите, надеюсь, вам ответить.

— Да, Мадам, я буду просто счастлив, если вы сможете меня переубедить.

— Продолжайте.

— Покидая Париж 28 июля, вы не могли видеть, с какой яростью народ раздирал в клочья белое знамя и топтал ногами лилии...

— Знамя Денена и Тейебурга! Лилии — цветок Людовика Святого и Людовика XIV!

— К несчастью, Мадам, в памяти народной сохранились воспоминания о Ватерлоо; народ не забыл поражение и казнь Людовика XVI... И вы знаете, Мадам, с какой основной трудностью столкнется, по моим предположениям, ваш сын, последний оставшийся в живых потомок Людовика Святого и Людовика XIV? Ему предстоит решить проблему знамени Тейебурга и Денена. Если Его Величество Генрих V, или Генрих IV второй, как вы его удачно назвали, войдет в Париж под белым знаменем, он не сможет пройти дальше предместья Сен-Антуан: его убьют раньше, чем он доберется до Бастилии.

— А если... если он вернется под трехцветным знаменем?

— Это еще хуже! Еще не дойдя до Тюильрийского дворца, он потеряет уважение народа.

Герцогиня вздрогнула, но не произнесла ни слова.

— Возможно, вы говорите правду,— сказала она после минутного молчания.— Но какая это жестокая правда!

— Пообещав сказать всю правду, я сдержал свое слово.

— Но, сударь,— спросила герцогиня,— раз вы придерживаетесь таких взглядов, я не понимаю, почему вы служите делу, которое не имеет ни единого шанса на успех?

— Потому что я поклялся не только на словах, но и в душе, что буду верен белому знамени, без которого и с которым ваш сын не сможет вернуться, и предпочитаю смерть бесчестью.

Герцогиня снова на некоторое время замолчала.

— Сведения, которые вы мне сообщили, не относятся к разряду тех, которые я получила в свое время и которые побудили меня вернуться во Францию,— произнесла она.

— Безусловно, Мадам. Но не следует забывать одной истины: если правда порой и доходит до царствующих особ, то до свергнутых монархов — никогда!

— Позвольте заметить, что вы, как адвокат, любите парадоксы.

— В самом деле, Мадам, без парадоксов красноречие потеряло бы всю свою образность; только перед Вашим Королевским Высочеством я не упражняюсь в изящной словесности, а говорю правду.

— Простите... Но вы только что сказали, что правда никогда не доходит до свергнутых монархов: либо вы ошиблись тогда, либо противоречите себе сейчас.

Адвокат прикусил губу: он попал в собственную ловушку.

— А разве я сказал «никогда»?

— Вы сказали «никогда».

— Тогда предположим, что нет правила без исключения. И по Божьей воле вы узнали от меня об этом исключении.

— Возможно, но я хочу вас спросить: почему правда никогда не доходит до свергнутых монархов?

— Потому что царствующие особы на худой конец окружены приближенными, чье честолюбие уже удовлетворено, в то время как рядом со свергнутыми монархами всегда находятся люди с самыми честолюбивыми помыслами. Безусловно, Мадам, в вашем окружении есть люди с преданными и великодушными сердцами, которые готовы ради вас на все, даже на смерть, но в то же время вокруг вас немало придворных, которые используют ваше возвращение во Францию, чтобы обогатиться и получить новые титулы; среди них есть также и недовольные, которые, утратив свое бывшее положение, стремятся разом вернуть потерянное и отомстить обидчикам. И все

эти люди плохо разбираются в политике и не способны дать правильную оценку происходящему; выдавая желаемое за действительное, они не понимают истинного положения вещей; они только мечтают о революции, которая, возможно, и свершится, но, я уверен, не тогда, когда они планируют. Они ошибаются и вас вводят в заблуждение; обманывая себя, они обманывают вас; подвергая опасности себя, они подвергают опасности вас. Вот в чем ошибка! Фатальная ошибка! Из-за них, Мадам, вы и совершаете эту ошибку. И необходимо, чтобы вы ее признали перед лицом неоспоримой истины, которую я вам открыл, возможно, в слишком резкой форме, но для вашей же пользы.

— Короче говоря,— произнесла герцогиня с нетерпением в голосе, понимая, что слова адвоката подтверждали сведения, полученные ею в Судэ,— мэтр Цицерон, так что же вы прячете в глубоких складках вашей тоги? Мир? Войну?

— Учитывая, что мы будем выступать за конституционную монархию, я бы ответил Ее Королевскому Высочеству, что она, как регентша, имеет право выбора.

— Неужели? Могу поспорить, что мой парламент тотчас откажет мне в субсидиях, если я не поступлю так, как ему выгодно. О, мэтр Марк, мне хорошо известны все условности вашего конституционного строя, основное неудобство которого, по-моему, состоит в том, что приходится идти на поводу тех, кто много рассуждает, а не следовать советам тех, кто говорит дело. Наконец, вы должны были мне сообщить о том, что думают мои сторонники и преданные советники о своевременности вооруженного выступления. Каково их мнение? И что вы сами думаете об этом? Мы много говорили о правде; порой она бывает похожа на страшное привидение. Не важно! Хотя я всего-навсего женщина, я не побоюсь встретиться с ней лицом к лицу.

— Именно благодаря уверенности в том, что разум и сердце Мадам впитали в себя мудрость двадцати поколений монархов, я, не задумываясь, согласился выполнить мучительное для себя поручение.

— Ну! Вот наконец-то!.. Мэтр Марк, поменьше дипломатии; говорите открыто и прямо, как подобает говорить с тем, кто сейчас перед вами, то есть с солдатом.

Затем, увидев, что путешественник снял с себя галстук и пытается его распороть, чтобы достать письмо, она с нетерпением промолвила:

— Дайте сюда, я это сделаю быстрее, чем вы.

И вынула зашифрованное письмо.

Едва взглянув, герцогиня передала его мэтру Марку.

— Я только потеряю время, если начну его расшифровывать,— произнесла она.— Прочитайте сами: вам это не доставит, надеюсь, труда, ибо вы наверняка знаете его наизусть.

Приняв из рук герцогини письмо, мэтр Марк без запинки прочитал:

«Лица, на которых возложена сия почетная миссия, не могут не выразить свою душевную боль, говоря о советах, которые стали причиной разразившегося сегодня политического кризиса; людей, дававших советы, безусловно, нельзя упрекнуть в отсутствии старания, но им не известна ни истинная обстановка в стране, ни настроения парижан.

Было бы ошибкой считать, что в Париже можно легко сколотить какую-нибудь партию: во всем городе едва наберется немногим более тысячи человек, которые не запятнали себя связью с полицией и готовы за несколько экю выйти на улицу и выступить против национальной гвардии или верного правительству гарнизона.

Точно так же, как раньше мы обманулись насчет Юга, ошибочным является и наше представление о Вандее: этот многострадальный край вынужден кормить многочисленную армию, опирающуюся на городское население, которое почти сплошь настроено против легитимной власти; любое крестьянское выступление обречено на провал, быстро приведет к разорению деревни и только укрепит позиции правительства.

Если мать Генриха V уже находится во Франции, ей следует, по нашему мнению, поскорее уехать, приказав верным ей людям не выступать и сохранять спокойствие. Иными словами, своим приездом во Францию она бы принесла мир вместо гражданской войны; свершив подобный акт доброй воли и великого мужества, она бы покрыла свое имя двойной славой, ибо остановила бы готовящееся кровопролитие.

Мудрые друзья законности, которых никто никогда не считал нужным посвятить в свои планы, с кем никто никогда не советовался, прежде чем ввязаться в сомнительные предприятия, кто всегда оказывался перед свершившимся фактом, не заслуживают ни похвалы, ни порицания за то, что может произойти, и возлагают всю ответственность за возможный поворот событий на тех, кто их спровоцировал и давал советы».

По мере того как Мадам слушала письмо, она приходила во все большее и большее волнение; ее обычно бледные щеки пылали огнем; дрожащей рукой она то и дело поправляла волосы, сняв с головы шерстяную шапочку. Она не произнесла ни слова, она ни разу не перебила читавшего; однако было видно, что скоро грянет буря. Чтобы снять с себя всякую ответственность, мэтр Марк поспешил заметить, передавая ей в руки письмо:

— Мадам, это письмо написал не я.

— Да,— ответила герцогиня, не в силах более сдерживать свой гнев,— но тот, кто его принес, вполне способен такое написать.

Путешественник понял, что не выиграет ничего, если склонит голову перед такой живой и впечатлительной натурой; и он встал во весь свой рост.

— Да,— ответил он.— И этому человеку стыдно за проявленную минутную слабость, и он заявляет Вашему Королевскому Высочеству, что, не одобряя некоторые формулировки этого письма, он по крайней мере разделяет чувства тех, кто его писал.

— Чувства! — повторила герцогиня.— Называйте эти чувства эгоизмом, осторожностью, которая есть не что иное, как...

— Трусость, не правда ли, Мадам? Да, и в самом деле он труслив, этот человек, если все оставил, чтобы разделить участь той, кому он не давал советов! Да, он самый настоящий эгоист, потому что пришел и сказал вам: «Вы хотите правды, Мадам, так вот она! Однако, если Вашему Королевскому Высочеству угодно пойти на бессмысленную и в то же время неминуемую смерть, я пойду вместе с вами!»

Герцогиня немного помолчала, затем уже более мягким голосом произнесла:

— Я ценю вашу преданность, сударь, но вы плохо знаете Вандею, вы получали информацию только от тех, кто противится движению.

— Допустим, что вы правы, предположим, что вся Вандея поднимется на борьбу, соберет батальоны и не будет ни крови, ни жертв, но Вандея не вся Франция!

— После того как вы заявили, что парижане ненавидят лилию и презирают белое знамя, уж не хотите ли вы сказать, что вся Франция разделяет мнение столичных жителей?

— Увы! Мадам, народу Франции не чужда логика. Это мы с вами гоняемся за химерами и мечтаем о союзе между божественным правом и верховной властью народа, хотя эти понятия и несовместимы друг с другом. Божественное право неизбежно приводит к абсолютизму, а Франция не желает неограниченной монархии.

— Абсолютизм! Абсолютизм! Громкие слова, чтобы пугать малышей.

— Нет, это не просто громкие слова. Они наводят ужас. Возможно, мы ближе находимся к цели, чем думаем; однако, Мадам, с сожалением я должен вам признаться в том, что нисколько не верю, что Бог избрал вашего королевского сына для выполнения опасной миссии, заключающейся в том, чтобы надеть намордник на пасть льва, каким является наш народ.

— И почему?

— Потому что именно ему он не доверяет, потому что, увидев его издалека, лев встряхнет своей гривой, выпустит когти и оскалится, и если он позволит подойти поближе, так только для того, чтобы броситься на него. О, Мадам, нельзя без серьезных последствий быть внуком Людовика XIV!

— Так, по-вашему, династия Бурбонов уже не имеет будущего?

— Боже сохрани, Мадам! Такие мысли даже не приходили мне ни разу в голову. Только я думаю, что с революцией так просто не покончить; пусть все идет своим чередом; если же мы будем противиться, это будет равносильно попытке повернуть вспять горный поток и обратить его к своим истокам. Тут уж либо русло переполнится водой,— и в этом случае, зная ваши патриотиче-

ские чувства, Мадам, я вряд ли поверю в то, что вы с этим примиритесь,— либо горные речки высохнут, и тогда ошибки тех, кто захватил власть, будут на руку вашему сыну и принесут ему больше пользы, чем все, что он попытался бы сделать.

— Но, сударь, все это может длиться до скончания века!

— Мадам, Его Величество Генрих V является олицетворением закона, а закон, как и Бог, вечен.

— Итак, по-вашему, я должна оставить всякую надежду, бросить друзей, изъявивших желание поддержать меня, и, не дождавшись дня, когда они возьмут в руки оружие, бежать, передав через постороннего им человека. «Мария-Каролина, за которую вы были готовы драться и отдать жизнь, больше не верит в победу и отступила без боя, Мария-Каролина струсила...» О! Нет, никогда, никогда!

— У ваших друзей, Мадам, не будет морального права вас упрекать, ибо через три дня никто не соберется под вашими знаменами.

— Но разве вам не известно, что сбор назначен на 24-е?

— Ваши друзья получили другой приказ.

— Когда?

— Сегодня.

— Сегодня? — воскликнула герцогиня, сдвинув брови и приподнимаясь в постели.— Откуда исходит этот приказ?

— Из Нанта.

— Кто же его отдал?

— Тот, на кого вы возложили общее руководство.

— Маршал?

— Маршал только выполнил решение Парижского комитета.

— В таком случае,— воскликнула герцогиня,— со мной уже перестали считаться?

— Напротив, Мадам,— воскликнул посланец, встав на одно колено и молитвенно сложив ладони,— вы для нас олицетворяете все на свете! Именно потому мы оберегаем вас и не хотим, чтобы вы тратили силы на заранее обреченное на провал дело, именно потому нас пугает, что поражение не прибавит вам популярности!

— Господи,— взмолилась герцогиня,— если бы у Марии-Терезии были такие же робкие советники, как у меня, ей бы никогда не удалось отвоевать трон для своего сына.

— Напротив, желая, чтобы ваш сын мог претендовать на трон, мы вам говорим: «Уезжайте из Франции, и, вместо того, чтобы стать демоном войны, позвольте нам сделать вас ангелом мира!»

— О! — произнесла герцогиня, прикрыв глаза уже не ладонями, а сжатыми кулаками.— Какой стыд! Какая трусость!

Мэтр Марк продолжал, словно не слышал ее слов или же скорее потому, что решение, которое ему надлежало довести до ее сведения, было окончательным и бесповоротным:

— Нами уже приняты необходимые меры предосторожности, чтобы Мадам могла беспрепятственно покинуть Францию: в бухте Бурнеф вас ждет корабль, и через три часа Ваше Высочество уже сможет подняться на его борт.

— О, благородная земля Вандеи! — воскликнула герцогиня.— Кто бы мог посметь мне сказать раньше, что ты отвергнешь меня и изгонишь, когда я приду к тебе от имени Бога и твоего короля! А я-то неблагодарным и неверным считала лишь Париж, потерявший всякую совесть; но ты, к кому я пришла требовать обратно трон, ты отказываешь мне на той земле, где бы я могла найти вечный покой? О, нет! Никогда бы я этому раньше не поверила!

— Мадам, вы уедете, не так ли? — спросил посланец, по-прежнему стоя на одном колене со сложенными молитвенно руками.

— Да, я уеду,— сказала герцогиня,— да, я покину Францию; только учтите, больше я не вернусь, ибо мне не хотелось бы возвращаться с иностранцами. Они только и ждут подходящего случая, чтобы объединиться для борьбы против Филиппа; вы не хуже меня это знаете; и когда придет их час, они обратят свои взоры на моего сына и не потому, что их больше волнует его будущее, чем судьба Людовика XVI в 1792 году и Людовика XVIII в 1813 году, просто они пожелают посредством его влиять на политику Франции. Нет, они не получат моего

сына; нет, ни за что на свете они его не получат! Скорее я увезу его в горы Калабра. Видите ли, сударь, если вопрос будет поставлен так, что он получит трон Франции, если уступит какую-нибудь провинцию, город, крепость, дом или хижину, вроде той, в которой я сейчас нахожусь, даю вам слово матери и регентши, ему не бывать королем! Мне больше вам нечего сказать. Отправляйтесь обратно и передайте мои слова тем, кто вас послал.

Мэтр Марк поднялся с колен и низко поклонился герцогине, ожидая, что на прощание она протянет ему руку, как это было при встрече; однако теперь в ее облике не было ничего от бывлой приветливости, ее брови были нахмурены, а руки были сжаты в кулаки.

— Да хранит вас Бог, Ваше Высочество! — сказал посланец, понимая, что дольше задерживаться здесь уже нет смысла и что, пока он не уйдет, на ее лице не дрогнет ни один мускул.

Он не ошибался; как только за ним закрылась дверь, Мадам, словно подкошенная, упала на подушки и, плача, сквозь слезы повторила:

— О! Бонвиль! Мой бедный Бонвиль!

XX

В КОТОРОЙ МАЛЫШ ПЬЕР РЕШАЕТ ПРИМИРИТЬСЯ С НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ

Стремясь еще до сумерек возвратиться в Нант, путешественник сразу же после окончания разговора покинул ферму Банлевр.

Через несколько минут после его отъезда Малыш Пьер оделся в крестьянскую одежду и, несмотря на ранний час, спустился из своей комнаты в горницу.

Это была просторная комната с серыми покрытыми штукатуркой стенами в трещинах и почерневшими от дыма потолочными балками, где стоял огромный шкаф из полированного дуба, в темноте поблескивавший металлическими ручками и запорами на темно-коричневом фоне немногочисленной мебели: двух стоявших рядом кроватей, под пологом из зеленоватой саржи, двух глиняных кувшинов и часов в высоком футляре из

резного дерева, нарушавших своим бьом гробовую тишину ночи.

Камин был высокий и широкий; его колпак был обтянут такой же тканью, что и полог, но темно-коричневого цвета вместо золотисто-зеленого.

Так же как и потолочные балки, камин украшали обычные для того времени предметы: фигурка из воска на подставке, изображавшая Младенца Иисуса, две фарфоровые вазы с искусственными цветами, накрытыми муслином, чтобы их не засиживали мухи, двуствольное ружье и освященная веточка самшита.

От хлева комнату отделяла только дощатая перегородка, в которой были проделаны отверстия, куда, как в кормушки, коровы просовывали морды за едой.

Когда Малыш Пьер открыл дверь, гревшийся у огня мужчина учтиво поднялся, чтобы уступить ему место у очага.

Однако Малыш Пьер сделал знак рукой, чтобы он не беспокоился, и подвинул в угол предложенный ему стул.

Взяв табуретку, он присел по другую сторону от огня напротив находившегося в комнате человека, который был не кто иной, как Жан Уллье.

Затем, положив подбородок на согнутые в локтях руки, упирающиеся в колени, задумался, в то время как все его тело вздрагивало в такт выбиваемой ногой по полу дробы, что свидетельствовало о том, что Малыш Пьер находился во власти самых противоречивых мыслей.

Жана Уллье также одолели свои дела и заботы, и он, не будучи склонным к разговорам, хранил мрачное молчание; он машинально вертел в пальцах трубку, которую вынул изо рта, когда Малыш Пьер вошел в комнату, и его размышления прерывались лишь горькими вздохами, похожими на ругательства, или же когда ему приходилось поправлять дрова в камине.

Первым нарушил молчание Малыш Пьер:

— Мой друг, разве вы не курили, когда я вошел? — спросил он.

— Да,— лаконично ответил Жан Уллье с почтением в голосе.

— А почему вы больше не курите?

— Боюсь причинить вам неудобство.

— Ба! А разве мы, мой друг, находимся не на привале или где-то вроде того похожем на него? К тому же мне хочется, чтобы вы ни в чем себя не стесняли; тем более, что, к несчастью, это наш последний бивуак.

Несмотря на скрытый подтекст услышанных слов, Жан Улле не посмел переспросить Малыша Пьера. С необыкновенным тактом, присущим вандейским крестьянам, не подавая и виду, что он знал, кем был на самом деле Малыш Пьер, он не воспользовался полученным разрешением и поостерегся задавать дерзкий, по его мнению, вопрос.

Хотя Малыш Пьер и был полностью поглощен своими заботами, он все же заметил, как нахмурился лоб крестьянина.

И снова нарушил молчание.

— Что с вами, мой дорогой Жан Улле,— спросил он,— и откуда столь мрачный вид, тогда как мне показалось, что, напротив, вы должны быть довольны?

— А чему радоваться? — спросил старый егерь.

— Хотя бы тому, что такой верный слуга, как вы, всегда рад счастью своих хозяев, а последние двадцать четыре часа у нашей амазонки настолько довольный вид, что ее радость должна была бы отразиться и на вашем лице.

— Дай Бог, чтобы эта радость подольше продлилась! — произнес с сомнением в голосе Жан Улле, подняв глаза к небу.

— Как, мой дорогой Жан! Вы что-то имеете против браков по любви? А я их так обожаю, что всю свою жизнь только бы их и устраивала.

— Я не имею ничего против брака как такового,— ответил Жан Улле,— только я против такого мужа.

— И почему?

Жан Улле замолчал.

— Говорите,— настаивал Малыш Пьер.

Вандеец отрицательно покачал головой.

— Прошу вас, мой дорогой Жан, мне нравятся обе ваши дочери,— ибо мне известно, что вы их считаете своими детьми,— не таитесь от меня. Хотя я и не папа Римский, но мне дано право,— и вы это знаете,— соединять и расторгать брачные союзы.

— Я знаю, что вы многое можете,

— Тогда признайтесь, почему вы не одобряете этот брак?

— Потому что имя, которое будет носить будущая жена господина Мишеля де ла Ложери, покрыто несмыслимым позором, и вовсе не стоит менять на него одно из самых знатных имен в стране.

— Увы! Мой храбрый Жан,— продолжал с грустной улыбкой Малыш Пьер.— Вы, очевидно, не знаете о том, что прошли времена, когда дети отвечали за ошибки своих отцов.

— Да, я этого не знал,— сказал Жан Уллье.

— А теперь, когда мы отвечаем сами за себя,— продолжал Малыш Пьер,— мы, похоже, взвалили на себя непосильный груз! Сколько людей покинули наши ряды, чьи имена просто обязывали быть вместе с нами! Напротив, надо быть признательным тем, кто, вопреки примеру отцов и своему положению в обществе, отбросив честолюбивые планы, продолжает следовать в несчастье рыцарским представлениям о чести.

Жан Уллье поднял голову и с ненавистью, которую он даже и не попытался скрыть, начал:

— Но вы, возможно, не знаете...

Малыш Пьер прервал его.

— Напротив,— произнес он,— я знаю, в чем вы обвиняете Ложери-старшего. Но мне также известно, чем я обязана его сыну, получившему из-за меня рану, которая еще продолжает кровоточить. Что до преступления, совершенного его отцом,— если его отец действительно виновен, что известно одному только Господу Богу,— не искупил ли он его своей трагической гибелью?

— Да,— ответил Жан Уллье, невольно опуская голову,— вы правы.

— Неужели вы отважитесь оспаривать решение Божьего суда? Неужели вы смеее думать, что тот, перед кем он предстал бледный и окровавленный после неожиданной и трагической гибели, отказал ему в своем милосердии? И почему, когда, возможно, сам Бог удовлетворен возмездием, вы считаете себя вправе судить его строже, чем на небесах?

Жан Уллье слушал, не перебивая.

И несмотря на то, что слова Малыша Пьера задевали его религиозные чувства и подрывали уверенность в виновности барона Мишеля, но им все же не удалось вырвать ненависть из его сердца.

— Господин Мишель,— продолжал Малыш Пьер,— славный и храбрый молодой человек, добрый и скромный, простой и преданный; а то, что он богат, так это только пойдет на пользу; я считаю, что ваша хозяйка с ее напористым характером, независимостью суждений не найдет себе лучшего мужа; я уверен, что она с ним будет счастлива. Мой бедный Жан, не надо гневить Бога. Забудем прошлое,— добавил со вздохом Малыш Пьер.— Увы! Если мы будем все время копать в прошлом, мы не сможем любить в настоящем.

Жан Улье покачал головой.

— Господин Малыш Пьер,— произнес он,— как истинный христианин вы произнесли замечательные слова, однако есть вещи, о которых нельзя забывать. К несчастью, таково мое отношение к отцу господина Мишеля.

— Жан, я не выпрашиваю у вас секретов,— ответил торжественным тоном Малыш Пьер,— но как я вам уже сказал, молодой барон пролил за меня кровь; он был моим проводником, он предоставил мне убежище в этом доме, который ему принадлежит; и к нему я испытываю больше, чем чувство признательности, и мне горько сознавать, что нет единства среди моих друзей. Итак, мой дорогой Жан Улье, зная, как вы мне преданы, я прошу вас если не отказаться от своих воспоминаний,— так как вы считаете, что нельзя по своей воле забыть то, что уже произошло,— по крайней мере относиться к нему с терпимостью до той поры, пока уверенность в том, что сын человека, который был вашим врагом, составил счастье выросшей на ваших глазах девушки, не вытеснит из вашей души всю скопившуюся в ней ненависть.

— Пусть счастье придет, откуда пожелает Бог, и я ему за это вознесу молитву; однако я не думаю, что оно войдет в замок Судэ вместе с господином Мишелем.

— А почему, скажи-ка на милость, мой храбрый Жан?

— Потому что, господин Малыш Пьер, с каждым днем я все больше и больше сомневаюсь в чувствах господина Мишеля к мадемуазель Берте.

Малыш Пьер в раздражении пожал плечами.

— Позвольте мне, мой дорогой Жан Уллье,— сказал он,— усомниться в вашей осведомленности в любовных делах.

— Возможно,— парировал старый вандеец,— но если союз с мадемуазель Бертой является для молодого человека самым большим счастьем, о котором только можно мечтать, скажите тогда, почему ваш протеже поспешил исчезнуть с фермы и где-то бродил всю ночь, как помещанный?

— Он бродил ночью потому,— ответил Малыш Пьер,— что от счастья не мог усидеть на месте, ну, а уехал с фермы, чтобы выполнить, по всей вероятности, одно из поручений, связанных с нашим делом.

— Надеюсь, что все так и есть; я вовсе не из тех людей, кто думает только о себе и, несмотря на то, что я уже принял решение покинуть замок в тот день, когда сын барона переступит через его порог, я буду денно и нощно молиться о том, чтобы мое дитя обрело с ним счастье, и одновременно следить за этим человеком и постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы мои предчувствия не оправдались, и, вместо обещанного счастья, он бы не принес моей девочке одно лишь горе.

— Спасибо, Жан Уллье! Итак, я могу рассчитывать на то, что вы не будете больше выступать против моего юного протеже? Вы мне обещаете?

— До поры до времени, пока у меня не будет в руках веских доказательств, я спрячу подальше и мою ненависть и мое недоверие; это все, что я могу вам обещать; но не просите меня ни любить его, ни уважать.

— Непримириемое племя! — произнес вполголоса Малыш Пьер.— Вот откуда идут его сила и величие.

— Да,— ответил Жан Уллье на реплику Малыша Пьера, произнесенную достаточно громко, чтобы ее услышал старый вандеец,— любить так любить, ненавидеть так ненавидеть, третьего не дано; но скажите, господин Малыш Пьер, именно это вам пришлось не по вкусу?

И он пристально посмотрел на молодого человека, словно бросая вызов.

— Нет,— ответил Малыш Пьер,— я не могу сказать, что мне это пришлось не по вкусу; тем более что, пожа-

луй, это все, что унаследовал Генрих V от четырнадцативековой монархии, однако, похоже, этого мало.

— Кто так сказал? — произнес с угрозой в голосе вандеец, поднимаясь с места.

— Вы скоро узнаете. Жан Улье, мы только что говорили о ваших делах, и я об этом не жалею, ибо наш разговор ненадолго отвлек меня от грустных мыслей. Ну а теперь настало время заняться моими делами. Какой час?

— Половина пятого.

— Разбудите ваших друзей; политика не повлияла на их сон, чего нельзя сказать обо мне, ибо моя политика — это материнская любовь. Идите, мой друг!

Жан Улье вышел. Низко опустив голову, Малыш Пьер несколько раз прошелся по комнате; от нетерпения топнув ногой, он заломил в отчаянии руки и, когда подошел к камину, внезапно почувствовал, как сжалась грудь и по щекам скатились две крупные слезы. И он упал на колени. Сложив в молитве руки, он обратился к Богу, вершившему судьбами королей на земле, с просьбой пояснить его распоряжения и придать ему необходимой силы, чтобы не остановиться на полпути и продолжить борьбу или же смириться со своим несчастьем.

XXI

КАК ЖАН УЛЬЕ ДОКАЗАЛ, ЧТО ЕСЛИ УЖ ВЗЯЛСЯ ЗА ГУЖ, НЕ ГОВОРИ, ЧТО НЕ ДЮЖ

Через несколько секунд маркиз де Судэ, Гаспар и Луи Рено вошли в комнату.

Застав Малыша Пьера за молитвой, они застыли на пороге, а маркиз де Судэ, посчитав, что как в доброе старое время надо песней приветствовать богиню, почтительно поклонился.

Однако Малыш Пьер услышал, что дверь открылась; он поднялся с колен и, обращаясь к вошедшим, сказал:

— Входите, господа, и простите, что прервал ваш сон, но я должен вам сообщить важную новость.

— Это нам следует просить прощения у Вашего Высочества за то, что, вместо того, чтобы предупредить ваше

желание, мы спали, когда вам понадобились,— произнес Луи Рено.

— Мой друг, сейчас не время обмениваться любезностями,— прервал его Малыш Пьер,— будучи принадлежностью королевской власти в зените славы, они не уместны, когда эта власть попирается во второй раз.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мои дорогие и верные друзья,— продолжал Малыш Пьер, повернувшись спиной к камину, в то время как вандейцы стояли перед ним полукругом,— я хочу вам сообщить, что вызвал вас потому, что возвращаю ваше слово и прощаюсь с вами.

— Вы возвращаете взятое нами слово! Вы прощаетесь с нами! — воскликнули в один голос удивленные сторонники Малыша Пьера.— Ваше Высочество собирается нас покинуть?

Затем, переглянувшись, сказали:

— Но это невозможно!

— И между тем так надо.

— Но почему?

— Потому что мне так посоветовали; более того, меня попросили так поступить.

— Но кто?

— Люди, в чьей верности, преданности, уме и честности мне не приходится сомневаться.

— Но почему?

— Мне сказали, что даже здесь, в Вандее, роялистское движение обречено на провал; и белый стяг теперь не значит больше, чем простой лоскут, который не нужен Франции. И во всем Париже от силы отыщется немногим более тысячи человек, которые за несколько экю согласятся устроить на улице беспорядки от нашего имени; и у нас нет сторонников ни в армии, ни в высших правительственных кругах; население Бокажа не подымется, как один, во второй раз защищать права Генриха V!

— Но скажите,— прервал Малыша Пьер благородный вандеец, сменивший на Гаспара свое знатное имя еще во времена первой войны, который не смог более сдерживаться, слыша такие слова,— у кого это сложилось подобное мнение? Кто с такой уверенностью говорит от имени всей Вандеи? Кто смог измерить

нашу преданность, чтобы сказать: «Они дойдут сюда, но не дальше».

— Несколько роялистских комитетов, которые я не могу вам назвать, но с чьим мнением нам приходится считаться.

— Роялистские комитеты! — воскликнул маркиз де Судэ.— Ах, черт возьми! Мне это уже знакомо, и, если Мадам захочет нам поверить, мы сделаем с ними то же, что сделал в свое время покойный маркиз де Шаретт.

— И как же он поступил, мой храбрый Судэ? — спросил Малыш Пьер.

— К несчастью,— ответил невозмутимо маркиз,— уважение к Вашему Королевскому Высочеству не позволяет мне сказать больше.

Малыш Пьер не смог сдержать улыбки.

— Да, мой бедный маркиз,— сказал он,— но старые добрые времена канули в вечность; господин де Шаретт среди своих сторонников был непререкаемым авторитетом, а регентша Мария-Каролина навсегда обречена на правление в рамках конституционной монархии. Наше движение сможет добиться положительного результата при условии, если в рядах его сторонников будет согласие; итак, я вас спрашиваю, есть ли у нас такое согласие, когда накануне боя генералу сообщают о том, что три четверти его войска, на которое он рассчитывал, не готово и не будет участвовать в сражении?

— Неважно! — воскликнул маркиз де Судэ.— Чем меньше нас будет, тем больше славы нам достанется.

— Мадам,— почтительно обратился к Малышу Пьеру Гаспар,— мы были у вас и говорили с вами еще тогда, когда вы, возможно, и не собирались возвращаться во Францию: «Люди, свергнувшие короля Карла X, отстранены новым правительством и не имеют никакой власти; состав кабинета министров таков, что вам не надо его менять; оставшееся с прежних времен духовенство использует все свое влияние, чтобы восстановить в правах монархию милостью Божьей, судебные органы все еще состоят из людей, обязанных своей карьерой Реставрации; армия, самая законопослушная часть общества, находится под началом командующего, который провозгласил, что в политике нельзя придерживаться одного приоритета; что до народа, то после объявленного

суверенитета 1830 года он попал в зависимость самой нелепой и абсурдной из всех аристократий...— И мы добавили.— Возвращайтесь! Ваше прибытие во Францию поистине можно было бы сравнить с возвращением Наполеона с острова Эльба; население поспешит вам навстречу, чтобы приветствовать потомка наших королей, которого ждет вся страна!» И вот, Мадам, поверив нашим словам, вы прибыли во Францию; а когда вы появились среди нас, мы поднялись на борьбу. И сейчас я считаю губительным для нашего общего дела и позорным для всех нас ваше решение отступить, которое поставит под сомнение ваше политическое чутье и нашу собственную дееспособность.

— Да,— произнес Малыш Пьер, по иронии судьбы вынужденный защищать решение, разбившее его сердце,— да, все, что вы мне только что сказали, верно; да, вы мне все так и обещали; но, мои храбрые друзья, здесь нет ни вашей, ни моей ошибки, если горстка безумцев строила воздушные замки, не учитывая реальной действительности; и только история расставит все по своим местам и покажет, что в тот день, когда меня обвинили в том, что я была плохой матерью — а именно это мне и сказали,— я ответила так, как должна была ответить: «Я готова принести себя в жертву!» История докажет правоту моих слов, и чем меньше шансов на успех будет иметь мое дело в ваших глазах, тем с меньшей преданностью вы мне будете служить; однако для меня вопрос чести состоит в том, чтобы без особой необходимости не ставить вашу преданность под сомнение. Друзья мои, чтобы не быть голословными, давайте произведем некоторые подсчеты. Сколько человек соберутся, по вашему мнению, под нашими знаменами?

— Десять тысяч человек по первому сигналу.

— Увы! — сказал Малыш Пьер.— Хотя и много, но явно недостаточно: кроме национальной гвардии, у короля Луи-Филиппа под ружьем находятся четыреста семьдесят тысяч солдат!

— Но среди них будут отказники, вышедшие в отставку офицеры,— возразил маркиз.

— Хорошо,— продолжал Малыш Пьер, повернувшись к Гаспару,— я вручаю вам мою судьбу, а также судьбу моего сына. Вам только нужно, не покрывив душой и не поступившись совестью благородного человека, убедить

меня в том, что на десять «против» мы можем противопоставить два наших «за», и тогда я не стану настаивать, чтобы вы сложили оружие, и я останусь, чтобы подвергнуться тем же опасностям, что и вы, и разделить вашу судьбу.

На этот призыв, обращенный не к чувствам, а к убеждениям, Гаспар склонил голову и не произнес ни слова в ответ.

— Вот видите,— продолжал Малыш Пьер,— ваш разум не согласился с доводами сердца; и было бы настоящим преступлением воспользоваться таким рыцарским отношением, которое противоречит здравому смыслу. Не будем обсуждать уже принятое решение, возможно, оно самое разумное; помолимся Богу, чтобы он помог мне поскорее вернуться к вам в лучшее время и при более благоприятных обстоятельствах, и не будем думать ни о чем другом, кроме отъезда.

Несомненно благородные господа согласились с таким решением, хотя оно отнюдь не соответствовало их душевному настрою; а так как они поняли, что герцогиню уже не переубедить, они лишь молча отвернулись, чтобы она не увидела слезы на их щеках.

Один только маркиз де Судэ мерил комнату шагами в нетерпении, которое даже и не пытался скрывать.

— Да,— продолжил после короткого молчания с горечью в голосе Малыш Пьер,— да, одни сказали, как Пилат: «Я умываю руки»,— и мое сердце, не пасующее перед опасностями, не отступающее даже перед угрозой смерти, дрогнуло, ибо оно не могло хладнокровно взять на себя ответственность за провал дела и напрасно пролитую кровь, которую уже мне заранее приписывают, другие же...

— Никогда не станет напрасной пролитая за веру кровь! — прозвучал чей-то голос сбоку от камина.— Это слова Господа Бога, и тот, кто их произносит, не боится, несмотря на свое низкое положение в обществе, их повторить после самого Господа Бога: всякий человек, отдавший за веру жизнь, приравнивается к лику святых, а земля, принявшая его тело, становится только плодороднее.

— Кто это сказал? — спросил Малыш Пьер, при-

поднявшись на цыпочках, чтобы рассмотреть говорившего.

— Я,— коротко ответил Жан Уллье, встав со своего табурета и войдя в круг знатных людей.

— Ты, мой храбрец? — воскликнул Малыш Пьер, радуясь подкреплению в тот момент, когда ему уже начало казаться, что он остался совсем один.— И ты не согласен с господами из Парижа? Подойди поближе и выскажи свое мнение. В наше время Жак Боном был бы допущен даже на королевский совет.

— Мне так не хочется, чтобы вы уезжали из Франции,— продолжил Жан Уллье,— что, будь я на месте этих знатных господ, я бы уже закрыл дверь и преградил бы вам путь со словами: «Вы никуда отсюда не выйдете!»

— А какие доводы ты можешь привести, чтобы переубедить меня? Говори скорее, Жан!

— Мои доводы? Вы — наше знамя, и пока солдат не сражен в бою, даже если из всего войска, кроме него, никого не осталось в живых, он должен высоко держать его над головой до тех пор, пока смерть не вырвет из рук.

— Продолжай, Жан Уллье, продолжай! Говори! У тебя складно получается.

— Мои доводы? Вы — первая королевская особа, вставшая в ряды тех, кто сражается за нее, и было бы ошибкой с вашей стороны оставить своих сторонников, не обнажив даже шпаги.

— Не останавливайся, Жак Боном, говори! — произнес Малыш Пьер, потирая руки.

— Мои доводы, наконец,— продолжал Жан Уллье,— ваш отъезд накануне сражения похож на бегство, а мы не позволим вам бежать.

— Но,— прервал его на полуслове Луи Рено, испугавшись того внимания, с каким Малыш Пьер слушал Жана Уллье,— но отказники, о которых нам только что сообщили, сведут на нет все наши усилия; наше предприятие будет выглядеть выступлением безумцев.

— Нет, нет, этот человек прав! — воскликнул Гаспар, который скрепя сердце согласился с доводами Малыша Пьера.— Любой безумный шаг лучше забвения, на которое мы себя обречем; упоминание об отчаянии людей,

отважившихся на этот шаг, займет подобающее себе место в истории, и настанет день, когда народ забудет все, кроме мужества тех, кто повел его за собой; и если даже потерпят поражение, то все же останутся в памяти людей. Кто бы сейчас вспоминал о Шарле-Эдуарде, если бы не было отчаянных боев при Престон-Пан и Кулодене? О, Мадам, должен вам признаться, мне бы очень хотелось поступить так, как советует нам этот отважный крестьянин.

— И вы, господин граф, будете тысячу раз правы,— продолжил Жан Улле уверенным тоном, доказывавшим лишний раз, что он много раздумывал над вопросами, которые, казалось, были выше его понимания,— вы будете правы еще и потому, что главная цель, ради которой Ее Королевское Высочество хочет принести в жертву будущее монархии, судьба которой находится в ее руках, не будет достигнута.

— Как это так? — спросил Малыш Пьер.

— Не успеет Мадам уехать, как сразу же правительство узнает о том, что она покинула страну, и тут же начнутся гонения, и тем яростнее они обрушатся на нас, чем скорее мы распишемся в своем собственном бессилии. Господа, вы богаты, и вы еще сможете спастись бегством. Вас поджидают корабли, стоящие на якорях в устье Луары и Шаранта. Вам, знатные господа, все будут рады; но мы, бедные крестьяне, словно овцы, привязаны к земле, которая нас кормит, и скорее выберем смерть, чем разлуку с родиной.

— И как ты поступишь, мой храбрый Улле?

— Господин Малыш Пьер, мое решение таково,— ответил вандеец,— взялся за гуж — не говори, что не дюж. Раз мы взяли в руки оружие, надо драться и не терять времени на подсчеты, сколько нас будет под ружьем.

— Так будем драться! — с подъемом воскликнул Малыш Пьер.— Устами народа говорит сам Бог! Я верю словам Жана Улле.

— Будем драться! — повторил маркиз.

— Будем драться! — сказал Луи Рено.

— Хорошо, а на какой день,— спросил Малыш Пьер,— мы назначим наше выступление?

— Но,— заметил Гаспар,— разве не было принято решение выступить 24-го?

— Да, но эти господа сообщили об отмене приказа.

— Какие господа?

— Господа из Парижа.

— И вас не предупредив? — воскликнул маркиз.— Известно ли вам, что на войне расстреливают за меньший проступок?

— Я простил их,— произнес Малыш Пьер, вытянув руку вперед.— Впрочем, эти господа никогда не служили в армии.

— О! Отмена выступления — огромное несчастье! — произнес вполголоса Гаспар.— И если бы я знал..

— И что же? — спросил Малыш Пьер.

— Возможно, я пришел бы к тому же мнению, что и крестьянин.

— Ба! — произнес Малыш Пьер.— Мой дорогой Гаспар, вы же слышали: взялся за гуж — не говори, что не дюж! Если вино налито, надо его выпить! Так выпьем его с музыкой, господа! Возможно, такое же вино пил Бомануар во время битвы при Транте. Маркиз де Судэ, постарайтесь найти перо, чернила и бумагу в доме, куда привел меня ваш будущий зять.

Маркиз поспешил выполнить просьбу Малыша Пьера; однако прежде, чем начать рыться в ящиках комода и шкафа, переверачивая груды белья, он не смог удержаться, чтобы не пожать руку Жана Уллье и не сказать ему:

— Известно ли тебе, храбрый человек, что ты произнес золотые слова и никогда еще победный звук твоего рога не радовал мое сердце так, как твой сигнал «По коням!», который ты только что нам протрубил?

Найдя письменные принадлежности, маркиз поспешил их отнести Малышу Пьеру.

Малыш Пьер окунул кончик пера в чернила и размашистым твердым почерком написал следующие слова:

«Мой дорогой генерал!

Я решил не уезжать!

Прошу вас прибыть ко мне.

Я остаюсь, приняв во внимание тот факт, что своим приездом поставил под угрозу жизнь многих моих вер-

ных сторонников, и я бы проявил малодушие, если бы их покинул при сложившихся обстоятельствах. Кроме того, я не теряю надежды, что, несмотря на злосчастную отмену приказа о выступлении, мы с Божьей помощью одержим победу.

Прощайте, господин генерал, не подавайте прошение об отставке так же, как и я.

Малыш Пьер».

— А теперь,— продолжил Малыш Пьер, складывая письмо,— на какой день мы назначим выступление?

— На четверг 31 мая,— предложил маркиз де Судэ, рассудив, что самое лучшее — не откладывать дело в долгий ящик,— если, конечно, эта дата вас устроит.

— Нет, нет,— произнес Гаспар,— простите, господин маркиз, но, по-моему, нам лучше всего подходит ночь с воскресенья на понедельник 4 июня. В воскресенье после мессы крестьяне обычно долго не расходятся по домам с церковной паперти, и их командирам не составит труда, не вызывая подозрений, сообщить приказ о начале боевых действий.

— Мой друг, вам настолько хорошо известны местные обычаи,— сказал Малыш Пьер,— что я не могу не считаться с вашим мнением. Согласен на выступление в ночь с 3 на 4 июня.

И тут же написал приказ:

«Принимая решение не покидать западные провинции и полагая, что они, как и прежде, будут мне верны, я рассчитываю, что вы примете необходимые меры, чтобы все подготовить к вооруженному выступлению в ночь с 3 на 4 июня.

Я призываю к себе всех людей доброй воли. Да поможет нам Бог спасти нашу родину; меня не пугает ни опасность, ни усталость; и я выйду к вам на первое построение».

На этот раз Малыш Пьер подписался: *«Регентша Франции Мария-Каролина».*

— Ну вот, жребий брошен! — воскликнул Малыш Пьер.— И нам остается только победить или умереть!

— А теперь,— вторил ему маркиз,— если 4 июня хоть двадцать раз отменят приказ о выступлении, я все равно

распоряжусь ударить в набат, и честное слово... после нас хоть потоп!

— Да, но есть одно «но»,— сказал Малыш Пьер, указав на свой приказ,— необходимо немедленно и по надежным каналам довести его до сведения всего командного состава, чтобы нейтрализовать пагубные последствия предписаний, исходящих из Нанта.

— Увы! — произнес Гаспар.— Видно, на то воля Божья, чтобы об отмене приказа узнали так же быстро, как мы хотим, чтобы всем стало известно о нашем последнем распоряжении! Надо, чтобы о нем своевременно известили наших людей и был приостановлен первый приказ, дабы сохранить все силы для выполнения второго! Я только опасаюсь одного, как бы наши сторонники не стали жертвой своей храбрости и отсутствия информации.

— Именно потому, господа, нельзя терять ни минуты,— произнес Малыш Пьер,— и необходимо поработать ногами, пока наши руки не при деле. Гаспар, возьмите на себя оповещение командного состава в верхней и нижней Пуату. Господин маркиз де Судэ займется тем же в провинциях Рец и Мож. А вы, мой дорогой Луи Рено, сообщите о моем приказе бретонцам. Ах! Но кто же возьмется за доставку маршалу моей депеши? Он сейчас в Нанте, а ваши лица, господа, там уже слишком примелькались, чтобы я мог рассчитывать на вашу помощь.

— Я,— произнесла, вставая, Берта, которая сидела вместе с сестрой в дальнем углу комнаты и оттуда слышала весь разговор,— разве это не входит в мои обязанности адъютанта?

— Да, конечно, но, мое дорогое дитя,— ответил Малыш Пьер,— ваш костюм, хотя я и нахожу его прелестным, может не понравиться господам из Нанта.

— Мадам, если моей сестре нельзя выехать в Нант,— произнесла, выступая вперед Мари,— то, если вы позволите, в Нант отправлюсь я, переодевшись в крестьянскую одежду, оставляя первого адъютанта в распоряжении Вашего Королевского Высочества.

Берта было хотела протестовать, но Малыш Пьер, наклонившись к ее уху, тихо произнес:

— Останьтесь, моя дорогая Берта! Мы поговорим с вами о господине бароне Мишеле и обсудим вместе планы на будущее, и он, я уверен, не будет возражать.

Берта покраснела, опустила в смущении голову, в то время как ее сестра взяла письмо, предназначенное маршалу.

XXII

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК И ПОЧЕМУ БАРОН МИШЕЛЬ ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ ОТПРАВИТЬСЯ В НАНТ

Мы уже вскользь упомянули о том, что Мишель ушел с фермы Банлевр, но, как нам кажется, недостаточно раскрыли причины и обстоятельства, объясняющие его внезапный уход.

Впервые в жизни Мишель покривил душой.

Еще не придя в себя от шока, в который его повергли слова Малыша Пьера, увидев после неожиданного заявления Мари, как рушатся его надежды, которые он в тайне лелеял, когда находился на чердаке мэтра Жака, Мишель почувствовал, как из-под его ног уходит земля.

Он понял, что любовь Берты, которую та и не собиралась скрывать, воздвигла между ним и Мари стену, ставшую для него большим препятствием, чем неприязнь к нему самой Мари. Он упрекнул себя в том, что своим молчанием и глупой робостью дал Берте повод надеяться на взаимность; однако, сколько молодой человек себя ни корил, он не мог найти в себе достаточно душевных сил, чтобы разом разрубить этот узел и покончить с недоумением, мешавшим найти взаимность у той, без которой он не представлял дальнейшей жизни. Сколько ни старался, он не мог решиться на то, чтобы честно и прямо объясниться, ибо в душе считал невозможным бросить в лицо прекрасной девушке, которая всего несколько часов назад, возможно, спасла ему жизнь: «Мадемуазель, я люблю другую».

Итак, хотя за один и тот же вечер ему не раз представлялась возможность открыть свое сердце Берте,— которая была весьма обеспокоена его раной, и, вызвав-

шись ее перевязать, даже не охнула при виде ее,— Мишель не проронил ни слова, и ситуация с каждой минутой запутывалась все больше и больше.

Он хотел было поговорить с Мари, но, как только приближался к ней, она с таким же упорством, с каким он искал ее общества, отходила от него в сторону. В конце концов Мишель отказался от мысли найти в ней посредника, на что он какое-то время рассчитывал.

Впрочем, в его ушах непрестанно звенели похоронным звоном ее роковые слова: «Я вас не люблю!»

Он воспользовался случаем, когда никто, даже Берта, не смотрел в его сторону, и вышел, а вернее, убежал, в свою комнату.

Упав на соломенный тюфяк, взбитый для него боснонежными руками Берты, почувствовал, как его голова все больше и больше раскалялась, а сердце просто рвалось из груди. Вскоре он поднялся и приложил к своему полыхавшему жаром лбу смоченное в холодной воде полотенце. Поддерживая его руками, чтобы хоть немного охладить голову, Мишель решил воспользоваться тем, что не мог заснуть, чтобы придумать какой-нибудь выход из создавшегося положения.

После часа раздумий ему вдруг показалось, что к нему пришла удачная мысль.

Как известно, то, что нельзя высказать вслух, можно написать на бумаге, и Мишель решил, что такой прием особенно подходит для его застенчивого характера.

Однако для получения желаемого результата нельзя присутствовать при чтении письма, которое открыло бы Берте сердечную тайну молодого человека.

Застенчивые люди не только сами не любят краснеть, но и предпочитают не вводить в краску других.

После долгих раздумий Мишель решил уехать, но совсем ненадолго, ибо рассчитывал, что, как только прояснится обстановка и будет освобожден путь, ведущий к сердцу Мари, ему уже ничто не сможет помешать занять место рядом с той, кого он любил.

С чего бы маркизу де Судэ, согласившемуся отдать ему в жены Берту, отказать ему в руке Мари, если он узнает, что протееже Малыша Пьера любит не Берту, а Мари?

Мишель не видел причины для отказа.

Окрыленный столь радужной перспективой, молодой человек небрежно отбросил в сторону полотенце, которому, возможно, был обязан — благодаря обретенным спокойствию и ясности мысли — такому удачному решению, которое незамедлительно претворит в жизнь, он вышел во двор и стал открывать ворота.

Когда он снял и положил вдоль стены первую перекладину и уже было взялся за вторую, то увидел, как справа от ворот под навесом зашевелился большой сноп соломы, из которого вылез Жан Улле.

— Черт возьми! — воскликнул Жан Улле самым ворчливым тоном. — Что-то вам не спится, господин Мишель!

И в самом деле, не успел он произнести эти слова, как на церковных часах в соседней деревне пробило два часа ночи.

— Что вы собираетесь делать? — продолжил Жан Улле. — Вы должны отнести какое-нибудь послание?

— Нет, — ответил молодой барон, и ему показалось, что вандеец видит все, что происходит в его душе, — нет, у меня очень болит голова, и я подумал, что ночная прохлада пойдет мне на пользу.

— Дело ваше... Но хочу вас предупредить, что у нас везде расставлены часовые и, если вы не знаете пароль, с вами может случиться беда.

— Со мной?

— Черт возьми, конечно, с вами, с кем же еще: вы же понимаете, что в десяти шагах не видно, что вы хозяин этого дома.

— Но вы, господин Жан, вы же знаете этот пароль?

— Несомненно.

— Так скажите его мне.

Жан Улле отрицательно качнул головой.

— Вам может помочь только маркиз де Судэ. Пойдите к нему и скажите, что хотите выйти из дома, но это невозможно сделать без пароля, и он вам его сообщит... если сочтет нужным.

Мишель вовсе не собирался воспользоваться таким советом, и так и застыл, держа руку на второй перекладине, служившей засовом на воротах.

Ну, а Жан Улле снова зарылся в солому.

В растерянности Мишель присел на перевернутое корыто, стоявшее вместо скамьи у внутренних ворот.

Здесь он мог сколько угодно предаваться размышлениям, ибо Мишелю показалось, что, хотя солома не шевелилась, в самой ее плотной части было отверстие и в нем, похоже, блестел глаз Жана Улле.

И у него не было надежды ускользнуть от этого всевидящего ока.

Как мы уже сказали, Мишелю, на его счастье, везло на удачные мысли.

Ему надо было придумать какой-то благовидный предлог, чтобы уехать из Банлевра.

Мишель все еще раздумывал, когда на горизонте забрезжил рассвет и первые лучи солнца позолотили соломенную крышу дома, а стекла его узких окон засветились матовым светом.

Мало-помалу вокруг Мишеля начало просыпаться все живое: послышался рев быков, требовавших корм; в ожидании выгона на пастбище заблеяли овцы, высовывавшие свои серые мордочки в отверстия в дверях овчарни; зашевелились куры на насесте и, слетев вниз, раскудахтались, копошась в навозе, покрывавшем земляной пол; вылетели голуби из голубятни и уселись на крышу, чтобы проворковать там свою вечную песню любви, в то время как более прозаически настроенные утки, выстроившись в длинную цепочку перед воротами, наполнили воздух разноголосием звуков, выражавших, по всей видимости, недовольство по поводу плотно закрытых ворот, в то время когда они собрались искупаться в любимой луже.

И посреди такого утреннего разноголосия, типичного для хорошего хозяйства, бесшумно распахнулось окно, располагавшееся над скамьей, где сидел Мишель, и в нем показалась голова Малыша Пьера.

Однако Малыш Пьер не заметил Мишеля: его взор был устремлен ввысь, и было похоже, что он либо полностью был занят своими мыслями, либо восхищался величием открывшейся перед ним картины.

И в самом деле, любой человек, а тем более принцесса, не привыкшая встречать восход солнца, был бы ослеплен потоком солнечного света, который его величество день обрушил на долину, заставив засверкать ты-

сячами драгоценных камней покрытые влагой дрожащие листья деревьев, в то время как чья-то невидимая рука медленно приподнимала завесу тумана, нависшего над долиной, открывая, подобно стыдливой девственнице, свои прелести.

Какое-то время Малыш Пьер с восторгом созерцал сказочную панораму, открывшуюся перед ним, а затем, подперев рукой подбородок, с грустью прошептал:

— Увы! При всем убожестве этого бедного дома живущие здесь люди намного счастливее меня!

Оброненная фраза стала для Мишеля как бы прикосновением волшебной палочки, ибо в голове молодого барона тотчас же созрел план, или скорее он нашел предлог, который тщетно пытался отыскать в течение двух часов. С того самого момента, как он услышал скрип окна, Мишель, затаив дыхание, прижимался к стене и оторвался от нее лишь на звук закрывавшихся ставень, означавший, что он может уйти незамеченным.

Он пошел прямо к навесу.

— Господин,— обратился Мишель к Жану Уллье,— Малыш Пьер только что выглядывал из окна.

— Я его видел,— ответил вандеец.

— Он произнес несколько слов. Вы слышали, что он сказал?

— Это меня не касается, да я и не прислушивался.

— А вот я находился ближе, чем вы, и невольно его подслушал.

— И что же?

— Так вот, наш гость находит этот дом неприглядным и неудобным жилищем. В самом деле, здесь не хватает многих предметов первой необходимости, к которым он, как аристократ, привык. Не могли бы вы — конечно, я бы вам дал денег — купить для него то, в чем он нуждается?

— Где же?

— Черт возьми, да в Леже или в Машкуле.

Жан Уллье отрицательно покачал головой.

— Невозможно,— ответил он.

— Почему же? — спросил Мишель.

— Потому что сейчас не самое подходящее время для покупок предметов роскоши в местах, о которых

вы только что упомянули, где следят за каждым шагом таких людей, как я; это вызовет лишь подозрения.

— Не могли бы вы тогда поехать в Нант? — спросил Мишель.

— Нет, — коротко ответил Жан Уллье, — меня хорошо проучили в Монтегю, и я больше не хочу рисковать; я не оставлю своего поста; однако, — продолжил он, с едва заметной насмешкой в голосе, — а почему бы вам самому не съездить в Нант, ведь вам так хотелось проветриться, чтобы избавиться от головной боли?

Увидев, что его хитрость легко удалась, Мишель покраснел до корней волос; однако он дрожал при мысли, что ему вот-вот придется воспользоваться плодами своей изворотливости.

— Возможно, вы и правы, — пробормотал он, — но мне как-то боязно.

— Ну! Такой храбрец, как вы, не должен ничего бояться, — произнес Жан Уллье, освободившись от остатков прикрывавшей его соломы и направляясь к воротам, словно опасался, как бы молодой человек не передумал.

— Но тогда... — сказал Мишель.

— Что еще? — спросил, теряя терпение, Жан Уллье.

— Вы сообщите господину маркизу о причине моего отъезда и передадите мои извинения...

— Мадемуазель Берте? — произнес с иронией в голосе Жан Уллье. — Не беспокойтесь.

— Я вернусь завтра, — сказал Мишель уже в воротах.

— О! Не торопитесь, господин барон. Не завтра, так послезавтра, — продолжал Жан Уллье, закрывая за молодым человеком тяжелые ворота.

Скрип ворот болью отозвался в сердце Мишеля; его меньше беспокоило щекотливое положение, в котором он оказался, чем разлука с той, кого он любил.

Ему показалось, что эти, наполовину источенные древесными жучками, ворота, отлиты из бронзы, и отныне они будут всегда стоять между ним и нежным личиком Мари.

И вместо того, чтобы поскорее уйти, он присел на обочину дороги точно так же, как сидел во дворе на перевернутом корыте, и разрыдался. И если бы его не пугала перспектива напороться на насмешки Жана Уллье, в чьей недоброжелательности, несмотря на свое незна-

ние жизни, он не сомневался, Мишель постучался бы снова в ворота, чтобы хотя бы еще разок на прощание увидеть свою нежную Мари; но его остановил, если можно так выразиться, ложный стыд, скажем лучше, самый настоящий стыд, и он пошел прочь, еще не зная точно, в какую сторону ему следовало бы направить свой путь.

Так как он шел по дороге, ведущей в Леже, шум колес приближавшегося экипажа заставил его обернуться; сзади нагонял дилижанс, направлявшийся в Нант из Сабле-д'Олон. Мишель почувствовал, что хотя его рана была и легкой, но от потери крови силы у него на исходе и долго на ногах ему не продержаться.

Увидев экипаж, он тут же принял решение; Мишель остановил дилижанс, поднялся в него и спустя несколько часов оказался в Нанте.

И только тогда с болью в сердце осознал, в каком он оказался незавидном положении.

Привыкший жить по подсказке, кому-то подчиняться, с детских лет попавший в полную зависимость от чужой воли, он, уйдя от матери и последовав за женщиной, которую полюбил, как бы сменив своего хозяина, и внезапно свалившаяся на него свобода была для него настолько в новинку, что он даже не почувствовал ее прелести, в то время как одиночество показалось ему просто убийственным.

Для легко ранимых сердец нет более жестокого испытания, чем одиночество большого города; и чем больше город, тем хуже они себя в нем чувствуют; ощущать себя одиноким в толпе, видеть вокруг себя чужие радостные или равнодушные лица кажется им невыносимым, когда у них на душе лишь тоска и печаль.

Именно это и произошло с Мишелем.

Оказавшись едва ли помимо своей воли в дилижансе, везущем его в Нант, он надеялся, что найдет лекарство от своей печали, но, как оказалось, именно в городе Мишель еще острее почувствовал свою боль. Посреди шумной толпы его преследовал образ Мари; он видел ее в каждой встреченной на дороге женщине, и его сердце разрывалось одновременно от горьких сожалений и безумных желаний.

В таком настроении он поскорее спешил вернуться в комнату постоянного двора, где остановился; и, не успев закрыть за собой дверь так же, как ворота фермы, Мишель залился слезами.

Он хотел тут же вернуться в Банлевр и броситься в ноги Малышу Пьеру с просьбой стать его заступником перед девушками. Мишель корил себя за то, что не сделал этого утром из боязни задеть своим признанием са-молюбие Берты.

Думая о возвращении, он, естественно, вспомнил о причине своего путешествия, то есть о покупке некоторых дорогих вещей, столь необходимых Малышу Пьеру в сельской жизни, чтобы оправдать для непосвященных свое отсутствие; сделав необходимые покупки, он соби-рался написать письмо, ради которого и уехал в Нант.

Мишель подумал, что ему следовало бы начать имен-но с этого.

Приняв решение, он, не теряя ни минуты, сел за стол и написал письмо, на которое упало столько же слез, сколько в нем было слов:

«Мадемуазель!

Я должен был бы чувствовать себя самым счастли-вым из людей, однако мое сердце разбито! И я даже за-даюсь вопросом: не лучше ли было бы умереть, чем испы-тывать муки, какие выпали на мою долю?

Что вы подумаете, когда из этого письма узнаете о том, что я больше не в силах утаивать от вас, чтобы не стать окончательно недостойным вашей доброты? Одна-ко я взываю к вашей снисходительности и великодушью. И только уверенность в том, что между нами стоит су-щество, которое вы, как и я, любите больше всего на свете, придало мне мужества написать эти строки.

Да, мадемуазель, я люблю вашу сестру Мари; я люб-лю ее всей душой! Моя любовь столь велика, что я не представляю жизни без нее! Моя любовь столь сильна, что даже, чувствуя перед вами вину, из-за которой дру-гая, не столь возвышенная натура, как вы, могла бы по-считать себя смертельно оскорбленной, я простираю к вам с мольбой руки и говорю: «Оставьте мне надежду заслужить право любить вас, как брат любит сестру!»

И только сложив и запечатав письмо, Мишель задумался над тем, как его доставить Берте.

Не могло быть и речи о том, чтобы найти кого-то в Нанте; это было бы слишком опасным для почтальона, если бы и нашелся такой надежный человек, так же, как и для того, кто посылал письмо, если бы ему попался предатель; только в сельской местности, где-нибудь в окрестностях Машкуле. Мишель мог рассчитывать найти какого-либо крестьянина, в чьей надежности ему бы не пришлось сомневаться, и подождать в лесу ответ, который решит его судьбу.

Молодой человек решил поступить именно таким образом. Остаток вечера он посвятил последним покупкам, затем сложил все вещи в чемодан; ему оставалось только раздобыть лошадь, чтобы довести задуманное до конца, но он отложил это на завтра.

И в самом деле, на следующее утро, едва пробило восемь часов, Мишель уже сидел верхом на настоящем нормандском коне с чемоданом за спиной, готовый вернуться в Рец.

XXIII

О ТОМ, КАК ЗАБЛУДШАЯ ОВЦА ВМЕСТО ЛОНА СЕМЬИ ПОПАДАЕТ В ЛОВУШКУ

Был базарный день, и к набережным и улицам Нанта стекался поток селян; когда Мишель добрался до моста Руссо, он увидел перед собой нескончаемую вереницу передвигавшихся почти вплотную друг за другом тяжелых возов с насыпанным доверху зерном, телег, нагруженных овощами, лошадей, мулов, крестьян, каждый из которых в корзинах, в поклаже, навьюченной на спины животных, в жестяных бидонах торопился привезти в город плоды своих трудов.

Нетерпение Мишеля было столь большим, что он, не задумываясь, ринулся в самую гущу толпы; однако в тот момент, когда он пробирался сквозь нее на лошади, молодой человек от неожиданности вздрогнул, заметив на стороне встречного движения девушку.

Как и прочие крестьянки, она была одета в юбку в красно-синюю полоску и накидку с капюшоном; на го-

лове у нее был такой же, как у всех, платок с бахромой; однако, несмотря на бедный костюм, девушка настолько походила на Мари, что молодой барон не смог удержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления.

Мишель хотел было повернуть назад; однако, к несчастью, когда он остановил лошадь, чтобы развернуться, в толпе раздались возмущенные крики, на которые он не осмелился ответить в том же духе; и ему пришлось продолжить свой путь, проклиная про себя тех, кто так медленно продвигался вперед; переехав через мост, он тут же спрыгнул на землю и огляделся по сторонам в поисках человека, кому бы можно было на время оставить лошадь, чтобы поскорее узнать, не обмануло ли его зрение, и выяснить, что же понадобилось Мари в Нанте.

И в этот момент раздался гнусавый, как у всех попрошаек на свете, голос, выпрашивавший у него милостыню.

Он резко обернулся, ибо ему показалось, что этот голос ему знаком.

И у последней опоры моста Руссо Мишель заметил двух типов с такими физиономиями, которые, увидев однажды, уже невозможно было забыть: это были Кургузый Обен и Вшивый Триго. Казалось, что сейчас они хотели одного: вызвать как можно больше жалости у прохожих; однако, по всей видимости, у них была и другая задача, связанная с политическими и даже коммерческими интересами мэтра Жака.

Мишель напрямик направился к ним.

— Вы узнаете меня? — спросил он.

Кургузый Обен косил глазом.

— Мой добрый господин, — сказал он, — пожалейте бедного возницу, потерявшего обе ноги под колесами своей повозки на спуске с порога Боже.

— Да, да, храбрый человек, — произнес Мишель, понимая его хитрость.

И молодой человек слез с лошади, словно собираясь подать милостыню бедному вознице.

И такой милостыней стала золотая монета, которую он опустил в широкую ладонь Триго.

— Я здесь по приказу Малыша Пьера, — сообщил Мишель вполголоса мнимым нищим, — посторожите нес-

колько минут мою лошадь; мне надо отлучиться по важному делу.

Кургузый кивнул в знак согласия; барон Мишель бросил ему поводья и поспешил в обратную сторону.

К несчастью, если на лошади было трудно проехать, то и пешеходу приходилось отнюдь не легче. Сколько ни старался Мишель перебороть свой робкий характер и проявить агрессивность, работая локтями, сколько ни спешил протиснуться в малейший просвет между повозками с сеном и капустой с риском быть раздавленным, он все равно двигался с той же скоростью, что и толпа, и молодая крестьянка уже наверняка была где-то далеко впереди, когда Мишель добрался наконец до того места, где ее впервые увидел.

Он рассудил, что, как все крестьянки, она должна была двинуться в сторону базара; и пошел именно в том направлении, по дороге оглядывая с головы до ног всех встречавшихся ему селянок с таким настойчивым любопытством, что заслужил несколько веселых шуток в свой адрес и едва не подрался.

Ни одна из селянок не оказалась той, которую он искал.

Мишель обыскал всю рыночную площадь и пробежал по всем прилегавшим улицам, но так и не отыскал прелестное личико, которое заметил на мосту Руссо...

Расстроенный и обескураженный, он уже намеревался было вернуться к оставленной лошади, как вдруг, свернув за угол улицы Шато, увидел в двадцати шагах от себя яркую полосатую юбку и серую шерстяную накидку, так сильно волновавшие его воображение.

Походка носившей столь простую одежду девушки была такой легкой, какой могла быть только поступь его грациозной Мари; под складками грубого платья он различал ее стройную и хрупкую фигурку; он видел тонкий изгиб ее нежной шеи; из-под покрывавшего ее голову платка выбивались непокорные пряди, и Мишель узнал белокурые волосы, заплетенные в косы, которыми он так часто восхищался.

У него не оставалось больше сомнений: молодая селянка и Мари были одним и тем же лицом; и уверенность Мишеля была столь глубокой, что он не осмелился

обогнать крестьянку, чтобы заглянуть ей в лицо, как другим девушкам, а просто пошел за ней следом.

В самом деле, этого оказалось вполне достаточно, чтобы окончательно убедиться в том, что он не ошибся.

Что привело Мари в Нант? Почему она переделалась для поездки в город?

Эти вопросы без конца крутились в голове Мишеля, и, сделав над собой невероятное усилие, он уже было собрался подойти к девушке, как вдруг, поравнявшись с домом номер 17 на все той же улице Шато, она толкнула входную дверь и, так как дверь оказалась незапертой, вошла во двор, захлопнув за собой дверь.

Мишель подбежал к двери и толкнул ее — на этот раз она не поддалась.

Молодой барон в недоумении топтался перед дверью, не зная, на что решиться и что предпринять.

Неожиданно кто-то тихонько потянул его за руку; он вздрогнул, ибо его мысли витали где-то далеко, и обернулся.

Это был нотариус Лорио, который нагнал его.

— Как?! Вы здесь? — спросил его Лорио, не скрывая своего удивления.

— Что же тут удивительного, мэтр Лорио, если я оказался в Нанте? — спросил Мишель.

— Пожалуйста, потише; и мой вам совет: не стойте словно вкопанный у этой двери.

— А! Что за муха вас укусила, мэтр Лорио? Вы всегда, как я знаю, были осторожным человеком, но не до такой же степени.

— Береженого Бог бережет. Пойдемте-ка отсюда и по дороге поговорим; это лучший способ не привлекать к себе внимания.

Затем, вытирая клетчатым платком пот со лба, нотариус продолжил:

— Идем же! Итак я себя уже сильно скомпрометировал!

— Клянусь вам, мэтр Лорио, я не понимаю ни слова из того, что вы мне говорите,— заметил Мишель.

— Вы не понимаете, что я хочу сказать, несчастный юноша? Разве вы не знаете, что вас внесли в список подозреваемых лиц и отдан приказ о вашем аресте?

— Ну и ладно, пусть меня арестуют! — с нетерпением в голосе произнес Мишель, стараясь увести нотариуса к дому напротив.

— Вам безразлично, что вас арестуют? Ну, господин Мишель, вы слишком легкомысленно восприняли подобную новость. Ладно, хватит философствовать. Между тем должен вам сказать, что та же самая новость, к которой вы отнеслись с безразличием, произвела на вашу матушку такое сильное впечатление, что если бы я случайно не встретил вас здесь в Нанте, то, вернувшись в Леже, я бы тотчас же принялся за ваши поиски.

— Моя мать! — воскликнул молодой человек, чью самую больную сердечную струну задел нотариус. — Что такое случилось с моей матерью?

— С ней ничего не произошло, господин Мишель, и, слава Богу, она чувствует себя достаточно хорошо, насколько может хорошо себя чувствовать женщина, чье сердце разрывается от волнения и горя; ибо считаю своим долгом довести до вашего сведения, что душевное здоровье вашей матушки оставляет желать лучшего.

— О, Боже мой! Что вы мне такое говорите! — произнес с тяжелым вздохом Мишель.

— Господин барон, вы же знаете, что были для нее всем на свете; вы не могли забыть, как в детстве она ухаживала за вами, какой заботой окружила вас в том возрасте, когда дети ускользают из-под родительской опеки. И вы можете себе представить, как она страдает, сознавая, что вы ежедневно подвергаетесь тем же страшным опасностям, что и люди, которые вас окружают! Не хочу от вас скрывать, что посчитал своим долгом предупредить ее о ваших намерениях, которые, как мне кажется, я разгадал. И я выполнил свой долг.

— О!.. И что же вы ей сказали, мэтр Лорио?

— Я ей сказал без обиняков, что вы, как мне думается, сильно увлечены мадемуазель Бертой де Судэ...

— Вот как, — заметил Мишель, — и этот тоже!

— И что, — продолжал нотариус, не обратив внимания на реплику Мишеля, — по всей видимости, вы собираетесь на ней жениться.

— И что же ответила моя мать? — спросил, заметно волнуясь, Мишель.

— Черт возьми! Она ответила, как отвечают все матери, когда им говорят о женитьбе их сыновей, когда они ее не одобряют. Однако, позвольте спросить вас, мой юный друг, ибо мое положение семейного нотариуса в двух домах должно придать мне какой-то вес в ваших глазах: вы хорошо все обдумали?

— Разделяете ли вы,— спросил Мишель,— предвзятое мнение моей матери, или же вам известно что-то нехорошее относительно репутации девиц де Судэ?

— Ничего подобного, мой юный друг,— ответил мэтр Лорио, в то время как Мишель с беспокойством поглядывал на окна в доме, в котором скрылась Мари,— ничего подобного! Напротив, я считаю этих девушек, которых знаю с детства, самыми достойными и добродетельными во всем нашем крае и, как вы понимаете, несмотря на сплетни, распространяемые о них некоторыми злыми языками, и их нелепое прозвище.

— Так почему же,— спросил Мишель,— вы тоже меня не одобряете?

— Мой юный друг,— ответил нотариус,— не забудьте, что я еще не высказал своего мнения, я только считаю своим долгом просить вас соблюдать осторожность... Вам нужно трижды подумать, прежде чем совершить то, что с некоторой точки зрения может показаться... простите за выражение... глупостью, но это вовсе не означает, что я призываю вас отказаться от вашей привязанности, вполне оправданной, учитывая высокие достоинства молодых особ.

— Мой дорогой господин Лорио,— продолжил Мишель, который, находясь вдали от матери, был не прочь сжечь за собой все мосты,— маркиз де Судэ обещал мне руку своей дочери; и не будем больше обсуждать этот вопрос.

— О! Это совсем другое дело,— произнес мэтр Лорио.— Раз так, то мне остается дать вам лишь один совет: жениться против воли родителей нехорошо с любой точки зрения. Вы вольны настаивать на своем; но для этого вам следует повидаться с вашей матерью, не давайте ей повода жаловаться на вашу черную неблагодарность, постарайтесь ее переубедить.

— Гм! — заметил Мишель, признавая справедливость слов нотариуса.

— Итак,— настаивал Лорио,— вы обещаете мне сделать то, что я прошу?

— Да, да,— ответил молодой человек, торопясь избавиться от нотариуса, так как ему послышался шум со стороны двора, и он опасался, что Мари выйдет, пока он говорит с нотариусом.

— Хорошо,— сказал Лорио,— впрочем, вы будете в безопасности только в Ложери; лишь влияние вашей матери сможет вас спасти от последствий вашего странного поведения. Согласитесь, молодой человек, с некоторых пор вы совершили много необдуманных поступков, на которые никто не считал вас способным.

— Я с вами согласен,— с нетерпением в голосе произнес Мишель.

— Вот именно этого я и хотел от вас добиться: грешник, признающий свою вину, уже наполовину раскаялся. А теперь мне надо с вами проститься, я уезжаю в одиннадцать часов.

— Вы возвращаетесь в Леже?

— Да, с одной молодой дамой, которую надо отвезти в мою гостиницу, и я пообещал ей место в моем кабриолете, иначе я давно бы предложил его вам.

— Вы можете сделать небольшой крюк всего в полле, чтобы оказать мне услугу?

— Конечно, с удовольствием, мой дорогой Мишель,— ответил нотариус.

— Поезжайте в Банлевр и, умоляю вас, передайте это письмо мадемуазель Берте.

— Ладно, только ради Бога,— со страхом произнес нотариус,— дайте его мне, не привлекая внимания посторонних! Вы забываете, в какое время мы живем, и ваша забывчивость приводит меня в ужас.

— В самом деле, дорогой господин Лорио, вы даже не можете спокойно стоять на месте, как только к нам приближаются прохожие, вы шарахаетесь от них, словно от чумы. Что с вами происходит? Говорите же, нотариус.

— Происходит то, что я готов поменять мое дело на самое захудалое в департаменте Сарт или Эр; если я и в дальнейшем буду переживать такие волнения, как сейчас, то умру много раньше отмеренного судьбой срока.

Вы только послушайте, господин Мишель,— продолжал, понизив голос, нотариус,— мне вот насыпали в карманы против моей воли четыре ливра пороха! И я не могу ступить и шага, чтобы у меня не дрожали колени; каждая зажженная сигара бросает меня в жар. Ладно, прощайте! Поверьте мне, вам лучше вернуться в Ложери.

А так как тревога Мишеля, как и мэтра Лорио, с каждой минутой возрастала, он не стал задерживать нотариуса. Он получил от встречи все, что хотел, то есть теперь он был уверен, что его письмо достигнет Банлевра.

Теперь, когда нотариус ушел, Мишель, естественно, обратил свой взор на дом и с самым напряженным вниманием стал вглядываться в окно, где, как ему показалось, приподнялась занавеска и он различил смутный овал лица, выглядывавшего на улицу.

Он подумал, что девушка заметила его назойливое присутствие перед домом; и он тут же направился в сторону набережной и постарался спрятаться за углом дома так, чтобы иметь возможность наблюдать за всем, что происходило на улице Шато.

В самом деле, дверь отворилась и на пороге появилась молодая крестьянка.

Но она была не одна.

Ее сопровождал молодой человек в рабочей блузе, по виду похожий на крестьянина. Несмотря на то, что они быстро прошли мимо, Мишель успел заметить, что этот человек был действительно молод и благородные черты его лица особенно выделялись на фоне его одежды; Мишель также увидел, что он держался на равных с Мари и что девушка, смеясь, отказалась передать ему корзину, которую несла, а он, по всей видимости, предложил ей свою помощь.

Змеиные жала ревности вонзились в сердце Мишеля; решив после слов, которые ему шепнула Мари, что они переделались крестьянами не только ради политических интриг, но и, возможно, из-за дел любовных, он направился к мосту Руссо, то есть в противоположную от молодых людей сторону.

Народу значительно поубавилось, и уже здесь не было такой толчеи. И перейти мост не составило ему

большого труда. Однако он напрасно искал глазами Кургузого Обена, Триго и свою лошадь — их и след простыл.

Мишель был настолько взволнован и расстроен, что ему не пришло в голову продолжить поиски где-нибудь по соседству; после всего, что сказал нотариус, ему было небезопасно подавать жалобу, это могло повлечь за собой арест, и полиции стало бы известно о его знакомстве с двумя попрошайками.

Приняв решение добираться пешком, он пошел в сторону Сен-Фильбер-де-Гран-Лье.

Проклиная Мари, страдая от ревности, жертвой которой стал, он думал теперь только о том, как бы поскорее последовать совету мэтра Лорио, то есть добраться до Ложери и броситься в объятия матери, к которой решился поехать скорее после того, что увидел, чем вследствие всех увещаний нотариуса.

Подходя к Сен-Коломбену, он даже не услышал шагов двух жандармов, следовавших за ним по пятам.

— Ваши документы, господин! — потребовал капрал, оглядев его с головы до ног.

— Документы? — с удивлением произнес Мишель, к которому подобный вопрос был адресован впервые в жизни. — Но у меня их нет.

— А почему же их у вас нет?

— Потому что я не думал, что для поездки из моего замка в Нант мне понадобится паспорт,

— И что это за замок?

— Замок Ложери.

— Ваше имя?

— Барон Мишель.

— Барон Мишель де ла Ложери?

— Да, барон Мишель де ла Ложери.

— Если вы барон Мишель де ла Ложери, — сказал капрал, — вы арестованы.

И не успел молодой человек даже подумать о том, чтобы попытаться бежать — это позволяла прилегавшая к дороге местность, — как капрал бесцеременно схватил его за воротник, в то же время жандарм, ярый поборник равенства всех французов перед законом, надел на Мишеля наручники.

Благодаря сноровке жандарма и оцепенению, в которое впал молодой человек, арест занял всего несколько

секунд, после чего барон Мишель был препровожден в Сен-Коломбен, где и был заперт в некое подобии погребя, находившегося рядом с караульным помещением квартировавших здесь войск, использовавшегося в качестве временной тюрьмы.

XXIV

В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ЕСЛИ БЫ ТРИГО ОКАЗАЛСЯ НА МЕСТЕ ГЕРКУЛЕСА, ТО СОВЕРШИЛ БЫ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ПОДВИГА ВМЕСТО ДВЕНАДЦАТИ

Было около четырех часов пополудни, когда Мишель, брошенный в тюрьму, которая была оборудована при сторожевом poste деревни Сен-Коломбен, смог вкусить все прелести своего нового дома.

Когда молодой человек, привыкший к яркому дневному свету, оказался в погребе, приспособленном под тюремную камеру, он поначалу ничего вокруг себя не увидел: заключенному понадобилось некоторое время, чтобы его глаза смогли привыкнуть к темноте, и только тогда он смог осмотреться.

Это был старый погреб площадью около двенадцати квадратных футов, построенный для хранения или производства вина и превосходно выполнявший роль тюремной камеры, несмотря на свое первоначальное назначение.

Погреб наполовину располагался в земле, наполовину выходил на поверхность; его стены были сложены из камня, более прочного, чем требовалось для подобных построек, ибо они использовались в качестве фундамента для возведенного сверху здания.

Пол, естественно, здесь был земляной, превратившийся из-за постоянной сырости в грязное месиво, в то время как потолок образовывали сводчатые балки.

Раньше свет в подвал проникал через длинное слуховое окно, устроенное на уровне земли; однако после того, как подвал превратился в тюрьму, окно изнутри было забито крепкими досками, а снаружи прикрыто огромным мельничным жерновом, прислоненным вертикально к оконному проему.

Отверстие в центре жернова приходилось как раз напротив верхней части окна, и через него поступал единственный слабый луч света, поглощаемый на две трети набитыми одна на другую досками, и мог осветить своим неясным светом лишь середину погреба.

В самом центре погреба стоял развалившийся пресс для производства сидра, от которого сохранилась лишь часть сломанного на конце вала, изъеденного древесным жучком, и круглый лоток из неотесанного камня, испещренного причудливыми следами улиток и слизняков.

Обследование, которое произвел Мишель, повергло бы наверняка любого другого узника в уныние, ибо он мог убедиться в том, что у него оставалось мало шансов на побег; однако Мишель осматривал погреб, повинувшись лишь чувству смутного любопытства. Первый удар, так жестоко поразивший в самое сердце, поверг его в состояние протрации, когда душа безразлична ко всему, что происходит вокруг, и в тот момент, когда он растался со своей сладкой мечтой о том, что его любит Мари, для него стало все едино — дворец или тюрьма.

Он присел на лоток и стал раздумывать над тем, кем бы мог быть тот молодой человек в рабочей блузе, сопровождавший Мари, отвлекаясь на короткое время от невеселых мыслей о сопернике только затем, чтобы предаться воспоминаниям о первых днях знакомства с сестрами, и так без кочца терзая себе душу; ибо, как сказал знаменитый флорентийский поэт, — великий художник по части описания адских мук, — худшая из всех пыток — это воспоминание о счастливых днях.

Однако мы оставим юного барона наедине со своей печалью, чтобы посмотреть, что происходило в других помещениях сторожевого поста деревни Сен-Коломбен.

Если говорить о его прямом предназначении, то пост, занятый в течение нескольких дней подразделением регулярных войск, располагался в просторном доме, выходившем фасадом во двор, а тыльной стороной на проселочную дорогу, ведущую из Сен-Коломбена в Сен-Фильбер-де-Гран-Лье в километре от первой из двух упомянутых деревень и в двухстах шагах от до-

роги, по которой можно добраться из Нанта в Сабль-д'Олонь.

Дом, построенный на развалинах из камней, оставшихся от старой феодальной крепости, стоял на холме, откуда хорошо просматривалась вся округа.

Преимущества такого месторасположения привлекли внимание Дермонкура, когда он возвращался из Машкульского леса.

И он оставил здесь двадцать солдат, превратив этот дом в некое подобие укрепленного пункта, где, при необходимости, могли укрыться экспедиционные отряды, который мог бы в то же время служить пересыльной тюрьмой, где можно было содержать узников до того, как будет установлено регулярное сообщение между Сен-Фильбером и Нантом, чтобы затем доставлять их в Нант под сильным конвоем, дабы исключить всякую попытку нападения с целью их освобождения.

Пост Сен-Коломбен внутри состоял из одной довольно просторной комнаты и служебного помещения.

Комната, располагавшаяся как раз над погребом, где был заперт Мишель, возвышалась на пять или шесть метров над поверхностью земли и служила караульным помещением, в которое можно было попасть по лестнице, собранной из обломков главной башни замка и пристроенной параллельно к стене.

Служебное помещение было солдатской казармой: они здесь спали на соломе.

Пост охранялся по всем правилам военной науки: один часовой стоял у ворот, выходящих на дорогу, а другой часовой — на увитой плющом наблюдательной вышке, которая была единственным строением, оставшимся от разрушенного старого феодального замка.

Итак, часов в шесть вечера солдаты маленького гарнизона сидели на валиках для отжима винограда, оставленных с наружной стены дома. Это было излюбленное место их отдыха; наслаждаясь ласковыми лучами заходившего солнца, они могли отсюда любоваться живописной панорамой раскинувшегося на горизонте озера Гран-Лье, чья поверхность, освещенная дневным светиллом, походила на гигантских размеров скатерть из алого

полотна; у их ног проходила дорога на Нант, которая была похожа в это время года на широкую ленту, изви-вавшуюся по зеленому покрывалу листвы и лугов; и мы должны отметить, что наши герои в красных штанах с гораздо ббльшим вниманием следили за тем, что проис-ходило на дороге, чем наслаждались созерцанием изу-мительной по красоте картины, созданной прихотливой природой.

С наступлением вечера крестьяне возвращались с по-лей, стада спешили в свой хлев, и дорога в этот мо-мент была отнюдь не пустынной, солдатам было на что поглазеть. Каждая телега, нагруженная сеном, каж-дая группа крестьян, возвращавшихся из Нанта с базара, и в особенности каждая крестьянка в короткой юбке давали им пищу для размышлений и повод для шутли-вых восклицаний, и мы должны еще раз отметить, что по вечерам хватало и того и другого.

— Посмотри,— неожиданно воскликнул один из сол-дат,— что я вижу там, внизу?

— В нашу сторону направляется музыкант, играю-щий на волынке,— ответил другой солдат.

— Как, волынщик в наших краях? — заметил тре-тий — Ты что, все еще находишься в своей Бретани? За-руби себе раз и навсегда на носу: здесь нет волынщиков, а есть только народные сказатели.

— Хорошо, но что же тогда он несет за спиной, если не свой музыкальный инструмент?

— Это и есть самый настоящий музыкальный инстру-мент,— сказал четвертый солдат,— но он называется шарманкой.

— Какая-то странная шарманка!—заметил первый.— Спорим, что это котомка. И она принадлежит нищему, ты же видишь, в каких он лохмотьях.

— Хорошенькая котомка с глазами и носом, как у нас с тобой. Ну, посмотри же, Лимузен!

— У Лимузена тяжелая рука, но не зоркий глаз,— произнес другой солдат,— обладать всеми достоинства-ми сразу невозможно.

— Будет, будет,— сказал капрал.— Давайте под-ведем итог: перед нами мужчина, несущий на своих пле-чах другого человека.

— Капрал прав,— хором воскликнули солдаты.

— Я всегда прав,— произнес человек с шерстяными нашивками на рукаве,— прежде всего потому, что капрал, а уже потом — старший по званию, и если еще кто-то продолжает сомневаться, сможет сейчас убедиться в правоте моих слов, ибо эти люди направляются в нашу сторону.

Действительно, нищий, о котором только что с таким жаром спорили солдаты и в котором наш читатель, несомненно, признал Триго, а в волянке, шарманке и котомке — Кургузого Обена, свернул налево и пошел по откосу к посту Сен-Коломбен.

— Какие мерзавцы! — продолжал один из солдат. — Подумать только, если бы этот урод застал одного из нас в зарослях, он бы, не задумываясь, всадил в него пулю. Не так ли, капрал?

— Возможно,— ответил капрал.

— А когда увидит, что нас здесь много,— продолжал солдат,— то подойдет и попросит милостыню, трус!

— Так я ему и раскошелился! Он у меня не получит ни су! — сказал первый из принимавших участие в разговоре солдат.

— Подожди-ка,— произнес второй, поднимая с земли камень,— вот что я положу ему в шляпу.

— Я тебе запрещаю это делать,— сказал капрал.

— Почему?

— Потому что у него нет шляпы.

И солдаты покатались со смеху, единодушно признав шутку старшего по званию исключительно остроумной.

— Ладно, ладно,— произнес один солдат,— на каком бы этот чудака ни играл инструменте, не будем его обескураживать. Не кажется ли вам, что в этом нищем скрывается тьма талантов, а вы хотите пренебречь столь интересным спектаклем?

— Спектаклем?

— Или концертом.. Все попрошайки этого края являются кем-то вроде трубадуров. Мы его заставим спеть нам все песни, которые он знает, и даже те, которые не знает, что поможет нам скоротать вечер.

В этот момент нищий, переставший быть загадкой для солдат, подошел так близко, что от них его отделяло всего четыре шага, и протянул руку для подаяния.

— Вы не ошиблись, капрал, когда сказали, что у него на плечах сидит человек.

— Нет, я ошибся,— ответил капрал.

— Как так?

— Это не человек, а лишь половинка человека.

И солдаты расхохотались над второй шуткой так же, как покатывались над первой.

— Вот кому не надо тратиться на штаны!

— Да ему и сапоги нет надобности покупать! — добавил капрал, чья шутка, как всегда, развеселила солдат.

— Как же они уродливы! — заметил Лимузен.— Одного из них, клянусь честью, можно было бы назвать обезьяной, вскарабкавшей на спину медведя!

Триго с самым невозмутимым видом выслушивал плоские шутки солдат, сыпавшиеся на него со всех сторон. Он стоял с протянутой рукой, придав своей физиономии самое благодушное выражение, в то время как Кургузый Обен гнусавым голосом повторял одни и те же слова:

— Помилосердствуйте, добрые господа! Подайте милостыню бедному вознице, потерявшему обе ноги под своей телегой на пороге Ансени.

— Какие же вы темные,— сказал один солдат,— если просите милостыню у пехотинцев! Какие же вы круглые дураки! Если вывернуть все наши карманы, мы вряд ли наскребем и половину того, что находится в ваших.

Услышав эти слова, Кургузый Обен тотчас же переделал на другой лад свою песенку и, уточняя предмет своих вожелений, снова затянул:

— Добрые господа, подайте, Христа ради, маленький кусочек хлеба; раз у вас нет денег, то кусочек хлеба у вас, наверняка, найдется.

— Мы найдем для тебя хлеба,— ответил капрал,— и, сверх того, ты получишь тарелку супа и даже с куском мяса, если его еще не съели. Но, скажи нам, приятель, что ты можешь нам предложить взамен?

— Мои добрые господа, я помолюсь за вас Богу,— ответил гнусавым голосом Кургузый, продолжая вести свою басовую партию в ансамбле со своим другом.

— Это не повредит никому,— произнес капрал,— да, молитва никому не повредит, но этого явно недостаточно. Ты, наверное, еще на что-то способен?

— Что вы имеете в виду? — спросил Кургузый с самым невинным видом.

— Я имею в виду, что, какими бы мерзкими типами вы ни были, возможно, вы умеете насвистывать известные мелодии. В таком случае пойте, играйте, свистите! Кто хочет получить на ужин хлеб и суп с мясом, должен их заработать.

— А! Так, так! Я слушаю.

— О, я не отказываюсь, а совсем наоборот, мой офицер! — польстил капралу Обен.— Если вы подадите нам милостыню, то разве немного развлечь вас и ваших людей не будет самым малым, что мы сможем вам предложить взамен?

— Развлеки нас, если можешь! Без особых церемоний, ибо мы смертельно скучаем в этой дыре!

— Для начала,— произнес Кургузый,—мы попробуем показать вам кое-что из того, что вы наверняка никогда не видели.

Каким бы банальным ни показалось это обещание, прозвучавшее как обычная песенка всех балаганных зазывал, но оно вызвало огромный интерес у солдат, которые, притихнув, поспешили окружить двух нищих плотным кольцом, от любопытства даже не без некоторого уважения.

Сидевший до сих пор на плечах Триго Кургузый Обен пошевелил культиями ног, подав знак, что хочет спуститься на землю, и Триго, с привычной покорностью выполняющая волю своего хозяина, присел на обломок, оставшийся от зубца стены, лежавший наполовину скрытый крапивой справа от валиков, служивших солдатам скамьей.

— Вот это выучка! — сказал капрал.— Мне бы такого малого, я бы перепродал его майору, который не может подобрать себе ординарца.

Тем временем Кургузый поднял с земли камень и подал его Триго.

Не дожидаясь дальнейших указаний, Триго сжал камень пальцами, затем раскрыл ладонь и показал, что от камня остался лишь порошок.

— Вот это Геркулес! Пенге, тебе бы так,— сказал капрал, обращаясь к солдату, которого мы уже два или три раза упоминали под кличкой Лимузен.

— Ну, мы еще посмотрим,— ответил солдат и бросился во двор.

А Триго, не обращая внимания ни на слова, ни на уход Пенге, флегматично продолжал свои фокусы.

Схватив двух солдат за ремни их полевых сумок, он мягко приподнял их в воздух и держал в таком положении на вытянутых руках в течение нескольких секунд, затем с самым невозмутимым видом поставил их на землю.

Солдаты зааплодировали.

— Пенге! Пенге! — кричали они.— Эй, куда ты там запропастился? Посмотри на этого малого, он тебе даст сто очков вперед!

А Триго продолжал как ни в чем не бывало, словно его трюки были заранее придуманы. Он пригласил двух солдат усесться на плечи своих товарищей и приподнял четверку почти с такой же легкостью, как и первую пару.

Не успел он их поставить на землю, как появился Пенге, неся на каждом плече по ружью.

— Bravo, Лимузен! Bravo! — воскликнули солдаты.

Приободренный возгласами товарищей, Пенге сказал:

— Так каждый дурак сможет! Эй ты, людоед, попробуй сделать так, как я.

И, засунув по пальцу в ствол каждого ружья, он поднял их вверх на вытянутых руках.

— Ба! — воскликнул Кургузый, в то время как Триго, скривив губы, что вполне могло сойти за насмешливую улыбку, смотрел, как Лимузен демонстрировал свою силу и сноровку.— Ба! Принесите-ка еще парочку ружей!

Действительно, когда принесли ружья, Триго нанизал на четыре пальца одной руки по ружью и приподнял их до уровня глаз с такой легкостью, что ни один мускул даже не дрогнул на его лице.

Этого было достаточно, чтобы Пенге понял, что ему придется оставить навсегда надежду выйти победителем из состязания с нищим.

Порывшись в кармане, Триго достал подкову и согнул ее пополам, словно это был обычный кожаный ремешок.

И после каждого своего трюка Триго поглядывал на Кургузого, как бы вопрошая, и тот кивал ему в ответ головой, что указывало на то, что он был доволен.

— Видишь ли,— сказал Кургузый,— ты пока что нам заработал на ужин, а теперь надо заслужить, чтобы нас оставили на ночь. Не правда ли, мои добрые господа, если мой товарищ покажет вам нечто более замечательное, чем все то, что вы до сих пор видели, вы дадите нам охапку соломы и позволите переночевать где-нибудь в уголке?

— О! Это невозможно,— сказал сержант, пришедший посмотреть представление, когда услышал крики и восторженные возгласы солдат,— у нас строгий приказ.

Такой ответ, казалось, обескуражил Кургузого, и его лисья мордочка сразу стала серьезной.

— Ба! — предложил один из вояк.— Мы скинемся, чтобы собрать вам десять су, на которые вы сможете переночевать в первом попавшемся вам на пути постоялом дворе, где постель несравненно мягче, чем ржаная солома в этом доме.

— А если у того быка, что служит тебе вместо лошади,— добавил другой,— ноги такие же крепкие, как и руки, ему ничего не стоит прошагать один или два километра.

— Давайте вначале посмотрим его трюк! Что за шедевр он нам припас! — хором воскликнули солдаты.

Было бы не по-товарищески со стороны Кургузого лишать Триго радости насладиться успехом, и он тут же уступил просьбам солдат, что свидетельствовало об уверенности в твердости бицепсов приятеля.

— А нет ли здесь,— сказал он,— какого-нибудь неотесанного камня, жернова или еще чего-нибудь тяжелого?

— Вот камень, на котором вы сидите,— ответил один из солдат.

Кургузый только пожал плечами.

— Если бы у камня было за что ухватиться,— сказал он,— то Триго поднял бы его одной рукой.

— Есть тут один жернов, которым мы прикрыли окно в камеру,— заметил другой солдат.

— А почему бы не весь дом? — сказал капрал.—
Вспомните, как вы его передвигали вшестером, да еще
с каким трудом, да еще с помощью рычага! И как я бе-
сился от того, что мое звание не позволяло мне помочь
вам, и я обзывал вас кучей бездельников!

— Впрочем,— сказал сержант,— жернов нельзя сдви-
гать с места в то время, когда в камере сидит заключен-
ный.

Взглянув на Триго, Кургузый ему подмигнул. И не
обращая внимания на слова сержанта, Триго направил-
ся к огромному камню.

— Разве вы не слышите, что я вам сказал? — повы-
сив голос, произнес сержант и схватил Триго за руку.—
К этому камню нельзя прикасаться!

— Но почему? — сказал Кургузый.— Если ему уда-
тся сдвинуть жернов с места, он сумеет, будьте спокой-
ны, поставить его обратно.

— К тому же,— вступил в разговор один солдат,—
стоит только взглянуть на мышонка в капкане, как тут
же становится ясно, что он не способен на побег: этого
худенького несчастного заморыша можно было бы легко
принять за переодетую женщину; я даже вначале поду-
мал, что это герцогиня Беррийская.

— Не считая того, что он только и делает, что льет
слезы, и ему вовсе не до побега,— в свою очередь, подал
голос капрал, которому никак не хотелось пропустить
такое зрелище.— Когда Пенге и я, то есть я и Пенге спу-
стились в погреб, чтобы дать ему поесть, он так плакал,
что можно было принять его глаза за два водопроводных
крана.

— Ну, ладно, так и быть,— согласился сержант, ко-
торому, несомненно, так же, как и другим, хотелось уви-
деть, как нищий справится с такой непосильной зада-
чей,— беру всю ответственность на себя.

Триго поспешил воспользоваться его согласием. По-
дойдя вплотную к жернову, он обхватил его двумя рука-
ми за основание и, упершись плечом в его середину, под-
натужился, пробуя его приподнять.

Однако под весом огромной каменной глыбы осела
рыхлая земля, на которой покоился жернов, в результа-
те чего он вошел в грунт на глубину четырех или пяти

дюймов, и увеличившаяся сила сцепления с землей свела на нет все усилия Триго.

После того как Кургузый Обен, словно огромный жук, подполз на руках и коленках к сгрудившимся вокруг Триго солдатам, ему сразу стало ясно, почему усилия гиганта не увенчались успехом; подобрав большой плоский камень, он освободил жернов от грунта.

И тогда Триго принялся за дело; на этот раз его попытка увенчалась успехом. Он приподнял каменную глыбу и в течение нескольких секунд держал ее на плече, прижав к стене, на расстоянии фута от земли.

Восторгу солдат не было границ. Они окружили Триго, наперебой поздравляя его, на что гигант, казалось, не обращал ни малейшего внимания; восхищение передалось от солдат к капралу и по иерархической лестнице, естественно, к самому сержанту; уже звучали голоса, чтобы пронести Триго как победителя на руках до самой столовой, где его ожидал приз за проявленную доблесть, одобренные всеми известными и неизвестными поклонникам бога Марса ругательствами, ибо они считали, что Триго заслужил не только хлеб, тарелку супа с жестким кусочком мяса, но еще и то, что обычно ест генерал или даже сам французский король, что было бы совсем не лишним, чтобы поддержать силы, необходимые для совершения таких героических подвигов.

Как мы уже сказали, Триго, казалось, ничуть не возгордился своим триумфом; его физиономия оставалась такой же безучастной, как и морда быка, которому дали передохнуть после тяжелого труда, и только глаза, обращенные на Кургузого Обена, вопрошали: «Хозяин, ты доволен?»

В противоположность Триго Кургузый сиял от удовольствия, безусловно, довольный впечатлением, которое произвела на зрителей демонстрация силы его товарища, тем более что, лишившись ног, считал мускулы гиганта своими; возможно, он просто-напросто радовался тому, как ловко успел осуществить задуманное: пока Триго был в центре всеобщего внимания, он, просунув под жернов большой плоский камень, который держал в руке, положил его таким образом, чтобы огромная каменная глыба, прикрывавшая тюремное окошко, встала

на плоскую поверхность камня, что позволяло теперь ее передвинуть без особого труда.

Нищих проводили в столовую; и здесь Триго снова представился случай заслужить восторженные похвалы солдат.

После того как он проглотил целый котелок супа, ему дали еще четыре порции мяса и две буханки хлеба.

Триго съел первую буханку с двумя порциями мяса; затем, словно вкусовые качества пищи зависели от порядка ее приема, он взял вторую буханку, разломил пополам, и, сделав в центре углубление, проглотил вынутый хлебный мякиш, положил туда мясо, затем сложил обе половинки и с самым невозмутимым видом вонзился в них зубами, что вызвало всеобщее ликование присутствовавших и громкие крики «браво».

Не прошло и пяти минут, как весь хлеб был смолочен, словно его поместили между двумя жерновами, похожими на те, что поднимал Триго на удивление публики. От хлеба остались одни только крошки, и Триго, который, казалось, был готов начать все сначала, бережно собрал их в ладонь и отправил в рот.

Ему тут же принесли еще одну буханку и, несмотря на то, что пришлось ее есть всухомятку, Триго расправился с ней так же, как и с двумя предыдущими.

Солдаты никак не могли угомониться: они охотно бы пожертвовали всей своей провизией, лишь бы довести эксперимент до конца, однако сержант счел нужным проявить благоразумие и положить конец их любопытству.

Кургузый выглядел задумчивым, что не замедлили заметить солдаты.

— Эй, послушай, ты ешь и пьешь,— сказал ему капитан,— за счет своего товарища, а это несправедливо; мне кажется, если бы ты спел нам какую-нибудь песенку, то смог бы сам расплатиться за свою еду.

— Верно! — подхватил сержант.

— Давай песню,— закричали солдаты,— и тогда будет полный праздник.

— Гм! — ответил Кургузый.— Я знаю немало песен.

— Тем лучше, начинай!

— Да, но мои песни могут вам не понравиться.

— Лишь бы только это не были ваши заунывные напевы, под которые разве что можно хоронить покойников.

А так нам все понравится, что бы ты ни спел; мы в Сен-Коломбене не привередливы.

— Да,— сказал Кургузый,— я понимаю, вам здесь скучно.

— Смертельно! — заметил сержант.

— Мы не просим, чтобы ты пел, как господин Нурри,— вставил слово один из солдат родом из Парижа.

— И чем смешнее будет песня,— добавил другой солдат,— тем лучше.

— Раз я съел ваш хлеб и выпил ваше вино,— произнес Кургузый,— я не имею права отказываться, но, повторяю, возможно, вам не понравятся мои песни.

И он запел:

Тревога! Тревога! Там, на горизонте.
Банда мерзавцев идет!
Рассредоточимся, чтобы застать их врасплох!
Рассредоточимся по лесам, по долам!

Рассредоточимся по лесам, по долам!

Возьмем в руки ружье, прицелимся
И подождем в тишине голубой батальон.
Змеей он пробирается вперед и вперед...
Королевские солдаты, солдаты удачи.
Возьмем их в огневое кольцо...

Кургузому Обену не дали допеть до конца. После первых слов удивление солдат тут же сменилось криками негодования; десяток солдат бросились к нему, а сержант, схватив его за горло, повалил на пол.

— Ах ты мерзавец! — воскликнул он.— Я проучу тебя, будешь знать, как петь песни, прославляющие бандитов!

Не успел сержант закончить свою фразу, сдобренную излюбленными ругательствами, как Триго с горевшими от гнева глазами раскидал набросившихся на Кургузого солдат и, оттолкнув сержанта, встал впереди своего товарища с таким угрожающим видом, что солдаты замерли в нерешительности на несколько секунд.

Однако устыдившись, что спасовали перед безоружным человеком, вояки выхватили из ножен сабли и бросились на нищих.

— Убьем их! Убьем их! — кричали они.— Это шуаны.

— Вы просили какую-нибудь песню; я же вас предупреждал, что песни, которые я знаю, могут вам не пон-

равиться! — крикнул Кургузый Обен так громко, что перекричал всех.— Вам не надо было настаивать. Так почему вы жалуетесь?

— Раз ты не знаешь других песен, кроме той, что мы только что услышали,— ответил сержант,— значит, ты мятежник, и тебя надо арестовать.

-- Я знаю песни, которые нравятся селянам, чьей милосыней я живу. Неужели несчастный инвалид, как я, или идиот, как мой приятель, могут представлять для вас серьезную опасность? Возьмите нас под стражу, если вам так хочется, но такой арест не делает вам чести.

— Ладно, но вам все же придется переночевать в кутузке! У вас не было крова на ночь, мои красавчики: я вам устрою ночлег! Свяжите, общите и отведите их в камеру.

Однако Триго по-прежнему стоял с угрожающим видом, и никто не торопился выполнять приказ сержанта.

— Если вы добровольно не сдадитесь,— произнес сержант,— я распоряжусь принести несколько заряженных ружей и тогда посмотрим, как вы защититесь от пуль.

— Ну, будет, Триго, будет, мой мальчик,— сказал Кургузый.— Надо смириться: впрочем, не волнуйся. Нас скоро выпустят: такие бедняки, как мы, не заслуживают хороших тюрем.

— В добрый час! — воскликнул сержант, довольный тем, что дискуссия приняла мирный оборот.— Вас обыщут и, если не найдут ничего подозрительного и вы не будете шуметь ночью, утром вас выпустят на свободу.

Ничих обыскали, но у них не нашли ничего, кроме нескольких мелких монет, что еще больше убедило сержанта проявить снисхождение к пленникам.

— В конце концов,— сказал он, указывая на Триго,— этот огромный бык не виновен, и я не вижу, почему мы должны его арестовывать.

— Не считая того,— добавил Лимузен,— что, если ему взбредет в голову, как его предку Самсону, упираться в стену, то она рухнет нам на головы.

— Ты, Пике, прав,— сказал сержант,— тем более что ты разделяешь мое мнение. Нам только этого и не хватало. Ну, друг, убирайся, и поскорее!

— О, мой добрый господин, не разлучайте нас,— плаксивым голосом затянул Кургузый Обен,— мы не можем жить друг без друга: он — мои ноги, а я — его глаза.

— По правде говоря,— заметил один солдат,— они связаны покрепче любовников.

— Нет,— сказал сержант, обращаясь к Кургузому,— я оставляю тебя на ночь в кутузке для того, чтобы тебя наказать, а завтра дежурный офицер решит, что с тобой делать. А теперь, без разговоров, вперед!

Два солдата направились к Кургузому Обену, но он с неожиданной для инвалида ловкостью забрался на плечи Триго, который спокойно направился в сопровождении солдат в сторону подвала.

По дороге Обен, прижавшись губами к уху своего приятеля, произнес тихим голосом несколько слов. После того как Триго опустил его перед дверью в подвал, сержант подтолкнул инвалида, и тот покатился в камеру, словно огромный шар.

Затем Триго вывели за пределы поста и закрыли за ним ворота.

Словно оглушенный, Триго неподвижно простоял несколько минут, казалось, не зная, на что решиться. Он попробовал было устроиться на валике, на котором раньше отдыхали солдаты, но часовой запретил, указав, что здесь не полагалось рассиживаться посторонним, и нищий направился в сторону Сен-Коломбена.

XXV

КЛЮЧ ПОЛЕЙ

Часа два спустя после задержания Кургузого Обена караульный услышал стук колес приближавшейся к посту повозки. В соответствии с требованиями устава он крикнул: «Кто идет?», а когда повозка уже почти поравнялась с ним, приказал вознице остановиться.

Повозка остановилась.

Капрал и четверо солдат вышли за ворота, чтобы взглянуть на возницу и рассмотреть его повозку.

Перед ними была обычная крестьянская телега, набитая сеном, ничем не отличавшаяся от любой другой повозки, проезжавшей вечером по дороге на Нант; лошадью управлял возница, который, объяснив, что везет в Сен-Фильбер сено для своего хозяина, добавил, что выбрал для поездки ночь из-за нехватки времени, необ-

ходимого для полевых работ; выслушав крестьянина, сержант приказал его пропустить.

Однако такое проявление доброй воли со стороны военных не пошло на пользу бедному крестьянину: его телега, запряженная единственной лошадей, остановилась на самой вершине крутого подъема и, несмотря на все усилия возницы и его лошади, не могла сдвинуться с места.

— Вам надо было раньше подумать о том, что нельзя нагружать до такой степени несчастную скотину! — произнес капрал. — Разве вы не видите, что на телеге в два раза больше груза, чем бедная лошадь способна везти.

— Как жаль, — произнес второй солдат, — что сержант прогнал того малого, похожего на дикого быка, который нас так хорошо развлекал! Мы бы его впрягли в телегу вместе с лошадей, и, немного поднатужившись, он помог бы вознице.

— Ох! Еще неизвестно, согласился бы он, чтобы его запрягли, — не поддержал его другой солдат.

Если бы солдат мог видеть, что происходило сзади повозки, он бы тут же получил подтверждение своих слов, что Триго воспротивился бы, если бы его попросили тащить воз в гору.

Кроме того, от его внимания не ускользнуло бы, что лошадь не могла сдвинуть повозку с места отнюдь неспроста, ибо нищий под покровом темноты схватился руками за деревянную оглоблю, служившую для поддержки груза, и, упершись ногами в землю, а телом откинувшись назад, тянул телегу в противоположную сторону, меряясь силой, — с еще большим успехом, чем в прошедший вечер, с лошадей.

— Вы не возражаете, если мы вам поможем? — спросил капрал.

— Подождите, я сделаю еще одну попытку, — ответил возница и, отойдя в сторону, чтобы остановить сползание телеги вниз, взял лошадь под узцы, намереваясь заставить ее сделать хотя бы один шаг вперед, чтобы как-то оправдаться в глазах солдат.

Но сколько бы он ни хлестал лошадь, сколько бы ни повышал голос и ни натягивал поводья, сколько бы солдаты ни помогали ему криками, лошадь по-прежнему только напрасно напрягала мышцы, высекая искры из-

под копыт; затем несчастный конь повалился на бок, и в тот же самый момент, словно колеса встретили какое-то препятствие, нарушившее равновесие, повозка накренилась влево и перевернулась.

Солдаты, бросившись вперед, поспешили освободить лошадь от упряжи. В своем порыве они не заметили Триго, который, безусловно, остался доволен своим достижением, когда подлез под телегу и приподнял ее на своих геркулесовых плечах, а затем раскачал ее так, чтобы она потеряла равновесие. Он преспокойно вылез из-под телеги и исчез в зарослях.

— Если хочешь, мы тебе поможем поставить телегу на колеса, — сказал капрал крестьянину. — Ты только отправляйся за второй лошадей, без которой ты не сможешь даже тронуться с места.

— Ах! Честное слово, это выше моих сил, — ответил возница. — Вот утром, когда рассветет! Видно, сам Господь Бог не хочет, чтобы я продолжил свой путь; а воле Божьей нельзя противиться.

И с этими словами крестьянин забросил поводья на спину лошади и, сняв седелку упряжи, поднял коня на ноги и, пожелав доброй ночи солдатам, исчез в темноте.

Шагов за двести от караульного поста его нагнал Триго.

— Ну как, — спросил крестьянин, — ты доволен?

— Да, — ответил Триго, — мы все сделали так, как приказал Кургузый Обен.

— Ну, тогда в добрый час! А я оставлю лошадь там, где ее взял, и это не так уж трудно сделать, чего не скажешь о телеге. Когда ее владелец проснется утром и кинется искать свое сено, то весьма удивится, когда найдет его наверху по соседству с постом!

— Ничего! Я скажу ему, что так было нужно для нашего дела, — ответил ему Триго, — и он не станет нас бранить.

Крестьяне распрощались.

Только Триго не ушел далеко от поста; он бродил вокруг да около до тех пор, пока не услышал, как на колокольне в Сен-Коломбене пробил одиннадцать часов; сняв башмаки, он бесшумно вернулся к посту и, не замеченный часовым, который, как доносилось до слуха нищего, прохаживался взад и вперед, пробрался к окошку тюрьмы.

Стараясь не шуметь, Триго разбросал выпавшее из повозки сено по земле таким образом, чтобы оно легло плотным слоем; затем бережно опустил сверху жернов, прикрывавший окошко тюрьмы, и, нагнувшись к оконному проему, осторожно оторвал доски, прибитые изнутри, поднял наверх Кургузого Обена, которого Мишель подталкивал сзади, после чего вытащил и молодого барона, протянув ему руку. Затем, посадив на каждое плечо по узнику, Триго, который по-прежнему не удосужился надеть башмаки, отправился в противоположную от поста сторону, производя не больше шума, чем кошка, крадущаяся по ковру, несмотря на свой внушительный вес и двойной груз, который он взвалил на свои плечи.

Когда Триго сделал шагов пятьсот, он остановился, но не от усталости, а потому, что так захотел Кургузый Обен.

Мишель соскользнул на землю и, порывшись в кармане, вытащил пригоршню мелочи, среди которых поблескивали и золотые монеты, и пересыпал их в широкую ладонь Триго.

Триго хотел было их спрятать в свой карман, в два раза более широкий, чем его ладонь, принявшая монеты.

Но тут его остановил Обен.

— Верни все господину, — сказал он, — мы не принимаем подаяние из двух рук сразу.

— Как это из двух рук? — спросил Мишель.

— А вот как. Вы нам несколько не должны, о чем, возможно, и не подозреваете, — сказал Кургузый Обен.

— Мой друг, я вас не понимаю.

— Мой юный господин, — продолжал Кургузый, — теперь, когда мы оказались на свободе, я могу вам честно признаться, что слегка покривил душой, когда сказал вам, что попал в кутузку с единственной целью выволить вас оттуда; мне было необходимо, чтобы вы мне слегка помогли; без вашей помощи я бы не смог добраться до слухового окна; и теперь, когда благодаря вам и крепким рукам моего друга Триго наш побег прошел без сучка и задоринки, могу вам признаться, что вы лишь сменили одну тюрьму на другую.

— Что это значит?

— А то, что если вместо сырого и вонючего подвала тихой и ясной ночью перед вами раскинулось широкое поле, это вовсе не означает, что вы выбрались из тюрьмы.

— Из тюрьмы?
— По крайней мере вы находитесь под стражей.
— Под чьей стражей?
— Под моей!
— Под вашей? — спросил, рассмеявшись, Мишель.
— Да, и еще примерно с четверть часа. И вы напрасно смеетесь: вы наш пленник до тех пор, пока я не передам вас в руки того, кто вас ищет.

— А кто же это?

— Скоро увидите... Я всего лишь выполняю поручение, не больше и не меньше. Не надо отчаиваться; вот единственное, что я могу вам сказать. Вы могли бы оказаться еще в более затруднительном положении, чем сейчас.

— Однако?..

— Так вот, в качестве платы за услуги, которые были мною оказаны, и в знак благодарности чудаку Триго мне было сказано: «Освободите господина барона Мишеля де ла Ложери и приведите его ко мне». Вот я вас и освободил, господин барон, и сейчас веду к назначенному месту.

— Послушайте, — произнес молодой человек, на этот раз не поняв ни слова из того, что ему сказал трактирщик из Монтегю. — Вот мой кошелек, он будет ваш, только покажите мне дорогу на Ложери, куда я хочу прийти до рассвета, и я буду вам весьма признателен.

Мишель подумал, что его освободители посчитали предложенное им вознаграждение не соответствующим оказанной ими великой услуге.

— Сударь, — ответил Кургузый с достоинством, на которое только был способен, — мой приятель Триго не сможет принять от вас вознаграждение, потому что ему заплатили как раз за обратное тому, о чем вы его просите; что до меня, то я не знаю, знакомы ли вы со мной; в любом случае позвольте представиться: я честный трактирщик, вынужденный из-за разногласий с правительством покинуть свое заведение; однако, несмотря на то, что в данный момент я больше похож на нищего, я хочу, чтобы мой внешний вид не вводил вас в заблуждение: я оказываю услуги, но никогда ими не торгую.

— Но куда же, черт возьми, вы меня ведете? — спросил Мишель, совсем не ожидавший такой щепетильности от своего собеседника.

— Вам остается только следовать за нами, и часа не пройдет, как вы все узнаете.

— Следовать за вами, когда вы заявили, что я ваш пленник? Ах, это было бы с моей стороны непростительной глупостью; и не рассчитывайте!

Кургузый Обен ничего не сказал в ответ, но одного его взгляда было достаточно, чтобы Триго понял, как ему надлежит поступить. Молодой барон не успел еще закончить свою фразу и сделать шаг вперед, как нищий, выбросив, словно крик, руку, схватил его за шиворот.

Мишель хотел было закричать, посчитав, что лучше уж сидеть в погребе у солдат, чем быть пленником Триго, но свободной рукой попрошайка прикрыл рот барона, словно известным кляпом господина Вандома, и они прошли полем шагов семьсот или шестьсот со скоростью скаковой лошади, ибо Мишель почти что висел на руке колосса, касаясь земли лишь кончиками сапог.

— Довольно, Триго! — сказал Кургузый Обен, занявший привычное место на плечах нищего, который, казалось, и не чувствовал двойной нагрузки. — Хватит! Молодому барону теперь, наверно, уже претит сама мысль вернуться в Ложери. Кроме того, нас просили не испортить товар.

Затем, когда Триго остановился передохнуть, Обен сказал, обращаясь к едва переводившему дух Мишелю:

— Ну вот, вы теперь будете вести себя более благо-разумно?

— Сила на вашей стороне, а у меня нет оружия, — ответил молодой человек, — мне ничего не остается, как терпеть ваше дурное обращение.

— Дурное обращение? Ах! И вы еще смеете произносить подобные слова? Ибо, взывая к вашей чести, я прошу мне ответить, правда ли то, что в тюремной камере синих и на дороге вы не переставали твердить, что хотите вернуться в Ложери, и именно ваше упрямство заставило меня применить силу?

— Ладно, назовите хотя бы имя того человека, кто послал вас за мной и приказал привести к нему.

— Именно это мне категорически запрещено, — сказал Кургузый Обен, — но, не нарушая полученных инструкций, я могу вам сказать, что этот человек принадлежит к числу ваших друзей.

На сердце Мишеля похолодело.

Он подумал о Берте.

Бедняга посчитал, что мадемуазель де Судэ получила его письмо и теперь его ожидала встреча с Волчицей, оскорбленной в своих лучших чувствах, и, несмотря на то, что объяснение ему представлялось не из легких, он почувствовал, что найдет в себе силы его выдержать.

— Хорошо,— сказал он,— я знаю, кто меня ждет.

— Вы знаете?

— Да, это мадемуазель де Судэ.

Кургузый Обен не ответил, но взглянул на Триго с таким видом, словно хотел сказать: «Надо же, догадался!»

Мишель перехватил его взгляд.

— Пошли, — сказал он.

— И вы не будете больше пытаться улизнуть?

— Нет.

— Честное слово?

— Честное слово.

— В таком случае, раз вы наконец-то успокоились, мы дадим вам возможность не разбить в кровь ноги, спотыкаясь о кочки и натываясь на колючки, растущие на этой проклятой глинистой почве, по которой можно передвигаться лишь в семимильных сапогах.

Мишель вскоре понял, о чем говорил трактирщик, ибо, вслед за Триго, он не прошел и сотни шагов по лесу, выходящему к дороге, как услышал конское ржание.

— Моя лошадь! — воскликнул барон, не скрывая своего удивления.

— Уж не подумали ли вы, что мы ее у вас украли?— спросил Кургузый Обен.

— Как же случилось, что я не застал вас на том месте, где мы договорились встретиться?

— Черт возьми, — ответил Обен, — я вам скажу: мы заметили, что вокруг нас стали кружить люди, с особым вниманием разглядывавшие нас, что нам показалось весьма подозрительным, а так как, честно говоря, мы не очень-то любим любопытных глаз и после вашего ухода прошло уже немало времени, мы решили отвести вашу лошадь в Банлевр, куда, по нашим предположениям, вы должны были вернуться, если вас не арестуют. И уже по дороге мы увидели, что вас не задержали... еще.

— Еще?

— Да, но вас должны были вот-вот схватить.

— Так вы были рядом со мной, когда меня арестовали жандармы?

— Мой дорогой господин, — продолжал с привычной ему усмешкой Кургузый Обен, — и в самом деле, надо быть таким неоперившимся птенцом, как вы, чтобы идти по проезжей дороге и, вместо того, чтобы глядеть в оба за теми, кто попадаетея вам навстречу или шагает позади или впереди вас, думать о чем-то другом! Вы должны были услышать топот копыт лошадей этих господ уже минут за пятнадцать до того, как их услышали мы, и вам не составило бы большого труда по нашему примеру укрыться в лесу.

Мишелю вовсе не хотелось рассказывать им о том, о чем он думал в тот момент, о котором ему напомнил Кургузый Обен; он лишь, печально вздохнув при воспоминании о своих душевных муках, оседлал лошадь, отвязанную Триго, в то время как Кургузый Обен пытался растолковать своему приятелю, как правильно держать стремя.

Затем они снова вышли на дорогу, и нищий, держась рукой за лошадиную гриву, без заметного усилия зашагал с той же скоростью, какую Мишель задал лошади.

Пройдя около половины лье, они свернули на тропу, пересекавшую дорогу, и, несмотря на темноту, по очертаниям черневших в ночи деревьев Мишелю показалось, что он уже однажды здесь был.

Вскоре они вышли на развилку, и молодой человек вздрогнул: он проходил здесь в тот вечер, когда в первый раз провожал Берту.

В тот момент, когда путешественники, пройдя развилку, двигались по тропе, которая вела к дому Тенги, где в этот поздний час еще горел свет, из-за плетня вокруг выходившего к дороге сада, раздался негромкий голос, окликнувший их.

Кургузый Обен тут же ответил.

— Это вы, мэтр Кургузый? — спросил женский голос, и над плетнем забелело чье-то лицо.

— Да, а вы кто?

— Розина, дочь Тенги. Вы меня не узнаете?

— Розина! — пронеслось в голове Мишеля. Присутствие девушки лишь подтверждало его предположение о том, что его ожидала Берта.

Кургузый с ловкостью обезьяны соскользнул с Триго на землю и, подпрыгивая, словно майский жук, направился к изгороди, в то время как Триго остался сторожить Мишеля.

— Крошка моя, — произнес Кургузый, — темной ночью все кошки серы. Однако, — продолжал он, понизив голос, — почему ты не в доме, где нам назначена встреча?

— Потому что в доме есть люди, и вы не можете привести туда господина Мишеля.

— Люди? Неужели к вам на постоя встали проклятые синие?

— Нет, это не солдаты: просто Жан Улле за день обошел всю округу и теперь совещается в доме с людьми из Монтегю.

— А что же они там делают?

— Они разговаривают. Присоединяйтесь к ним: вы сможете с ними выпить и немного согреться.

— Хорошо, но, моя красавица, что же мы будем делать с нашим молодым человеком?

— Мэтр Кургузый, оставьте его под моим присмотром, разве не об этом мы с вами договаривались?

— Мы должны были привести его в твой дом, да, именно так! И там мы легко могли бы оставить его, заперев где-нибудь в погребе или сарае, тем более что он совсем не опасен. Но, Боже мой, в открытом поле за ним не уследить: он ускользнет, как уж!

— Ладно! — сказала Розина, пытаясь улыбнуться, что после смерти отца и брата у нее плохо получалось. — Вы считаете, что за красивой девушкой он пойдет с меньшей охотой, чем за двумя такими старыми ослами, как вы?

— А если узник нападет на своего стража? — спросил мэтр Кургузый.

— О! Не волнуйтесь! Я быстро бегаю, у меня зоркий глаз и чуткое сердце; кроме того, барон Мишель — мой молочный брат; мы вместе выросли; насколько я знаю, он способен покуситься на девичью добродетель с тем же успехом, с каким может открыть дверь тюремной камеры. А потом, что же вам все-таки приказали сделать?

— Освободить его, если нам удастся, а затем привести добровольно или насильно в дом твоего отца, где ты должна была нас ждать.

— Ну вот, я здесь. И мой дом перед вами. И птичка уже не в клетке. Согласитесь, что большего от вас и не требуется.

— Надеюсь.

— В таком случае, прощайте.

— Послушай, Розина, может, на всякий случай мы ему свяжем руки? — заметил с усмешкой Кургузый.

— Спасибо, спасибо, мой приятель Кургузый,— сказала Розина и направилась туда, где стоял Мишель, — вы бы лучше придержали свой язык.

Несмотря на то, что все это время Мишель находился от них на некотором отдалении, до его слуха донеслось имя Розины, и он узнал, что между девушкой и его освободителями, ставшими его тюремщиками, существовала какая-то договоренность.

Он все больше и больше утверждался в мысли, что своим освобождением был обязан Берте.

Действия Кургузого и некоторое насилие, проявленное им по отношению к нему с помощью Триго, тайнственность, которой он окружил имя человека, с кем был едва знаком, но кому был предан всей душой, все это вполне соответствовало событиям, которые могли произойти после того, как гнев охватил вспыльчивую и своевольную Берту, когда она получила письмо, переданное через нотариуса Лорио.

— Это ты, Розина! Это ты! — воскликнул Мишель, повышая голос, разглядев в темноте, что к нему приближалась его молочная сестра.

— В добрый час! — произнесла Розина. — Вы совсем не походите на Кургузого, который ни за что не хотел меня признать; а вы меня сразу узнали, не так ли, господин Мишель?

— Да, конечно. А теперь скажи-ка мне, Розина...

— Что?

— Где мадемуазель Берта?

— Мадемуазель Берта?

— Да.

— Не знаю, — ответила Розина с таким простодушием, что несказанно удивила Мишеля.

— Как! Ты не знаешь? — повторил молодой человек.

— Я думаю, что в Судэ.

— Ты уверена, что не знаешь?

— Помилуйте...

- Так ты ее сегодня не видела?
- Господин Мишель, конечно, нет! Я только знаю, что она должна была сегодня вернуться в замок вместе с господином маркизом. Но я весь день провела в Нанте.
- В Нанте! — воскликнул молодой человек. — Ты была сегодня в Нанте?
- Да, конечно.
- Розина, а в котором часу ты туда приехала?
- Когда мы проезжали через мост Руссо, пробило девять часов утра.
- Ты сказала «мы»?
- Именно так.
- Так, значит, ты ехала не одна?
- Конечно, нет, я сопровождала мадемуазель Мари. Именно потому мы и приехали так поздно: ведь надо было посылать за мной в замок.
- Но где же мадемуазель Мари?
- Сейчас?
- Да.
- Она на островке Жоншер, куда я и должна вас доставить. Но, господин Мишель, вы задаете такие странные вопросы!
- Ты должна отвести меня к ней? — воскликнул Мишель вне себя от радости. — Скорее в путь! Поспешим, моя маленькая Розина!
- Прекрасно! И этот старый дурень Кургузый мне сказал, что мне придется с вами нелегко! Какие же они все недотепы!
- Розина, дитя мое, умоляю, не будем напрасно терять время!
- Я только того и жду. Но, чтобы поскорее добраться до места назначения, не посадите ли вы меня на лошадь?
- Конечно! — ответил Мишель, в чьем сердце при одной только мысли, что он скоро увидит Мари, рассеялись все ревнивые подозрения, терзавшие его сердце, и теперь он думал лишь о том, что именно его возлюбленная так рьяно взялась за его освобождение. — Поднимайся скорее!
- А вот и я! Дайте мне руку, — произнесла Розина, поставив свою ногу в деревянном башмаке на сапог молодого человека.

И, забравшись на лошадь, продолжила, устраниваясь поудобнее:

— Вот и порядок! Теперь сверните налево.

Молодой человек выполнил ее просьбу, забыв тут же о Триго и Кургузом, словно они и не существовали.

С этой минуты он ни о ком больше не мог думать, кроме Мари.

Некоторое время они ехали молча.

— Но,— произнес молодой человек, который, когда они тронулись в путь, не мог больше молчать и хотел как можно больше услышать о Мари,— как мадемуазель узнала, что меня арестовали жандармы?

— О, честно говоря, господин Мишель, мне придется начать издалека.

— Начинать откуда хочешь, моя добрая Розина, но только рассказывай! Я сгораю от нетерпения. Ах! Какое счастье вновь обрести свободу,— произнес молодой человек,— и спешить к мадемуазель Мари!

— Надо вам сказать, господин Мишель, что сегодня ранним утром мадемуазель Мари приехала в Судэ; она, одолжив у меня мое выходное платье, сказала: «Розина, ты поедешь со мной...»

— Продолжай, Розина! Я тебя слушаю.

— И мы отправились в путь, как настоящие крестьянки с корзинами, наполненными яйцами. В Нанте, пока я продавала яйца, мадемуазель отправилась по своим делам.

— А что это были за дела? — спросил Мишель, и перед его глазами, словно призрак, промелькнуло лицо молодого человека, переодетого в крестьянское платье.

— Ах! Об этом, господин Мишель, я ничего не знаю.— И, не заметив, как вздохнул Мишель, продолжила:

— А так как мадемуазель совсем не чувствовала под собой ног, мы попросили господина Лорио, нотариуса из Леже, отвезти нас на своей двуколке. По дороге мы остановились, чтобы дать лошади сена, и, пока нотариус судачил с трактирщиком о ценах на продукты, мы вышли в сад, чтобы скрыться от любопытных взглядов прохожих, которые глазели на мадемуазель, которая слишком красива для простой крестьянки. И вот тогда она прочитала письмо, над которым она пролила горькие слезы.

— Письмо? — спросил Мишель.

— Да, письмо, которое господин Лорио передал ей по дороге.

— Мое письмо! — прошептал Мишель. — Она прочитала мое письмо к ее сестре!.. О!

Он резко натянул поводья, так как не знал, радоваться или же горевать по поводу услышанного.

— Что вы делаете? — спросила Розина, удивившись неожиданной остановке.

— Ничего, ничего, — произнес Мишель, отпуская поводья лошади, снова перешедшей на рысь.

Лошадь скакала дальше, а Розина продолжила свой рассказ.

— Когда она проливала слезы над письмом, нас окликнули с другой стороны изгороди: это был Кургузый Обен вдвоем с Триго; они нам рассказали о том, что с вами приключилось, и спросили мадемуазель, что делать с вашей лошадью, которую вы просили посторожить. И вот тогда бедная мадемуазель почувствовала себя еще хуже, чем когда читала письмо! Она была потрясена случившимся и, решив вырвать вас из рук солдат, обратилась за помощью к Кургузому Обену, который, впрочем, был обязан господину маркизу. У вас отважная подруга, господин Мишель!

Молодой человек слушал Розину с замирающим сердцем; он был на седьмом небе от счастья; за каждое слово, произнесенное девушкой, он был готов расплатиться золотом. Ему же казалось, что они ехали слишком медленно; сломав ветку орешника, не перебивая Розину, он стал подстегивать лошадь, чтобы она скакала в такт биению его сердца.

— Но почему же, Розина, — спросил он, — ей не подождать меня в доме твоего отца?

— Господин барон, мы тоже так сначала хотели, и мы даже вышли из пролетки, сказав, что пойдем пешком в Судэ; мадемуазель попросила Кургузого Обена отвести вас именно туда и ни в коем случае не отпускать вас в Банлевр, пока мы с вами не увидимся; но удача словно отвернулась от нас! Наш дом, опустевший после смерти моего бедного отца, оказался набит людьми, словно постоянный дом ближе к ночи. Вначале в нем остановились маркиз и мадемуазель Берта, решившие передохнуть по дороге в Судэ; затем сюда явился Жан Улье, собравший на совещание руководителей повстанцев наше-

го прихода! Под вечер укрывшаяся на чердаке мадемуазель Мари попросила меня незаметно проводить ее в такое место, где бы она смогла переговорить с вами с глазу на глаз, если Кургузому Обену удастся вас освободить. Ну, вот мы и подходим к мельнице Сен-Фильбер и скоро увидим озеро Гран-Лье.

Услышав последние слова Розины, указывавшие на то, что они приближались к тому месту, где их ожидала Мари, молодой человек пуше прежнего стал хлестать лошадь. Мишель чувствовал, что близится развязка истории, в которую он был втянут. Мари уже знала о том, что он любит ее; для нее уже не составляло секрета и то, что чувства, которые испытывал к ней молодой человек, были настолько сильными, что не позволяли ему принять предложенный ему союз; он решил, что подобное обстоятельство не оскорбило ее фамильную гордость, ибо, оказывая ему столь великую услугу, она рисковала своей репутацией. Каким бы робким, сдержанным и неуверенным в себе ни был Мишель, ему показалось, что надежды, которые он питал относительно ответного чувства Мари, не были такими уж беспочвенными; он подумал, что девушка, бросившая вызов общественному мнению, навлекавшая на себя гнев своего отца и упреки сестры ради спасения молодого человека, о любви и надеждах на взаимность которого она узнала, не могла остаться к нему равнодушной.

Будущее уже ему рисовалось если и не безоблачным, но уже окрашенным в розовые тона, и тут его лошадь стала спускаться по откосу в долину, с юго-востока выходившую к озеру Гран-Лье, чья зеркальная поверхность отливала стальным блеском в ночи.

— Мы уже близко? — спросил он Розину.

— Да, — ответила, соскользнув с лошади, девушка, — а теперь следуйте за мной.

Мишель спешил, в свою очередь, привязал лошадь, пробрался вслед за девушкой сквозь ивовые заросли, так он прошел еще сотню шагов, через плотную стену гибких ветвей, прежде чем выйти на берег озера, походивший своими очертаниями на небольшую бухту.

Розина прыгнула в привязанную к берегу маленькую плоскодонную лодку. Мишель хотел было усесться за весла, но Розина, догадавшись, что он не умел грести, устроилась на корме, взяв в руки весла.

— Позвольте мне грести — сказала она. — Не один раз мне приходилось сопровождать моего бедного отца на рыбалке!

И девушка подняла голову, как будто на небесах хотела рассмотреть лицо старика своими прекрасными глазами, с которых скатились две слезы.

— Однако, — спросил Мишель с эгоизмом влюбленного, который думает только о своей любви, — сможешь ли ты в темноте найти этот островок Жоншер?

— Взгляните, — произнесла, не оборачиваясь, девушка, — вы ничего не видите на берегу?

— Да, я вижу, — ответил молодой человек, — как будто светит звезда.

— Так вот, это мадемуазель Мари держит в руках фонарь; должно быть, она услышала шум и вышла нас встречать.

Мишель хотел было броситься в воду и обогнать вплавь лодку, которая, по его мнению, несмотря на все старание Розины, продвигалась слишком медленно вперед; ему показалось, что им никогда не преодолеть расстояние, отделявшее их от источника света, который с каждой минутой становился все ярче и больше.

Однако надежда увидеть Мари, затеплившаяся в сердце Мишеля после слов дочери Тенги, растаяла как дым, ибо, приблизившись к берегу на такое расстояние, что уже можно было разглядеть единственную иву, украшавшую однообразный ландшафт островка, он не увидел девушки: у самой воды полыхал разведенный, возможно, ее рукой костер из тростника.

— Розина, — с испугом воскликнул Мишель, поднявшись во весь рост и едва не опрокинув лодку, — я не вижу мадемуазель Мари.

— Потому что она поджидает нас в хижине, — произнесла девушка, причаливая лодку к берегу. — Возьмите горящую ветку, и вы тут же увидите ее по ту сторону лагуны.

Мишель с легкостью прыгнул на берег и, поступив так, как ему советовала его молочная сестра, быстрым шагом направился к домику.

Островок Жоншер занимал площадь, не превышавшую двухсот или трехсот квадратных метров; все его низины заросли камышом, зимой они затапливались во время дождей, поднимавших уровень воды в озере; и

только небольшой слегка приподнятый участок суши размером не более пятидесяти футов не страдал от наводнений. И именно здесь, на самом берегу, старый Тенги построил хижину, где долгими зимними вечерами коротал время, вырезая свои удочки.

И вот сюда и привела Розина Мари.

Когда Мишель подошел к хижине, он уже и не надеялся на встречу с любимой, и только его сердце бешено колотилось в груди.

И в тот момент, когда ему оставалось лишь нажать на деревянную щеколду, на которую была заперта дверь, у него так защемило в груди, что ему пришлось остановиться.

И тут только Мишель заметил, что верхняя часть двери была застекленной, что давало возможность заглянуть внутрь хижины.

Он увидел Мари, сидевшую с понуро опущенной головой на вязанке хвороста.

Как ему показалось, в слабом свете стоявшего на скамье фонаря он разглядел на пушистых ресницах девушки слезинки, и от одной только мысли о том, что она плачет из-за него, от его робости не осталось и следа.

Мишель толкнул дверь и, бросившись девушке в ноги, воскликнул:

— Мари, Мари, я вас люблю!

XXVI

В КОТОРОЙ МАРИ ОДЕРЖИВАЕТ ПИРРОВУ ПОБЕДУ

Несмотря на всю решимость Мари оставаться равнодушной, приход Мишеля оказался для нее настолько неожиданным, его голос был таким нежным, а первые обращенные к ней слова свидетельствовали о такой силе чувства и прозвучали с такой мольбой, что бедная девушка не смогла справиться с охватившим ее волнением: сердце учащенно забилось, пальчики дрогнули, а слезы, застывшие, как показалось барону, на ее ресницах, капля за каплей, словно расплавленные жемчужины, скатились по щекам на руки Мишеля, сжимавшего трепетные руки девушки. К счастью для девушки, бедный влюбленный был слишком взволнован и не заметил волнения Мари, и она успела взять себя в руки, прежде чем молодой человек продолжил свое признание.

Она мягко отстранила от себя барона и оглянулась. Уловив ее взгляд, Мишель с тревогой вопросительно посмотрел на нее.

— Как случилось, что вы один? — спросила она. — Где же Розина?

— А как случилось, Мари, — произнес молодой человек поникшим голосом, — что вы не разделяете со мной радость нашей встречи?

— Ах! Мой друг, — сказала Мари, выделяя голосом последнее слово, — вы не можете, особенно теперь, сомневаться в моем участии в вашей судьбе.

— Нет, — воскликнул Мишель, стараясь снова взять руки Мари, которые она уже успела отнять, в свои, — нет, потому что именно вам я обязан своим освобождением и, возможно, и жизнью!

— Однако, — прервала его Мари, сделав над собой усилие, чтобы улыбнуться, — это вовсе не повод для того, чтобы оставаться наедине, мой дорогой господин Мишель, даже Волчица должна соблюдать определенные правила приличия. Если вас не затруднит, позовите, пожалуйста, Розину.

Мишель лишь горестно вздохнул, но не встал с колен, в то время как из его глаз брызнули слезы.

Мари отвернулась от молодого человека, чтобы не видеть его страданий, затем попыталась встать.

Но Мишель ее удержал.

Бедняга еще не умел разбираться в делах сердечных. Он даже не обратил внимания на то, что Мари слишком уж опасалась остаться с ним с глазу на глаз в таком уединенном месте, каким был островок Жоншер, что свидетельствовало о том, что она не ручалась ни за себя, ни за него, и не сделал для себя соответствующего вывода, что еще имеет шанс как влюбленный; напротив, его радужные мечты рассеялись словно дым, и ему вдруг показалось, что перед ним снова предстала Мари, такая же равнодушная и холодная, какой она была с ним в последнее время.

— Ах! — воскликнул он с горечью. — Зачем вы вырвали меня из рук солдат? Они бы меня, возможно, расстреляли, но по мне лучше смерть, чем знать, что вы меня не любите!

— Мишель! Мишель! — воскликнула Мари.

— О! — произнес он. — Я еще раз могу повторить мои слова.

— Злой мальчишка, не произносите их больше никогда! — возразила ему Мари, перейдя на материнский тон — Разве вы не видите, что доводите меня до отчаяния?

— Неважно! — произнес Мишель.

— Послушайте, — продолжала Мари, — неужели вы сомневаетесь в искренности моих дружеских чувств к вам?

— Увы! — ответил с грустью молодой человек. — Мне кажется, что чувства, о которых вы мне говорите, не идут ни в какое сравнение с тем, что я ощущаю в моем пылающем сердце с того самого дня, когда впервые увидел вас, и, несмотря на все ваше ко мне дружеское расположение, моя душа жаждет взаимности.

Мари пришлось сделать над собой невероятное усилие.

— Мой друг, Берта предоставит вам все, чего вы ждете от меня, ее любовь к вам именно такая, какую вы заслуживаете и о какой вы мечтаете, — сказала бедняжка дрогнувшим голосом, торопясь произнести вслух имя сестры, как бросают в воду спасательный круг, словно хотела воздвигнуть преграду между собой и любимым человеком.

Покачав недоверчиво головой, Мишель вздохнул.

— О! Но я же люблю совсем другую, совсем другую, — произнес он.

— Зачем, — поспешно спросила Мари, словно не замечая ни жеста, ни слов молодого человека, — зачем вы написали это письмо, которое могло бы разбить ее сердце, если бы попало ей в руки?

— И его получили вы?

— Увы! Да, — сказала Мари, — несмотря на всю боль, которую это письмо мне причинило, я должна вам признаться: какое счастье, что оно попало именно ко мне!

— И вы прочитали его до конца? — спросил Мишель.

— Да, — ответила девушка, вынужденная опустить ресницы, не в силах выдержать умолявший взгляд молодого человека, который сопровождал его слова, — да, я его прочитала и именно потому, мой друг, решила переговорить с вами прежде, чем вы увидите с Бертой.

— Но разве вы не поняли, Мари, что сначала и до

конца письма я ни разу не покривил душой и могу любить Берту лишь как сестру?

— Нет, нет,— произнесла Мари,— я поняла только одно: мне бы выпала незавидная доля, если бы я стала причиной несчастья моей горячо любимой сестры!

— Но тогда,— воскликнул Мишель,— что вам надо от меня?

— Хорошо,— произнесла Мари, сложив руки, словно молясь,— прошу вас пожертвовать чувством, которое еще не успело пустить глубокие корни в вашем сердце; прошу вас отказаться от пагубного влечения, возникшего без какого бы то ни было повода с моей стороны, прошу вас забыть о вашей сердечной склонности, обреченной оставаться без взаимности, которая лишь принесет горе всем нам...

— Мари, лучше прикажите мне умереть, пусть меня убьют или я покончу с собой. Бог мой: нет ничего проще! Но вы просите отречься от моей любви к вам... Что в моем сердце сможет заменить любовь к вам?

— И все же, мой дорогой Мишель, постарайтесь справиться с вашей любовью ко мне,— сказала мягко Мари,— ибо я поклялась в том, что никогда не подам вам ни малейшей надежды на ответное чувство, о котором вы говорите в вашем письме.

— Кому вы поклялись?

— Богу и себе.

— О! — воскликнул, разрыдавшись, Мишель.— О! А я-то думал, что вы меня любите!

Мари решила, что в ответ на все более пылкие признания юноши она должна продемонстрировать ледяную сдержанность.

— Мой друг,— продолжала она,— то, о чем я только что вам сказала, является не только плодом моих размышлений, но и продиктовано искренней симпатией, которую я к вам испытываю; поверьте, если бы я относилась к вам по-другому, я бы решила, что вместо всяких объяснений было бы достаточно показать мое равнодушие; на самом деле перед вами истинный друг, призывающий вас, Мишель, забыть ту, которая не может вам принадлежать, и полюбить ту, которая вас любит и с кем вы помолвлены.

— О! Но вам же известно, что эта помолвка была для меня полной неожиданностью: вы же знаете, что,

устраивая ее, Малыш Пьер ошибся, полагая, что я равнодушен к Берте. А вы знали, кого я люблю: я вам объяснился той ночью, когда солдаты остановились в замке; вы не отвергли мою любовь, и я это понял по трепету ваших рук, которые сжимал в своих; Мари, я стоял на коленях так же, как стою сейчас! Вы склонили вашу головку, и ваши волосы, ваши прекрасные густые локоны, ваши восхитительные локоны коснулись моего лица! И вот моя ошибка лишь в том, что я не назвал Малышу Пьеру имени своей возлюбленной! Я даже не подумал, что кто-то может предположить, что я влюблен в другую женщину. И виной всему моя робость, будь она проклята! Но в конце концов совершенная мною ошибка не такая уж непростительная, чтобы наказывать меня столь жестоко, навсегда отлучая от женщины, которую я люблю, и связывая меня браком с той, к кому я совершенно равнодушен!

— Увы! Мой друг, но эту, на ваш взгляд, вполне невинную ошибку исправить для меня уже невозможно. Что бы теперь ни произошло, даже если бы вы отказались от предложения, сделанного от вашего имени, которое вы подтвердили своим молчанием, вы должны понять, что я уже не смогу вам принадлежать, ибо никогда не пойду на то, чтобы строить свое счастье на горе моей горячо любимой сестры.

— О Боже! — воскликнул Мишель. — Как же я несчастен!

И молодой человек, прикрыв лицо руками, залился слезами.

— Да, да,— продолжала Мари,— я вам верю, сейчас вам приходится нелегко; но, мой друг, проявите хоть немного доброй воли, мужества и решимости! Вам надо только прислушаться к моему совету — со временем вы справитесь с вашим чувством. Если для вас лучше, чтобы я уехала, я уеду.

— Вы уедете! Вы расстанетесь со мной! Нет, нет, никогда! Мари, не бросайте меня; так и знайте: в тот же день я последую за вами, куда бы вы ни отправились. О Боже, что станет со мной, если вас не будет рядом? Нет, нет, нет, не уезжайте, Мари, заклинаю вас!

— Хорошо, я останусь; но только за тем, чтобы оказать вам моральную поддержку в столь трудное для вас

время, но если вы выполните свой долг, будете счастливы, когда вы женитесь на Берте...

— Никогда! Никогда! — прошептал Мишель.

— Да, да, мой друг, ибо Берта больше, чем я, подходит вам в жены; ее любовь — клянусь вам, так как знаю, о чем говорю, — сильнее, чем вы даже можете предположить; ее сила чувств, которой, увы, не обладаю я, поможет справиться с той любовной лихорадкой, какая снедает вас; она убережет вас от шипов, что встретятся на вашем жизненном пути, которых вы сами, возможно, не смогли бы избежать. И, поверьте мне, вы будете щедро вознаграждены за принесенную жертву.

Когда Мари произносила эти слова, она изо всех сил старалась казаться спокойной, в то время как ее сердце раненой птицей билось в груди, и только бледное лицо выдавало ее волнение.

Что же касалось Мишеля, то он слушал Мари, словно в бреду.

— Не говорите мне таких слов! — воскликнул он, когда она замолчала. — Неужели вы думаете, что своими чувствами можно управлять так же легко, как строитель направляет воды реки по новому руслу или как садовник подвязывает виноградную лозу, решая за нее, по какой стене ей виться? Нет, нет; я вам еще раз говорю, и повторю, если понадобится, еще сотню раз, что люблю только вас, Мари! При всем своем желании я бы не смог полюбить другую женщину! Но у меня вовсе нет и такого желания! О, Боже, — продолжал молодой человек, заламывая в отчаянии руки, — что же со мной будет, если вы выйдете замуж за кого-то другого?

— Мишель, — ответила с жаром Мари, — если вы сделаете то, о чем я вас прошу, клянусь всеми святыми, что, раз я не могу соединиться с вами, я не буду принадлежать никому другому, кроме Бога! Я не выйду замуж, вся моя привязанность, вся моя нежность будут обращены только к вам; и эти чувства будут не похожи на простую земную любовь, которая со временем может потускнеть или исчезнуть по какой-то нелепой случайности, вы получите взамен истинную любовь сестры к своему брату, которую ничто не способно разрушить; вы получите взамен признательность, которую я буду испытывать к вам до самых последних дней, ибо именно вам я буду

обязана счастьем своей сестры и буду молиться за вас всю оставшуюся жизнь.

— Однако, Мари, ваша привязанность к Берте неоправданно велика,— возразил Мишель,— вы только о ней и заботитесь; вы даже не подумали о том, что навсегда обрекаете меня жить с женщиной, которую я не люблю. О, Мари! Какая жестокость со стороны человека, за которого, не задумываясь, я бы отдал свою жизнь; просить меня о том, что я могу выполнить...

— Нет, мой друг,— настаивала девушка,— если вы сделаете то, о чем я вас прошу, это будет означать одно: вы смиритесь с судьбой, выбранной для вас на небесах,— и вам, несомненно, будет засчитан ваш благородный и великодушный поступок; вы покоритесь, и это произойдет потому, что вы поймете, что Бог не останется равнодушным к вашей жертве и поощрит вас, и этим вознаграждением будет счастье двух бедных сирот.

— О, прошу вас, Мари,— в отчаянии воскликнул Мишель,— прекратите... О! Теперь я понимаю: вы не знаете, что такое любовь. Вы просите отказаться от вас? Но знаете, что вы — мое сердце, моя душа, моя жизнь; вы просите, чтобы я вырвал из груди сердце, убил свою душу, но мне лучше умереть, чем отказаться от своего счастья! Вы для меня словно дневной свет, без которого я ничего не смогу различить вокруг, и, если вы откажетесь освещать мой путь, я тотчас же окажусь в жуткой темной пропасти! Клянусь вам, Мари, с той самой минуты, когда я вас увидел, с того самого мгновения, когда я почувствовал прикосновение ваших прохладных рук к моему окровавленному лбу, вы стали моим вторым «я», и все мои помысли связаны с вами, вы вошли в мою жизнь и стали ее частью, и, если бы мне пришлось вас вырвать из моего сердца, оно тут же перестало бы биться, словно лишенное притока крови... Вы же видите, что я не в силах поступить так, как вы хотите!

— И даже,— воскликнула в отчаянии Мари,— несмотря на то, что Берта вас любит, я вас не люблю?

— Ах, Мари! Если вы меня не любите, если у вас хватит смелости сказать мне, положи руку на сердце и не отводя глаз: «Я вас не люблю»,— для меня все будет кончено!

— Что вы понимаете под словом «кончено»?

— О, Мари, об этом нетрудно догадаться. Клянусь

звездами, сияющими на небосклоне, которые видят, как чиста моя любовь к вам, клянусь Богом, который знает, что моя любовь к вам бессмертна, клянусь вам, Мари, что ни вы, ни ваша сестра меня больше не увидите.

— Несчастный, о чем таком вы говорите?

— Я говорю о том, что стоит мне только переплыть озеро, что займет от силы минут десять, оседлать коня, который ожидает меня в ивовых зарослях, пустить его в галоп, доскакать до первого поста, на что потребуются еще минут десять, и сказать солдатам: «Я — барон Мишель де ла Ложери», — как не пройдет и трех дней, как меня расстреляют.

Мари не смогла сдержать вырвавшегося из груди крика.

— Я так и поступлю, — добавил Мишель, — клянусь звездами, светящими нам с небес, и Богом, смотрящим на нас.

И молодой человек уже было собрался направиться к выходу из хижины.

Мари бросилась к нему, схватила за руку, пытаясь удержать, но силы покинули ее, и, скользнув вниз, она опустилась перед ним на колени.

— Мишель, — прошептала она, — если вы меня любите так сильно, как только что уверяли, вы не сможете мне отказать. Во имя вашей любви заклинаю вас не убивать мою сестру! Со слезами молю вас, дайте ей возможность жить и быть счастливой. Вас вознаградит Бог, ибо каждый день я буду просить даровать милость человеку, спасшему мою сестру, которую я люблю больше своей жизни. Мишель, прошу вас: забудьте меня и не причиняйте горя Берте, о котором я уже могу предположить...

— О, Мари, Мари, какая же вы жестокая девушка! — воскликнул молодой человек, в отчаянии схватившись за голову. — Вы просите мою жизнь... хорошо, будь по-вашему!

— Мужайтесь, мой друг! — произнесла девушка, слабея на глазах.

— Я бы пошел на все, лишь бы вы были со мной, однако ваша просьба лишает меня последних сил, делая меня слабее ребенка, и ввергает меня в отчаяние больше, чем приговор к смертной казни.

— Мишель, друг мой, выполните ли вы мою просьбу? — сквозь слезы пробормотала Мари.

— Так и быть...

Он хотел было уже ответить «да», но слова застряли у него в горле.

— Ах,— продолжал он,— если бы я хоть знал, что вы мучаетесь так же, как и я.

На столь эгоистический возглас, свидетельствовавший между тем и о силе его чувств, Мари, едва переводя дыхание, почти потеряв над собой контроль, ждала Мишеля в объятиях и сквозь слезы произнесла:

— Несчастный, ты сказал, что тебе будет легче, если ты узнаешь, что мое сердце разбито так же, как и твое?

— Да, да! О! Да!

— Ты думаешь, что ад для тебя станет раем, если я буду страдать так же, как и ты?

— Мари, вместе с тобой я готов испытать вечные муки.

— Ну, тогда,— воскликнула в отчаянии Мари,— злой мальчишка, можешь радоваться! Я страдаю не меньше, чем ты! При одной только мысли, что долг нас обязывает принести в жертву нашу любовь, мое сердце разрывается на куски!

— Мари, так ты меня любишь? — спросил молодой человек.

— О! Неблагодарный,— продолжала девушка,— неблагодарный, потому что слышит мои просьбы, видит мои слезы и муки, но не понимает, что я его люблю!

— Мари, Мари! — воскликнул Мишель, почти задыхаясь от нахлынувших чувств и шатаясь, как пьяный.— После того как я едва не умер от горя, ты теперь хочешь, чтобы я умер от счастья?

— Да, да,— повторила Мари,— я тебя люблю! Мне надо было произнести эти слова, которые уже давно мучают меня; и я тебя люблю не меньше, чем ты меня; моя любовь такова, что при одной только мысли о жертве, которую нам надо принести, мне не страшна сама смерть, если бы она пришла ко мне в тот момент, когда я делаю это признание.

И с этими словами, словно замороженная, Мари невольно потянулась к Мишелю, смотревшему на нее во все глаза, словно человек, увидевший перед собой чудо; русые волосы девушки нежно коснулись лба молодого человека; их дыхание слилось, и им показалось, что земля у них уходит из-под ног; и тут, словно обессилев

от переполнявших его чувств, Мишель прикрыл глаза; и в этот блаженный миг губы молодого человека встретились с губами Мари, и, будто устав от долгой борьбы, которую она вела сама с собой, девушка откликнулась на зов, которому было невозможно противиться... Их губы слились в поцелуе, и им показалось, что нет на земле большего блаженства...

Первой очнулась Мари.

Она быстро выпрямилась и, оттолкнув Мишеля, разрыдалась.

И в этот момент в хижину вошла Розина.

XXVII

В КОТОРОЙ БАРОН МИШЕЛЬ ВМЕСТО СЛАБОЙ ТРОСТИНКИ НАТКНУЛСЯ НА КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Мари поняла, что сам Бог протягивает ей руку помощи.

Если бы еще какое-то время она оставалась наедине со своим возлюбленным, Мари не ручалась, что найдет в себе силы и дальше сдерживать его чувства.

Бросившись к Розине, она схватила ее руку.

— Дитя мое, что случилось? — спросила Мари. — Что заставило тебя войти сюда? — И провела ладонью по лицу, чтобы скрыть волнение и стереть слезы.

— Мадемуазель, — сказала Розина, — мне послышались удары весел по воде.

— С какой стороны?

— Со стороны Сен-Фильбера.

— А я-то считала, что, кроме плоскодонки твоего отца, на озере нет ни одной лодки.

— Нет, мадемуазель, у мельника из Сен-Фильбера есть лодка; правда, она дырявая, течет, но, похоже, ею воспользовались, чтобы добраться до нас.

— Хорошо, Розина, — произнесла Мари, — я пойду с тобой.

И, не замечая, как молодой человек протягивал к ней с мольбой руки, словно обрадовавшись возможности на время уйти от Мишеля, чтобы собраться с мыслями и вновь обрести мужество, Мари поспешно выскользнула из хижины.

Розина последовала за ней.

Мишель остался один; чувствуя, что счастье уходит от него, он понял, что не в силах его удержать.

Он знал, что никогда больше ему не придется испытать такого блаженства и не выпадет счастье услышать подобное признание.

В самом деле после того, как, прислушавшись к окружившей ее со всех сторон темноте, но так ничего и не услышав, кроме плеска прибрежной волны, Мари вернулась в хижину, она увидела, что Мишель сидел на вязанке тростника, охватив голову руками.

Она решила, что он успокоился, но юноша всегонавсего лишь пал духом.

Мари направилась прямо к нему.

Услышав ее шаги, Мишель поднял голову и, увидев, что, вернувшись, девушка выглядела настолько спокойной, насколько была взволнована, когда уходила, он протянул ей руку и, печально покачав головой, произнес:

— О, Мари! Мари!

— В чем дело, мой друг? — спросила она.

— Во имя Всевышнего, повторите те нежные слова, от которых так сладко кружится голова! Скажите еще раз, что вы меня любите!

— Мой друг, я могла бы их повторить,— ответила с грустью Мари,— и не один раз, а сколько бы вы только захотели, если бы была уверена в том, что они облегчат ваши страдания и помогут вам обрести твердость духа.

— Как?! — произнес Мишель, заламывая в отчаянии руки.— Вы по-прежнему настаиваете на нашей разлуке? И хотите, чтобы, любя вас и зная о том, что любим вами, я навсегда связал свою жизнь с другой?

— Мой друг, я хочу, чтобы мы выполнили то, что я считаю нашим святым долгом. И нисколько не жалею о том, что открыла вам свое сердце, ибо рассчитываю на то, что и вы по моему примеру научитесь страдать и не будете противиться воле Божьей. Мишель, нас разлучает злой рок, о чем я сожалею так же, как и вы; увы, мы не можем принадлежать друг другу.

— О! Но почему? Я не давал никаких обязательств; я никогда не признавался в любви мадемуазель Берте.

— Все это так и не так. Она мне призналась, что любит вас; она мне передала слова, сказанные вами в

тот вечер, когда вы ее встретили в хижине Тенги и вернулись вместе с ней.

— Но все мои ласковые слова в тот вечер,— воскликнул несчастный молодой человек,— были адресованы вам.

— Что поделаешь, мой друг! Сердцу не прикажешь, особенно если ему пришло время любить. И бедная Берта приняла ваши слова на свой счет! Вернувшись в замок в тот момент, когда я прошептала про себя: «Я его люблю!» — она произнесла эти слова вслух... Для меня теперь любить вас — мука, а принадлежать вам — преступление.

— Ах! Боже мой! Боже мой!

— Да, Мишель, именно Бог, к которому мы оба взываем, ниспошлет нам силу. Нам остается лишь с достоинством выдержать испытание, которое выпало на нашу долю из-за нашей взаимной робости. Поймите меня правильно, я вовсе не хочу упрекать вас в нерешительности и не сержусь на вас за то, что вы дали волю своим чувствам, когда для нас еще не все было потеряно; но теперь избавьте меня хотя бы от угрызений совести, потому что я стану причиной страданий моей сестры без всякой пользы для себя.

— Но,— произнес Мишель,— ваш замысел никуда не годится! Рано или поздно Берта неизбежно заметит, что я ее не люблю, и тогда...

— Мой друг, послушайте меня,— прервала молодого человека Мари, положив свою ладонь на руку Мишеля,— несмотря на молодость, я вполне могу судить о том, что вы называете любовью; меня воспитывали совсем не так, как вас, и мое воспитание, как и ваше, имеет свои недостатки и свои достоинства. И одно из достоинств, и, как мне кажется, самое главное, состоит в том, что я — реалист. Пример моего отца только подтверждает истину, что в жизни нет ничего более эфемерного, чем чувства, которые вы испытываете ко мне. Я надеюсь, что Берта вытеснит меня из вашего сердца прежде, чем заметит ваше равнодушие к ней; Мишель, умоляю, не отнимайте у меня последнюю надежду.

— Мари, вы требуете от меня невозможного.

— Ладно, пусть будет по-вашему; вы вольны не выполнить обязательство, связывающее вас с моей сестрой; вы вольны отвергнуть просьбу, о которой я вас мо-

лю, стоя на коленях,— еще одно унижение для несчастных сирот, уже и так несправедливо обиженных людьми! Я знаю, что моя бедная Берта будет страдать, но я буду страдать вместе с ней и разделю ее горе, но, Мишель, берегитесь! Может случиться так, что, объединенные страданием из-за одного и того же человека, мы в конце концов вас проклянем.

— Мари, прошу вас, умоляю, не произносите слов, которые разрывают мое сердце.

— Послушайте, Мишель; часы идут, проходит ночь, скоро будет светать, пришло время расстаться, и я приняла окончательное решение: нам двоим приснился сон, о котором надо поскорее забыть. Я вам уже говорила, чем вы можете заслужить если не любовь,— я и так вас люблю,— а вечную признательность бедной Мари; клянусь вам,— добавила с еще большей мольбой в голосе девушка,— я вам клянусь, если вы принесете себя в жертву ради счастья моей сестры,— я буду денно и ночью молить Бога о том, чтобы он воздал вам на земле и на небесах. А если вы мне откажете, если ваше сердце не откликнется на мою просьбу таким же самоотверженным порывом, тогда нам придется никогда больше не встречаться и расстаться навсегда, ибо, повторяю, клянусь вам перед Богом, что никогда не буду вам принадлежать, если даже на земле не останется ни одного мужчины!

— Мари, Мари, не давайте такой клятвы! Оставьте мне хоть какую-то надежду. Возможно, что со временем мы смогли бы преодолеть все препятствия на нашем пути!

— Мишель, оставить вам надежду было бы с моей стороны еще одной ошибкой, а раз даже уверенность в том, что я разделяю с вами страдания, не придает вам твердости духа и не вдохновляет вас на самопожертвование, я горько сожалею о том, что произошло между нами в эту ночь... Нет,— продолжала девушка, проведя ладонью по лбу,— не будем больше предаваться пустым мечтам; они слишком опасны для нас. Вы слышали мою мольбу; и ваше сердце не дрогнуло — мне остается лишь проститься с вами навсегда.

— Мари, я вас больше никогда не увижу!.. О! Лучше смерть... Я выполню... все, что вы потребуете от меня...

Он смолк, не имея сил продолжать.

— Я ничего не требую от вас,— сказала Мари,—

я лишь на коленях прошу вас не разбивать два сердца вместо одного.

И в самом деле, она бросилась в ноги молодому человеку.

— Встаньте, Мари, встаньте,— сказал он.— Да, да, я сделаю все, что вы хотите; но вы останетесь, вы не уедете? И когда мои страдания станут особенно невыносимыми, в ваших глазах я буду черпать недостающие мне силу и мужество! Мари, я вам повинуюсь!

— Спасибо, мой друг! Я принимаю эту жертву, о которой бы не просила, если бы не надеялась, что она будет ненапрасной ни для вас, ни для Берты.

— Но как же вы, вы? — воскликнул молодой человек.

— Мишель, не думайте обо мне.

Молодой человек горестно вздохнул.

— Бог,— продолжала Мари,— распорядился так, чтобы в самоотречении мы находили утешение, его до сих пор человеческий разум не способен был объяснить; что же касается меня,— произнесла Мари, прикрыв лицо руками, словно боясь, что ее выдадут глаза,—то я буду утешаться, видя ваше счастье.

— О мой Бог! Мой Бог! — воскликнул Мишель, заламывая в отчаянии руки.— Итак, мой приговор произнесен!

И он отвернулся к стене хижины.

Тем временем на пороге появилась Розина.

— Мадемуазель,— сказала она,— уже светает.

— Что с тобой, Розина? — спросила Мари.— Ты дрожишь или мне показалось?

— Если раньше я слышала удары весел по воде, то теперь за мной словно кто-то шел.

— Кто-то шел за тобой на затерянном среди озера островке? Мое дитя, тебе пригрезилось!

— Я тоже так подумала, ибо обыскала все вокруг, но так никого и не увидела.

— Тогда возвращаемся! — сказала Мари.

Услышав рыдание Мишеля, она обернулась.

— Мой друг, мы поплывем без вас,— произнесла она,— не пройдет и часа, как за вами вернется Розина. Не забудьте о том, что вы мне пообещали; я уповаю на ваше мужество.

— Мари, уповайте лучше на мою любовь; вы потребовали доказательств, превышающих возможности че-

ловека, и поставили передо мной невыполнимую задачу; да поможет мне Бог вынести такой груз и не быть им раздавленным!

— Мишель, думайте о том, как Берта вас любит; вспомните, как она ловит каждый ваш взгляд, подумайте, наконец, что я скорее умру, чем открою ей секрет вашего сердца.

— О мой Бог! Мой Бог! — прошептал молодой человек.

— Что ж, желаю вам удачи! Прощайте, мой друг!

И, воспользовавшись тем, что Розина, прежде чем выйти из хижины, выглянула за дверь, Мари быстро наклонилась и поцеловала Мишеля в лоб.

Но это был совсем иной поцелуй, чем тот, которым обменялись молодые люди всего полчаса назад!

Первый поцелуй был похож на яркое пламя, вырвавшееся из груди влюбленного, от которого растаяло сердце его возлюбленной.

Второй был лишь прощальным и целомудренным поцелуем сестры.

Мишель тут же почувствовал разницу, ибо этот холодный поцелуй болью отозвался в его сердце. На его глазах вновь навернулись слезы. Юноша проводил девушек до берега; затем, когда они сели в лодку, устроился на камне и смотрел им вслед, пока они не растворились в утреннем тумане, поднимавшемся над озером.

Он еще долго слышал удары весел по воде, звучащие для него похоронным набатом, возвещавшим о том, что его сладкие мечты развеялись как сон, когда неожиданно кто-то коснулся его плеча.

Мишель обернулся и увидел Жана Улье, стоявшего позади.

У вандейца было еще более печальное лицо, чем всегда; однако по крайней мере теперь в его взгляде Мишель не увидел прежней неприязни к себе.

Его ресницы были влажными, и крупные капли поблескивали на бороде, которой заросло его лицо.

Возможно, это была утренняя роса? А может быть, слезы, пролитые старым солдатом Шаретта?

Он протянул руку Мишелю, чего раньше никогда не делал.

Мишель с удивлением взглянул на него и неторопливо пожал протянутую ему руку.

— Я все слышал,— сказал Жан Уллье.

Мишель вздохнул и опустил голову.

— Вы благородный человек! — добавил вандеец.— Но я с вами согласен, что это дитя возложило на вас непосильный груз. Да вознаградит ее Господь за такую преданность. Ну, а что касается вас, господин барон де ла Ложери, если силы вас уже совсем оставят, вам стоит только кликнуть меня, и вы тут же поймете, что как сильно Жан Уллье любит своих друзей, с такой же силой он умеет ненавидеть своих врагов.

— Спасибо,— ответил Мишель.

— Будет, будет,— продолжал Жан Уллье,— утрите ваши слезы! Мужчины не плачут! Если надо, я постараюсь образумить эту упрямую ослицу Бертю, хотя, заранее заявляю, что задача будет не из легких.

— Но если она не прислушается к доводам разума, мне останется лишь одно, что не так уж и сложно будет сделать, тем более если вы поможете...

— Что же? — спросил Жан Уллье.

— ...мне умереть,— сказал Мишель.

Молодой человек произнес эти слова так спокойно, что чувствовалось: он произнес то, о чем не раз думал.

— О! О! — прошептал Жан Уллье.— Честное слово, у него такой вид, словно он уже готов сделать то, о чем говорит.

Затем, обращаясь к молодому человеку, сказал:

— Хорошо, будь по-вашему; посмотрим, когда придет время.

Каким бы мрачным ни казалось подобное обещание, оно немного приободрило Мишеля.

— Возвращаемся,— произнес старый егерь,— вам нельзя оставаться здесь. У меня есть плохонькая лодка; однако, если постараться, мы доберемся до берега.

— Но через час Розина должна приплыть за мной,— возразил молодой человек.

— Пусть слегка проветрится,— ответил Жан Уллье,— это станет ей уроком, что нельзя направо и налево выбалтывать чужие секреты, как она поступила этой ночью с вами.

После этих слов, объяснявших появление Жана Уллье на островке Жоншер, Мишель направился к лодке, и вскоре они взяли курс совсем в другую сторону, чем Мар и Розина, поплыв в направлении Сен-Фильбера.

ПОСЛЕДНИЕ РЫЦАРИ КОРОЛЕВСТВА

Перенос даты вооруженного выступления на 4 июня, как и предупреждал Гаспар Малыша Пьера на ферме Банлевр, был чреват для восстания самыми пагубными последствиями.

Как бы ни старались руководители легитимистской партии, которые, как маркиз де Судэ, его дочери и другие члены тайного общества, собравшиеся на ферме Банлевр, разъехались по деревням с известием об отмене приказа маршала, они не успели побывать во всех селениях, чтобы предупредить участников движения.

Подразделения роялистов были стянуты в Ниори, Фонтенэ и Люсон; Дио и Робер вывели из лесов Де-Севр свои отряды, к которым должны были примкнуть восставшие, о чем тут же узнали командующие военных округов и во главе своих войск пошли на Амайу, разбили крестьянские отряды и арестовали многих дворян и офицеров-отставников, которые, выбрав этот приход местом своей очередной встречи, примчались на звуки выстрелов.

В окрестностях Шам-Сен-Пер были проведены подобные аресты; хотя попытка захвата поста Пор-ла-Клэ малыми силами и провалилась, дерзость и упорство нападавших свидетельствовали о том, что в атаке участвовали не только повстанцы.

У одного из заключенных в Шам-Сен-Пер был обнаружен список молодых людей, которые должны были войти в элитный корпус.

Найденный список, вооруженные нападения на различные объекты, предпринятые в одно и то же время, аресты людей, известных своими экстремистскими взглядами, не могли не насторожить власти, заставив их принять меры перед лицом опасности, которую они до сей поры недооценивали.

Если приказ об отмене выступления не дошел вовремя до некоторых населенных пунктов Вандеи и Де-Севр, то понятно, что о нем ничего не было известно в Бретани и Мене, провинциях, еще более отдаленных от центра, чем Марэ и Бокаж, где начались боевые действия.

Отряды из Витри приняли участие в боях в Бретани и даже нанесли поражение противнику под Бреалем. Однако следует отметить, что этот успех оказался эфемерным, и буквально на следующий день они были разгромлены под Годиньером.

Слишком поздно получив сообщение в Мене, Голлье ничего не оставалось, как принять участие в кровопролитном сражении под Шане, которое длилось более шести часов; кроме этой, как мы видим, крупномасштабной операции, крестьяне, которые не везде разошлись по домам, почти ежедневно нападали на двигавшиеся по сельским дорогам колонны солдат.

Можно с уверенностью утверждать, что приказ от 22 мая, разрозненные и несвоевременные выступления восставших, раздоры и отсутствие взаимодействия между их руководителями принесли правительству гораздо больше пользы, чем старания всех его агентов, вместе взятых.

В провинциях, где были распущены отряды повстанцев, впоследствии окажется трудно поднять крестьян на новое выступление, так как их боевой пыл погаснет из-за того, что у них окажется достаточно времени, чтобы взвесить все «за» и «против» и подумать, а, как известно, размышления, без которых правильные расчеты невозможны, губительны для мятежной души.

Что же касалось предводителей восставших, привлечших к себе внимание властей, то их без особого труда застали врасплох и арестовали по дороге домой.

Еще хуже обстояли дела в кантонах, где все же имели место отдельные выступления крестьян: всеми покинутые, не дождавшись подкреплений, на которые рассчитывали, они обвинили свое руководство в предательстве, разломали ружья и вернулись к своим семьям.

Выступление легитимистов захлебнулось в самом зародыше; еще не было поднято знамя Генриха V, как от движения откололись две провинции; борьбу продолжила одна лишь Вандея благодаря мужеству своих сыновей, которые,— как мы еще будем иметь возможность убедиться,— не пали духом.

После событий, о которых мы рассказали в предыдущей главе, прошла неделя, и за это время в Машкуле произошли такие грандиозные политические события, что в их водоворот попали и герои нашей книги, на пер-

вый взгляд больше заняты своими личными переживаниями.

Берта, уже начавшая было волноваться из-за долгого отсутствия Мишеля, сразу же успокоилась, увидев его, и не скрывала своей бурной радости от окружающих, так что молодому человеку ничего не оставалось, как притвориться, что он тоже радуется встрече с Бертой, чтобы не нарушить своего обещания, данного Мари.

А так как Берта была целиком занята выполнением поручений Малыша Пьера, разбором его почты и составлением писем от его имени, она и не заметила, какой у Мишеля был грустный и подавленный вид и как его корбило, когда девушка с присущей ей мужской прямоотой запросто обращалась к нему, считая его своим женихом.

Вернувшись к отцу и сестре через два часа после того, как она простилась с Мишелем на островке Жоншер, Мари делала все от нее зависящее, чтобы не оставаться с ним наедине. Когда же, живя под одной крышей, они все же сталкивались лицом к лицу, она начинала всячески расхваливать перед молодым человеком достоинства и внешность своей сестры; когда же их взгляды встречались, она с мольбой смотрела на барона, чтобы тихим, но твердым голосом напомнить ему о данном обещании.

Если порой Мишель своим молчанием как бы поощрял нежные порывы Берты, Мари тут же шумно проявляла свою радость, что, несомненно, не соответствовало состоянию ее души и не могло не печалить Мишеля. Однако, несмотря на все усилия, как бы она ни старалась, ей было не под силу скрыть следы тяжелейшей душевной борьбы, происходившей в ее душе.

Происшедшая с ней перемена, несомненно, не осталась бы без внимания со стороны окружавших, будь они меньше заняты любовью, как Берта, или политикой, как Малыш Пьер и маркиз де Судэ.

Лицо несчастной Мари утратило былую свежесть; под глазами залегли темные тени; щеки побледнели и ввалились, а на ее чистом лбу появились тонкие морщины, что никак не соответствовало улыбке, которая как будто приклеилась к ее губам.

К несчастью, с ними не было Жана Улье, который мог бы позаботиться о девушке; стоило ему только по-

явиться в Балевре, как маркиз де Судэ тут же отослал его с поручением на восток; не имея опыта в любовных делах, Жан Улле уехал с легким сердцем, ибо он и предположить не мог вопреки услышанному им, что девушка могла так сильно переживать.

Наступило 3 июня.

В тот день на мельнице Жаке в коммуне Сен-Коломбен собралось немало народа.

С самого утра сюда постоянно подходили и уходили отсюда женщины и нищие, а с наступлением ночи фруктовый сад перед фермой стал походить на бивуак.

По дорогам и напрямик через поля сюда прибывали мужчины в рабочих блузах и охотничьих куртках, вооруженные ружьями, саблями, пистолетами; сказав пароль часовому, стоявшему у фермы, они проходили в сад, ставили ружья в козлы, расставленные вдоль жилой изгороди, отделявшей сад от внутреннего двора, и так же как и те, кто прибыл раньше их, устраивались на отдых под яблонями. Их привело сюда чувство долга, а некоторых и надежда.

Храбрость и верность своим убеждениям достойны всяческого уважения; каких бы взглядов ни придерживался человек, он всегда испытывает гордость, если находит эти качества у друзей, и просто счастлив, если их встречает у врагов.

Можно спорить по поводу политических идеалов, за которые люди готовы идти на верную смерть; сам Господь Бог не сможет им помочь; но, даже потерпев поражение, они имеют право на уважение и не должны подвергаться унижению.

В древности говорили: «Несчастье побежденным!» — но тогда люди были язычниками, и милосердие не могло исповедоваться псевдогогами.

Не разделяя политических убеждений вандейцев, мы считаем, что в 1832 году они продемонстрировали всей Франции, где уже в ту пору начинали входить в моду мелкие и меркантильные идеи, в конце концов захлестнувшие всю страну, что собой представляло благородное и рыцарское движение — особенно, когда известно, что большинство вандейцев не строили иллюзий насчет исхода борьбы и знали, что погибнут.

Как бы то ни было, имена этих людей уже принадлежат истории; и мы будем, если не прославлять, то по

крайней мере оправдывать их поступки, если это не будет выходить за рамки нашего повествования.

Внутри мельницы Жаке народу было поменьше, чем снаружи, но зато шума было много больше.

Несколько командиров получали последние инструкции и совещались, планируя совместные действия на завтра; дворяне делились впечатлениями прошедшего богатого событиями дня: сбором в ландах Вержери и несколькими стычками с правительственными войсками.

Среди дворян выделялся своим пламенным красноречием маркиз де Судэ; к нему словно вернулись его двадцать лет; с юношеским нетерпением он ожидал рассвета и в своей эйфории уже думал, что солнце не взойдет и завтрашний день никогда не наступит. Воспользовавшись временем, необходимым земле для совершения полного оборота вокруг светила, он давал урок тактики окружавшим его молодым людям.

Устроившийся в углу по соседству с очагом Мишель был здесь единственным человеком, чьи мысли не были поглощены предстоящими событиями.

Утром его положение осложнилось еще больше.

Несколько друзей и соседей маркиза подошли к нему с поздравлениями по поводу предстоящего бракосочетания с мадемуазель де Судэ.

Он чувствовал, что с каждым шагом все больше и больше запутывается в сети, которые добровольно позволил на себя накинуть. На свою беду Мишель понимал, что, как бы он ни старался, ему не удастся сдержать слово, которое у него вырвала Мари, и он не сможет изгнать из своего сердца нежный образ девушки, без которой ему и жизнь была не мила.

С каждой минутой ему становилось все грустнее, и своим мрачным видом он выделялся на фоне оживленных лиц окружавших его людей.

Ему стало невмогуту от царивших вокруг него сутолоки и гвалта: Мишель встал и незаметно вышел.

Он пересек двор, и, обойдя сзади колеса мельницы, забрался в сад, спустился по течению реки и присел на перила маленького мостика шагах в двухстах от дома.

Мишель просидел около часа, раздумывая о своем незавидном положении, когда заметил приближавшегося к нему человека, следовавшего тем же путем, что и он.

— Это вы, господин Мишель? — спросил мужчина.

— Жан Ульье! — воскликнул Мишель.— Жан Ульье! Само небо посылает вас мне на помощь. Как давно вы вернулись?

— Около получаса назад.

— Вы видели Мари?

— Да, я видел мадемуазель Мари.

И старый егерь со вздохом поднял глаза к небу.

И голос, каким Жан произнес эти слова, и его жест, и вздох, которыми он их сопроводил, красноречиво свидетельствовали о том, что он не ошибся, распознав причину упадка сил девушки, и сумел, наконец, оценить всю серьезность создавшегося положения.

И Мишель понял это, ибо он прикрыл лицо руками и только смог прошептать:

— Бедная Мари!

Жан Ульье выслушал его, не скрывая своего сострадания, затем, немного помолчав, спросил:

— Вы на что-нибудь решились?

— Нет, но надеюсь, что завтра пуля избавит меня от этой заботы.

— О! — произнес Жан Ульье.— Не следует на это рассчитывать: пуля — дура и обходит тех, кто призывает ее к себе.

— Ах! Господин Жан,— произнес Мишель, качая головой,— мы так несчастны!

— Да, кажется, вы и впрямь страдаете из-за того, что вы называете любовью, а, по сути дела из-за сущей безделицы! Боже мой, разве я бы раньше поверил, если бы кто-нибудь мне сказал, что две девочки, бесстрашно и беззаботно следовавшие за мной и за их отцом на охоте, влюбятся в первого встречного мальчишку, натянувшего на голову шляпу, и только потому, что его лицо скорее напоминало девичье, в то время как сами девочки своими повадками больше походили на мальчишек?

— Увы! Мой бедный Жан, таково роковое стечение обстоятельств.

— Нет,— продолжал вандеец,— не надо винить судьбу: во всем виноват только я... В конце концов, если вам не хватает смелости поговорить с глазу на глаз с потерявшей голову Бертой, сможете ли вы по крайней мере остаться честным человеком?

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы стать ближе Мари; вы можете рассчитывать на меня, пока будете оказывать мне помощь.

— Кто вам сказал, чтобы вы сблизилась с Мари? Бедное дитя! У нее больше здравого смысла, чем у вас. Она не может стать вашей женой; она вам об этом сказала в тот день, вернее, в ту ночь, и была сто раз права; только любовь к Берте завела ее слишком далеко: она хочет обречь себя на страдания, от которых решила избавиться свою сестру, но ни вы, ни я не должны этого допустить.

— Как это, Жан Ульье?

— Очень просто; не имея возможности связать свою жизнь с любимой женщиной, нельзя жениться на той, которую вы не любите. И, как мне кажется, горе первой девушки со временем утихнет, ибо знайте, каким бы твердым ни было ее решение и каким бы золотым ни было ее сердце, женщина остается женщиной, и в глубине души она все равно немного ревнует.

— Я не смогу отказаться от надежды когда-нибудь назвать Мари своей женой и от встреч с ней, ставших для меня утешением. Видите ли, Жан Ульье, чтобы сблизиться с Мари, мне кажется, я прошел бы через адский огонь.

— Мой юный господин, это всего лишь слова. Потерявшие рай быстро находят себе утешение: в ваши годы легко забывают любимых женщин. Впрочем, вас разлучит нечто похуже, чем адский огонь! И этим препятствием между вами может стать смерть ее сестры; ибо вы еще недостаточно знаете характер этого необузданного дитя, имя которому Берта, и вы даже не можете себе представить, на что она только способна! Я бедный крестьянин и не разбираюсь в тонкостях ваших благородных чувств, но все же мне кажется, что даже самые решительные остановятся, встретив подобное препятствие.

— Но что же мне делать? Посоветуйте, мой друг!

— Мне кажется, вся беда в том, что вам не хватает твердости характера. Вам надо поступить так, как поступил бы на вашем месте любой человек вашей закалки и вашей манеры поведения: если вам не удастся стать хозяином положения, надо бежать!

— Бежать? Но разве вы не слышали, что сказала мне в ту ночь Мари: если я откажусь от ее сестры, то я ее больше никогда не увижу?

— Пусть так, но она станет вас только больше уважать!

— Да, но я буду страдать...

— Вдали от нее вы будете страдать не больше, чем сейчас.

— Но сейчас по крайней мере я с ней вижу.

— Вы считаете, что для любви расстояние играет какую-нибудь роль? Никакие расстояния и даже те, что разделяют с близкими нам людьми, кому мы сказали последнее «прости», ничего не значат для любящего сердца. Прошло уже тридцать лет, как я потерял свою бедную жену, но бывают дни, когда я вижу ее перед собой словно живую. Мари останется в вашем сердце, и вы еще услышите, как она будет вас благодарить за то, что вы так поступили.

— Ах! Я бы предпочел, чтобы вы предложили мне умереть.

— Господин Мишель, ну же, сделайте доброе дело! Послушайте, если хотите, то я, имеющий все основания вас ненавидеть, встану перед вами на колени и попрошу: «Молю вас, отпустите с миром двух бедных сироток!»

— Но чего же вы хотите от меня?

— Вам надо уехать,— я вам уже это говорил и повторю еще раз.

— Уехать? И не думайте! Завтра будет бой: если я уеду сегодня, то это будет расценено, как дезертирство, и я покрою себя позором.

— Нет, я не хочу вашего позора. Если вы уедете, то вовсе не затем, чтобы дезертировать.

— Как так?

— Меня назначили главой отряда от прихода Клиссон, потерявшего своего командира; и вы поедете вместе со мной.

— О! Я хотел бы, чтобы завтра первая пуля была бы моей.

— Вы будете сражаться рядом со мной,— продолжал Жан Улле,— если кто-то в этом усомнится, то будет иметь дело со мной; ну как, согласны?

— Да,— ответил Мишель так тихо, что старый егерь едва его услышал.

— Хорошо! Через три часа мы выезжаем.

— Уехать, даже не попрощавшись с ней?

— Так надо. Обстоятельства сложились так, что мы не знаем, найдет ли она в себе силы с вами проститься.

Ну, ну же, крепитесь!

— У меня хватит сил, Улле, я вас не разочарую.

— Так я могу рассчитывать на вас?

— Даю вам слово.

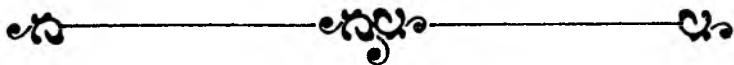
— Через три часа я буду вас ждать на развилке Бель-Пас.

— Я туда приду.

На прощанье Жан Улле почти по-дружески кивнул Мишелю и, перемахнув через мостик, углубился в сад навстречу другим вандейцам.

Книга
Третья

I

**В КОТОРОЙ ЖАН УЛЛЬЕ ОБМАНЫВАЕТ
ИЗ ЛУЧШИХ ПОВУЖДЕНИЙ**

Некоторое время барон сидел, не шевелясь; слова Жана Уллье звучали в его ушах похоронным колоколом, оповещавшим о его собственной смерти.

Мишель подумал, что ему снится дурной сон, и, чтобы убедиться в том, что не заснул, он прошептал про себя:

— Уехать! Уехать!

И тут ему на ум пришла леденящая душу мысль о смерти, о которой он до сих пор думал как о благодати, ниспосланной Всевышним, и относился к ней с легкомыслием двадцатилетнего юноши.

Мишель вздрогнул.

Барон уже видел, что его от Мари отделяло не только расстояние, которое можно было при желании преодолеть, а гранитная плита, охранявшая покой мертвых.

Его сердце охватила такая невыносимая тоска, что он узрел в этом дурное предзнаменование.

Он мысленно обвинил Жана Улле в душевной черствости и несправедливости; ему показалось, что старый вандеец, отняв у него единственное утешение, которое ему оставалось в жизни: возможность попрощаться с любимой и насладиться ее прощальным взглядом,— проявил чудовищную жестокость; поняв, что не сможет уехать, не сказав последнее «прости», он всей душой восстал против требования старого егеря и решил во что бы то ни стало встретиться с Мари.

Мишелю было хорошо известно, как была устроена мельница внутри.

Малыш Пьер занимал комнату мельника, располагавшуюся непосредственно над мельничными жерновами.

Естественно, она была лучшей в доме, и ее обычно предоставляли гостям.

Расположенная рядом небольшая комната служила сестрам спальней.

Узкое окно комнаты находилось как раз над внешним колесом мельницы, приводившим в движение мукомольную машину.

Однако теперь она бездействовала из боязни, что производимый при работе шум мог бы помешать часовым услышать приближение неприятеля.

Мишель подождал, пока совсем стемнеет; так прошло около часа.

Как только ночь опустилась на землю, он подошел к мельнице.

Из узкого окошка пробивался свет.

Положив доску на нижнюю лопасть колеса и придерживаясь за стену, он, переступая с лопасти на лопасть, поднялся наверх.

И оказался как раз напротив окошка.

Вытянув шею, молодой человек заглянул в крохотную комнату, соблюдая все меры предосторожности.

В комнате не было никого, кроме Мари, которая сидела на скамье и локтем опиралась на кушетку, поддерживая рукой низко опущенную голову.

Время от времени у нее вырывался вздох и шевелились губы, словно она шептала молитву.

На легкий стук молодого человека Мари подняла голову и, узнав его через стекло, негромко вскрикнула и подбежала к окну.

— Тсс! — произнес Мишель.

— Вы! Вы здесь! — вскрикнула Мари.

— Да, это я.

— Боже мой! Зачем вы пришли?

— Мари, уже прошла целая неделя, как у меня не было возможности с вами поговорить; и видел вас я за всю неделю считанные разы; я пришел с вами проститься навсегда перед тем, как отправиться в дальние края.

— Почему проститься?

— Мари, я пришел с вами проститься навсегда, — повторил молодой человек твердым голосом.

— О! Так вы больше не хотите умереть?

Мишель промолчал.

— О! Вы не умрете! — продолжала Мари. — Сегодня вечером я так горячо молилась, что Бог услышал мои мольбы. Но теперь, раз вы со мной увиделись, раз вы со мной простились, поскорее уезжайте! Уезжайте!

— Почему вы не хотите меня больше видеть? Неужели я настолько противен вашему сердцу, что вы не желаете больше меня видеть?

— Нет, мой друг, дело совсем в другом, — произнесла Мари. — Берта находится в соседней комнате, и, услышав ваш голос, она непременно войдет. Боже мой! Боже мой! И как мне тогда оправдываться в ее глазах, если я поклялась, что вы мне безразличны?

— Да, да, вы ей поклялись... Однако и мне тоже поклялись любить меня, и, только будучи уверенным в ваших чувствах, я согласился скрыть свою любовь к вам.

— Мишель, умоляю вас, уезжайте!

— Нет, Мари, нет, я не уеду, если не услышу снова слова, которые вы мне сказали в хижине на острове Жоншер.

— Но эта любовь почти преступна! — воскликнула Мари в отчаянии. — Мишель, друг мой, я краснею, я плачу при одной только мысли, что проявила минутную слабость.

— Клянусь вам, Мари, что сделаю так, чтобы уже завтра вас не тревожили сожаления и вы не проливали больше слезы.

— Вы снова хотите умереть! О! Прошу вас, замолчите! Не говорите таких слов человеку, который страдает в надежде, что Бог за муки уготовит вам лучшую долю, чем мне. Но разве вы не слышите? Кто-то сюда идет... Уходите, Мишель! Уходите!

— Один поцелуй, Мари!

— Нет.

— Один поцелуй... последний!

— Никогда, мой друг.

— Мари, представьте себе, что целуете покойника.

Мари вскрикнула; ее губы коснулись лба молодого человека, и в тот момент, когда она закрывала за ним окно, дверь отворилась.

На пороге стояла Берта.

Заметив, как бледна, растерянна и едва держится на ногах ее сестра, и почувствовав внезапно укол ревности, пронзивший ее душу, она бросилась к окну, резко его распахнула и, высунувшись, заметила тень, метнувшуюся от дома.

— Мари, здесь был Мишель! — воскликнула она, и ее губы дрогнули.

— Сестра,— произнесла Мари, падая перед ней на колени,— клянусь...

Берта прервала девушку на полуслове.

— Не клянитесь, не обманывайте: я узнала его голос.

Берта оттолкнула Мари с такой силой, что бедняжка упала. Перешагнув через тело сестры, она выбежала из комнаты, словно разъяренная львица, у которой только что украли детенышей, стремительно спустилась по лестнице, пересекла мельницу и выскочила во двор.

Там, к великому своему удивлению, она увидела Мишеля, который спокойно сидел на крыльце рядом с Жаном Улье.

Она направилась прямо к нему.

— Вы давно здесь? — спросила она молодого человека резким и отрывистым голосом.

Мишель махнул рукой, словно давая понять: «Пусть за меня ответит Жан Улье».

— Вот уже три четверти часа, как барон оказывает мне честь, беседа со мной,— ответил егерь.

Берта пристально посмотрела на вандейца.

— Странно! — произнесла она.

— Что же тут может быть странного? — спросил Жан Уллье, взглянув, в свою очередь, на Берту.

— Однако,— произнесла девушка, обращаясь скорее не к Жану Уллье, а к Мишелю,— мне показалось, что вы только что разговаривали с моей сестрой у окна, а затем спустились по мельничному колесу точно так же, как и забрались по нему.

— Да, в самом деле, такой силач, как господин барон, сдается мне, вполне способен на такой подвиг,— ответил Жан Уллье.

— Но, Жан, кто же, по-вашему, это мог быть, если не он? — спросила Берта, с досадой топнув ногой.

— Ну хотя бы кто-то из пьянчужек, собравшихся внизу, решивших показать свою ловкость.

— Но я застала Мари взволнованной, дрожащей и бледной.

— Она дрожала от страха! — сказал Жан Уллье.— Неужели вы считаете ее такой же бесстрашной, как и вы?

Берта задумалась.

Зная, насколько плохо Жан Уллье относился к молодому барону, она не могла подумать, что он мог стать его сообщником.

И тут она вспомнила об упавшей в обморок Мари, которую оставила лежащей на полу.

— Да, Жан Уллье,— произнесла она,— ты прав: бедное дитя испугалось, а я своей резкостью лишь еще больше смутила ее. О! Любовь совсем свела меня с ума.

И, не сказав Мишелю и Жану Уллье больше ни слова, она бросилась к мельнице.

Жан Уллье взглянул на Мишеля, который тут же опустил глаза.

— Я не стану вас упрекать,— обратился он к молодому человеку,— вы и сами видите, на какой пороховой бочке вы сидите! Вы теперь можете себе представить, что бы произошло, если бы я не пришел вам на помощь

и не солгал,— да простит меня Бог,— словно всю жизнь только это и делал.

— Да,— произнес Мишель,— вы правы, Жан, и доказательство тому, что теперь,— о, клянусь,— я пойду вместе с вами, так как окончательно понял, что не могу здесь больше оставаться.

— Хорошо!.. Скоро отряд из Нанта выходит в поход; маркиз со своими бойцами присоединится к нему; уходите вместе с ними; только держитесь в самом конце колонны и подождите меня в условленном месте.

Мишель пошел седлать лошадь, а Жан Улье тем временем направился к маркизу за последними инструкциями.

Стоявшие в саду лагерем вандейцы быстро построились; от охватившего всех нетерпеливого радостного волнения ряды повстанцев слегка колыхались.

Из дома в сопровождении командиров вышел Малыш Пьер и направился в их сторону.

Едва он показался на пороге, как солдаты встретили его восторженным «ура»; в едином порыве они обнажили сабли, чтобы приветствовать женщину, за которую шли на смерть.

— Друзья мои,— обратился к солдатам Малыш Пьер,— я обещала, что выйду к вам на первом же построении; и вот я здесь перед вами! Я разделю вашу участь, независимо от того, выпадет ли на нашу долю победа или поражение. Если нам не удастся одержать победу, то я поступлю так же, как бы поступил мой сын: я умру вместе с вами! Вперед, сыны отчизны! Выполним наш долг!

Речь Малыша Пьера была встречена возгласами: «Да здравствует Генрих VI! Да здравствует Мария-Каролина!» Малыш Пьер обратился также с короткой речью к знакомым ему командирам; затем маленькое войско, от которого зависела судьба самой древней европейской монархии, двинулось в направлении Вьей-Винь.

Тем временем Берта оказывала помощь Мари с таким усердием, на какое только была способна после того, как снова обрела разум и, главное, душу.

Берта отнесла сестру на кровать и приложила к ее лицу намоченный в холодной воде носовой платок.

Мари открыла глаза, огляделась по сторонам еще ничего не видящими глазами, и вдруг ее губы прошептали имя Мишеля.

Ее душа пробудилась раньше сознания.

Берта невольно вздрогнула. Она уже собиралась просить у Мари прощения за свое поведение, но имя Мишеля, произнесенное сестрой, остановило ее.

Во второй раз в ее душу вонзилось жало ревности.

И в ту же минуту она услышала радостные возгласы, которыми вандейцы встретили слова Малыша Пьера; она подбежала к окну и сквозь деревья увидела темные ряды солдат, поблескивавшие штыками ружей.

Колонна готовилась к маршу.

При мысли о том, что Мишель, который должен был идти в составе этой колонны, мог отправиться в поход, даже не попрощавшись с ней, Берта вернулась в комнату, со встревоженным и мрачным видом уселась на скамью, стоявшую у кровати Мари, и крепко задумалась.

II

В КОТОРОЙ ТЮРЕМЩИК И ЗАКЛЮЧЕННЫЙ СПАСАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Чуть свет 4 июня зазвучал набат на всех колокольнях в кантонах Клиссон, Монтегю и Машкуль.

Набат был сигналом общего сбора вандейцев.

В прежние времена, когда шла великая война, когда с деревенских колоколен раздавался резкий и зловещий гул набата, все население поднималось на борьбу с врагом.

Сколько же впоследствии великих дел должны были совершить эти люди, чтобы в истории почти не упоминалось о том, что этим заклятым врагом была сама Франция.

Однако, на наше счастье,— и это доказывает, какой гигантский путь мы прошли за последние сорок лет,— в 1832 году звон набата уже потерял свою былую силу, и, если некоторые крестьяне, откликнувшись на его кощунственный призыв, сменили все же плуг на закопанное под соседской изгородью ружье, то большинство сельских

жителей продолжало мирно шествовать вслед за своими лошадьми по вспаханной полосе и ограничилось тем, что выслушало этот призыв к восстанию с таким глубоко-мысленным видом, который необычайно шел к грубым чертам лица вандейского крестьянина.

Часам к десяти утра к месту боевых действий подошел отряд повстанцев.

Окопавшись в деревне Месдан, он успешно отражал атаки противника до тех пор, пока против него не были брошены значительно превосходившие повстанцев силы, и отряд был вынужден отступить.

Но он отступал более организованно, чем обычно.

И все потому,—и мы повторяем еще раз,—что на этот раз повстанцы сражались не за великие идеалы, а лишь выполняли свой долг. Если мы взялись за описание этой войны и делаем это как обычные беспристрастные историки, то только потому, что надеемся доказать на основании изложенных нами фактов, что гражданская война во Франции вскоре будет невозможна.

И свой долг, как дань славному прошлому наших отцов, выполняли благородные сердца, которые рисковали честью, имуществом и жизнью ради старой пословицы: «Положение обязывает».

Вот почему повстанцы отходили без паники и суеты. Отступавшие были не темными, не признававшими воинской дисциплины крестьянами, а господами в душе, и каждый из них участвовал в борьбе не только по долгу, но еще и по совести, за себя, но большей частью за других.

После того как белым пришлось снова держать оборону в Шато-Тебо перед еще не участвовавшим в боях подразделением, направленным против них генералом Дермонкурром, они потеряли несколько бойцов при переправе через Мен, однако, оставив позади реку, как преграду между ними и их преследователями, им удалось соединиться на левом берегу, с отрядом из Нанта, который вышел, как мы знаем, с мельницы Жаке, горя желанием как можно скорее помериться силами с противником, к которому немного раньше на подмогу примкнули подразделения из Леже и воинская часть под командованием маркиза де Судэ.

С подошедшими подкреплениями отряд во главе с Гаспаром насчитывал уже около восьмисот человек.

На следующее утро войско выступило в направлении Вьей-Винь, имея задачу разоружить национальную гвардию, но, получив сообщение о том, что город занят превосходящими силами противника, к которым на помощь могли подоспеть за считанные часы подразделения, стоявшие наготове в Эгрефейе, чтобы по приказу генерала в любой момент отправиться туда, где в них появится особая нужда, командующий вандейцами решил атаковать деревню Шен, чтобы в ней закрепиться.

На подступах к деревне крестьяне рассредоточились и, укрывшись в высоких хлебах, использовали тактику своих отцов, не давая покоя синим частой ружейной пальбой.

Отряд повстанцев из Нанта вместе с дворянами, шедшими с ними в одной колонне, приготовился занять деревню с ходу, наступая по главной улице.

Улица спускалась к узкой речке, мост через которую был разрушен накануне, и от него осталось только несколько опор.

Засевшие за прикрытыми мешками с соломой окнами домов, стоявших на окраине деревни, солдаты вели перекрестный огонь по белым и уже два раза отбрасывали назад наступавших, охлаждая их боевой пыл, когда, воодушевившись примером своих командиров, вандейцы бросились в воду и, переплыв узкую речонку, пошли в штыковую атаку на синих, выбивая их из домов и заставляя отступить в самый конец деревни, где и были остановлены батальоном сорок четвертой линейной дивизии, посланным на подмогу маленькому гарнизону Шен.

Между тем звуки выстрелов достигли мельницы Жаке, где располагался штаб Малыша Пьера

Молодой человек еще находился в своей комнате на втором этаже, как мы его оставили в прошлой главе.

С бледным лицом, но с горевшими храбростью глазами, он, словно в лихорадке, мерил шагами комнату, безуспешно стараясь взять себя в руки. Время от времени он останавливался на пороге, прислушиваясь к глухому гулу, похожему на отдаленные раскаты грома, который доносил до мельницы ветер; проведя рукой по

вспотевшему лбу, в гневе топнув ногой, он присел в уголок возле камина напротив не менее взволнованного и также горевшего нетерпением маркиза де Судэ, который время от времени лишь глубоко и горестно вздыхал.

Как же случилось, что маркиз де Судэ, мечтавший о великих подвигах, был не на поле битвы?

Вот именно это мы и постараемся объяснить нашим читателям.

В тот день, когда произошло вооруженное столкновение в Месдоне, Малыш Пьер, желая выполнить данное своим соратникам обещание, уже собирался отправиться в отряд с твердым желанием принять участие в предстоящих боях наравне с другими.

Однако, вспомнив о своей ответственности за жизнь Малыша Пьера и испугавшись его решимости воевать вместе с ними, командиры роялистов подумали, что не стоит подвергать Малыша Пьера опасности участия в войне с неясным исходом; и было принято решение, что, пока не будет собрана вся армия, они не позволят Малышу Пьеру рисковать головой в какой-нибудь сомнительной и не имевшей решающего значения стычке.

Самым почтительным тоном они попытались его убедить, но успеха не имели.

Посовещавшись между собой, предводители вандейцев решили тогда задержать Малыша Пьера, посадив его практически под домашний арест, и поручить одному из них не отходить от него ни на шаг, не давая выйти из дома, даже если для этого придется применить силу.

Несмотря на все просьбы вызванного на совет маркиза де Судэ проголосовать за кого-нибудь другого, выбор все же пал на него; вот почему, в полном отчаянии, он бездействовал на мельнице Жаке вместо того, чтобы сражаться с синими под Шеном.

При первых же донесшихся до мельницы Жаке звуках боя Малыш Пьер попытался убедить маркиза де Судэ отпустить его к вандейцам, но старый дворянин был непреклонен: ни просьбы, ни обещания, ни угрозы не смогли поколебать его решения сдержать данное им обещание.

Однако Малыш Пьер видел, что маркиз отказывал скрепя сердце, что можно было прочесть на его лице.

Остановившись перед своим стражем как раз в тот момент, когда тот, как мы уже отметили, топнул от нетерпения ногой, он спросил:

— Мне кажется, господин маркиз, что мое общество не доставляет вам особого удовольствия?

— Ох! — только и произнес маркиз, пытаясь сделать вид, что возмущен.

— Ну да,— продолжал Малыш Пьер, решивший во что бы то ни стало настоять на своем,— я же вижу, что вы не в восторге от почетного задания, которое поручено вам.

— Напротив,— ответил учтиво маркиз,— я его воспринял с глубокой признательностью, однако...

— А! Вы сказали «однако»! — воскликнул Малыш Пьер, который, казалось, хотел вызнать все, что было на уме у старого дворянина.

— Разве все, что происходит в этом мире, не лишено своего «однако»? — спросил маркиз.

— Так скажите, что кроется за вашим?

— Хорошо, я вам отвечу. Я сожалею о том, что не могу одновременно оправдать доверие моих товарищей, давших мне столь почетное задание, и пролить за вас кровь, что, несомненно, они делают в этот час.

Малыш Пьер глубоко вздохнул.

— Тем более,— сказал он,— я не сомневаюсь в том, что наши друзья уже пожалели о вашем отсутствии; ваш боевой опыт и не раз доказанное на полях сражений мужество весьма бы имгодились в данный момент.

Маркиз гордо выпятил грудь.

— Да, да,— произнес он,— я убежден, что они сейчас кусают себе локти.

— Я разделяю ваше мнение, но позвольте мне, дорогой маркиз, положить руку на сердце, высказать вам мою мысль до конца.

— О! Прошу вас.

— Как мне кажется, они не очень-то нам доверяют.

— Не может быть.

— Пойдите! Вы не знаете, что я хочу сказать. Они решили: «Женщина помешает нам на марше; при отступлении она свяжет нас по рукам и ногам; чтобы обеспечить ее безопасность и охрану, нам придется выделить солдат, которым мы могли бы найти лучшее применение». Им и в голову не пришло, что мне удастся преодолеть все слабости, присущие моему полу, и что мне не надо занимать мужества, чтобы быть на высоте поставленной передо мной задачи; и разве нельзя допустить, что они подумали и о вас не самое лестное?

— Обо мне? — воскликнул господин де Судэ, разгневавшись от одного только такого предположения.— Но, кажется, мне не раз предоставлялся случай доказать свою храбрость!

— О, мой дорогой маркиз, никто с вами не спорит; но, возможно, учитывая ваш возраст, они рассудили, как и в моем случае, что только в сильном теле может быть здоровый дух...

— Ну, это уж слишком! — прервал его с негодованием старый дворянин.— С пятнадцатилетнего возраста я не пропустил ни дня, чтобы не провести в седле шесть, восемь, а порой и десять и даже двенадцать часов подряд! Несмотря на мои седины, мне неизвестно, что такое усталость! Посмотрите, на что я еще способен!

И, схватив табурет, на котором сидел, маркиз с такой яростью ударил им о каминную решетку, что он разлетелся на куски, сильно повредив камин.

Подняв высоко над головой ножку несчастной табуретки, оставшейся в его руках, он спросил:

— Скажите, мэтр Малыш Пьер, много ли найдется молодых щеголей, способных на это?

— Боже мой,— произнес Малыш Пьер,— мой дорогой маркиз, я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях, и я буду первым, кто скажет этим господам, что они ошибаются, считая вас немощным инвалидом.

— Считают меня инвалидом? О, Боже! — воскликнул маркиз, распаляясь все больше и больше и окончательно забывая о том, кто находился рядом с ним.— Считают меня инвалидом! Хорошо же, сегодня же вечером я им прямо в глаза скажу, что отказываюсь выполнять данное мне поручение, превратившее меня, достойного дворянина, в презренного тюремщика...

— В добрый час! — произнес Малыш Пьер.

— И это поручение, — продолжал маркиз, меряя большими шагами комнату, — которое вот уже два часа, как я исполняю, я пошлю ко всем чертям!

— Ах! Ах!

— А завтра, да, именно завтра, докажу им, какой я инвалид.

— Увы! — ответил с философским видом Малыш Пьер. — Мой дорогой маркиз, мы не знаем, что ожидает вас завтра. И было бы ошибкой с вашей стороны строить планы на завтрашний день.

— Как это так?

— Вы уже поняли, что наше движение не нашло в народе широкой поддержки, как мы вначале надеялись; кто знает, не станут ли услышанные нами выстрелы последним салютом нашему знамени?

— Хм! — произнес маркиз с яростью бульдога, которому никак не удавалось перекусить цепь, на которую его посадили.

И в этот момент их беседа была прервана криками о помощи, доносившимися из сада. Они бросились к дверям и увидели, как Берта, которой маркиз поручил вести наружное наблюдение, вела в дом с трудом державшегося на ногах незнакомого крестьянина. На ее крики к ней на помощь примчались Мари и Розина.

Берта подвела к дому раненного в плечо крестьянина лет двадцати — двадцати двух.

Бросившись навстречу, Малыш Пьер успел усадить раненого на стул, прежде чем тот потерял сознание.

— Ради Бога, уходите, — произнес маркиз, — мы сами справимся и переведем беднягу.

— Почему же я должен уйти? — спросил Малыш Пьер.

— Потому что не всякий может вынести вид крови, и я бы не хотел, чтобы вы упали в обморок.

— Вы такой же, как и все, и я уже склонен думать, что наши друзья не так уж и не правы в суждениях обо мне и о вас.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы, так же как и другие, считаете меня трусом.

Затем, увидев, что Мари и Берта уже приготовились к перевязке раненого, Малыш Пьер приказал:

— Оставьте этого храбреца, я один, слышите, один, перевяжу его рану.

И, взяв ножницы, Малыш Пьер распорол уже пропитанный кровью рукав, обнажил рану и, промыв ее, приложил корпию и перевязал.

В этот момент раненый открыл глаза и пришел в себя.

— Какие новости? — спросил маркиз, не в силах больше скрывать свое нетерпение.

— Увы! — произнес раненый. — Наши парни уже ощущали вкус победы, когда их атака была отбита.

Малыш Пьер, не изменившись в лице во время перевязки, вдруг стал бледнее полотна, которым перевязал рану.

Он только что закрепил повязку последней булавкой.

Схватив старого дворянина за руку, он потянул его к двери.

— Маркиз, — произнес он, — вам должно быть известно, — ведь вы уже дрались с синими во времена великих войн, — что надо делать, когда родина в опасности?

— Тогда, — ответил маркиз, — все должны взяться за оружие.

— Даже женщины?

— И женщины, и старики, и дети!

— Маркиз, сегодня из наших рук выпадет белое знамя и, возможно, навсегда; и потом вы первый меня осудите за то, что я палец о палец не ударил для того, чтобы сделать что-нибудь для победы?

— Но вы только подумайте о том, — воскликнул маркиз, — что вас может настичнуть пуля...

— Э! Неужели вы считаете, что, когда моя окровавленная и пробитая пулями одежда будет поднята на штыки и пронесена перед нашими батальонами, от этого может пострадать дело, за которое мы бьемся?

— О! Нет, — воскликнул с подъемом маркиз, — и если в этот момент не развернется наша земля, я прокляну родную землю.

— Так поспешим со мной к тем, кто сражается!

— Но, — возразил маркиз, и в его голосе уже было меньше твердости, с какой он отвечал раньше на настоятельные просьбы Малыша Пьера, словно мысль о том,

что его могли посчитать инвалидом, поколебала его решимость во что бы то ни стало выполнить порученное задание,—но я же дал обещание, что не позволю вам ни при каких обстоятельствах покинуть мельницу Жаке.

— Хорошо, я вас освобождаю от вашего обещания! — воскликнул Малыш Пьер.— И, зная вашу храбрость, приказываю следовать за мной... Пойдемте, маркиз, и, если еще не все потеряно, поможем одержать победу, а если уже поздно, по крайней мере умрем вместе с нашими друзьями!

И с этими словами Малыш Пьер направился через двор и сад; за ним поспешил и маркиз с Бертой, время от времени ради приличия маркиз просил на ходу вернуться назад, но в глубине души довольный таким поворотом событий.

Мари и Розина остались около раненого.

III

ПОЛЕ БОЯ

Мельница Жаке находилась примерно в одномлье от деревни Шен. Малыш Пьер бегом одолел половину пути, ориентируясь на звуки перестрелки, и, когда они уже стали приближаться к тому месту, где шел бой, маркизу стоило большого труда убедить его соблюдать хоть какую-то осторожность, чтобы он не кинулся очертя голову в самое пекло сражения.

Обогнув один из огневых рубежей, служивший, как мы уже сказали, ориентиром в их продвижении вперед, Малыш Пьер и его спутники оказались в тылу маленькой вандейской армии, которая, и в самом деле оставив занятые утром позиции, была вытеснена солдатами далеко за пределы деревни Шен. В тот момент, когда Малыш Пьер с развевавшимися на ветру волосами, задыхаясь, вскарабкался на высоту, на которой находились основные силы вандейцев, он был встречен восторженными криками.

Когда находившийся в окружении своих офицеров и отстреливавшийся, как простой солдат, Гаспар обернул-

ся на шум, он увидел Малыша Пьера, Бертю и маркиза де Судэ, который, потеряв шляпу, бежал с непокрытой головой.

К нему и обратился Гаспар.

— Вот как господин маркиз де Судэ выполняет взятые на себя обязательства?! — гневно воскликнул он.

— Сударь, — заметил язвительно маркиз, — нельзя требовать невозможного от такого немощного инвалида, как я...

Малыш Пьер поспешил вступить за маркиза: только не хватало, чтобы в руководстве его маленького войска появились разногласия.

— Мой друг, вы, как и Судэ, обязаны мне подчиняться, — произнес он, — я редко напоминаю об этом своим подданным, но сегодня как раз выпал такой день. Я беру командование на себя и требую доложить обстановку.

Гаспар только печально покачал головой.

— Перевес на стороне синих, — сообщил он, — и мои дозорные мне постоянно докладывают о прибытии новых подкреплений.

— Тем лучше! — воскликнул Малыш Пьер. — Тем больше французов узнают, как мы погибли!

— Не смейте даже думать об этом, Мадам!

— Во-первых, здесь нет «Мадам»: перед вами такой же солдат, как и вы. Пусть ваши стрелки выйдут вперед, и не старайтесь прикрывать меня.

— Да, но сначала надо отойти назад!

— А кто же должен отойти назад?

— Вы!

— Будет вам! Вы хотите сказать, что мне надо идти вперед?

И, вырвав шпагу из рук Гаспара, Малыш Пьер нацепил на ее острие свою шляпу и, побежав в сторону деревни, крикнул:

— Все, кто за меня, вперед!

Напрасно Гаспар пытался его остановить: проворный и ловкий, Малыш Пьер угрем выскользнул из его рук и, не останавливаясь, бежал к домам, откуда солдаты, увидев оживление в рядах вандейцев, открыли беглый огонь.

Заметив, какой опасности подвергался Малыш Пьер, вандейцы подались вперед, чтобы прикрыть его своими

тeлaми. Их прорыв был таким неожиданным и стремительным, что за несколько секунд, во второй раз преодолев ручей, они оказались в центре деревни, где сошлись в рукопашной схватке с синими.

Не прошло и несколько минут, как между ними завязался бой не на жизнь, а на смерть.

Гаспару, все мысли которого были заняты только тем, как защитить Малыша Пьера, наконец удалось к нему пробиться, схватить за руку и окружить своими людьми; и пока он, несколько не заботясь о собственной безопасности, спасал августейшую особу, охраняя которую, как ему показалось, велел сам Господь Бог, на него навел ружье солдат, прятавшийся за углом одного из крайних домов деревни.

И дело бы плохо кончилось для предводителя шуанов, если бы не маркиз, вовремя заметивший угрожающую ему опасность; обойдя дом с другой стороны, он ударил по стволу ружья как раз в тот момент, когда солдат нажимал на курок.

Пуля ударилась о печную трубу.

Солдат с досадой обернулся и попытался проколоть маркиза де Судэ штыком, от которого тот уклонился, подавшись всем телом назад. Старый дворянин хотел было выстрелить в ответ, но в этот момент пуля разбила пистолет, который он держал в руке.

— Право же, тем лучше! — воскликнул маркиз, хватывая из ножен саблю и нанося солдату такой сокрушительный удар, что тот рухнул к его ногам, словно бык, получивший удар кувалдой по голове.— Я предпочитаю холодное оружие.

Затем, размахивая саблей, он крикнул:

— Эй, Гаспар, что ты теперь скажешь о немощном инвалиде?

Что же касалось Берты, то она устремилась вперед за Малышом Пьером, своим отцом и вандейцами; но ее больше занимало то, что происходило вокруг, и меньше всего внимания она обращала на солдат противника.

Она искала Мишеля.

Солдаты, застигнутые врасплох внезапной и мощной атакой вандейцев, медленно отходили назад; участвовавшие в бою гвардейцы из Вьей-Винь отступали. Поле боя было усеяно телами убитых.

А так как синие больше не отвечали на огонь белых, рассредоточившихся по виноградникам и садам, которые окружали деревню, командовавшему стрелками мэтру Жаку удалось их собрать вместе и повести по узкой улице, огибавшей сады и ведущей к флангу неприятеля.

Однако солдаты, оправившись от неожиданности, собрались с силами, чтобы отразить атаку, и, построившись в виде буквы Т на главной улице деревни, оказали сопротивление нападавшим.

Встретив отпор, вандейцы слегка замешкались, и инициатива немедленно перешла к синим, которые, бросившись в контратаку, оттеснили белых к узкой улочке, по которой те пытались их застигнуть врасплох, и получилось так, что мэтр Жак и с ним пятеро или шестеро братьев-кроликов, среди которых прежде всего следует назвать Кургузого Обена и Вшивого Триго, оказались отрезанными от главных сил атакующих.

Мэтр Жак подозвал к себе шуанов и, прислонившись к стене, чтобы обезопасить себя от нападения со спины, укрывшись за помостом строившегося на углу этой улицы дома, он приготовился дорого продать свою жизнь.

Кургузый Обен вел по солдатам прицельный огонь из короткой двустволки; каждая из его пуль находила свою жертву; тем временем Триго, чьи руки были свободны, так как безногий был привязан к его плечам ремнем, с удивительной ловкостью орудовал косой, насаженной на палку, которую он одновременно использовал как пику и как огромный меч.

В тот момент, когда нищий одним ударом уложил жандарма, только что выбитого из седла Кургузым Обеном, в толпе солдат неожиданно раздались радостные крики, и мэтр Жак со своими бойцами увидели, что синие, не скрывая ликования среди кровавого побоища, вели под конвоем женщину, одетую в платье для верховой езды.

Это была Берта. Желая во что бы то ни стало найти Мишеля, она неосторожно выехала на коне вперед и была взята в плен.

Солдаты, сбитые с толку ее одеждой, решили, что захватили в плен герцогиню Беррийскую.

Вот почему они так бурно выражали свою радость. Мэтра Жака, так же как и других, ввел в заблуждение ее костюм амазонки.

Стремясь исправить ошибку, совершенную несколько дней назад в лесу Тувау, он дал сигнал своим людям, и они поспешили из укрытия и бросились на прорыв через брешь, проделанную в солдатских рядах карающим мечом нищего, и отбили пленницу.

Разочарованные неудачей солдаты с удвоенной яростью напали на мэтра Жака, который, не теряя времени даром, снова спрятался в укрытии, и маленькая группа шуанов оказалась в центре кольца, в чью сторону были направлены дула двадцати пяти ружей, и кольцо с каждой секундой сжималось.

Еще двое вандейцев упали замертво; мэтр Жак, раненный пулей в кисть руки, выронил ружье и теперь оборонялся саблей, которую держал в левой руке; у Кургузого Обена закончились патроны. Вся надежда четверки оставшихся в живых вандейцев была на косу Триго, ставшую для них последним средством защиты, ибо с ее помощью он положил уже столько трупов, что солдаты не решались и близко подойти к наводившему на них ужас нищему.

Однако Триго, стремясь сразить косой одного из всадников, промахнулся, его смертельное орудие напоролось на камень и раскололось на части. Удар был настолько силен, что гигант не удержался на ногах и упал на колени; ремень, которым был привязан Кургузый Обен, оборвался, и бедолага покатился в середину круга.

Громким и радостным криком «ура» встретили солдаты неудачу белых, ибо теперь доблестный нищий не представлял для них никакой опасности, и гвардеец уже было поднял штык, чтобы проткнуть безногого калеку, как Берта, выхватив из-за пояса пистолет, выстрелила в солдата, и, надо сказать, весьма своевременно, ибо он свалился замертво, прикрыв своим телом Кургузого Обена.

Триго поднялся на ноги с такой прытью, какой никто не ожидал от его тяжелого и неповоротливого тела; потеря Кургузого Обена, опасность, которая ему угрожала, удесятерили его силы: рукояткой сломанной косы он огло-

ушил одного солдата, нанес удар по ребрам другому; затем отбросив ногой труп гвардейца с такой силой, что тот отлетел в сторону шагов на десять, он бережно поднял Кургузого Обена, словно тот был малым ребенком, и присоединился к Берте и мэтру Жаку, спрятавшимся под помостом строившегося дома.

Пока Кургузый Обен лежал ничком на мостовой, он успел осмотреться так же быстро и внимательно, как всякий человек в минуту смертельной опасности оглядывается по сторонам в надежде увидеть, откуда может прийти к нему помощь, и его взгляд остановился на помосте строившегося дома, на котором находились кирпичи, приготовленные каменщиками для возведения стены.

— Укройтесь в дверной нише,— сказал он Берте, когда благодаря пришедшему к нему на выручку Триго оказался рядом с девушкой,— возможно, я смогу оказать вам ответную услугу. Триго, а ну-ка подпусти «красные штаны» поближе.

Хотя Триго и был тугодумом, он все же сообразил, что от него хочет его друг, ибо разразился громовым смехом, который был совсем не к месту в их плачевном состоянии.

Тем временем солдаты, увидев, что перед ними всего-навсего трое безоружных людей, и решив любой ценой отбить наездницу, которую по-прежнему принимали за Мадам, с криками «сдавайтесь» подошли совсем близко.

Однако в тот момент, когда солдаты бросились к помосту, Триго, посадив Кургузого Обена рядом с Бертой, ухватился руками за деревянную балку, служившую опорой всей конструкции, и, расшатав, вырвал из земли.

И в ту же секунду опрокинулся дощатый настил, и лежавшие на нем кирпичи покатались на землю, сразив наповал с десятков солдат, находившихся уже рядом с ними.

Тем временем отряд из Нанта во главе с Гаспаром и маркизом де Судэ саблями, штыками, прицельным огнем в отчаянном порыве остановил синих, которым пришлось отступить на прежние позиции в чистом поле, где

их численное преимущество и лучшее снаряжение должны были стать залогом их будущей победы.

Вандейцы, какими бы безрассудными они ни казались, уже приготовились к новой атаке, когда не выпускавший, несмотря на свое ранение, из руки саблю мэтр Жак, к которому пробились его бойцы, шепнул несколько слов Гаспару.

И тот тут же, несмотря на возражения Малыша Пьера, приказал отойти на позиции, которые белые занимали час назад по другую сторону улицы

Малыш Пьер с досады рвал на себе волосы и требовал от Гаспара немедленных объяснений, что и сделал Гаспар при первой же остановке.

— У нас осталось,— сказал он,— от силы пятьсот или шестьсот бойцов, и не больше. Мы не опозорили наше знамя, и это все, что мы можем предпринять на данный момент.

— Вы в этом уверены? — спросил Малыш Пьер.

— Убедитесь в этом сами,— произнес Гаспар, ведя молодого человека на бугор.

С высоты было видно, как в лучах заходившего солнца поблескивали штыками войска, занимавшие все обозримое пространство вокруг деревни до самого горизонта.

Отсюда были слышны звуки их походных труб и стук барабанов, доносившиеся со всех сторон.

— Теперь вы видите,— продолжал Гаспар,— что не пройдет и часа, как нас окружают, а если оставшиеся в нашем распоряжении бойцы не захотят, как и я, оказаться в застенках Луи-Филиппа, у нас не будет другого выбора, как умереть.

На несколько секунд Малыш Пьер погрузился в мрачное раздумье; затем, убедившись в правоте предводителя вандейцев и поняв, что у него не осталось больше надежды, которая согревала его душу еще несколько минут назад, он почувствовал, как мужество покидает его и он становится тем, кем был на самом деле, то есть обыкновенной женщиной. И только что бесстрашно бросавший вызов смерти, прошедший как герой сквозь огонь и воду, он сел на обочину дороги и заплакал, не пытаясь даже скрыть слезы, которые текли по щекам.

IV
ПОСЛЕ БОЯ

Тем временем Гаспар, подойдя к своим товарищам по оружию, поблагодарил всех за верную службу и распрощался с ними до лучших времен, посоветовав им уходить поодиночке, чтобы не попасть в руки солдат; затем он вернулся к Малышу Пьеру, который не двинулся с места и сидел в окружении маркиза де Судэ, Берты и нескольких вандейцев, не пожелавших спастись бегством, пока не обеспечат безопасность Малыша Пьера.

— Ну как,— спросил Малыш Пьер, увидев, что Гаспар вернулся один,— они ушли?

— Да, но разве они сделали все, что могли?

— Несчастные люди! — продолжал Малыш Пьер.— Сколько горя их ждет впереди! Почему Господь отказал мне в утешении прижать их к моему сердцу? Однако у меня не хватило сил, и они правы, что ушли, не прощаясь. Два раза не умирают, и я бы не хотел пережить еще раз такие же дни, как в Шербурге.

— А теперь,— сказал Гаспар,— нам надо подумать о вашей безопасности.

— О! Вам не следует заниматься моей персоной,— ответил Малыш Пьер.— Я сожалею о том, что меня не задела ни одна пуля. Я знаю, что моя гибель не принесла бы вам победы, но по крайней мере наше сражение не осталось бы незамеченным. А теперь что нам остается?

— Ждать лучших времен... Вы доказали французам, какое храброе сердце бьется в вашей груди; от своих королей они ждут прежде всего мужества. Будьте спокойны: французы вас не забудут.

— Пусть свершится воля Божья! — произнес Малыш Пьер, поднимаясь, и, опираясь на руку Гаспара, спустился с холма к дороге, проходившей через долину.

Войска, напротив, не зная местности, двинулись в обход.

Гаспар возглавил немногочисленный отряд; самое большее, что им грозило, двигаясь в этом направлении, так это встреча с разведчиками: однако благодаря мэтру Жаку, которому здесь была известна каждая тропинка

ка, они вышли по почти непроходимым тропам к самой мельнице Жаке, так и не увидев ни одной трехцветной кокарды.

По дороге Берта подошла к отцу и спросила, не заметил ли он Мишеля во время боя, однако старый дворянин, который был опечален исходом с таким трудом организованного и столь бесславно закончившегося вооруженного выступления, ответил в резкой форме, что вот уже дня два, как никто не видел барона де ла Ложери; возможно, он струсил и постыдно отказался от славы, которая бы покрыла его имя на поле боя, и от союза, который бы стал призом за проявленную отвагу.

Ответ отца огорчил Берту.

Стоит ли говорить о том, что она не поверила ни единому слову из того, что ей сказал маркиз.

Но ее сердце дрогнуло от одного лишь предположения, которое показалось ей наиболее вероятным: Мишель был убит или же тяжело ранен. Поэтому она решила навести справки, чтобы узнать о судьбе дорогого человека.

Берта опросила всех вандейцев.

Ни один из них не видел Мишеля, а некоторые бойцы, движимые застарелой ненавистью к его отцу, употребили в своих высказываниях о нем слова, не менее крепкие, чем маркиза де Судэ.

Берта обезумела от горя; она могла поверить в то, что сделала для себя недостойный выбор, если бы ей предъявили неопровержимые доказательства, а в отсутствие таковых ее любовь лишь окрепла и разгорелась с неистовой силой под тяжестью обвинений в адрес любимого человека, и она с негодованием отвергла все выдвинутые против него обвинения.

Еще недавно ее сердце разрывалось от горя, а разум туманился при мысли, что Мишель пал на поле боя; теперь же такая славная смерть стала бы бальзамом для ее израненного сердца, утешением в ее горе, ей хотелось поскорее узнать всю правду; у нее появилось желание вернуться в Шен, пройти по полю брани и найти его тело по примеру Юдифи, искавшей Гарольда, а когда бы она реабилитировала молодого человека в глазах вандейцев, доказав несостоятельность недостойных предположений ее отца, она бы отомстила убийцам Мишеля.

Пока она раздумывала, под каким предлогом ей можно было бы находиться в хвосте колонны, чтобы, незаметно отстав, вернуться в Шен, к ней подошли замыкавшие шествие Кургузый Обен с Триго.

Берта перевела дух; возможно, они что-нибудь прояснят для нее.

— Ну что, мои храбрецы,— обратилась она к ним,— нет ли у вас новостей о господине де ла Ложери?

— А! Конечно, моя дорогая мадемуазель,— ответил Кургузый Обен.

— Наконец-то! — воскликнула Берта.

Затем с надеждой в голосе спросила:

— Не правда ли, он не покинул свое подразделение, как его обвиняют?

— Нет, покинул,— ответил Кургузый Обен.

— Когда?

— Перед самым боем под Месдоном.

— О! Боже мой! Боже мой! — воскликнула в отчаянии Берта.— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверен. Я видел, как он пришел к Жану Улле в Круа-Филип, и мы даже какое-то время шли вместе по дороге на Клиссон.

— С Жаном Улле? — воскликнула Берта.— О! В таком случае я спокойна, Жан Улле не из тех, кто спасает свою шкуру перед сражением! И если Мишель ушел вместе с Жаном Улле, то в его поступке нет ничего постыдного и трусливого.

Вдруг она вздрогнула от страшной мысли.

Почему Жан Улле проявил столь неожиданный интерес к судьбе молодого человека? И почему тот пошел за Жаном Улле, а не за маркизом?

Эти два вопроса мучили девушку и вселяли тревогу в ее сердце.

— Вы говорите,— спросила она Кургузого Обена,— что видели, как они пошли в сторону Клиссон?

— Собственными глазами.

— А вы знаете, что произошло под Клиссоном?

— Это слишком далеко от нас, чтобы располагать подробностями,— ответил трактирщик.— Хотя к нам давно пришел парень из Сент-Люмина, который рассказывал, что слушал перестрелку с северной стороны, начавшуюся в десять часов утра.

Берта промолчала, но ее мысли потекли совсем в другом направлении.

Она решила, что в своей ненависти Жан Улье нарочно повел Мишеля на верную смерть.

Берта себе представила, как несчастный мальчик лежал окровавленный на земле, всеми покинутый и одинокий, и некому было протянуть ему руку помощи среди политых кровью пустынных ланд

Ей уже слышалось, как он зовет ее на помощь.

— Вы знаете кого-нибудь, кто бы мог отвести меня к Жану Улье? — спросила он Кургузого Обена.

— Сегодня?

— Прямо сейчас.

— Но на дорогах полным-полно «красных штанов»!

— Есть еще и тропинки.

— Но вот-вот наступит ночь!

— Ночью дороги только безопаснее. Найдите мне проводника, или я отправлюсь одна.

Мужчины переглянулись.

— Кроме меня, вы не найдете другого проводника, — произнес Кургузый Обен, — разве я не обязан вашей семье? Впрочем, мадемуазель Берта, вы не далее как сегодня оказали мне неоценимую услугу, когда сразили насмерть гвардейца, уже приготовившегося проткнуть меня штыком, чего я никогда не забуду.

— Хорошо! В таком случае ждите меня на этом ржаном поле, — сказала Берта, — не пройдет и четверти часа, как я присоединюсь к вам.

Кургузый Обен и Триго улеглись в рожь, а Берта, ускорив шаг, нагнала Малыша Пьера и вандейцев, когда они уже входили на мельницу Жаке.

Она быстро поднялась в узкую комнату, которую занимала вместе с сестрой, и, торопливо сняв запачканную кровью одежду, натянула на себя крестьянское платье. Спустившись вниз и увидев Мари, оставшуюся ухаживать за ранеными, не посвящая ее в свои планы, ограничилась лишь тем, что попросила не волноваться, если она не появится до завтрашнего дня.

Затем вышла на ту же дорогу, по которой только что пришла на мельницу.

Какой бы спокойной ни хотела выглядеть Берта, Ма-

ри догадалась по ее изменившемуся лицу о том, что творилось у нее на душе. Ей было известно об исчезновении Мишеля, и она ни на секунду не сомневалась в том, что неожиданный уход Берты связан с ним.

Но после всего того, что произошло накануне, Мари не решилась задать вопрос Берте.

И только новая тревога поселилась в ее и без того истерзанной душе, а когда ее позвали к Малышу Пьеру, чтобы его сопровождать к новому убежищу, она упала на колени и обратилась к Богу с горячей мольбой, чтобы принесенная ею жертва не оказалась напрасной, чтобы Бог не оставил своей милостью жениха Берты и предохранил его от ран и бесчестия.

V

ЗАМОК ПЕНИСЬЕР

Пока вандейцы вели под Шеном героический, хотя и напрасный бой, сорок два их соратника у замка Пенисьер де Ла Кур держали оборону, которая навсегда войдет в историю.

Сорок два роялиста, входившие в состав отряда города Клиссона, отправились из города с задачей дойти до местечка Куган и разоружить национальных гвардейцев. Разразившаяся жуткая гроза, расколовшая пополам небо над их головами, вынудила роялистов искать пристанище в замке Пенисьер, к стенам которого тут же подошел предупрежденный о передвижении маленького отряда батальон 29-го линейного полка.

Замок Пенисьер представлял собой старое двухэтажное здание с чердаком; в его стенах было проделано пятнадцать амбразур самой разнообразной формы. Рядом с замком приютилась маленькая часовня. А далее до самой долины реки простиралась широкая степь, рассеченная живой изгородью на отдельные участки, превратившиеся из-за обильно выпавших дождей в настоящие озера.

Кроме того, замок был окружен зубчатой стеной, воздвигнутой в свое время вандейцами.

Командир батальона без предварительной разведки местности отдал приказ идти на штурм.

После короткого боя вандейцам пришлось отступить от стены и засесть внутри замка, плотно забаррикадировав ворота.

Вандейцы равномерно распределили свои силы между первым этажом и вторым, и на каждом этаже было по трубачу, которые, не переставая, играли марш в течение всего боя, поднимая боевой дух своих товарищей по оружию; осажденные повели прицельный огонь из каждого окна замка, и выстрелы звучали так часто, что никто бы не догадался о малочисленности отряда.

Стреляли самые меткие из роялистов; почти без останков они поражали штурмовавших замок солдат тяжелой дробью, которой их товарищи заряжали ружья, передавая из рук в руки.

В каждом заряде было по двенадцать дробинок, а так как вандейцы стреляли одновременно из пяти или шести ружей, создавалось впечатление, что палит целая батарея, заряженная картечью.

Гвардейцы дважды шли на штурм; и каждый раз, подойдя к замку шагов на двадцать, они были вынуждены отступить.

Командир скоординировал подготовку к новой атаке, а пока направил четверых солдат и каменщика подойти к тыльной стороне замка, откуда можно было незаметно забраться на крышу. Когда солдаты приблизились к стене, они поставили лестницу и, взобравшись на крышу, бросили в чердачное помещение горящую паклю и поспешно ретировались. Спустя минуту из-под крыши появился столб дыма, сквозь который пробивались языки пламени.

С громкими криками солдаты вновь пошли на штурм крошечной цитадели, словно водрузившей на крыше стяг в виде огня. Защитники крепости обнаружили пожар; однако у них не было времени его потушить; впрочем, они надеялись, что пламя, уничтожив крышу, стихнет само по себе. На крики приближавшихся солдат они ответили еще более яростным ружейным огнем под бодрые звуки труб, которые ни на секунду не выпускали из рук два трубача.

До белых доносились слова солдат, которыми они обменивались между собой: «Мы воюем не с людьми, а с самим дьяволом!» И такая похвала со стороны вояк прибавляла оборонявшимся сил.

Между тем наступавшие получили подкрепление в количестве пятидесяти человек. Командир приказал им идти на штурм, и, обгоняя друг друга, гвардейцы бросились к замку.

На этот раз им удалось добраться до самых ворот и взломать их с помощью саперов. Командиры вандейцев приказали бойцам, находившимся на первом этаже, подняться на второй; и они подчинились приказу; и пока одна половина защитников крепости продолжала стрелять, вторая половина разбирала паркет на полу, чтобы сквозь образовавшиеся отверстия между балками перекрытий встретить проникших внутрь башни солдат прицельным огнем и заставить их в четвертый раз отступить.

Командир батальона приказал солдатам повторить на первом этаже то же, что они сделали на чердаке.

Через окна во внутреннее помещение замка полетели сухой валежник и хворост; сверху солдаты бросили несколько горящих факелов, и не прошло и десяти минут, как вандейцы оказались в огненной ловушке, зажатые между огнем, бушевавшим одновременно над их головами и под ногами.

Однако они продолжали сражаться! С каждой секундой из окон замка вместе с картечью вырывалось все больше и больше клубов дыма; теперь казалось, что осажденные уже не защищались, а лишь в отчаянии палили по врагу, чтобы отомстить за свою неминуемую смерть; похоже, они свыклись с мыслью, что их маленький гарнизон был обречен на гибель.

Положение было критическим: под ногами вандейцев огонь начал с треском пожирать опоры и балки перекрытий, из-под паркета то тут, то там вырывались языки пламени; с минуты на минуту на их головы грозила обрушиться кровля или под ногами мог провалиться пол: они задыхались от дыма.

Командиры приняли отчаянное решение: они согласились отступить; но их план мог увенчаться успехом только в том случае, если кто-то будет прикрывать отступление и вызовет огонь солдат на себя; тогда они спросили, кто готов отдать свою жизнь ради спасения товарищей.

Вызвалось восемь добровольцев.

Отряд разделился на два взвода. Тридцать три бойца со своим трубачом решили прорваться в дальний угол парка, огражденный лишь плетнем, а восемь человек, и среди них тоже был трубач, должны были прикрывать их отступление.

Пока часть оставшихся в замке бойцов продолжала стрелять, перебегая от одного окна к другому, другая часть пробивала стену, противоположную той, против которой стояли солдаты; сделав пробоину в стене, бойцы по одному вылезли наружу и с трубачом во главе бросились в дальний угол сада, где виднелся плетень.

Открыв огонь, солдаты побежали за ними. Вандейцы в ответ опрокидывали все, что попадалось им на пути, и пока большая часть отряда перелезала через плетень, было убито пятеро бойцов; остальные рассыпались по залитой водой степи. Трубача настигли три пули, но он так и не выпустил трубы из своих рук.

Что же до оставшихся в замке бойцов, то они держались до конца. И каждый раз, когда солдаты шли на штурм, горевшая башня отвечала картечью, нанося потери гвардейцам.

Прошло еще полчаса. Сквозь звуки выстрелов, глухой рокот огня и треск пожара по-прежнему слышался голос трубы, как последний вызов, который бросали смерти отважные люди.

Наконец послышался жуткий треск, и в воздух взлетели облака дыма и языки пламени, сопровождаемые миллионами искр; смолкла труба, прекратились выстрелы.

Пол рухнул, и под его обломками нашел свою смерть крошечный гарнизон, если только не свершилось чудо и осажденных не поглотило пламя гигантского костра.

Именно об этом и подумали солдаты, ибо, постояв у дымящихся развалин замка и не услышав ни единого крика или стога, которые свидетельствовали бы о том, что кто-то из вандейцев остался в живых, они поспешили прочь от этого адского пламени, поглотившего одновременно и друзей и врагов. Вскоре на месте кровопролитного боя, где только что стоял невообразимый шум и царило движение, остались лишь медленно догоравшие дымящиеся красные обломки замка и рядом

несколько трупов, освещенных последними искрами пожарища.

Так прошла часть ночи.

Однако около часу какой-то человек необычного роста пролез через изгородь и стал изучать окрестности замка; когда же на его пути встречалась тропинка, он пересекал ее, низко пригнувшись к земле.

Не заметив ничего подозрительного, человек обошел вокруг разрушенного замка и внимательно осмотрел каждый встретившийся на его пути труп, а затем исчез в темноте. Не прошло и несколько минут, как он снова появился, на его спине сидел уже другой человек, а рядом шла женщина в крестьянской одежде.

Наши читатели уже узнали эту троицу: этими мужчинами и женщиной были не кто иной, как Кургузый Обен, Триго и Берта.

Берта была бледна; твердость и решительность, столь свойственные ее характеру, уступили место полной растерянности. Время от времени она выходила вперед, и Кургузому Обену приходилось просить соблюдать осторожность.

Когда они втроем вышли в поле, занятое раньше солдатами, и увидели впереди пятнадцать красных амбразур, казавшихся огромными на фоне почерневшего фасада замка и похожих на гигантские адские топки, девушка почувствовала, как силы покидают ее; упав на колени, она лишь смогла выкрикнуть сквозь рыдания единственное имя; затем, по-мужски решительно вскочив на ноги, она побежала в сторону еще не остывших развалин.

По дороге она обо что-то споткнулась, перед ней был чей-то труп; в жуткой тревоге она склонилась над мертвецом и, ухватив его за волосы, повернула к себе его бледное лицо; заметив, что вокруг полным-полно трупов, она, словно безумная, стала бегать от одного убитого к другому.

— Увы! — произнес Кургузый, шедший следом за ней. — Мадемуазель, его здесь нет! Чтобы избавить вас от столь печального зрелища, я приказал Триго пойти вперед и осмотреть трупы; и, несмотря на то, что он видел господина де ла Ложери всего один или два раза в жизни, мой приятель не такой уж слабоумный, чтобы не опознать его среди убитых.

— Да, да, вы правы,— сказала Берта, указывая рукой на замок Пенисьер,— возможно, он где-то там...

И не успели приятели даже глазом моргнуть, как она забралась на подоконник одного из окон первого этажа и, стоя на шатавшейся под ее ногами каменной плите, наклонилась над все еще глухо рокотавшей пропастью, разверзнутой у ее ног, куда, казалось, она была готова прыгнуть.

По сигналу Кургузого Триго схватил в охапку девушку и поставил на землю. Берта даже не попыталась сопротивляться, так как ей в голову пришла мысль, которая внезапно парализовала всю ее волю.

— Боже Всемилостивый! — воскликнула она словно последнее заклинание. — Ты не позволил мне быть рядом с ним, чтобы защитить его или умереть вместе с ним, и вот теперь отказываешь мне в последнем утешении — похоронить его по-христиански!

— Довольно, мадемуазель, — произнес Кургузый, — на все воля Божья, и надо с этим смириться.

— О! Никогда! Никогда! — воскликнула Берта в порыве отчаяния.

— Увы! — продолжал калека. — У меня тоже тяжело на душе, ибо, если здесь лежит господин де ла Ложери, то здесь же нашел себе последнее пристанище и бедный Жан Улье.

Берта жалобно застонала. В своем эгоизме влюбленной женщины она начисто забыла о Жане Улье.

— Я уверен, — продолжал Кургузый, — что он умер именно так, как хотел умереть, то есть с оружием в руках, однако мне от этого не легче.

— И нет больше никакой надежды? — воскликнула Берта. — Не мог ли он каким-нибудь образом спастись? О! Давайте его здесь поищем.

Кургузый Обен покачал головой.

— Как мне кажется, это маловероятно! По словам одного из тех тридцати трех осажденных, кому удалось уйти, пятеро из них по пути сложили головы.

— Но Жан Улье и господин Мишель были среди тех, кто остался, — сказала Берта.

— Без сомнения, и именно потому у меня почти нет надежды. Вы только взгляните! — произнес Кургузый Обен, указывая на гладкие стены, поднимавшиеся от са-

мой земли до крыши, призывая Берту взглянуть на первый этаж здания, превратившийся в печную топку, в которой догорали пол этажного перекрытия чердака и обломки крыши.— Вы видите сами, здесь ничего не осталось, кроме догорающих обломков и стен, грозящих вот-вот обвалиться. Мужайтесь, мадемуазель, ставлю сто очков против одного, что ваш жених вместе с бедным Жаном Улле погребены под развалинами.

— Нет, нет,— воскликнула Берта, поднимаясь на ноги,— он не может, он не должен умереть! Даже если бы для его спасения понадобилось чудо, Бог это чудо совершил! Я хочу осмотреть обломки, я хочу ощупать все стены. Он мне нужен живым или мертвым! Слышите, Кургузый, мне он нужен!

И, ухватившись своими белыми ручками за обгоревший конец балки, высовывавшейся из окна, Берта изо всех сил попыталась вытащить балку, словно с ее помощью она могла приподнять невероятный груз обломков, чтобы взглянуть, что скрывалось под ними.

— Даже не думайте об этом!— воскликнул, терпя терпение, Кургузый Обен.— Такая задача не по плечу ни вам, ни мне, ни даже самому Триго! Впрочем, мы бы даже и не успели, солдаты наверняка вернуться сюда на рассвете. И нам не стоит попадаться им на глаза. Надо уходить, мадемуазель! Ради Бога, уходим!

— Если хотите, вы можете идти,— ответила Берта тоном, не терпящим возражений,— а я остаюсь.

— Вы остаетесь?— воскликнул изумленно Кургузый.

— Я остаюсь! Если солдаты и вернуться, то только для того, чтобы осмотреть развалины; я брошусь в ноги их командиру, слезами и мольбами упрошу его выделить мне людей, чтобы помочь мне его отыскать, и я его найду! Найду!

— Мадемуазель, вы заблуждаетесь, «красные штаны» опознают вас, дочь маркиза де Судэ, и, если не расстреляют на месте, то возьмут в плен. Идемте с нами! Еще немного, и наступит рассвет. Идемте! А если надо,— добавил Кургузый Обен, испугавшись лихорадочного состояния девушки,— если надо, обещаю вам, мы придем сюда с вами следующей ночью.

— Нет, еще раз нет! Я никуда не уйду,— ответила девушка.— Я слышу его голос (и она ударила себя в грудь), и он зовет меня и говорит, что я нужна ему!

Увидев, что по знаку Кургузого Обена к ней приближается Триго, она, взобравшись на плиту, произнесла:

— Еще один шаг, и я брошусь в костер!

Кургузый Обен понял, что ему не справиться с Бертой силой, и уже решил было уговорить ее, когда Триго, стоявший с распростертыми руками в той позе, в какой он приготовился схватить девушку, подал знак своему товарищу, чтобы тот замолчал.

Зная по опыту о необычайных способностях несчастного слабоумного, Кургузый повиновался.

Триго прислушался.

— Неужели возвращаются солдаты? — спросил Кургузый Обен.

— Нет, тут что-то другое,— ответил Триго.

И, отвязав Кургузого, как всегда сидевшего на его плечах, он упал на землю и припал к ней ухом.

Берта, по-прежнему не сходя с того места, куда забралась, повернулась в сторону нищего.

Его жест и несколько оброненных слов произвели на нее такое действие, что, еще не понимая причины, она вдруг почувствовала, как забилося в груди сердце, и задохнулась от охватившего ее волнения.

— Тебе послышалось что-то необычное? — спросил Кургузый.

— Да,— ответил Триго.

Затем он подал знак Кургузому Обену и Берте последовать его примеру.

Как известно, Триго слов на ветер не бросал.

Кургузый Обен прижался ухом к земле.

Берта спрыгнула с окна и присоединилась к Кургузому Обену. Но стоило ей на секунду прильнуть ухом к земле, как она тут же вскочила на ноги:

— Они живы! Они живы! О! Боже Всемилостивый, как я тебе благодарна!

— Не спешите радоваться,— заметил Кургузый Обен.— В самом деле, мне тоже послышалось, что откуда-то из-под развалин доносится слабый стук, но их было восемь человек: кто может поручиться, что это именно те, кого мы ищем?

— Кто может поручиться? Мои предчувствия, они заставили меня не уступать вашим просьбам и уйти, как вы настаивали. Уверяю вас, это наши друзья! Они искали и нашли убежище в каком-нибудь подвале, а теперь они оказались под свалившимися сверху обломками

— Возможно,— прошептал Кургузый.

— О! Я уверена в этом,— сказала Берта.— Но как же им помочь? Как добраться до того места, где они спрятались?

Если они попали в подземелье, то у всякого подземелья должен быть выход. Если они сидят в погребе, у погреба должно быть слуховое окно. Надо перерыть всю землю вокруг замка и найти их!

И с этими словами Берта пошла вдоль стены, с яростью отодвигая балки и опоры, отбрасывая в сторону камни и черепицу, упавшие сверху и завалившие фундамент стены.

Вдруг она вскрикнула.

Триго и Кургузый поспешили на ее крик, один на своих длинных ногах, а второй подпрыгивая на обрубках ног и руках, похожий на лягушку.

— Послушайте! — произнесла Берта с торжествующим видом.

И в самом деле, с того места, где она стояла, они явно слышали идущий из подвала разрушенного замка глухой, но постоянный звук, похожий на стук какого-то инструмента, которым монотонно долбили по фундаменту.

— Вот здесь,— сказала Берта, указывая рукой на кучу строительного мусора и обломков, наваленных вдоль стены,— вот здесь и надо искать.

Триго принялся за дело. Для начала он отодвинул кусок кровли, который, упав вниз, лежал вертикально вдоль стены, затем разбросал груды камней, оказавшихся здесь после падения со второго этажа верхней части оконного проема, затем, демонстрируя поистине нечеловеческую силу, он довольно быстро нашел отверстие, сквозь которое к ним пробивался стук несчастных погребенных заживо людей.

Берта хотела было пролезть в это отверстие, но Триго ее удержал. Оторвав от кровли щепку, он поджег ее от горящих головешек и, обвязав посередине тело

Кургузого Обена ремнем, которым обычно прикреплял его к своим плечам, осторожно опустил в слуховое окно.

Триго и Берта затаили дыхание.

Послышался голос Кургузого Обена, переговаривавшегося с людьми из подземелья.

Затем он подал знак Триго, чтобы тот его вытянул вверх.

Триго поднял его со скоростью и надежностью хорошо налаженной подъемной машины.

— Живы! Не правда ли, они живы? — спросила с тревогой Берта.

— Да, мадемуазель, — ответил Кургузый, — но, умоляю вас, не пытайтесь спуститься в подземелье! Они вовсе не в том подвале, откуда выходит слуховое окно! Они находятся в какой-то нише по соседству с ним; а то отверстие, через которое они туда проникли, завалено; чтобы их оттуда вызволить, необходимо пробить стену, и я боюсь, как бы во время этого не обвалилась оставшаяся часть свода. Позвольте мне руководить Триго.

Берта упала на колени и стала молиться.

Кургузый Обен набрал сухих щепок и снова спустился в подвал.

За ним последовал Триго.

Не прошло и десяти минут, показавшихся Берте вечностью, как послышался шум падавших камней, и из груди девушки вырвался отчаянный крик; бросившись к слуховому окну, она увидела выбравшегося наружу Триго, который нес перекинутое через плечо тело, чья голова безжизненно свисала на грудь нищего.

Она узнала Мишеля.

— Боже мой! Он мертв! — вскрикнула девушка, не смея сделать и шага.

— Нет, нет, — раздался из глубины подвала голос, который Берта сразу знала, — голос Жана Улле, — нет, он не умер.

Услышав эти слова, девушка бросилась вперед и, приняв Мишеля из рук Триго, положила его на траву и, уже поверив своему счастью, — ибо она слышала, как бьется сердце молодого человека, — попыталась привести его в чувство, приложив ко лбу смоченный в канаве платок.

ЛАНДЫ БУЭМЕ

Пока Берта старалась привести в чувство молодого человека, потерявшего сознание в основном из-за удушья, в отверстии слухового окна показался Жан Уллье, а вслед за ним и Кургузый Обен, которого вытягивал на ремне Триго так же, как и опускал до того вниз.

Не прошло и минуты, как вся троица оказалась наверху.

— Ах! Так вы там были одни? — спросил Кургузый Обен Жана Уллье.

— Да.

— А остальные?

— Они спрятались под сводом лестницы. Потолок обвалился прежде, чем они успели пробраться к нам.

— Так, значит, они погибли?

— Не думаю, ибо примерно час спустя после ухода солдат до нас донеслись голоса и грохот от падавших камней. Мы кричали, но, видимо, никто нас не услышал.

— Так наш приход оказался для вас подарком судьбы?

— Да, конечно! Без вашей помощи нам бы ни за что не удалось пробить стену, тем более в том состоянии, в каком находился молодой барон. Ах! Все мои усилия оказались тщетны! — произнес Жан Уллье, покачав головой, когда он посмотрел на Берту, которой удалось привести в сознание молодого человека, и теперь, положив голову Мишеля к себе на колени, она рассказывала ему о той радости, какую испытала, когда узнала, что он жив.

— Не считая того, что нам еще предстоит пережить впереди, — сказал Кургузый Обен, не в силах понять смысла слов старого вандейца и с тревогой поглядывая на широкую пурпурную полосу, только что показавшуюся на горизонте и возвещавшую о том, что вот-вот наступит утро.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Жан Уллье.

— Для нашего полного спасения нам не хватает еще двух часов темноты: после того как рассветет, раненому, инвалиду и женщине далеко не уйти; кроме того, на всех дорогах будет видимо-невидимо вчерашних победителей.

— Да, согласен, но я как-то лучше себя чувствую, когда не вижу над своей головой каменного свода.

— Мой бедный Жан, ты спасен лишь наполовину.

— Ладно, надо принять меры предосторожности.

И Жан Улье принялся шарить по мешкам убитых, собирая патроны, затем зарядил ружье с таким невозмутимым видом, словно собирался на охоту, и подошел к Берте и Мишелю, который прикрыл глаза, словно снова потерял сознание.

— Вы можете идти? — спросил он.

Мишель не ответил; открыв глаза и увидев перед собой Берту, он их тут же снова прикрыл, понимая, в каком затруднительном положении оказался.

— Вы можете идти? — повторила Берта, и на этот раз по тону ее голоса у Мишеля не осталось сомнений в том, что вопрос был обращен именно к нему.

— Думаю, что смогу, — ответил он.

В самом деле, пуля, пробив руку, не задела кость.

Берта, осмотрев рану, подвязала ему руку шелковым шарфом, который сняла с шеи.

— Если вам трудно идти, — предложил Жан Улье, — я вас понесу.

Еще раз убедившись в том, что отношение старого вандейца к барону де ла Ложери изменилось, Берта подошла к Жану Улье.

— Вы должны мне объяснить, — сказала она, — почему вы увели моего жениха (и она особо выделила голосом последние два слова), почему вы заставили его покинуть свой пост и вовлекли в это дело; и, помимо всех опасностей, которым он подвергался, ему предъявили по вашей вине гнусные и тяжкие обвинения.

— Если по моей вине пострадала репутация господина де ла Ложери, — мягко произнес Жан Улье, — я исправлю свою ошибку.

— Вы? — спросила Берта, все больше и больше удивляясь.

— Да, — сказал Жан Улье, — ибо я всем расскажу, как, несмотря на свой изнеженный вид, этот молодой человек показал себя храбрым и стойким воином.

— Вы действительно поступите так, как пообещали? — с удивлением воскликнула Берта.

— Я не только так поступлю,— сказал старый вандеец,— но, если вдруг моему свидетельству не поверят, я разыщу кого-нибудь из тех храбрецов, с кем он сражался бок о бок, ибо теперь я хочу, чтобы его имя отныне произносилось с почтением.

— Как?! Неужели это я слышу от тебя, Жан Уллье?

Жан Уллье склонил голову в знак согласия.

— Ты же мне говорил, что предпочитаешь увидеть меня мертвой, чем узнать, что я ношу это имя?

— Да! Но, мадемуазель Берта, взгляды меняются. И теперь я бы очень хотел, чтобы господин Мишель стал зятем моего хозяина.

Жан Уллье произнес эти слова таким печальным и взволнованным голосом, устремив на Берту столь красноречивый взгляд, что у нее тоской защемило сердце, и она невольно подумала о Мари.

Она хотела было расспросить старого егеря, но в этот момент ветер донес до них звуки трубы, возвещавшие о скором прибытии пехотинцев из Клиссона.

— Прав был Кургузый Обен!— воскликнул Жан Уллье.— Берта, как только нам позволят обстоятельства, вы тотчас же узнаете обо всем, что вас интересует, а сейчас нам нужно думать только о том, как спастись.

Затем, снова прислушавшись, продолжил:

— Скорее в путь, ибо уверен, что нам нельзя терять ни минуты.

И, взяв Мишеля под локоть здоровой руки, он подал сигнал трогаться в путь.

Кургузый Обен уже устроился на плечах Триго.

— И куда мы теперь?— спросил он.

— Нам надо добраться до фермы Сен-Илер, куда мало кто заходит,— ответил Жан Уллье, почувствовав после того, как сделал несколько шагов, поддерживая Мишеля, что у молодого человека подкосились ноги— Нашему раненому не пройти восемь лье, что отделяют нас от Машкуле.

— Ладно, пойдем на ферму Сен-Илер,— произнес Кургузый Обен и дал понять Триго, что пора отправляться в путь.

Несмотря на то, что ранение Мишеля не позволяло беглецам быстро продвигаться вперед, они уже были в нескольких сотнях шагов от фермы, когда Триго с гордостью показал своему приятелю предмет, похожий на дубинку, которую тщательно выстругивал и скоблил ножом по дороге, а сейчас держал в руках.

Это был ствол дикой яблони умеренной толщины, которым он разжился в плодовом саду замка Пенисьер и который должен был, по его мнению, заменить наводившую на неприятеля ужас косу, расколовшуюся во время боя под Шеном.

Кургузый Обен вскрикнул от ярости.

Похоже, он не разделял глубокого удовлетворения, с каким его приятель ощупывал сучковатую рукоятку нового оружия.

— Черт бы побрал эту безмозглую скотину! — воскликнул он

— Что случилось? — спросил Жан Улье, оставляя Мишеля на попечение Берты и ускоряя шаг, чтобы нагнать Триго и Кургузого Обена.

— Эта скотина, — продолжал Кургузый Обен, — навела на наш след «красные штаны»! И как я, старый дурак, сразу не сообразил? Как только мы вышли из замка Пенисьер, он вообразил себя мальчиком с пальчик: на нашу беду, он усеял дорогу не хлебными шариками, а ветками, листьями, стружками, и теперь, как мне кажется, если эти негодяи-солдаты заметили, что мы рылись в развалинах замка, они уже вышли на тропинку, на которой эта скотина оставила для них столько следов. Ах! Ну и какой же он дурень, какая же он право дубина! — закончил Кургузый свою речь столь образным сравнением.

Затем, чтобы его слова не расходились с делом, он размахнулся и со всей силы ударил кулаком по голове нищего, для кого полученная затрещина была равносильна поглаживанию по голове.

— Черт возьми, — произнес в раздумье Жан Улье, — что же теперь делать?

— Нам нельзя идти на ферму Сен-Илер, где мы окажемся в ловушке.

— Но,— поспешила возразить Берта,— барон де ла Ложери не сможет идти дальше. Вы же видите, как он бледен!

— Свернем направо,— предложил Жан Уллье,— выйдем к ландам Буэме и спрячемся среди скал. Я возьму господина Мишеля на закорки, чтобы оставлять меньше следов и быстрее идти. Пойдем друг за другом: ступая последним, Триго затрет следы остальных своими огромными подошвами.

Ланды Буэме, куда Жан Уллье решил повести беглецов, располагались примерно в одном лье от селения Сен-Илер, и, чтобы добраться туда, надо было переправиться через Мен.

Вверх против течения этой довольно большой реки можно было доплыть, взяв курс на север, до Ремуйе и Монбера; она отличалась неровной береговой линией, изобиловавшей гранитными скалами, к некоторым из которых уже прикоснулась рука человека.

Среди зарослей вереска или желтоцветного утесника и дрока поднимали свои коричневые головы дольмены и менгиры¹, увенчанные мхом.

И вот к одному из этих замечательных творений природы и направил Жан Уллье свой маленький отряд. Камень был совершенно плоским и лежал на четырех огромных гранитных глыбах.

Под его сенью могли легко разместиться на отдых десять или двенадцать человек.

Не успел Мишель подойти к ним, как силы оставили его, и молодой человек едва не упал, если бы его вовремя не подхватила Берта. Она поспешила нарвать вереска и разбросала его под дольменом, и, несмотря на грозившую ему опасность, едва молодой человек прилег на это импровизированное ложе, как забылся тяжелым сном.

Триго было поручено залезть на дольмен и охранять покой путников; стоя наверху, словно неотесанная статуя на пьедестале из камня на фоне дикой природы, он напоминал своей могучей фигурой одного из тех гигантов, кто

¹ Дольмены и менгиры — древние сооружения (3—2-е тысячелетия до н. э.) из громадных камней, служившие большей частью могильными памятниками и святилищами. (*Прим. переводчика.*)

два тысячелетия назад своими руками воздвиг этот каменный алтарь. Спустившийся с плеч великана на землю Кургузый Обен прилег рядом с Мишелем, покой которого оберегала Берта, несмотря на то, что сама совсем выбилась из сил и едва переводила дыхание после физических и моральных перегрузок, которые ей пришлось выдержать за последние сутки; Жан Уллье тем временем отошел в сторону, чтобы убедиться, что рядом никого не было, и в то же время, чтобы разжиться какой-нибудь провизией, ибо беглецы смертельно проголодались.

Прошло уже около двух часов, как Триго обозревал необъятные степные просторы, раскинувшиеся вокруг, и, несмотря на все внимание, с каким он вслушивался в доносившиеся до него звуки, до сих пор его слух не уловил ничего, кроме монотонного жужжания пчел и ос, собиравших свою дань с цветов, растущих в расселинах скалы; солнце уже так сильно припекало, что от влажной земли стал подниматься пар, разноцветным туманом застилая глаза Триго и клоня его ко сну под горячими лучами, падавшими отвесно на его нестриженные рыжие патлы. Он уже приготовился погрузиться в легкий голодный сон, как его дремоту прервал выстрел.

Посмотрев в сторону Сент-Илера, Триго заметил легкое белое облачко, какое остается после выстрела.

Затем он различил человека, бежавшего со всех ног, и, как ему показалось, в сторону дольмена.

Одним прыжком Триго спрыгнул со своего пьедестала.

Берта так и не заснула; услышав выстрел, она тут же растолкала Кургузого Обена.

Взяв калеку на руки, Триго поднял его над головой так, чтобы тот оказался на высоте десяти футов, и произнес только два слова, не нуждавшихся в комментариях:

— Жан Уллье.

Кургузый Обен, посмотрев из-под руки, узнал старого вандейца. Только он заметил, что вместо того, чтобы бежать к ним, Жан Уллье устремился не к холму, над которым возвышался дольмен, а в противоположную сторону, к Монберу.

Он также обратил внимание, что вместо того, чтобы обходить стороной открытые участки, прячась от своих преследователей, старый вандеец взбирался по самым крутым склонам, чтобы остаться в поле зрения всех, кто мог находиться в этой местности в радиусе одного лье.

Жан Уллье был человеком бывалым, чтобы действовать непродуманно. Раз он так поступал, значит, у него были на то веские причины: в самом деле, он рассчитывал, что именно так он привлечет к себе внимание врагов и заставит их свернуть с дороги, по которой они, по всей видимости, двигались по следам беглецов.

Кургузый Обен рассудил, что он и его попутчики должны оставаться там, где они находились, и подождать развития событий, внимательно следя за ними со стороны.

Как только появилась необходимость больше полагаться на ум, чем на чувства, он перестал рассчитывать на одного только Триго и решил забраться на дольмен. Только он справедливо рассудил, что, несмотря на свой шуплый вид, ему не стоит выставлять себя напоказ.

Распластавшись на камне, он повернулся лицом к холму, к которому спешил Жан Уллье.

Вскоре на том месте, где появился старый вандеец, показался один солдат, затем второй, гретий...

Он насчитал двадцать солдат.

Было похоже, что они не торопились нагнать беглеца; они лишь рассредоточились по ландам, чтобы отрезать ему путь, если бы ему вздумалось повернуть назад.

Такая мудреная тактика показалась Кургузому подозрительной, ибо она наводила на мысль о том, что за вандейцем охотились не только солдаты, которых он видел.

Холм примерно в получетверти лье от того места, где в настоящий момент находился Жан Уллье, круто обрывался над небольшим болотцем

Именно в эту сторону смотрел Кургузый Обен, куда, по всей видимости, спешил Жан Уллье.

— Гм! — неожиданно произнес Триго.

— Что такое? — спросил Кургузый.

— «Красные штаны», — ответил нищий, указывая пальцем на болото.

Кургузый взглянул в этом направлении и увидел, как среди камышей блеснуло на солнце ружье, затем различил и темную фигуру: это был солдат, — и так же, как и в зарослях вереска, за солдатом притаились еще двадцать человек.

Кургузый Обен видел, как они прятались в камышах, словно охотники в засаде на дичь.

И этой дичью был Жан Уллье.

Спускаясь с холма, он неминуемо попадал в расставленную ему ловушку.

Нельзя было терять ни минуты, чтобы не опоздать его предупредить.

Кургузый Обен взял в руки ружье и, стараясь не высовывать ствол ружья из зарослей вереска, произвел выстрел позади дольмена.

Затем осмотрелся по сторонам.

Услышав выстрел, Жан Уллье тут же понял, что Кургузый подал ему сигнал из своего обреза; он ни секунды не сомневался в том, что только очень веские причины могли побудить его друга выдать свое местоположение; он неожиданно повернулся и вместо того, чтобы поспешить к обрыву и болоту, быстро спустился с холма. Жан Уллье уже не бежал, а летел! Похоже, у него был свой план действий и он торопился его осуществить.

Жан Уллье бежал с такой скоростью, что через несколько минут должен был присоединиться к своим друзьям.

Однако, несмотря на все меры предосторожности, которые принял Кургузый Обен, чтобы солдаты не заметили дым выстрела, им не составило большого труда определить, откуда прозвучал выстрел, и те, кто засел в зарослях вереска и спрятался на болоте, соединили свои силы позади бежавшего сломя шею Жана Уллье, чтобы, по всей видимости, посоветаться и выработать план дальнейших действий.

Кургузый Обен бросил взгляд вокруг себя, стремясь, казалось, рассмотреть каждую точку на горизонте, затем, обмусолив палец, поднял его, определяя, откуда

дул ветер; поняв, что ветер дул со стороны солдат, он ощупал вереск, чтобы убедиться в том, что жаркое солнце и сильный ветер достаточно его просушили.

— Что вы делаете? — спросила Берта, следившая за всем, что происходило вокруг; поняв, какая огромная опасность им угрожала, она помогала встать на ноги Мишелю, который выглядел скорее грустным, чем страдавшим от раны.

— Что я делаю, — ответил калека, — дорогая мадемуазель, вы лучше спросите меня, что я собираюсь сделать! Я собираюсь развести костер, и если благодаря этому огню вы, как я надеюсь, будете спасены, то уже сегодня будете рассказывать, что ничего подобного до сих пор никогда не видели!

И с этими словами он передал Триго несколько кусочков горящего трута, а тот обложил их пучками сухой травы, которые, после того как он подул, превратились в пылающие факелы, и он разбросал их по сухому вереску на десять шагов друг от друга на расстоянии ста шагов.

Триго бросил последний пучок горячей травы, когда Жан Улле спустился по склону, ведущему к дольмену.

— Вставайте! Вставайте! — кричал он. — У нас не больше десяти минут.

— Да, но что нам дадут двадцать минут? — ответил Кургузый Обен, указывая на стебельки цветов, которые трещали под огнем и скручивались к земле, в то время как к небу уже спиралью поднимались клубы дыма.

— Огонь распространяется не так быстро и, возможно, будет слишком слабым, чтобы остановить солдат, — заметил Жан Улле.

Затем, взглянув вверх, добавил:

— Впрочем, ветер погонит огонь как раз в ту сторону, куда собираемся направиться мы.

— Да, приятель Улле, но вместе с огнем, — произнес с торжествующим видом Кургузый, — появится и дым. Именно на него я и надеюсь: за дымом они не смогут разглядеть, сколько нас и куда мы направляемся.

— Эх! Кургузый, Кургузый,— пробормотал сквозь зубы Уллье,— если бы не ноги, какой бы из тебя вышел ловкий браконьер!

И, не говоря ни слова, он, подхватив Мишеля, посадил себе на закорки, несмотря на сопротивление молодого человека, упрямо твердившего, что он способен обойтись без посторонней помощи, и к тому же не желавшего добавить усталости вандейцу; и он пошел вслед за Триго, спешившим поскорее убраться отсюда со своим поводырем на плечах.

— Возьми за руку мадемуазель,— сказал Кургузый Обен Жану Уллье,— пусть она закроет глаза и наберет побольше воздуха в легкие. Не пройдет и десяти минут, как все вокруг покроется дымом и нам будет нечем дышать.

В самом деле, еще не истекли объявленные Кургузым Обеном десять минут, как десяток столбов дыма слились в один и превратились в гигантскую дымовую завесу, которая распространилась на площади в три сотни шагов, в то время как позади нее слышался глухой рокот огня.

— Ты различаешь местность, чтобы нас вести,— спросил Жан Уллье Кургузого Обена,— ибо для нас прежде всего важно не сбиться с дороги, а затем не потерять друг друга?

— Нашим проводником будет дым; последуем смело за ним, и он приведет нас, куда нам надо, только не теряйте из виду Триго, идущего впереди.

Жан Уллье принадлежал к людям, которые знают цену словам и времени; и в ответ он лишь сказал:

— В путь!

И по примеру Триго с Кургузым Обеном на плечах вандеец легко понес свою ношу.

Они уже шли с добрую четверть часа под прикрытием пожара, но так и ни разу не вынырнули из клубов дыма огня, распространявшегося вокруг них из-за ветра с молниеносной быстротой.

И только время от времени Жан Уллье спрашивал Бертю, которая задыхалась от дыма:

— Вы дышите?

И девушка в ответ едва слышно шептала «да».

Что же касалось Мишеля, то старый егерь несколько за него не волновался: он никак не мог задохнуться, находясь у него за плечами.

Ведомый Кургузым Обеном, Триго не смотрел себе под ноги, как вдруг неожиданно отпрянул на шаг назад.

Он провалился выше колена в воду, которую из-за дыма вовремя не заметил.

Обен вскрикнул от радости.

— Вот мы и пришли! — воскликнул он. — Дым вывел нас не хуже самой умной дрессированной собаки.

— Да? — протянул Жан Ульье.

— Неужели, мой друг, ты не понимаешь? — спросил Кургузый Обен с торжествующими нотками в голосе.

— Да, но как мы попадем на островок?

— Как? А Триго?

— Хорошо! Однако, если солдаты нас не найдут, разве они не смогут придумать какую-нибудь хитрость?

— Несомненно, если они не нападут на наш след, однако они нас не найдут.

— Продолжай.

— Они не знают точно, сколько нас; мы укроем раненого и мадемуазель в надежном месте; затем, сделав вид, что сбились с пути или же нам дорогу преградила вода, мы пойдем им навстречу; ты, Триго и я несколькими меткими выстрелами подтвердим их подозрения, что именно нас они только что засекли. И тогда налегке мы спокойно доберемся до леса Жинестон, откуда ночью нам уже не составит большого труда вернуться назад и доплыть до островка.

— Но где же мы им найдем провизию?

— Ба! — воскликнул Кургузый Обен. — Еще никто не умирал после суточного поста.

— Пусть будет по-вашему.

Затем, с грустью и презрением кляня себя за забывчивость, произнес:

— Похоже, что после прошлой ночи моя голова совсем стала дырявой, если я не подумал об этом.

— Не надо понапрасну кручиниться, — сказала Бер-

та, обрадовавшись возможности остаться с любимым наедине благодаря стечению обстоятельств.

— Будьте спокойны, — ответил Жан Уллье.

Триго взял Мишеля на руки и, не опуская на землю Кургузого Обена, чтобы не терять времени даром, вошел в воду. Он двигался вперед, пока вода не поднялась ему по грудь; затем он поднял молодого человека над головой, готовый передать Мишеля Кургузому Обену, если станет глубже. Однако вода так и осталась по грудь гиганту; он пересек озеро и добрался до маленького островка величиной в двенадцать квадратных футов, похожему на большое утиное гнездо над тихой водной гладью.

Весь островок зарос камышом.

Триго опустил Мишеля в камыши и вернулся за Бертой, которую точно так же перенес над водой озера, и, словно уточку, положил ее рядом с молодым бароном де ла Ложери.

— Спрячьтесь на острове, — крикнул им с берега Жан Уллье.

И, обращаясь к молодым людям, сказал:

— Поправьте камыши, примятые по дороге, и я вам обещаю, что никто вас здесь не найдет.

— Хорошо! — ответила Берта. — А теперь, друзья, не волнуйтесь больше за нас!

VII

В КОТОРОЙ ЗАВЕДЕНИЕ «КУРГУЗЫЙ ОБЕН И КОМПАНИЯ» ПОДТВЕРЖДАЕТ СВОЕ НАЗВАНИЕ

И вот для трех шуанов наступило время осуществить задуманное на берегу пруда: огонь приближался с невероятной быстротой; языки пламени, похожие на птиц с пурпурным и золотым оперением, взмывали над цветущими верхушками утесника и, прежде чем поглотить растения целиком, казалось, делали вид, что только собирались прикоснуться к их стебелькам.

Вокруг беглецов все плотнее сгушалась дымовая завеса, и все громче слышался треск огня, похожий на отдаленный гул океана, надвигавшийся со скоростью девятого вала.

Однако Жан Уллье и Триго уносили ноги быстрее огня и вскоре миновали опасную зону.

Свернув влево, они вышли к вершине холма, куда почти не доставали плотные клубы дыма, которые, на их счастье, мешали солдатам определить, сколько их было, в какую сторону они убегали и что предприняли, чтобы укрыть Мишеля и Бертю.

— Теперь, Триго, ползи! — воскликнул Жан Уллье.— Главное, чтобы солдаты нас не заметили прежде, чем мы узнаем их намерения и направление движения.

Гигант согнулся в три погибели, словно решил продвигаться на четвереньках, и, надо сказать, весьма вовремя, ибо, не сделай он этого, получил бы в грудь пулю, просвистевшую у него над головой.

— Черт возьми! — воскликнул Кургузый Обен.— Твой совет, Жан Уллье, хотя и прост, но не лишен здравого смысла.

— Они разгадали нашу уловку,— произнес Жан Уллье,— и решили нас окружить, зайдя, как мне кажется, с этой стороны.— И указал направление движения солдат.

И в самом деле, они увидели растянутую почти на полулье идущую от дольмена цепочку солдат. В ожидании появления вандейцев они расположились как загонщики на расстоянии ста шагов друг от друга.

— Ну, что, прорвемся? — спросил Кургузый Обен.

— Попробуем,— ответил Жан Уллье.— Однако подожди, пока я не сделаю брешь в их рядах.

И, прижав приклад ружья к плечу, он, не вставая, выстрелил по солдату, перезаряжавшему свое ружье.

Получив пулю в грудь, вояка развернулся на месте и упал лицом вниз.

— Один! — воскликнул Уллье.

Затем, прицелившись в шедшего следом за ним солдата, он нажал на спусковой крючок с таким невозмутимым видом, как будто охотился на куропатку.

Второй солдат упал вслед за первым.

— Уже два! — воскликнул Кургузый Обен.— Bravo, приятель Уллье, bravo!

— Вперед! Вперед! — крикнул вандеец, с гибкостью пантеры выпрямившись во весь рост.— Вперед! Рассредо-

точимся, чтобы не служить крупной мишенью пулям, которые будут дождем падать вокруг нас.

Вандеец как будто смотрел в воду: не успели трое беглецов сделать и десяти шагов, как раздалось шесть или восемь ружейных выстрелов, и одна из пуль отколола щепку от дубины, которую Триго держал в руке.

К счастью для беглецов, солдаты бросились сначала оказывать помощь своим товарищам, сраженным пулями на их глазах, и, запыхавшись от бега, не смогли метко прицелиться; тем не менее, окружив вандейцев, они закрыли проход, через который беглецы намеревались ускользнуть от погони, и теперь у Жана Уллье и его товарищей оставалось совсем мало шансов на то, чтобы прорваться, не вступая в рукопашную схватку с врагом.

В самом деле, в тот момент, когда бежавший слева Жан Уллье уже собирался перепрыгнуть маленький овраг, он вдруг увидел на противоположной стороне солдата, поджидавшего его со штыком наперевес.

Не успев перезарядить на ходу ружье, Жан Уллье подумал, что, если противник угрожал ему штыком, то, по всей видимости, был в том же положении, что и он. Вандеец на всякий случай выхватил нож и зажал его в зубах.

Не добежав двух шагов до канавы, он резко остановился и, вскинув ружье, прицелился в солдата, до груди которого оставалось не больше шести футов.

Все произошло именно так, как и рассчитывал Жан Уллье: решив, что ружье заряжено, солдат бросился ничком на землю, чтобы уклониться от пули.

И в ту же секунду, словно остановка не повлияла на силу его прыжка, Жан Уллье перемахнул через овраг и молнией пронесся над лежавшим солдатом.

Триго оказался, в свою очередь, не менее удачливым и, за исключением случайной пули, скользнувшей по плечу и добавившей лишней лоскут к его лохмотьям, он прорвался вместе со своим приятелем Кургузым Обеном сквозь кольцо окружения так же успешно, как и Жан Уллье.

Два беглеца, Триго можно было считать за одного, побежали врассыпную: один направо, другой налево, чтобы через некоторое время встретиться снова.

Пять минут спустя они были друг от друга на таком расстоянии, что перешли на крик, чтобы услышать друг друга.

— Как дела? — спросил Жан Уллье Кургузого Обена.

— Отлично! — ответил тот. — Минут через двадцать, если нас не зацепят пули этих мерзавцев, мы выйдем в открытое поле, за первым же плетнем им нас не достать. Приятель Уллье, напрасно мы пошли по ландам.

— Ба! Мы вот-вот отсюда выберемся, а дети находятся в большей безопасности в том месте, где мы их оставили, чем в самом густом лесу. Ты не ранен?

— Нет, а ты, Триго? Мне показалось, что тебя задела пуля.

Гигант показал след, который оставила пуля на дубинке; очевидно, ущерб, причиненный оружию, над которым Триго трудился с такой любовью все утро, огорчил его больше, чем вырванный из одежды клоч и легкая царапина на плече.

— Эй! Посмотри, — воскликнул Кургузый Обен, — вот и поле.

В самом деле, в тысяче шагов от беглецов в конце такого пологого спуска, что его едва можно было заметить, виднелись колосья начавшей уже золотиться ржи на фоне еще зеленого поля.

— Может, нам стоит перевести дух, — предложил Кургузый Обен, словно почувствовав, как устал Триго.

— Конечно, — ответил Жан Уллье, — мне как раз надо перезарядить ружье. А ты пока осмотришь.

Жан Уллье начал перезаряжать свое ружье, в то время как Кургузый Обен огляделся по сторонам.

— О! Разрази меня гром! — неожиданно воскликнул калека в тот момент, когда старый вандеец загонял патрон во второй ствол ружья.

— Что случилось? — спросил, обернувшись, Жан Уллье.

— Тысяча чертей! Скорее в путь! Мне пока ничего не видно, но я слышу шум, который не предвещает ничего хорошего.

— Э,— заметил Жан Уллье,— приятель Кургузый, нам оказывает честь сама кавалерия. Тревога! Тревога, лентяй! — добавил он, обращаясь к Триго.

Скорее чтобы прочистить глотку, чем ответить Жану Уллье, нищий взревел так, что ему бы позавидовал самый здоровый бык, и одним прыжком перемахнул через огромный камень, преграждавший ему путь.

Его героический порыв был остановлен вскрикнувшим от боли Жаном Уллье.

— Что с тобой? — спросил Кургузый Обен вандейца, который застыл на месте с поднятой ногой, опершись на свол ружья.

— Ничего, ничего,— сказал Жан,— не беспокойтесь. Попробовав идти, он снова вскрикнул от боли. Ему пришлось сесть.

— О,— сказал Кургузый Обен,— без тебя мы не двинемся с места. Скажи, что с тобой?

— Я тебе сказал: ничего!

— Ты ранен?

— А! — заметил Жан Уллье.— Где же костоправ из Монбера?

— Что ты сказал? — спросил, ничего не понимая, Кургузый Обен.

— Я говорю, что попал в яму и вывихнул или сломал ногу, и вот теперь не могу даже ступить на нее.

— Триго посадит тебя на одно плечо, а меня понесет на другом.

— Невозможно! Так вы не убежите от погони.

— Но если мы оставим тебя здесь, мой дорогой Жан Уллье, они тебя убьют.

— Возможно,— ответил вандеец,— но прежде чем умереть, я уложу многих. Вот посмотри, как для начала я справлюсь с этим.

В шагах трехстах от беглецов на невысоком холме показался молодой офицер егерского полка.

Жан Уллье, прицелившись, выстрелил.

Офицер вскинул руки и рухнул навзничь.

А Жан Уллье стал перезаряжать ружье.

— Итак, ты говоришь, что не можешь идти? — спросил Кургузый Обен.

— Возможно, я бы смог проскакать на одной ноге шагов пятнадцать, но к чему?

— В таком случае, Триго, стой здесь!

— Надеюсь, что вы не сделаете такой глупости, чтобы остаться? — воскликнул Жан Уллье.

— Эх! Честное слово, да! Старик, мы умрем вместе с тобой. Однако, как ты сказал, несколькими солдатами будет меньше.

— Кургузый, нет, нет, не делайте этого. Вы должны остаться в живых, чтобы помочь тем, кого мы оставили... Но Триго, что ты делаешь? — спросил Жан Уллье, увидев, как гигант, спустившись в овраг, пытался приподнять гранитную глыбу.

— Ладно! — сказал Кургузый Обен, — не брани его: он даром времени не теряет.

— Сюда, сюда, — крикнул Триго, указывая на яму, вымытую водой под камнем, которую он обнаружил, когда приподнимал глыбу.

— Честное слово, сегодня приятель Триго соображает не хуже обезьяны! Жан Уллье, иди сюда и ложись на дно!

Жан Уллье дополз до своих товарищей и забился в углубление, в котором вода доходила ему до колен; затем Триго осторожно поставил на место камень, оставив узкую щель для воздуха и света вандейцу, как будто заживо погребенному под каменной плитой.

Не успел Триго приподняться, как на вершине холма показались всадники и, убедившись в гибели офицера, покакали во весь опор в направлении шуанов.

Однако еще не все было потеряно для беглецов: всего каких-то пятьдесят шагов оставалось сделать Триго и Кургузому Обену — теперь мы будем рассказывать только о них — до спасительной живой изгороди, за которую вряд ли бы отважились последовать за ними всадники, в то время как пехотинцы, похоже, уже раздумали их преследовать.

Но унтер-офицер егерского полка в полной боевой выкладке почти нагнал их и находился так близко, что Кургузому Обену показалось, что он ощутил дыхание лошади на своем плече.

Торопясь настигнуть беглецов, унтер-офицер, встав в седле, замахнулся саблей на калеку и едва не обрушил на его голову удар такой силы, что неминуемо

раскроил бы ему череп, если бы лошадь, чьи поводья всадник на секунду слегка отпустил, не рванулась неожиданно влево, в то время как Триго инстинктивно бросился вправо.

И сабля лишь слегка оцарапала руку трактирщика.

— Взять! — крикнул Кургузый своему другу, понуждая к действию.

Триго завертелся на месте волчком, словно его тело было насажено на стальную пружину. Лошадь задела нищего грудью, но не сбила с ног; тем временем Кургузый Обен выстрелом из охотничьей двустволки сразил унтер-офицера наповал, и тот свалился вперед, по ходу лошади.

— Один! — открыл счет Триго, который вдруг стал словоохотливым, хотя в обычное время его нельзя было назвать болтливym.

Несмотря на то, что схватка отняла у беглецов не более минуты, расстояние между ними и всадниками заметно сократилось; казалось, еще немного и они достигнут вандейцев, уже слышавших сквозь дробный топот лошадиных копыт сухой треск перезаряжаемых карабинов и пистолетов.

Однако Кургузому Обену было достаточно и двух секунд, чтобы оценить возможности, которые предоставляла окружающая их местность.

Они находились на самом краю ланд Буэме в нескольких шагах от развилки дорог. И как у всякой развилки в Бретани или Вандее, здесь стояло распятие; этот каменный крест, расколотый пополам, мог стать их временным, хотя и ненадежным убежищем. Справа от них уже виднелись поля, окруженные живой изгородью; однако не стоило даже думать о том, чтобы добраться до них, ибо именно с этой стороны к ним неслись во весь опор трое или четверо всадников. Прямо перед ними, изгибаясь влево, несла свои воды Мен, делавшая крутой поворот налево; однако Кургузый Обен понял, что нельзя рассчитывать на то, чтобы река встала преградой между ними и солдатами, ибо противоположный берег ощерился острыми скалами, нависавшими над водой, и пока шуаны плыли бы по течению в поисках более пологого спуска, у солдат было бы наверняка достаточно времени, чтобы изрешетить их пулями.

Поэтому Кургузый Обен выбрал распятие, именно к нему по его приказу и побежал Триго.

Когда великан уже заходил за каменное основание распятия, пуля, от ricochetив от креста, скользнула вдоль щеки Кургузого Обена, что не помешало, однако, безному калеке ответить выстрелом.

Но, к несчастью, из раны Обена потекла кровь и залила руки Триго. При виде крови великан взревел от ярости, словно пуля попала в него самого, и бросился на солдат, как дикий кабан, который набрасывается на преследующих его охотников.

И в ту же секунду над головами Кургузого Обена и Триго сверкнули клинки десяти сабель, в них прицелились сразу из десяти пистолетов, а один из жандармов уже протянул руку, чтобы схватить Кургузого Обена.

Однако Триго ударом дубинки раздробил ему ногу.

Несчастный с душераздирающим криком упал с коня, который ускакал в ланды.

И в тот же миг раздался залп из десяти стволов.

Одна пуля попала Триго прямо в грудь, а две других раздробили левую руку Кургузого Обена.

Казалось, нищий не почувствовал боли: он отбивался своей палицей так яростно, что сломал две или три сабли и отвел от себя остальные клинки.

— К распятию! К распятию! — крикнул ему Кургузый. — Именно там мы и примем смерть.

— Да, — глухим голосом ответил Триго, услышав, что его друг заговорил о смерти, и опустил свою дубинку на голову солдата, который тут же свалился за мертво.

Затем, выполняя полученный приказ, он попятился к кресту, чтобы, по возможности, прикрыть товарища своим телом.

— Тысяча чертей! — воскликнул капрал. — На каких-то двух попрошаек мы потратили столько времени, патронов и понесли такие тяжелые потери!

И, потянув за уздечку и одновременно больно прищипнув коня, он заставил его сделать мощный прыжок и настичнуть вандейцев.

Конь ударил Триго головой в грудь; удар был настолько силен, что великан упал на колени.

Всадник воспользовался его падением, чтобы рассечь Кургузому голову.

— Сбрось меня к подножию распятия и спасайся, если сможешь,— приказал прерывающимся голосом Кургузый,— ибо мне уже крышка.

И он начал молитву:

— Господь, прими мою душу!..

Однако колосс больше не слушался своего товарища; от ярости и потери крови у него закружилась голова. С нечеловеческим криком, похожим на рев загнанного в клетку льва, с глазами, всегда тусклыми и бесцветными, а теперь метавшими молнии, с открытым в грозном оскале ртом, он был похож на разъяренного тигра, который готов ответить око за око, зуб за зуб. Лошадь в своем броске оказалась на несколько шагов впереди вместе со своим всадником, который рассек голову Кургузого Обена. Триго не мог до него дотянуться. И тогда, раскрутив свою палицу и определив на глазок расстояние, отделявшее его от егеря, он запустил ею во всадника, и она полетела со свистом, словно посланная из катапульты.

Подняв коня на дыбы, егерь уклонился от дубинки, но лошадь получила сокрушительный удар по голове.

После нескольких конвульсивных движений в воздухе передними копытами она повалилась на спину, увлекая за собой своего всадника.

Из груди Триго вырвался еще более страшный крик, чем тогда, когда он почувствовал боль. Нога всадника оказалась зажатой под конем. Вандеец бросился на него, освободил солдата им же рассеченной рукой и, схватив за ногу, притянул его к себе; затем раскрутил его в воздухе и со всей силой ударил о распятие.

Залитый кровью византийский камень покосился.

Крик ужаса, вызвавший к мести, пронесся над отрядом синих; однако как будто нечеловеческая сила Триго отбила желание солдат приближаться к нищему на близкое расстояние, они стали перезаряжать свои ружья.

Тем временем Кургузый Обен громко произнес:

— Аминь!

И отдал Богу душу.

Почувствовав, что его любимый хозяин мертв, Триго уселся у подножия распятия, словно приготовления солдат его вовсе не касались, отвязал тело Кургузого Обена и положил к себе на колени так, как поступила бы мать с телом своего умершего ребенка; заглянув в мертвенно-бледное лицо своего друга, он вытер с него кровь рукавом, в то время как горячие слезы, которые это бесчувственное ко всем жизненным невзгодам существо проливало впервые, стекали, перемешавшись с кровью, по его щекам, помогая ему выполнить последний долг так, как он себе его представлял.

Оглушительный залп, две новые раны, глухой и сдавленный звук от попадания трех или четырех пуль в труп, который Триго держал на руках и прижимал к груди, вывели великана из состояния горестного оцепенения.

Он встал во весь рост. И в ответ на это движение солдаты, решившие, что он бросится на них, натянули поводья и по их рядам прокатилась волна священного ужаса.

Но нищий даже не взглянул в сторону врагов; они его больше не интересовали. Он думал только о том, как бы найти средство, которое помогло бы ему не расстаться с другом и после смерти, и, казалось, он искал место, которое дало бы ему уверенность в том, что они останутся неразлучны навеки.

И он направился в сторону Мена.

Триго шагал, не сгибаясь, твердой и гордой поступью, несмотря на многочисленные раны и кровь, сочившуюся из пяти или шести пулевых ранений и струившуюся по его телу на землю, оставляя позади кровавый след. И пока он шел к берегу реки, ни одному солдату не пришлось в голову остановить вандейца; дойдя до места, где высокий берег нависал над непривычно спокойными черными водами реки, что говорило о том, насколько в этом месте было глубоко, он крепко обнял труп несчастного калеки; затем, по-прежнему прижимая своего друга к груди, собрал последние силы и бросился вниз, так и не произнеся ни слова.

Вода с шумом приняла огромное тело Триго, брызнув в разные стороны, и тут же поглотила и еще долго бурлила над тем местом, где скрылись Триго и его то-

варищ, затем, широкими кругами дойдя до берега, затихла.

На берег высыпали всадники. Решив, что нищий бросился в воду, чтобы добраться до противоположного берега, они приготовились выстрелить, как только беглец всплывет набрать воздуха в легкие.

Но Триго так и не появился на поверхности воды. Его душа соединилась с душой единственного существа, которое он любил на этой земле, и их тела покоились на ложе из камыша, покрывавшего дно водоворота на реке Мен!

VIII

КОГДА ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ ОТТУДА, ОТКУДА ЕЕ СОВСЕМ НЕ ЖДЕШЬ

Всю последнюю неделю мэтр Куртен старался держаться незаметно и не выходил за пределы ограды во круг своей фермы в Ложери.

Как всякий дипломат, мэтр Куртен не особенно жаловал войны, справедливо полагая, что недалеко те времена, когда больше не будут размахивать саблями и стрелять из ружей, и думал только о том, как бы остаться целым и невредимым на тот случай, если ему предоставится возможность послужить на пользу себе и отечеству в меру своих скромных сил, которыми природа не очень-то щедро одарила его.

Как человека предусмотрительного, фермера беспокоили последствия его участия в аресте Жана Улле и гибели Бонвиля; и в тот момент, когда застарелая ненависть, былые обиды, жажда мести держали под ружьем многих людей, он рассудил, что было бы благоразумно с его стороны не попадаться никому на узкой дорожке.

После того как однажды мэтр Куртен подрезал подпругу лошади барона Мишеля, он даже боялся встречи со своим хозяином, каким бы безобидным он ни выглядел; решив на следующий день после своей поездки, что избежит смерти, если прикинется тяжелобольным, Куртен слег в постель и передал через служанку соседям,

что его скосила тяжелейшая лихорадка, подобная той, что унесла в могилу папашу Тенги.

Мадам де ла Ложери, волнуясь за сына, уже дважды требовала к себе фермера; однако у страха глаза велики, и он так и не двинулся с места, пока беспокойство баронессы не взяло верх над гордостью и она сама не отправилась в крестьянский дом.

Она слышала, что Мишеля арестовали.

Баронесса собралась в Нант, чтобы, используя все свое влияние, добиться освобождения сына, а затем, употребив весь материнский авторитет, увести его подальше от этого несчастного края.

Ни в коем случае она не намеревалась возвращаться в Ложери, дальнейшее пребывание в котором представлялось ей опасным из-за войны, которая вот-вот должна была начаться, и ей было необходимо договориться с Куртеном, чтобы он присматривал за ее домом.

Куртен пообещал оправдать ее доверие таким грустным и слабым голосом, что, несмотря на собственные заботы и волнения, баронесса вышла от фермера, проникнувшись состраданием к бедолаге.

Затем произошли вооруженные столкновения под Шеном и Пенисьером.

В тот день, когда гремели бои, звуки выстрелов, долетавшие до фермы, наполняли сердце Куртена страхом.

Однако, узнав, кто победил, его болезнь как рукой сняло.

На следующий же день его самочувствие настолько улучшилось, что Куртен, не обращая внимания на советы служанки, изъявил желание отправиться в Монтегю, чтобы получить от супрефекта указания о дальнейших действиях.

Как стервятник, почувствовавший запах мертвечины, он захотел участвовать в дележе добычи.

В Монтегю мэтр Куртен узнал, что проехался напрасно. Теперь департаментом управляли военные власти. Супрефект посоветовал ему отправиться в Эгрефей, где в тот момент располагался штаб генерала.

Всецело поглощенный командованием, Демонкур, как храбрый и честный военный, не испытывал особой симпатии к людям, подобным Куртеноу, и, встретив его край-

не холодно, без внимания, выслушал наговоры фермера, которые он преподнес под видом информации о состоянии дел в Ложери.

Впрочем, генерал согласился с предложением Куртена разместить гарнизон в замке, чье местоположение позволяло держать в руках весь край от Машкуля до Сен-Коломбена.

Небо должно было компенсировать фермеру недостаток симпатии со стороны военных властей.

И такое вознаграждение он по справедливости получил.

Выходя из дома, где размещался штаб генерала, мэтр Куртен столкнулся с человеком, которого никогда до сих пор не встречал. Однако тот обратился к нему с необычайно любезными и вежливыми словами.

Это был мужчина лет тридцати, покрой черной одежды которого сильно напоминал платье городских священнослужителей; у него был низкий лоб и крючком загигавшийся, как у хищной птицы, нос. Его тонкие губы сильно выдавались вперед благодаря странной челюсти; он имел более чем острый подбородок; темные со свинцовым отливом волосы слипались на висках; серые полуприкрытые моргавшими веками глаза, казалось, видели насквозь. Он был похож на еврея, нацепившего маску иезуита.

Несколько произнесенных им слов насторожили Куртена, а его учтивость показалась фермеру поначалу подозрительной; однако он охотно принял его предложение отобедать с ним в гостинице Сен-Пьер и спустя два часа, проведенных в отдельном кабинете, где незнакомец, чей портрет мы только что нарисовали, приказал накрыть стол, они друг другу так пришились по душе, что стали разговаривать как старые друзья и никак не могли распрощаться, обмениваясь долгими и многочисленными рукопожатиями; пришпоривая свою клячу, мэтр Ложери еще раз подтвердил незнакомцу обещание, как можно скорее дать о себе знать.

Часов в девять вечера мэтр Куртен не спеша ехал по дороге, лицом в сторону Ложери, а спиной к Эгрефей. Пребывая в прекрасном расположении духа, он то и дело лихо и споро, что было совсем на него не похоже, хлестал свою лошадку по бокам палкой с кожаной ручкой.

Голова мэтра Куртена шла кругом от радужных надежд; он мечтал прежде всего о том, как, проснувшись завтра поутру, увидит на расстоянии ружейного выстрела от своей фермы добрую полусотню замечательных вояк, чье соседство освободит его от всех страхов не только за последствия того, что он уже совершил, но и за все то, что ему предстоит сделать в будущем; ему уже виделось, как он использует эту полусотню штыков по своему собственному усмотрению.

Мечты одновременно льстили его самолюбию и укрепляли ненависть.

Однако, несмотря на всю привлекательность перспективы иметь под рукой подразделение солдат, которое при желании могло бы обеспечивать его собственную охрану, мэтр Куртен, как человек весьма сдержанный в проявлении своих эмоций, не испытывал чувства глубокого удовлетворения.

Вне всякого сомнения, после слов незнакомца глаза Куртена загорелись алчным блеском вовсе не от эфемерного золота быстро проходящей славы, а от блеска самых что ни есть настоящих золотых и серебряных слитков, которые мэтр Куртен уже видел в туманном будущем и к которым невольно тянулась с вожделением его рука.

Во власти столь приятных грез, с затуманенной головой от выпитого вина, которое незнакомец, не скупясь подливал в его бокал, мэтр Куртен незаметно для себя задремал; его тело покачивалось направо и налево, в зависимости от шага его лошаденки; и наконец, когда она споткнулась о камень, мэтр Куртен, наклонившись вперед, так и продолжал ехать, опираясь на головку передней луки седла.

Сидеть было неудобно, но мэтр Куртен не собирался менять позу; в этот момент ему снился такой прекрасный сон, что он ни за что на свете не хотел бы, чтобы с пробуждением он прервался.

Ему приснилось, что он встретил своего молодого хозяина и тот, обведя рукой все свое владение Ложери, заявил: «Теперь оно принадлежит тебе!»

Доставшееся ему богатство оказалось значительно большим, чем он вначале предполагал, и Куртен как наяву видел источник своего сказочного обогащения.

Яблони во фруктовом саду сгибались под тяжестью золотых и серебряных монет, и ему не хватало шестов, собранных по всей округе, чтобы подпереть гнущиеся и грозящие обломиться ветви.

Кусты шиповника и боярышника вместо красных и черных ягод были усыпаны разноцветными камнями, сверкавшими на солнце словно рубины. Камней было такое великое множество, что мэтр Куртен, хотя и был уверен в том, что перед ним россыпь драгоценных камней, почти не рассердился, когда заметил маленького воришку, набивавшего ими свои карманы.

Фермер вошел в хлев.

Он увидел так много откормленных коров, что буренки, стоявшие у самых дверей, показались ему ростом со слона, а самые дальние, видневшиеся в дали,— не больше клеща.

И каждую корову доила девушка.

Две первые доярки были похожи как две капли воды на Волчиц, дочерей маркиза де Судэ.

И из-под их пальцев лилась странная светло-желтая жидкость, похожая скорее не на молоко, а на расплавленный металл.

Падая в медное ведро, которое каждая девушка подставляла под огромное вымя коровы, жидкость производила характерный, столь сладостный для уха Куртена мелодичный звон и наполняла ведро сыпавшимися горкой золотыми и серебряными монетами.

Заглянув в ведра, счастливый фермер увидел, что они уже наполовину наполнены монетами самого разного достоинства.

Он уже протянул к ним свои дрожавшие от алчности руки, как сильный толчок, сопровождаемый криком о помощи, прервал его сладкий сон.

Открыв глаза, Куртен увидел перед собой в сгущавшихся сумерках крестьянку в разодранном платье с распущенными волосами, простиравшую к нему с мольбой руки.

— Что вам надо? — крикнул мэтр Куртен самым грубым голосом, на какой только был способен, замахнувшись на женщину палкой.

— Добрый человек, прошу вас, ради Бога, помогите мне!

Подумав, что она просит у него милостыню, с испугом оглядевшись по сторонам, и убедившись, что рядом с ней никого нет, мэтр Куртен окончательно успокоился.

— Милейшая, вы с ума сошли: так не останавливают добрых людей посреди дороги, чтобы попросить милостыню.

— Милостыню? Кто у вас просит милостыню? — ответила ему незнакомка с таким достоинством и высокомерием, что Куртен удивился. — Я хочу, чтобы вы помогли мне спасти одного несчастного, который умирает от усталости и холода, я хочу, чтобы вы уступили мне вашу лошадь, чтобы отвезти его на какую-нибудь ближнюю ферму.

— И кто же этот нуждающийся в помощи человек?

— Если судить по вашему костюму, вы из наших мест. В таком случае, я могу вам сказать, ибо уверена, что, если вы и не разделяете наших взглядов, то все же не сможете меня выдать: это офицер-роялист.

Голос незнакомки и ее тон разожгли любопытство Куртена; он даже пригнулся к шее своей клячи, чтобы разглядеть поближе женщину, которой принадлежал этот голос, но не узнал ее.

— А кто вы? — спросил он.

— Какая вам разница?

— Почему вы решили, что я отдам лошадь людям, которых совсем не знаю?

— Мне решительно не везет! Ваш ответ доказывает, что я совершила ошибку, когда заговорила с вами, как с другом или же как с честным противником... Теперь я вижу, что с вами надо было разговаривать по-другому. А теперь вы немедленно отдадите вашу лошадь.

— Еще чего!

— Даю вам на размышление две минуты.

— А если я откажусь?

— Я прострелю вам голову, — продолжала крестьянка, наведя на Куртена дуло своего пистолета и щелкая затвором, чтобы он понял, что еще минута, и слова у нее не разойдутся с делом.

— Ах! Ладно! Теперь я вас узнал! — воскликнул Куртен.— Вы — мадемуазель де Судэ.

И, не дожидаясь дальнейших действий со стороны своей собеседницы, мэр торопливо слез с лошади.

— Хорошо! — сказала Берта, ибо это была именно она.— А теперь назовите мне ваше имя, и завтра вам вернут вашу лошадь.

— В этом нет необходимости, ибо я вам помогу.

— Вы? Отчего же такая перемена?

— Потому что я догадался, что человек, которому вы меня просите помочь, не кто иной, как владелец моей фермы.

— Его имя?

— Господин Мишель де ла Ложери.

— А! Вы один из его арендаторов. Хорошо! В таком случае мы укроемся в вашем доме.

— Но,— пробормотал Куртен, вовсе не горевший желанием встретиться с молодым бароном, предполагая, что, как только молодой человек с Бертой окажутся под его крышей, так тут же туда пожалует и Жан Уллье,— дело в том, что я местный мэр, и...

— И вы боитесь себя скомпрометировать из-за вашего хозяина! — с глубоким презрением заметила Берта.

— О! Совсе нет, за молодого хозяина я готов отдать жизнь. Но вот-вот в замок придут солдаты.

— Тем лучше! Никто не догадается, что бунтовщики-вандейцы укрылись у них под носом.

— Однако мне кажется, что господину барону было бы спокойнее, если бы Жан Уллье нашел для вас убежище более надежное, чем мой дом, куда с утра до вечера будут заглядывать солдаты.

— Увы! Боюсь, что друзьям бедного Жана Уллье теперь не придется рассчитывать на его самоотверженную преданность.

— Как это?

— Сегодня утром мы слышали, как в ландах шла жестокая перестрелка; мы не двинулись с места, следуя его совету, однако ждали его напрасно! Жан Уллье мертв или попал в плен, ибо он не из тех людей, кто оставляет своих друзей в беде.

Если бы не сумерки, то Куртену не удалось бы скрыть радость, которую ему доставила новость; у него словно

гора свалилась с плеч. Однако, если его чувства можно было прочесть на лице, то голосом своим он владел хорошо, и он таким участливым тоном ответил Берте, что девушка перестала на него сердиться.

— Идемте скорее,— сказала Берта.

— Да, конечно... Но здесь так несет гарью!

— Да, потому, что была подожжена трава.

— А! Почему же барон Мишель не сгорел? Ведь пожар должен был дойти до того места, где он схоронился.

— Жан Улле оставил нас среди камышовых зарослей на озере Френез.

— А! Так вот почему, когда я взял вас за руку, чтобы поддержать, мне показалось, что вы насквозь промокли?

— Да, не дождавшись Жана Улле, я переплыла озеро, чтобы отправиться за подмогой. Никого не встретив на своем пути, я взвалила на плечи Мишеля и перевезла его на другой берег. Я надеялась донести его до первого попавшегося дома, но мне не хватило сил; я была вынуждена его оставить в зарослях, а сама выйти на дорогу; мы не ели целые сутки.

— О! Вы — упрямая девушка,— сказал Куртен, неуверенный в том, как его встретит хозяин, и потому решивший заручиться поддержкой Берты.— В добрый час! В такое трудное время, какое мы сейчас переживаем, господину барону нужна как раз такая хозяйка, как вы!

— А разве мой долг состоит не в том, чтобы отдать за него жизнь? — спросила Берта.

— Да,— с пафосом произнес Куртен,— и никто этот долг — готов поклясться перед самим Богом — лучше вас не выполнит! Но успокойтесь, не надо так торопиться.

— Нет, надо! Ведь он страдает! Зовет меня! Конечно, если пришел в сознание.

— Он был без сознания? — воскликнул Куртен, обрадовавшись, что сможет избежать неприятного разговора.

— Конечно, бедное дитя! Ведь он ранен!

— А! Боже мой!

— Представьте себе, что при таком слабом здоровье, как у него, он не получил в течение целых суток настоящей помощи.

— Ах! Боже Всемилостивый!

— Добавьте к тому, что целый день он находился на солнцепеке в камышах, а с наступлением вечера его одежда пропиталась влагой из-за опустившегося на землю тумана, хотя я и пыталась его как-то прикрыть, он дрожал от холода!

— Святой Иисус!

— Ах! Если с ним случится несчастье, мне придется до конца дней искупать вину за то, что втянула его в такое опасное дело, к которому он был меньше всего приспособлен! — воскликнула Берта, как всякая влюбленная женщина, которую страдания возлюбленного тут же заставляют забыть обо всех политических пристрастиях.

Что же касалось Куртена, то он, услышав, что Мишель не мог говорить, прибавил шаг.

Берте уже не надо было подгонять Куртена; он шел, не отставая от девушки, с такой скоростью, на какую раньше никто бы не посчитал его способным, и вел за собой лошадь, которая неохотно следовала за ним по еще не остывшей земле.

Раз и навсегда освободившись от Жана Улье, Куртен подумал, что легко сумеет убедить молодого хозяина в своей невинности, и все сойдет ему с рук!

Вскоре Берта и Куртен подошли к тому месту, где девушка оставила Мишеля. Молодой человек сидел с поникшей головой, прислонившись спиной к камню. Он находился не то чтобы в обморочном состоянии, а скорее в полной прострации, когда сознание лишь смутно воспринимает происходящее вокруг. Молодой человек даже не посмотрел в сторону Куртена, а когда тот с помощью Берты посадил его на лошадь, он пожал руку мэру Ложери, как пожал бы руку Берте, не отдавая себе отчета в том, что делал.

Куртен и Берта пошли рядом, чтобы поддерживать Мишеля, который без их помощи непременно бы свалился с лошади.

Они пришли в Ложери; Куртен разбудил служанку, на которую можно было, по его словам, положиться, как на любую крестьянку Бокажа; взяв со своей кровати единственный матрас, который был в доме, он уложил на него молодого человека в похужей на чердак каморке над своей комнатой. Куртен так усердно выказывал свою преданность и бескорыстие, что Берте даже стало

стыдно за то, что она поначалу плохо подумала о нем, встретив его на дороге.

И только после того, как Мишеля положили на импровизированное ложе, Берта прошла в комнату служанки, чтобы немного отдохнуть.

Оставшись один, мэтр Куртен потирал от удовольствия руки: вечер, по его мнению, прошел хорошо.

Не добившись ничего силой, он решил, что всего достигнет хитростью. Ему удалось не только проникнуть в стан врага, но и разместить вражеский лагерь под крышей собственного дома; теперь, по его мнению, все шло к тому, чтобы он раскрыл все секреты белых, в особенности те, которые касались Малыша Пьера.

Перебрав в памяти указания незнакомца из Эгрефей, он вспомнил, что тот прежде всего советовал сразу же поставить его в известность, если мэру Ложери удастся узнать, где скрывалась героиня Вандеи, ничего не сообщая при этом генералам, которые, по его словам, не смыслили в дипломатических тонкостях и не признавали политические интриги.

Ему показалось, что через Мишеля и Берту он выйдет на Мадам; он почти уверовал в то, что сны иногда сбываются, и молодые люди откроют ему путь к золотым и серебряным копиям, к россыпям драгоценных камней и наполненным монетами молочным рекам.

IX

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

Мари между тем ничего не знала о судьбе Берты.

С того самого вечера, когда ее сестра ушла с мельницы Жаке, объявив о своем намерении найти Мишеля, Мари и ведать не ведала о том, что с ней произошло.

Не зная, что и думать, она терялась в догадках.

Говорил ли с ней Мишель? А может быть, в отчаянии Берта приняла роковое решение? Возможно, бедный юноша был ранен или даже убит? И не погибла ли сама Берта во время одной из рискованных поездок? Вот какую горькую участь отвело воображение Мари самым близким ей людям; охваченная тревогой, девушка не на-

ходила себе места. Напрасно она убеждала себя, что при ее теперешнем кочевом образе жизни, который ей приходилось вести, следуя за Малышом Пьером, когда она вынуждена вместе с ним каждый вечер искать новый ночлег, Берте было трудно узнать, где они находились в данный момент; но все же она полагала, что, если несчастье не приключилось с ее сестрой, Берта обязательно нашла бы способ передать через верных роялистам крестьян весточку о том, что с ней произошло. С разбитым сердцем после жестоких потрясений, которые выпали на ее долю, получив новый удар, уготованный судьбой, Мари совсем пала духом; не имея возможности излить кому-нибудь свою душу, лишившись встреч с молодым человеком, она была убита горем и впала в самую черную меланхолию; днем, вместо того чтобы отдыхать после тяжелых ночных переходов, она ждала Берту или же посланца с весточкой от нее, но так как никто не приходил, долгими часами она оставалась во власти своих переживаний и настолько в них погружалась, что даже не отвечала, если ее о чем-нибудь спрашивали.

Вне всякого сомнения, Мари любила сестру: и доказательством тому была та огромная жертва, которую она принесла ради ее счастья, хотя она и краснела, когда сама себе признавалась, что отнюдь не только Берта занимала все ее мысли.

Какой бы искренней и огромной ни была привязанность Мари к сестре, другое, более сильное чувство поселилось в ее душе и добавило ей немало страданий, несмотря на все усилия девушки вырвать любовь из своего сердца; жертва, о которой мы говорили, была связана с человеком, ради которого она и была принесена; однако теперь, когда Мишель был далеко от нее, бедная девушка уже не гнала от себя мысли о нем, что не позволяла себе раньше.

Мысли о молодом человеке стали бальзамом для ее измученного сердца, успевшего пережить слишком много страданий за такую короткую жизнь; она предавалась им с упоением; с каждым днем они занимали ее все больше и больше, отодвигая на второй план волнения за сестру, от которой по-прежнему не было вестей.

Дойдя до предела отчаяния, измученная самыми жуткими предположениями, в то время как воображение ри-

совало ей самые мрачные картины из того, что могло приключиться с двумя самыми любимыми ею людьми, пребывая в тревожной неизвестности о судьбе близких, когда каждый час растягивался в мучительные минуты томительного ожидания, Мари мало-помалу овладели прежние сомнения, вслед за которыми пришли и угрызения совести.

Перебрав в памяти мельчайшие подробности встреч с Мишелем и вспомнив о том, как молодой человек относился к ее сестре, она стала задаваться вопросом, не была ли она сама виновата в том, что разбила сердце бедного юноши так же, как и свое, имела ли она право распорядиться его любовью, не была ли она повинна в несчастье Мишеля, заставляя против воли принести в жертву свою любовь только ради того, чтобы она смогла доказать преданность сестре. Однако ее мысли неотвратимо возвращались к ночи, проведенной в хижине на острове Жоншер.

Словно наяву, она видела перед собой заросли камыша; ей казалось, что она слышит самый прекрасный голос на свете, произносивший слова, звучавшие музыкой в ее душе: «Я тебя люблю!» Прикрыв глаза, она чувствовала на своих волосах дыхание юноши и тепло его губ, прикоснувшихся к ее устам, подаривших первый, незабываемый поцелуй.

И тогда она поняла, что ей оказалось не по силам самоотречение, на которое она себя обрекла из-за благородства души и сердечной привязанности к сестре. Она осознала, что взвалила на себя непосильную ношу, и теперь любовь завладела без остатка всей ее душой. И всегда такая набожная, привыкшая терпеливо и мужественно встречать невзгоды, Мари не находила в себе сил обратиться к небесам: она пребывала в плохом настроении во власти охвативших ее чувств и в конце концов впала в полное отчаяние, задаваясь вопросом, не стало ли мимолетное блаженство, которое ей подарил поцелуй любимого, единственной радостью, ниспосланной Богом из всего того, что называлось счастьем быть любимой, и стоило ли дальше жить на земле, лишившись даже такого маленького счастья.

Маркиз де Судэ в конце концов заметил, что от горя обострились черты лица его дочери, но он подумал, что причина тому сильное переутомление.

Маркиз и сам чувствовал себя подавленным, сознавая, что его красивым мечтам не суждено было сбыться и генерал сказал правду, и он уже видел себя в изгнании, так по-настоящему и не включившись в борьбу.

Однако, несмотря на все беды, он считал своим долгом не сдаваться и скорее бы умер, чем признался в поражении: насколько он был равнодушен к общественному мнению, настолько солдатская честь была для него превыше всего.

Итак, несмотря на все переживания, он старался не показывать виду, что страдал душой, и находил во всех перипетиях теперешней беспокойной жизни повод для шуток, которыми он пытался приободрить своих соратников, отчаянно переживавших, как и он, из-за того, что восстание захлебнулось в крови.

Мари предупредила отца об исчезновении Берты; достойный дворянин, несомненно, догадался, что на решение дочери повлияло беспокойство о судьбе и поведении ее жениха. Из рассказа очевидцев он узнал, что молодой барон де ла Ложери вовсе не нарушил свой долг, а отважно дрался, обороняя замок Пеннсьер, и маркиз, предполагая, что Жан Улле, на преданность и осторожность которого он всецело полагался, должен был находиться вместе с его дочерью и будущим зятем, беспокоился о Берте не больше, чем о судьбе одного из офицеров, которого послал в разведку. Единственно, что не мог себе объяснить маркиз, так это почему Мишель предпочел драться с врагом вместе с Жаном Улле, а не с ним, и немного сердился на молодого человека за такой странный выбор.

В тот вечер, когда произошел бой при Шене, Малыш Пьер в сопровождении нескольких предводителей восстания съехал с мельницы Жаке, где становилось небезопасно. На протяжении целого вечера они могли видеть и слышать, как по проходившей неподалеку от мельницы дороге солдаты гнали пленных.

Ночью они отправились в путь.

Когда маленький отряд вышел к главной дороге, он едва не столкнулся с солдатами и был вынужден больше часа пережидать в заросшей кустарником придорожной канаве.

По дорогам шли колонны правительственных войск, и, чтобы избежать встречи с ними, Малышу Пьеру приходилось выбирать самые нехоженые тропы.

Нервы Малыша Пьера были на пределе; тяжелое душевное состояние подтачивало физические силы, но не отражалось ни на поведении, ни на словах, с которыми он обращался к своим спутникам. Несмотря на все тяготы походной жизни и трагические события, которые ему пришлось пережить, Малыш Пьер не падал духом и подбадривал товарищей не хуже маркиза де Судэ.

Преследуемые врагом беглецы ночью почти не сомкнули глаз и потому наступившее утро встретили совершенно разбитые и с тревогой на сердце. Для Малыша Пьера ночной переход, где отряд на каждом шагу подстерегали опасности, оказался чрезвычайно утомительным. Часть пути он проехал на лошади, но в основном ему пришлось идти пешком по полям, разделенным живой изгородью, через которую надо было перелезть, когда в темноте им не удавалось отыскать лестницу, или пересекать стелившиеся по земле виноградники, которые цеплялись за ноги и заставляли спотыкаться на каждом шагу, либо шагать по разбитым дорогам по колено в грязи.

Такая беспокойная жизнь и непроходящая усталость Малыша Пьера могла, по мнению спутников, иметь для здоровья самые пагубные последствия; и они решили обсудить, как лучше укрыть его от преследователей. Мнения разделились: одни считали, что ему надо ехать в столицу, где можно легко затеряться среди тысяч парижан, другие же настаивали на том, чтобы он направился в Нант, где для него уже была приготовлена квартира, но были и такие, кто советовал поскорее сесть на корабль, считая, что он будет в безопасности только в том случае, если покинет страну, где его станут искать с еще большим рвением, как только опасность восстания будет позади.

Маркиз де Судэ разделял мнение последних; однако им возражали, доказывая, что за прибрежной полосой установлено особое наблюдение и невозможно без пропуска проникнуть в морской порт, каким бы маленьким он ни был.

Малыш Пьер положил конец спорам, заявив, что принял решение направиться в Нант, в который войдет средь бела дня в платье крестьянки.

От внимания Малыша Пьера не ускользнуло, как изменилась Мари и какой у нее удрученный вид. Так же как и маркиз де Судэ, он подумал, что виной тому — тяготы образа жизни, который она с некоторых пор вела; рассудив, что с отцом девушка по-прежнему будет подвергаться опасности, Малыш Пьер, предложил маркизу де Судэ позволить дочери сопровождать его.

Маркиз с благодарностью согласился.

Мари в душе не очень-то была рада такому предложению; в большом городе сможет ли она узнать что-нибудь о судьбе Берты и Мишеля, весточки от которых она ждала с возрастающей с каждой минутой тревогой? Но, с другой стороны, она не могла отказаться; и ей пришлось скрепя сердце уступить.

На следующий день, а это была суббота и базарный день, Малыш Пьер и Мари, переодевшись крестьянками, вышли из дома в шесть часов утра.

Им предстояло преодолеть три с половиной лье.

Не прошло и получаса, как грубые крестьянские башмаки, а особенно шерстяные чулки, к которым не был привычен Малыш Пьер, натерли ноги; он прошел еще немного, однако, рассудив, что в такой обуви ему не дойти, сел на обочину, снял чулки и башмаки, сунул их в огромные карманы и пошел босиком.

Через некоторое время он заметил, когда мимо них прошли крестьянки, что нежная кожа и аристократическая белизна ступней могла его выдать; он подошел к обочине дороги, поднял ком земли и, испачкав до черноты ноги, продолжил путь.

Они уже подошли к Сориньер, когда напротив стоявшего у дороги трактира увидели двух жандармов, болтавших с каким-то крестьянином, сидевшим верхом на лошади.

Малыш Пьер и Мари шли вместе с пятью или шестью крестьянками; жандармы даже не взглянули в сторону женщин. Однако Мари, по привычке не спускавшей глаз со всех идущих навстречу прохожих, в тревожной на-

дежде, что встретит знакомого, который, возможно, что-нибудь расскажет о Берте и Мишеле, показалось, что крестьянин разглядывал ее с пристальным вниманием.

Спустя некоторое время она оглянулась и увидела, что он, попрощавшись с жандармами, хлестнул свою лошадь, чтобы нагнать женщин.

— Будьте осторожны! — предупредила она незаметно Малыша Пьера.— Вот человек, которого я не знаю, но он обратил на меня внимание, а теперь нас преследует; отойдите от меня и сделайте вид, что меня не знаете.

— Хорошо, Мари, а если он с вами заговорит?

— Не волнуйтесь: я найду, что ответить.

— Если нам придется расстаться, вы знаете, где мы должны встретиться?

— Конечно, однако прекратим разговор... Он уже рядом.

В самом деле, позади послышался топот копыт.

Как бы непреднамеренно Мари замедлила шаг и оказалась позади своих попутчиц.

Она невольно вздрогнула, когда услышала голос обратившегося к ней с вопросом мужчины.

— Итак, милая девушка, мы направляемся в Нант? — спросил крестьянин, попридержав лошадь и продолжая разглядывать Мари с нескрываемым любопытством.

Девушка решила ответить так же игриво.

— А что, разве вы не видите? — сказала она.

— Хотите, я вас провожу? — спросил человек на лошади.

— Спасибо, спасибо,— ответила Мари, стараясь подражать говору вандейских крестьянок,— я уж лучше пойду со своими подругами.

— Со своими? Уж не хотите ли вы, чтобы я поверил, что молодухи, которые идут впереди, из вашей деревни?

— Какая вам разница, с одной деревни или нет? — сказала Мари, избегая отвечать на коварный вопрос.

Мужчина, казалось, и не заметил, что она насторожилась.

— Послушайте, есть предложение,— заметил он.

— Какое?

— Садитесь на лошадь позади меня.

— А! Вот это да! — ответила Мари. — Что будут говорить в округе, если узнают, что такую бедную девушку, как я, подвозил мужчина, похожий почти что на господина!

— Да, видно, вы не привыкли к благородному обществу!

— Что вы имеете в виду? — спросила Мари, почувствовав какой-то подвох.

— Я хочу сказать, что для жандармов вы вполне могли сойти за крестьянку, но только не для меня: вы вовсе не та, за кого себя выдаете, мадемуазель Мари де Судэ.

— Если вы не имеете недобрых намерений по отношению ко мне, тогда почему так громко произносите мое имя? — спросила девушка, останавливаясь.

— Ладно! — сказал мужчина. — А что тут плохого?

— Вас могли услышать эти женщины, а раз вы видите меня в такой одежде, значит, так надо для моей безопасности.

— О! — подмигнув, заметил мужчина с самым благодушным видом. — Женщины, которым вы, по вашим словам, не доверяете, кое о чем догадываются.

— Нет, уверяю вас.

— По крайней мере одна из них...

Мари невольно вздрогнула, однако взяв себя в руки, произнесла:

— Не одна и не все. Но почему, скажите, вы мне задаете такие вопросы?

— Если с вами действительно никого нет, как вы утверждаете, я вас попрошу немного задержаться.

— Меня?

— Да.

— С какой стати?

— Избавить меня завтра от лишней поездки, в которую мне пришлось отправиться, если бы я не встретил вас сегодня.

— Почему вы должны были ехать завтра?

— Мне надо было бы вас найти!

— Вы хотели бы меня найти?

— Конечно, не по собственной инициативе.

— Кто же дал вам такое поручение?

— Те, кто вас любит.

И, понизив голос, произнес:

— Мадемуазель Берта и господин Мишель.

— Берта? Мишель?

— Да.

— Так, значит, оч жив? — воскликнула Мари.—
О, говорите же! Умоляю вас, скажите, что с ними?

Мари произнесла эти слова с такой безумной тревогой в голосе и так переменялась в лице, словно ждала смертного приговора, что на губах с любопытством наблюдавшего за девушкой Куртена появилась дьявольская улыбка.

Находя удовольствие в муках девушки, он не торопился с ответом.

— О! Нет, нет, успокойтесь,— наконец произнес он.—
Он выздоровеет!

— Так, значит, он ранен? — спросила торопливо Мари.

— Как? Разве вы не знаете?

— О! Боже мой! Боже мой! Ранен! — воскликнула Мари, и ее глаза наполнились слезами.

От Куртена невозможно было ничего скрыть. Он обо всем догадался.

— Ба! — воскликнул он.— Его рана не такая опасная, чтобы долго залеживаться в постели. До свадьбы заживет!

Мари невольно побледнела.

Слова Куртена напомнили ей о том, что она до сих пор не удосужилась спросить о сестре.

— А что с Бертой, вы мне ничего про нее не скажали?

— О! Ваша сестра! Она умеет за себя постоять! Когда она выйдет замуж, то ее супруг будет себя чувствовать за ней как за каменной стеной.

— Она не больна? Она не ранена?

— У нее только легкий жар.

— Бедная Берта!

— Она слишком много взяла на себя; не всякий бы мужчина выдержал испытания, которые ей пришлось пережить.

— Боже мой,— сказала Мари,— они больны, и за ними некому ухаживать.

— О! Нет, они ухаживают друг за другом. Вы бы только взглянули, как ваша сестра, несмотря на болезнь, ухаживает за ним! Правду говорят, что еще можно встретить мужчин, которым везет. Вот и господину Мишелю его суженая оказывает такую помощь, на какую не всякая мать способна... Ах! Если он не ответит ей самой пылкой любовью, это будет с его стороны черной неблагодарностью.

При этих словах Мари снова почувствовала себя несчастной.

Заметив смущение девушки, всадник злорадно улыбнулся.

— Ну,— сказал он,— хотите узнать об одной вещи, о которой, как мне показалось, я догадался?

— О какой?

— Что господин барон предпочитает пепельные локоны самым роскошным черным волосам.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила дрогнувшим голосом Мари.

— Если надо, могу объяснить; я думаю, что это не будет для вас большой новостью: он любит только вас, и, если Берта имя той, на ком он должен жениться, сердце его принадлежит Мари.

— О,— воскликнула Мари,— сударь, вы все выдумали, барон де ла Ложери никогда ничего подобного не мог вам сказать.

— Нет, но я сам обо всем догадался; ведь я отношусь к господину барону лучше, чем к близкому родственнику; и мое самое горячее желание — видеть бедного мальчика счастливым; и потому я дал себе слово — когда ваша сестра вчера меня попросила сообщить вам о них,— что обязательно скажу вам все, что думаю.

— Господин, вы заблуждаетесь,— стояла на своем Мари,— господин Мишель вовсе не думает обо мне. Он жених моей сестры и, поверьте мне, любит ее без памяти.

— Мадемуазель Мари, вы зря мне не доверяете. Вы знаете, кто я? Куртен, и я арендую землю у господина Мишеля, и скажу вам больше: я его доверенное лицо...

— Господин Куртен, вы меня многим обяжете,— преврала его речь Мари,— если согласитесь...

— На что?

— Переменить тему разговора.

— Ладно, но, с вашего позволения, я повторяю мое предложение: садитесь на лошадь позади меня, ведь тогда дорога вам не покажется столь трудной. Я не ошибся, предположив, что вы направляетесь в Нант?

— Да,— ответила Мари, и, несмотря на то, что Куртен не внушал ей доверия, она не посчитала нужным скрывать от человека, назвавшегося доверенным лицом господина де ла Ложери, цель своего путешествия.

— Хорошо,— сказал Куртен,— я тоже еду в ту сторону, так что составлю вам компанию, если только... Если только вы направляетесь в Нант для выполнения какого-нибудь поручения, я бы охотно выполнил его и освободил бы вас от утомительных хлопот.

Несмотря на привычку говорить только правду, Мари пришлось солгать, ибо никто не должен был знать, почему она направлялась в Нант.

— Нет, вы мне ничем не можете помочь. Я иду к отцу, который скрывается в Нанте.

— А! — недоверчиво произнес Куртен.— Смотри-ка, господин маркиз скрывается в Нанте! Здорово придумано, нечего сказать, а те, кто отправился на его поиски, говорили, что перевернут весь замок и не оставят камня на камне.

— Откуда вы все это знаете? — спросила Мари.

Куртен тут же спохватился, что дал понять, что ему известны намерения жандармов. И поспешил исправить оплошность.

— Боже мой,— сказал он,— именно для того, чтобы просить не возвращаться в замок, и направила меня к вам ваша сестра.

— Ну вот, вы теперь видите,— сказала Мари,— ни мой отец, ни я не вернемся в Судэ.

— Ах, да, я совсем забыл,— заметил Куртен таким тоном, будто эта мысль нечаянно пришла ему в голову,— а если ваша сестра и господин де ла Ложери захотят написать, не понадобится ли им ваш адрес?

— Я его и сама еще не знаю,— ответила Мари.— У моста Руссель меня должен встретить человек, который проводит меня до дома, где скрывается отец. Когда я увижу отца, я тут же напишу сестре.

— Прекрасно, если вам захочется что-нибудь передать вашим близким или если господин барон и ваша сестра надумают отправиться к вам и им понадобится проводник, обращайтесь ко мне.

И, ослабившись, он произнес:

— О! Могу поспорить, что мне не раз придется ездить по поручению господина Мишеля.

— Опять! — воскликнула Мари.

— Ах, простите, я не знал, что вы так сильно рассердитесь.

— Да, ибо ваши намеки оскорбительны и для вашего хозяина и для меня.

— Ба! — заметил Куртен. — Это всего лишь слова! У господина барона такое огромное состояние, что я не знаю ни одной девицы на выданье на десять лье вокруг, какой бы богатой наследницей она ни была, которая отказалась бы от такого завидного жениха. Мадемуазель Мари, — продолжил арендатор, считая, что все разделяли его преклонение перед золотым тельцом, — стоит вам сказать одно лишь слово — и могу поспорить, что это состояние станет вашим.

— Господин Куртен, — сказала Мари, бросив на фермера такой взгляд, который не оставлял сомнений в ее отношении к собеседнику, — я не сержусь на вас потому, что помню о вашей привязанности к господину де ла Ложери. Еще раз прошу, не говорите мне таких вещей.

Куртен был невысокого мнения о добродетели Мари и не ожидал такой щепетильности от девушки, пользовавшейся репутацией Волчицы. Его удивление возросло еще больше, когда он без труда заметил, что девушка отвечала взаимностью на любовь, которую инквизиторский взгляд арендатора разглядел в самом сокровенном уголке сердца барона де ла Ложери.

Какое-то время он был обескуражен ответом, которого вовсе не ожидал услышать.

Куртен рассудил, что своим нетерпением может все испортить, и решил: пусть рыбка сама заходит в сети, а ему останется только ее вытянуть.

Незнакомец из Эгрефей предположил, что предводители легитимистского восстания попытаются укрыться

в Нанте. Маркиз де Судэ — по крайней мере так думал Куртен — уже находился в городе. Туда же направлялась Мари. Малыш Пьер, по всей видимости, тоже окажется в городе. Любовь Мишеля к девушке станет той нитью, которая приведет к ее тайному убежищу, которое, несомненно, будет тем местом, где укроется Малыш Пьер, что и стремился узнать мэтр Куртен; рассудив, что, если будет и дальше навязываться в провожатые Мари, он может вызвать у нее подозрения, и, несмотря на огромное желание довести начатое им дело до конца еще сегодня, принял благоразумное решение не торопить события и соблюдать осторожность, чтобы не спугнуть девушку; более того, он решил представить ей некоторые доказательства в своей лояльности, чтобы у Мари не оставалось сомнений на его счет.

— Ах, — воскликнул он, — вы пренебрегаете моей лошадью? Но если бы вы знали, как мне тяжело видеть, что ваши прекрасные ножки ступают на острые камни!

— Да, ничего другого мне не остается делать, — сказала Мари, — я не буду привлекать внимание, если пойду пешком, а не поеду на лошади позади вас. К тому же я хочу попросить вас, если можно, отъехать от меня на несколько шагов. Не надо за мной ехать, не мешайте мне нагнать крестьянок, ушедших вперед уже на четверть лье. Вот среди них я чувствую себя в относительной безопасности.

— Вы правы, — заметил Куртен, — тем более что нас нагоняют жандармы.

Мари хотела было уйти.

— О! Не бойтесь, — продолжал Куртен. — Я их оставлю у кабачка. Идите спокойно. Но скажите сначала, что мне передать вашей сестре?

— Передайте ей, что я только и молюсь о ее счастье.

— И это все, что вы хотите мне сказать? — спросил Куртен.

Девушка нерешительно посмотрела на арендатора. Однако лицо Куртена, на котором отражались все его тайные мысли, не внушало ей доверия. Опустив голову, она произнесла:

— Да, это все!

От Куртена между тем не ускользнуло, что Мари, не смотря на то, что не произнесла вслух имя Мишеля, не переставала думать о нем.

Арендатор остановился.

А Мари, ускорив шаг, поспешила догнать крестьянок, которые, как мы уже сказали, ушли вперед, пока девушка беседовала с Куртеном. Поравнявшись, она пересказала Малышу Пьеру весь свой разговор с догнавшим ее крестьянином, не упоминая, разумеется, о том, что имело отношение к молодому барону де ла Ложери.

Малыш Пьер посчитал необходимым проявить осторожность и не привлекать внимание этого человека, чье имя смутно напоминало ему о чем-то нехорошем.

Он шел вместе с Мари, немного отстав от крестьянок не спуская глаз с арендатора, который, как и обещал, остановил жандармов у двери кабачка, и с крестьянок, продолжавших свой путь; когда женщины скрылись за пригорком, беглянки поспешили к лесу, находившемуся в ста шагах от дороги, с опушки которого они могли проследить за теми, кто следовал за ними.

Спустя четверть часа они увидели Куртена, погонявшего изо всех сил свою лошаденку. На их беду, мэр Ложери проехал слишком далеко от того места, где они спрятались, и Малыш Пьер не смог удостовериться в том, что случайный гость в доме Паскаля Пико, человек, обрезавший подпругу лошади Мишеля, и крестьянин, задававший вопросы Мари, были одним и тем же лицом.

Когда Куртен исчез из вида, Малыш Пьер и его спутница снова вышли к дороге, которая вела в Нант. По мере того, как они приближались к городу, где Малышу Пьеру пообещали найти надежное убежище, их страхи улетучивались. Малыш Пьер постепенно привык к своему платью, и крестьяне, мимо которых они проходили, не замечали в невысокой женщине, резво перебиравшей ногами по дороге, ничего, что отличало бы ее от других спутниц в такой же одежде.

А это было уже немало, если они смогли ввести в заблуждение сельских жителей, интуиция которых если не равна, то, во всяком случае, не меньше развита, чем у военных.

Наконец они подошли к Нанту.

Малыш Пьер надел чулки и башмаки, чтобы войти в город.

Однако Мари никак не могла избавиться от чувства тревоги: она опасалась, что Куртен, не нагнав их, решит подождать; и вместо того, чтобы войти в город через мост Руссо, беглянки сели в лодку, которая перевезла их через Луару.

Когда они находились напротив Буфе, кто-то схватил Малыша Пьера за плечо.

Вздвогнув, он обернулся.

Человек, позволивший себе вольность, которая так напугала Малыша Пьера, оказался безобидной старушкой, направлявшейся на рынок. Она стояла перед корзиной яблок и не знала, как поставить ее себе на голову.

— Деточки,— сказала она, обращаясь к Малышу Пьеру и Мари,— пожалуйста, помогите мне поднять на голову корзину, а я дам каждой из вас по яблоку.

Малыш Пьер тут же схватился за одну ручку и жестом приказал Мари взяться за другую, и корзина была водружена на голову старушки, которая тут же пошла в сторону базара, так и не вознаградив их за помощь. Однако Малыш Пьер схватил ее за руку со словами:

— Мамаша, а где же обещанное?

Торговка протянула ему яблоко.

Малыш Пьер надкусил его с аппетитом человека, отмахавшего пешком целых три лье, когда, подняв голову, увидел два слова, начертанные на листовке большими буквами:

ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Перед ними был министерский указ, объявлявший о том, что в четырех департаментах Вандеи вводилось осадное положение.

Малыш Пьер, подойдя к листовке, прочитал ее от начала до конца, несмотря на все уговоры Мари поскорее пойти в дом, где их ждали; Малыш Пьер не без основания заметил, что текст указа настолько его интересует, что он должен с ним ознакомиться.

Через несколько минут крестьянки снова отправились в путь по темным и узким улочкам старого города.

ЧТО СТАЛОСЬ С ЖАНОМ УЛЛЬЕ

Хотя великан Триго, погибший вместе со своим другом Кургузым Обеном, так надежно укрыл Жана Уллье в тайнике, что его бы не нашел ни один солдат, старому вандейцу показалось, что он сменил тюремную камеру, ожидавшую его у синих, если бы он попался им в руки, на еще более страшный застенок и вместо того, чтобы сразу погибнуть от пули, обрек себя на более мучительную смерть.

Он был заживо погребен, и в этой пустынной местности не было надежды на то, что кто-то услышит его крики о помощи.

Прошло полночи после того, как с ним расстался нищий, и Жан Уллье понял, что с его товарищами случилась беда.

По всей видимости, они погибли или схвачены солдатами.

От одной только мысли попасть в такое безвыходное положение, в каком оказался Жан Уллье, даже у самого храброго воина застыла бы кровь в жилах; однако Жан Уллье был из тех людей, кто в обстоятельствах, когда самые мужественные теряют надежду, продолжает бороться.

В короткой, но горячей молитве он препоручил свою душу Богу и принялся за дело с таким же упорством, с каким разгребал завалы в Пенисьер.

Яма, которая стала ему убежищем, была такой тесной, что он, сидя скрючившись и прижавшись подбородком к коленям, не мог даже повернуться; после долгих усилий ему удалось встать на колени; затем, опираясь на руки, он плечом попытался приподнять камень.

Но обыкновенному человеку было не под силу то, что Триго сделал играючи. И Жан Уллье не смог даже пошевелить огромную каменную глыбу, которой нищий закрыл ему небо.

Ощупав яму, он понял, что слева и справа от него был один лишь камень.

И лишь кусок гранита, которым прикрыл Триго яму, лежал с небольшим наклоном, оставляя щель шириной не больше трех или четырех дюймов между руслом ручья и камнем, сквозь которую и проникал воздух.

После обследования своей тюрьмы Жан Улле решил попытаться выбраться на свободу именно здесь.

Зажав нож в расселине скалы, он, отломав кончик, превратил его в зубило; используя рукоятку пистолета в качестве молотка, он попытался расширить щель.

Он трудился целые сутки без еды и питья, кроме нескольких капель водки из охотничьей фляги, к которой время от времени прикладывался, чтобы подкрепить свои силы живительной огненной влагой.

И за все двадцать четыре часа он ни разу не потерял присутствия духа.

К вечеру следующего дня ему удалось наконец просунуть голову в отверстие, которое он проделал в основании своей тюрьмы, затем пролезли плечи, и, собрав последние силы, старый егерь выполз наружу.

И вовремя, ибо силы были на исходе.

Он встал сначала на колени, затем приподнялся на ноги и попробовал идти.

Однако его вывихнутая нога за тридцать шесть часов пребывания в каменном плену распухла так, что, когда Жан Улле ступил на нее, его пронзила острая боль, словно из него вытягивали жилы, и он с криком упал в траву.

День подходил к концу. Со всех сторон Жана Улле окружала полная тишина; он подумал, что наступившая ночь, которая коснулась земли своим темным крылом, станет для него последней. Препоручив свою душу Богу, он попросил его не оставлять своей заботой двух девочек, которые без него оказались бы сиротами при живом отце; затем, как бы доказывая себе, что борьба не окончена, он пополз на руках в ту сторону, куда заходило солнце и где скорей всего находилось ближайшее жилище.

Позади уже осталось три четверти лье, когда с пригорка он увидел огоньки, горевшие в окнах одиноких хижин, как свет маяков, указывавших путь к спасению и к жизни среди окружавших ланд; однако он не мог больше сдвинуться с места.

Прошло уже шестьдесят часов с тех пор, как у него не было ни крошки во рту.

Остроконечные стебли вереска и утесника, скошенные еще в прошлое лето, расцарапали руки и грудь Жана

Уллье, и вместе с сочившейся из царапин кровью уходили последние силы.

И он скатился в придорожную канаву.

У него уже не было воли сопротивляться; сломленный духом, он решил умереть.

Его мучила жажда, и он отпил воды, которая скопилась на дне канавы.

Жан Уллье был настолько слаб, что едва мог дотянуться рукой до губ; он уже ни о чем не думал. Время от времени ему казалось, что он слышал глухие и зловещие звуки, похожие на хлюпанье морской воды, которая через пробойну заливает трюм корабля перед тем, как тот пойдет на дно. Его глаза заволакивала какая-то темная пелена, сквозь которую светились тысячи искр, затухая и загораясь как фосфоресцирующие огоньки.

Несчастный понял, что умирает.

Он попробовал крикнуть, нимало не беспокоясь о том, кто его услышит — друзья или враги: но ему отказал голос, и он сам с трудом расслышал шепот, сорвавшийся с его губ.

Около часа он пробыл в состоянии, похожем на предсмертную агонию; затем застилавшая глаза пелена мало-помалу стала плотнее, одновременно расцветившись всеми цветами радуги, а шум в ушах приобрел какое-то странное звучание; и старый егерь перестал понимать, что происходило вокруг.

Однако его жизнелюбивая натура не могла сдаться без борьбы; после непродолжительного отдыха, похожего на летаргический сон, сердце Жана Уллье забилось ровнее и погнало по венам кровь не столь лихорадочными толчками, как раньше.

Полуобморочное состояние, в котором находился старый вандеец, отнюдь не притупило остроту его чувств; своим тренированным ухом бывшего барабанщика он уловил неясный шум, который не оставил никаких сомнений: это были шаги женщины, спускавшейся по поросшей вереском земле.

Она могла бы прийти ему на помощь! И, находясь в сковавшем все его тело оцепенении, Жан Уллье это отчетливо понял; однако, когда он попытался позвать на помощь или жестом привлечь к себе внимание, то так же как впавший в летаргический сон человек видит при-

готовления к собственным похоронам и ничего не может сделать, чтобы их предотвратить, он с ужасом почувствовал, что живет только сознанием, а парализованное тело отказывается ему служить.

И, словно заживо погребенный, предпринимавший нечеловеческие усилия, чтобы разрушить преграду, которая отделяла его от живого мира, Жан Уллье призвал на помощь все, чем наделила его природа, чтобы преодолеть свою немощь.

Но все его усилия были тщетны.

Между тем шаги приближались; с каждой минутой, с каждой секундой они становились все громче и громче; Жану Уллье показалось, что камни, на которые ступали чьи-то ноги, отскакивали, ударяясь, прямо в сердце; и с каждым мгновением от бессилия он впадал во все большее отчаяние; он почувствовал, как от ужаса волосы вставали дыбом на голове, а по лбу струился холодный пот; такое выпавшее на его долю испытание показалось ему хуже смерти.

Ведь мертвые ничего не чувствуют.

Женщина прошла мимо.

Жан Уллье слышал, как колючки, словно не желая ее отпускать, цеплялись за юбку; он видел, как тень женщины промелькнула над кустарником; затем она ушла, и шум ее шагов слился с шепотом ветра, колыхавшего высохшие травы.

Бедняга понял, что надеяться ему уже не на что и не на кого.

И в ту секунду, когда он отказался от борьбы, которую вел, несмотря ни на что, Жан Уллье немного успокоился и мысленно сотворил молитву, обратившись к Богу с просьбой принять его душу.

Он был так поглощен своей последней молитвой, что только тогда, когда услышал шумное дыхание собаки, просунувшей голову сквозь ветки, чтобы принюхаться к запахам, идущим от кустарника, понял, что не один.

Как бы ни старался Жан Уллье, он был не в силах повернуть головой, а только сумел скосить взгляд и увидел дворняжку, испуганно глядевшую на него умными глазами.

Заметив, что Жан Уллье хоть и едва заметно, но все же пошевелился, пес отскочил и залаял.

Жану Уллье показалось, что женщина окликнула собаку, однако та не поспешила на ее зов и продолжала лаять.

Это была последняя надежда Жана Уллье, и она не оказалась напрасной.

Устав звать собаку и решив узнать, почему она лаяла, женщина вернулась назад.

Случаю, а скорее всего самому Провидению было угодно, чтобы этой крестьянкой оказалась вдова Пико.

Подойдя к кустарнику, она увидела мужчину; наклонившись, женщина узнала Жана Уллье.

В первый момент она подумала, что он мертв; и только через несколько секунд разглядела, что старый егеря не сводил с нее необычно широко раскрытых глаз; приложив руку к сердцу вандейца, она почувствовала, что оно еще бьется. Женщина приподняла старого егеря и плеснула несколько капель воды в лицо. И тут, словно от контакта с живым человеком, Жану Уллье показалось, что жизнь возвращалась к нему и словно свалилась огромная тяжесть, которая чуть было его не раздавила; кровь прилила к заочневшим рукам и ногам; он даже почувствовал, как потеплели кончики пальцев; и тут слезы благодарности выступили на глазах и покатались по загорелым щекам; он схватил руку вдовы Пико и поднес, орошая слезами, к губам.

Женщина тоже была растрогана; хотя она и была, как мы знаем, сторонницей Луи-Филиппа, она уважала старого шуана.

— Ну будет, будет, Жан Уллье, что с вами? — спросила вдова Пико.— В том, что я сделала, нет ничего особенного! Я бы так отнеслась к любому христианину, а тем более к вам, истинному верующему.

— И тем не менее...— произнес Жан Уллье.

Но не решился закончить свою мысль.

— Тем не менее что? — спросила вдова.

Уллье сделал над собой усилие.

— И тем не менее... я вам обязан жизнью,— добавил он, заканчивая фразу.

— Будет вам! — сказала Марианна.

— О! Именно так. Без вас, вдова Пико, я бы здесь умер.

— Скорее, Жан, без моего пса. Вы же видите, что благодарить надо не меня, а самого Господа Бога.

И только тогда она с ужасом заметила, что он весь в крови.

— Но вы же ранены? — спросила женщина.

— Нет, это простые царапины... Больше всего меня беспокоит вывихнутая нога и мучит голод после шестидесяти часов поста. Собственно, я умирал от слабости.

— А! Боже мой! Постойте, я же несу обед людям, которые в ландах мастерят мне носилки; сейчас я вас угощу их супом.

И с этими словами вдова положила на землю узелок и, развязав уголки полотенца, в котором находились несколько мисок с супом и дымящееся вареное мясо, заставила Жана Ульье проглотить несколько ложек супа. По мере того как его желудок наполнялся горячей и наваристой жидкостью, вандеец чувствовал, как к нему возвращались силы.

— А!... — заметил Жан Ульье.

И громко вздохнул.

Суровое и печальное лицо вдовы осветила довольная улыбка.

— А теперь, — сказала она, усаживаясь напротив Жана, — что вы намерены делать? Ведь «красные штаны» вас наверняка разыскивают.

— Увы! — ответил Жан Ульье. — Из-за моей несчастной ноги я не чувствую в себе былой силы. Теперь пройдет не один месяц, прежде чем смогу скрыться в лесу, чтобы не попасться и не сгнить в тюрьме. Вот что мне надо, — добавил он со вздохом, — так это найти мэтра Жака: он бы предоставил мне угол в одном из своих убежищ, пока я не выздоровлю.

— А ваш хозяин? А его дочери?

— Наш хозяин еще не скоро вернется в Судэ, и он будет прав.

— А что же он будет делать?

— Наверное, снова уедет за море вместе с дочерьми.

— Жан, какая же странная мысль пришла вам в голову искать убежища у бандитов мэтра Жака! Хорошее же лечение вас ожидает!

— Лишь только он примет меня, не опасаясь последствий.

— Нехорошо, Жан, вы забыли обо мне.

— О вас?

— Конечно, обо мне.

— Разве вы не знаете новых указов?

— Каких указов?

— А тех, в которых говорится о наказании за укрытие шуанов.

— Будет вам, Жан, такие указы написаны не для честных людей, а для мерзавцев.

— Так вы же ненавидите шуанов?

— Нет, я ненавижу только негодяев, к какой бы партии они ни принадлежали; вот и моего бедного Паскаля убили именно негодяи, и я им отомщу, если смогу; но вы, Жан Уллье, какую бы кокарду вы ни носили, белую или трехцветную, вы всегда останетесь порядочным человеком, и я вас спасу.

— Но я не могу сделать и шага.

— Это не самое страшное. Если бы вы и могли ходить, в это время суток я бы все равно не смогла привести вас к себе в дом; и вовсе не потому, что боюсь за себя; видите ли, Жан, после смерти бедного молодого человека я боюсь предателей. Укройтесь получше в кустарнике; когда стемнеет, я приеду за вами на телеге; а завтра схожу за костоправом в Машкуль; он вправит вывих, и не пройдет и трех дней, как вы будете бегать как заяц.

— Ах! Черт возьми, я знаю, что так было бы лучше, но...

— Разве вы бы не поступили так же ради меня?

— Вы же знаете, Марианна, что ради вас я брошусь в огонь.

— Тогда прекратим этот разговор. А как стемнеет, я за вами приеду.

— Спасибо, я согласен, и будьте уверены в том, что я в долгу не останусь.

— Жан Уллье, я это сделаю вовсе не потому, что рассчитываю на вашу благодарность, а только выполняю то, что считаю своим долгом.

Она огляделась по сторонам.

— Вы что-то ищете? — спросил Жан.

— Мне кажется, что, если вы попробуете доползти до зарослей вереска, вы будете в большей безопасности, чем здесь, в канаве.

— Я думаю, что это невозможно,— сказал Жан, показывая вдове содранные в кровь руки, лицо в царапинах и ногу, распухшую до размеров головы.— Впрочем, здесь не такое уж плохое место; вы прошли мимо кустарника, не заметив, что за ним находился человек.

— Да, но мимо может пробежать собака и учуять вас так же, как мой пес; подумайте об этом, Жан Уллье! Война закончена; а за ней придет время предательств и мести, если оно уже не наступило.

— Ба! — сказал Жан.— На все воля Божья.

Вдова была не такой набожной, как старый шуан: она оставила ему кусок хлеба, принесла вереска, чтобы устроить ложе; затем, прикрыв старого егеря терновником и ежевикой, она ушла, убедившись в том, что его не видно с дороги, посоветовав на прощание заpastись терпением.

Жан Уллье устроился как можно удобнее на ложе из вереска; затем обратился к Богу с благодарственной молитвой, сжевал кусок хлеба и уснул тяжелым сном, который обычно наступает после глубокой прострации.

Он уже спал несколько часов, когда его разбудили чьи-то голоса. Сквозь дремоту, последовавшую за тяжелым сном, ему показалось, что кто-то произнес имена его молодых хозяек; и подозрительный ко всему, что касалось интересов людей, к которым он был привязан всем сердцем, Жан Уллье предположил, что Берте или Мари грозила какая-то опасность; от этой мысли он сразу очнулся; приподнявшись на локте, он осторожно раздвинул колючие ветки и выглянул на дорогу.

Наступила ночь, но еще было светло, чтобы разглядеть силуэты двух мужчин, сидевших на сломанном дереве по другую сторону дороги.

— Почему же вы за ней не проследили, раз узнали? — спросил один из них. И по его заметному немецкому акценту Жан Уллье понял, что человек прибыл издалека.

— Ах! Черт возьми,— ответил второй,— я же не знал, что она поведет себя, как настоящая Волчица, и обведет вокруг пальца, как мальчишку.

— Не вызывает сомнений, что та, кого мы ищем, была с крестьянками, от которых отстала Мари де Судэ, чтобы поговорить с вами.

— Ох! Тут вы правы, ибо, когда я спросил женщин, куда подевалась девушка, которая шла вместе с ними, они мне ответили, что она и ее подруга отстали.

— И что же вы тогда сделали?

— Черт возьми, оставив лошадь во дворе трактира, я спрятался у моста Пирмиль и стал их поджидать.

— И все напрасно?

— Да, я ждал более двух часов.

— Видно, они пошли проселочной дорогой и вошли в Нант через другой мост.

— Похоже, что так.

— И самое досадное то, что теперь неизвестно, повезет ли вам еще раз?

— Не волнуйтесь, мы ее найдем! Будь что будет.

— Что вы под этим подразумеваете?

— О! Как говорил мой сосед маркиз де Судэ или мой друг Жан Улье: человек предполагает, а Бог располагает! У меня для этой охоты есть хорошая ищейка.

— Ищейка?

— Да, настоящая ищейка. У нее немного повреждена передняя лапа; но как только лапа заживет, я привяжу к ее шее веревку, и она приведет нас на место; нам останется лишь проследить, чтобы веревка не порвалась, настолько ищейка будет спешить.

— Послушайте, хватит шутить: разве мы занимаемся не самым серьезным делом?

— Шутить? Да за кого вы меня принимаете? Как я могу шутить, если вы мне пообещали пятьдесят тысяч франков? Ведь вы говорили о пятидесяти тысячах франков, не правда ли?

— Эх! Вам это лучше известно: вы уже раз двадцать о них напоминали в благодарность за оказанные услуги.

— Да, но мне так же не наскучит задавать вам этот вопрос, как считать монеты, если бы я держал их в руках.

— Как только вы поможете нам схватить эту особу, вы тотчас получите деньги.

— О! Я уже слышу, как звенит золото: дзинь! Дзинь!

— А пока расскажите, что это за история с ищейкой, о которой вы только что говорили?

— О! Конечно, я вам расскажу, нет ничего проще, но...

— Но что?

— Услуга за услугу...

— Что вы под этим подразумеваете?

— Видите ли, как я вам уже однажды сказал, что хочу оказать услугу правительству прежде всего потому, что отношусь к нему с искренним уважением, а затем мне очень хочется насолить благородным господам и всему их окружению, которое я ненавижу; однако, оказывая услугу моему дорогому правительству, я бы не возражал, если бы оно со мной расплатилось наличными: ведь до сих пор служа ему верой и правдой, я так ничего от него не получил; впрочем, где гарантия того, что, когда будет задержано известное лицо, за которое обещаны золотые горы, отдадут то, что нам или скорее вам пообещали?

— Вы с ума сошли!

— Напротив, я был бы глупцом, если бы не сказал того, что вы только что слышали. Я предпочел бы иметь гарантии, и не одну, и не две, а десять; в этом деле, по правде говоря, я их не вижу.

— Вы рискуете так же, как и я. Мне обещано одним очень важным господином, что, если я выполню взятые обязательства, мне будет выдано сто тысяч франков.

— Сто тысяч франков слишком небольшая сумма, чтобы ехать в такую даль. Послушайте, признайтесь лучше, что вы условились о двухстах тысячах франков, а мне даете лишь четверть обещанной суммы с учетом того, что я местный и мне не надо тратиться на дальние переезды. Черт возьми! Вам повезло: двести тысяч франков — это кругленькая сумма! Ладно, будем доверять правительству. Однако кто может поручиться, что вы не скроетесь, прихватив денежки, после того как они будут вручены вам, а не мне? Вы не подскажете, в какой суд мне обращаться, если такое произойдет?

— Дорогой сударь, мы должны доверять друг другу, раз имеем одни и те же политические взгляды.

— Вот почему не выполняются политические решения? Скажу вам откровенно: я предпочел бы другие гарантии.

— Какие?

— Вашу расписку или расписку того министра, с кем вы договорились.

— Хорошо, постараюсь вам ее предоставить.

— Тише!

— Что?

— Вы ничего не слышите?

— Да, мне кажется, что к нам приближается телега.

Мужчины тут же вскочили на ноги, и в свете луны, светившей особенно ярко в ту ночь, Жан Улье, не упустивший ни единого слова из их разговора, смог хорошо разглядеть их лица.

Один из них был ему незнаком, однако другой был Куртенем, которого, впрочем, он уже опознал по голосу, когда тот упомянул Мишеля и Волчиц.

— Вернемся,— сказал незнакомец.

— Нет,— ответил Куртен,— мне надо вам еще многое рассказать. Спрячемся в кустарнике, пусть путник, который появился так некстати, проедет стороной, и тогда закончим наш разговор.

И они пошли к кустарнику.

Жан Улье понял, что ему пришел конец; однако не желая быть застигнутым врасплох, он приподнялся на колени и выхватил из-за пояса свой укороченный нож, который мог пригодиться в рукопашной схватке.

Не имея другого оружия, он решил, что перед ним безоружные люди.

Однако Куртен, увидев поднявшуюся в зарослях мужскую фигуру и услышав, как треснули под ним колючие ветки, отступил на три шага и, не сводя глаз с похожего на тень силуэта, поднял ружье, спрятанное за поваленным деревом, зарядил один из его стволов, приложил приклад к плечу и выстрелил.

Раздался приглушенный крик.

— Что вы сделали? — спросил незнакомец, решив, что Куртен несколько поспешил с выстрелом.

— Посмотрите,— ответил побледневший и дрожавший от страха Куртен,— за нами следили!

Незнакомец подошел к кустарнику и раздвинул ветки.

— Осторожно! Осторожно! — крикнул Куртен.— Если это шуан и он только ранен, он бросится на вас.

И Куртен, зарядив второй патрон, держался на некотором расстоянии в готовности открыть огонь.

— Это действительно крестьянин,— сказал незнакомец,— и мне кажется, что он мертв.

Незнакомец схватил Жана Уллье за руку и вытащил из канавы.

Увидев, что мужчина не двигался, Куртен решил подойти поближе.

— Жан Уллье! — воскликнул он, узнав вандейца.— Жан Уллье! Честное слово, я уже сомневался в том, что смогу когда-нибудь убить человека. Черт возьми, раз так случилось, то уж лучше он, чем кто-нибудь другой. Поверьте, это действительно удачный выстрел.

— А пока что телега все ближе и ближе,— произнес незнакомец.

— Да, подъем уже позади, и лошадь перешла на рысь. Поторопимся, нельзя терять ни минуты. Надо поскорее уносить ноги. Он действительно мертв?

— По всей видимости, да.

— Тогда бежим!

Незнакомец отпустил Жана Уллье, и тот повалился на землю, как сноп.

— Да, ему крышка! — воскликнул Куртен.

Затем, все же опасаясь подойти поближе, он указал на труп рукой:

— Вот где гарантия выкупа, и получше любых расписок: этот труп стоит двести тысяч франков.

— Почему?

— Это единственный человек, кто смог бы вырвать из моих рук щенка, о котором я вам только что говорил. Я ошибался, когда считал, что он убит. А теперь, когда я в этом уверен, вперед! На охоту!

— Пора, вот и телега.

В самом деле, телега была уже шагах в ста от кустарника.

Мужчины бросились в заросли и скрылись в темноте, в то время как к месту разыгравшейся драмы спешила встревоженная услышанным выстрелом вдова Пико, приехавшая за Жаном Уллье, чтобы выполнить данное ему обещание.

БАТАРЕИ МЭТРА КУРТЕНА

Всего за несколько недель в жизни героев нашего повествования произошли большие перемены.

В четырех департаментах Вандеи было объявлено осадное положение; повсюду были расклеены листовки, в которых генерал обещал не преследовать сельских жителей, если они сложат оружие. Восстание захлебнулось в самом начале, и большинство вандейцев потеряло всякую веру в будущее; некоторые крестьяне решили последовать совету, который им давали их же предводители, отпуская на все четыре стороны, и сдались; однако гражданские власти не сдержали обещания, которые дали военным: отобрав оружие, они арестовали участников восстания; и большинство доверчивых крестьян оказалось за решеткой; такая недалёковидная политика властей не способствовала миролюбивому настрою самых осторожных, которые решили подождать до лучших времен.

Воспользовавшись просчетами властей, мэтр Жак значительно пополнил свой отряд; благодаря умелым действиям он сколотил довольно крупные силы, чтобы держать под контролем леса в то время, когда разружилась вся Вандея.

Гаспар, Луи Рено, Стальная Рука вместе с другими предводителями восстания укрылись за морем; и только один маркиз де Судэ все еще раздумывал; с той поры как он расстался с Малышом Пьером или скорее с той поры как Малыш Пьер расстался с ним, неудачливый дворянин утратил веселое расположение духа, которое помогало ему поддерживать бодрое настроение у своих близких; однако когда отпала необходимость казаться все время веселым, маркиз впал в другую крайность и стал темнее тучи. Поражение при Шене не только больно ударило по самолюбию, но и до основания разрушило воздушные замки, которые он с такой любовью воздвиг для себя; в партизанской жизни, овеванной в прошлом романтикой, он теперь увидел многое другое, чего раньше и не предполагал, то есть обратную сторону медали: мелочи повседневной жизни, невзгоды и лишения, выпадавшие на долю изгнанника.

И случилось так, что маркиз, скучавший в свое время в своем небольшом замке, теперь с грустью вспоминал о семейных вечерах, проведенных у домашнего очага рядом с Бертой и Мари; однако он больше всего тосковал по беседам с Жаном Ульье; ему так не хватало старого егеря, что он даже проявил несвойственное ему участие к его судьбе, решив поинтересоваться, что с ним стало.

И вот когда маркиз пребывал в таком расположении духа, он нечаянно встретился с мэтром Жаком, который прибыл в окрестности Гран-Лье, чтобы проследить за передвижением пешей колонны.

Следует отметить, что маркиз никогда не проявлял особой симпатии к предводителю братьев-кроликов, который, взяв на себя командование отрядом, лишил маркиза всех его полномочий; именно независимый характер мэтра Жака и был, по мнению маркиза, причиной поражения вандейцев; мэтр Жак, отвечая ему взаимностью, терпеть не мог маркиза так же, как не любил любого человека, чье происхождение и социальное положение возвышало его над другими людьми; однако увидев, в какую нищенскую хижину переселился маркиз после ухода Малыша Пьера в Нант, он пожалел старика и предложил укрыться вместе с ним в лесу Тувуа, где ни в чем не испытывал недостатка и где маркиз мог надавать тумачков пленным солдатам Луи-Филиппа.

Разумеется, король Луи-Филипп для маркиза был просто Филиппом.

И только последний довод мэтра Жака убедил маркиза де Судэ принять предложение; он горел желанием отомстить за крах своих надежд и выместить на ком-нибудь свою досаду, тоску по дочерям и облегчить печаль от разлуки с Жаном Ульье. Маркиз последовал за предводителем братьев-кроликов, который из непослушного подчиненного превратился в покровителя, и теперь, тронутый простотой и доброжелательностью маркиза, обращался с ним гораздо с большим почтением, что противоречило его былому предубеждению по отношению к аристократам.

Что же касалось Берты, то на следующий же день, после того как ее приютил Куртен и она собралась немного с силами, девушка поняла, что не может в отсутствие отца или хотя бы на худой конец Жана Ульье на-

ходить под одной крышей со своим возлюбленным, что может сказаться на ее репутации, несмотря на ранение Мишеля; она ушла с фермы и поселилась у Розины в доме Тенги. Находясь в получетверти лье от Мишеля, она каждый день навещала молодого человека и ухаживала за ним с нежностью влюбленной женщины.

Мишель был тронут преданностью Берты; однако он продолжал любить Мари и чувствовал себя неловко перед ее сестрой; ему не хватало мужества повергнуть в отчаяние девушку, которой был обязан жизнью. Между тем мало-помалу безропотная покорность судьбе уступила место неистовому и горькому чувству, которое он испытывал первые дни, и, не сумев свыкнуться с мыслью, что ему надо принести себя в жертву, как требовала от него Мари, в ответ на все знаки внимания, которыми его щедро одаривала Берта, он лишь отделялся натянутыми улыбками, а когда девушка уходила, он так горестно вздыхал, что Берта принимала вздохи молодого человека на свой счет. Однако, если бы не Куртен, который всякий раз поднимался по лестнице в комнату Мишеля, как только видел, что Берта исчезала за деревьями сада, и устраивался у изголовья раненого, чтобы поговорить с ним о Мари, тонкая и впечатлительная душа Мишеля в конце концов, возможно, и приняла бы сложившиеся обстоятельства за фатальную неизбежность. Однако мэр Ложери настолько часто напоминал своему молодому хозяину о Мари, уверяя, что желает видеть его счастливым, что по мере того, как затягивалась рана на руке и возвращались утраченные силы, Мишель все сильнее чувствовал, что его душевная рана все больше кровоточила, и вся его признательность Берте в миг улетучивалась при одном лишь воспоминании об ее сестре.

Труд, проделанный Куртеном, можно разве что сравнить с тем, что совершила Пенелопа: за ночь он разрушал все, что Берте за день удавалось создать.

В том болезненном состоянии, в каком находился Мишель, когда прибыл в дом Куртена, мэр Ложери легко выпросил прощенье за свое поведение на дороге, приводя в качестве оправдания искреннюю привязанность и волнение, которое он якобы испытывал после бегства барона; затем, как мы уже сказали, раскрыв душевную тайну Мишеля, что не составило ему большого тру-

да, он вкрался в доверие к молодому человеку, уверяя в преданности и ловко польстив его самолюбию за симпатию к Мари. У Мишеля не было возможности с кем-нибудь поделиться своими горестями, и потому он страдал еще больше; Куртен, делая вид, что сочувствует молодому человеку, и с ловкостью подогревая его чувство к Мари своим восхищением, смог догадаться по отдельным высказываниям Мишеля о том, что произошло между молодым человеком и сестрами.

Куртен постарался скрыть свое истинное отношение к Берте; он повел себя с ней так ловко, что она была уверена — арендатор ждет не дождется, когда она станет женой его молодого хозяина. Когда Мишеля не было рядом, он обращался к ней, как к своей будущей хозяйке. В конце концов ему удалось добиться того, что девушка, ничего не зная о его прошлом, только и говорила Мишелю о преданности арендатора и обращалась к нему со словами: «Наш добрый Куртен».

Однако, когда арендатор оставался наедине с Мишелем, он сразу же заводил с ним задушевный разговор, затрагивая самые чувствительные сердечные струны молодого человека; введенный в заблуждение его участием, Мишель раскрывал ему свою душу, рассказав о чувстве, которое он испытывал к Мари; Куртен неизменно делал один и тот же вывод: «Она вас любит», — и внушал молодому человеку, что именно Мишель должен настоять на своем, за что Мари впоследствии будет ему только благодарна; в своей настойчивости он шел еще дальше и клялся в том, что после того, как его хозяин выздоровеет и на дорогах не будет больше войск, он посвятит все свое время устройству счастья Мишеля, обещая уладить его сердечные дела таким образом, что Берта сама откажется от будущего союза с ним, несмотря на то, что молодой человек ей многим обязан.

Выздоровление Мишеля шло не так быстро, как бы хотелось Куртену, который не находил себе места от того, что до сих пор ничего не узнал о местонахождении Малыша Пьера; ему не терпелось дождаться того дня, когда пустит молодого хозяина по следам Мари.

Надеемся, что читатель понял, что Мишель и был именно той ищейкой, на которую рассчитывал Куртен.

Когда рана Мишеля перестала вызывать у Берты опасения, она вместе с Розиной совершила несколько поездок в лес Тувау, откуда маркиз подал ей весточку, поведав о том, что находился у лесных братьев; по ее возвращении Куртен два или три раза заводил разговор о людях, которыми должны были бы, по его мнению, заинтересоваться девушки; однако Берта хранила молчание; и мэр Ложери понял, насколько опасно было с его стороны затевать подобные разговоры, и как малейшая неосторожность легко могла бы вызвать подозрения, а так как Мишель быстро поправлялся, Куртен, оставаясь с ним наедине, тут же начинал внушать ему, что он должен наконец действовать; мэр Ложери даже пошел на то, что предложил свою помощь, если молодой человек захочет послать письмо Мари и получить сначала от нее ответ, а затем убедить изменить принятое девушкой решение.

Так прошло шесть недель.

Мишель выздоравливал, его рана почти затянулась, и он почувствовал, что мог ходить.

Молодой человек не мог показаться на улице днем из-за поста, размещенного генералом в Ложери; однако по ночам он прогуливался в саду, опираясь на руку Берты.

Когда наступало время расставания, Мишель поднимался к себе на свою голубятню, а Берта с Розиной, к чьим приходам и уходам в любое время дня и вечера уже давно привыкли солдаты, возвращались в дом Тенги, откуда утром после завтрака снова выходила Берта и отправлялась к Мишелю.

Эти вечерние прогулки пришлось не по душе Куртену, прислушивавшемуся к разговорам Мишеля с Бертой, которые они вели, когда находились в доме или в комнате молодого человека. Арендатор стремился не пропустить ни одного разговора, который мог бы навести его на след Малыша Пьера; теперь, чтобы положить конец их прогулкам, он каждый вечер читал Мишелю и Берте приговоры, напечатанные в правительственной газете, которую получал как местный мэр.

Однажды он заявил, что они должны совсем отказаться от ночных прогулок; когда же они спросили, почему, он дал им прочесть приговор, заочно вынесенный

Мишелю, по которому тот приговаривался к смертной казни.

Это сообщение не произвело на Мишеля должного впечатления, зато Берту привело в смятение; в какой-то момент она даже захотела броситься в ноги молодому человеку, чтобы просить у него прощенье за то, что втянула его в такое опасное дело, а когда она уходила вечером с фермы, то не могла скрыть своего волнения.

На следующий день она пришла к Мишелю ранним утром.

Всю ночь ее мучили кошмары и такие жуткие, что ни на минуту она не сомкнула глаз.

Словно наяву она видела, как Мишеля поймали, арестовали и расстреляли!

Она пришла на ферму на два часа раньше, чем обычно.

Ничего нового не произошло; ничто не предвещало опасности.

День прошел как обычно: он был приятным для Берты, несмотря на все ее волнения, и грустным для Мишеля, полным скрытых надежд.

Наконец наступил вечер, прекрасный летний вечер.

Берта высунулась в небольшое окошко, которое выходило в виноградник; она смотрела, как солнечный закат золотит высокие верхушки деревьев Машкульского леса, колыхавшиеся от ветра, словно зеленые морские волны.

Мишель сидел на постели и наслаждался нежными вечерними запахами, когда послышался стук колес, доносившийся со стороны улицы.

Барон бросился к окну.

Молодые люди увидели, как во двор фермы въехала коляска; ей навстречу выбежал с шапкой в руках Куртен; из коляски выглянула баронесса Мишель.

Увидев мать, молодой человек почувствовал, как у него внутри похолодело.

Не оставалось сомнений, что она приехала за ним.

Берта перевела на него вопросительный взгляд, чтобы узнать, как ей себя вести.

Мишель указал на темный угол, похожий на чулан

без двери, где она могла бы спрятаться и не пропустить ни слова из его разговора с матерью.

Она придаст ему силы, если незримо будет находиться рядом с ним.

Мишель не ошибся: не прошло и пяти минут, как он услышал скрип ступенек лестницы под ногами баронессы.

Берта бросилась в укрытие; Мишель уселся перед окном, словно ничего не видел и не слышал.

Дверь отворилась, и вошла баронесса.

Возможно, она пришла как всегда с самыми суровыми намерениями, но, увидев Мишеля в неясном свете уходящего дня, такого же бледного, как серые сумерки наступавшей ночи, тотчас забыла все заранее приготовленные слова упреков и лишь протянула к нему руки, невольно воскликнув:

— О! Несчастное дитя! Наконец я тебя вижу!

Не ожидая такой встречи, Мишель был тронут до слез и бросился в объятия баронессы со словами:

— Мамочка! Моя добрая мамочка!

И она тоже сильно изменилась; ее лицо хранило следы горьких слез и бессонных ночей.

ХII

В КОТОРОЙ БАРОНЕССА ДЕ ЛА ЛОЖЕРИ, ДУМАЯ, ЧТО УСТРАИВАЕТ ДЕЛА СЫНА, ДЕЙСТВОВАЛА В ИНТЕРЕСАХ МАЛЫША ПЬЕРА

Баронесса села или, вернее, упала в кресло, прикоснувшись губами к голове стоявшего перед ней на коленях Мишеля.

Наконец она обрела дар речи, и слова полились из ее исстрадавшегося сердца.

— Как случилось, — спросила она, — что я встретила тебя в ста шагах от замка, где так много солдат?

— Матушка, чем ближе я к вам, — ответил Мишель, — тем меньше меня будут искать.

— Так ты не знаешь, что происходит в Нанте?

— А что?

— Военный трибунал выносит приговор за приговором.

— Пусть это волнует тех, кто попался, — ответил, рассмеявшись, Мишель.

— Это должно тебя беспокоить,— возразила мать,— ибо те, кто еще на свободе, могут потерять ее в любой момент.

— Согласен! Но только не в доме уважаемого мэра, известного своими верноподданныческими настроениями.

— И тем не менее это не помешало.

Баронесса не смогла закончить свою мысль, будто слова застряли в ее горле.

— Матушка, договаривай до конца.

— Вынести тебе...

— Смертный приговор, мне об этом известно.

— Как! Несчастное дитя, тебе все известно, и ты так спокойно об этом говоришь?

— Матушка, уверяю тебя, что, пока я живу у Куртена, мне ничего не грозит.

— И что, этот человек к тебе хорошо относится?

— Его мне послало само небо: он подобрал меня раненного и умирающего от голода, он принес меня к себе и с той самой поры кормит и прячет у себя.

— Признаюсь тебе, что у меня к нему было раньше какое-то предубеждение.

— Должен вам сказать, матушка, что вы ошибались.

— Ладно, дорогое дитя, поговорим лучше о наших делах. Каким бы хорошим ни было это укрытие, тебе все же нельзя здесь оставаться.

— Почему?

— Потому что достаточно нелепой случайности или неосторожного слова, и тебя тут же схватят.

Мишель недоверчиво покачал головой.

— Ты не хочешь, чтобы я умерла от постоянной тревоги?

— Нет, слушаю вас, матушка.

— Мое сердце не выдержит, если ты не бежишь из Франции.

— Матушка, а вы подумали, с какими трудностями я столкнусь, если решусь на побег?

— Да, и я обо всем позаботилась.

— Как?

— Я зафрахтовала небольшое голландское судно, которое тебя ждет на рейде у Куэрона; отправляйся на борт

корабля и уплывай поскорее отсюда! Боже мой, лишь бы тебе хватило сил выдержать это путешествие!

Мишель в ответ не проронил ни слова.

— Ты отправишься в Англию, не правда ли? Ты покинешь эту проклятую Богом землю, уже принявшую в свое лоно твоего отца! Знай, что, пока ты будешь во Франции, мне не будет ни секунды покоя: я только и буду думать о том, что к тебе тянется рука палача, готовая вырвать из моих объятий.

Мишель по-прежнему молчал.

— Вот письмо капитану, — продолжала баронесса, — вот вексель на твоё имя на пятьдесят тысяч франков, по которому ты можешь получить деньги в Англии и в Америке; впрочем, куда бы ты ни отправился, напиши мне, и я тут же вышлю тебе, сколько бы ты ни попросил... Или же, мое дорогое и любимое дитя, куда бы ты ни уехал, я поеду за тобой... Но что с тобой, почему ты мне не отвечаешь?

В самом деле, Мишель слушал мать с таким чувством, будто речь шла вовсе не о нем. Уехать для него — это означало расстаться с Мари; и от одной только мысли о разлуке сердце защемило так сильно, что ему показалось, что он почувствовал бы меньшую боль, если бы услышал свой смертный приговор. С той поры, как Куртен разбередил его душевные раны, с того самого момента, когда благодаря арендатору в его сердце закралась новая надежда, он день и ночь, не говоря ни слова мэру Ложери, только и думал о том, как бы найти девушку; ему казалась неприемлемой даже сама мысль о том, чтобы отказаться во второй раз от своей любви, и по мере того, как говорила мать, в нем крепло решение во что бы то ни стало жениться на Мари.

И потому он молчал, что, естественно, не могло не взволновать баронессу.

— Матушка, — сказал Мишель, — я не отвечаю вам потому, что не могу вам ответить так, как мне бы хотелось.

— А как тебе бы хотелось?

— Выслушайте меня, матушка, — произнес молодой человек с твердостью, на какую она не считала его способным, да и сам он при других обстоятельствах вряд ли бы поверил, что сможет говорить с матерью таким тоном.

— Надеюсь, ты не отказываешься уехать?

— Совсем нет,— произнес Мишель,— но у меня есть некоторые условия.

— И ты можешь говорить о каких-то условиях, когда на карту поставлена твоя жизнь, твое спасение? Ты выдвигаешь условия, когда твоя мать умирает от волнения?

— Матушка,— сказал Мишель,— с тех пор, как мы не виделись, я многое пережил и потому многое узнал, и понял главное, что бывают такие решающие моменты, от которых зависит счастье или несчастье всей последующей жизни. Вот сейчас, матушка, я переживаю один из таких моментов.

— Ты решил не обращать внимания на мои муки?

— Вовсе нет, я хочу поговорить с вами как мужчина. И не удивляйтесь: я был еще ребенком, когда начались события, а вышел из них повзрослевшим на несколько лет. И мне не надо напоминать о долге перед матерью: уважении, любви, благодарности за все ее заботы и жертвы. Знайте, что я никогда не нарушу свой долг. Однако, когда юноша становится мужчиной, перед ним открываются новые горизонты, постепенно расширяющие круг его интересов, и появляются новые обязательства не только по отношению к собственной семье, но и перед обществом; вступив в пору зрелости, молодой человек, даже если у него еще не высохло материнское молоко на губах, уже задумывается о том, кто станет матерью его будущих детей.

— О! — воскликнула баронесса, невольно отстраняя от себя сына.

— Так вот, матушка,— продолжил, выпрямившись во весь рост, молодой барон,— я сделал свой выбор и уверен в ответных чувствах; теперь нас ничто не сможет разлучить: если я уеду, то не один.

— Ты уедешь вместе со своей любовницей?

— Нет, матушка, я уеду вместе со своей женой.

— И ты думаешь, что я соглашусь на этот брак?

— Матушка, вы вольны не давать своего согласия так же, как и я волен не уезжать.

— О, несчастный! — воскликнула баронесса.— Вот благодарность за двадцать лет непрерывных забот, любви и ласки!

— Матушка,— произнес Мишель с твердостью, крепнувшей от сознания, что каждое его слово дойдет до ушей тех, кто его слушал,— как только мне представится случай, я докажу вам мою признательность и преданность, но истинная любовь не побуждает мать заставлять сына слепо ей подчиняться: «Я уже двадцать лет, как твоя мать и потому твой тиран!»,— она не говорит: «Я отдала тебе жизнь, молодость, силы и разум, чтобы ты беспрекословно следовал моей воле!» — Нет, если матерью движет истинная любовь к сыну, она говорит: «Когда ты был слаб и беспомощен, я выходила тебя, когда ты был несмышленищем, я развивала твой ум и способности, когда ты был слеп, как котенок, и ничего не знал о жизни, я открыла тебе глаза на мир. Теперь ты сильный, умный и без опаски смотришь в будущее. Устраивай свою жизнь, как ты этого хочешь, но полагайся притом не на свой каприз, а на силу воли. Выбирай одну из тысячи открытых перед тобой дорог и, куда бы она тебя ни привела, люби и почитай ту женщину, которая из слабого сделала сильного, из несмышленища знающего, из слепого зрячего». Вот как я понимаю материнскую власть над сыном, вот как мне видится сыновье уважение к матери.

Баронесса растерялась: она скорее была готова увидеть конец света, чем услышать такие разумные и зрелые слова.

В изумлении она взглянула на сына.

Гордый и довольный собой, Мишель спокойно смотрел на нее, и на его губах промелькнула улыбка.

— Итак,— спросила она,— ничто не может заставить тебя отказаться от безумных планов?

— Матушка,— продолжил Мишель,— просто ничто не может заставить меня нарушить данное мною слово.

— О! — воскликнула баронесса и закрыла глаза ладонями.— Какая я несчастная мать!

Мишель опустил перед ней на колени.

— А я вам говорю: блаженна мать, когда она делает счастливым своего сына!

— Да что же такого особенного ты нашел в этих Волчицах? — воскликнула баронесса.

— Как бы вы ни называли мою любовь,— сказал Мишель,— я вам отвечу: моя избранница наделена всеми

достоинствами, которые мужчина мечтает найти в своей возлюбленной, и к лицу ли нам, матушка, много пережившим из-за людской клеветы, так легко поверить в разговоры, которые преследуют других?

— Нет, нет, нет,— повторяла баронесса,— я никогда не соглашусь на этот брак!

— В таком случае, матушка,— сказал Мишель,— возьмите обратно вексель, заберите письмо к капитану «Молодого Карла» — они мне больше не нужны.

— Несчастный, что же ты собираешься делать?

— Все очень просто, матушка. Лучше смерть, чем разлука с любимой. Моя рана затянулась, и у меня уже достаточно сил, чтобы уйти к лесным братьям. Остатки армии восставших под командованием маркиза де Судэ находятся в лесу Тувау; я примкну к ним, приму участие в боях и при первой же возможности сделаю так, чтобы меня убили. Вот уже два раза я был на волосок от смерти,— добавил он с невеселой улыбкой,— и я уверен, что в третий раз она меня не минует.

И молодой человек положил письмо и вексель на колени матери.

В словах и жестах барона было столько решимости и твердости, что матери стало ясно: ей не удастся уговорить сына.

И она дрогнула.

— Ладно,— сказала она,— пусть будет так, как ты хочешь. И да простит тебя Бог за то, что ты поступаешь вопреки воли матери!

— Матушка, будьте уверены, что Бог простит, а когда вы увидите вашу дочь, вы сами простите.

Баронесса отрицательно покачала головой.

— Отправляйся,— сказала она,— и женись без моего благословения на женщине, которую я не знаю и никогда не видела.

— Я женюсь на женщине, которую вы, матушка, надеюсь, узнаете и полюбите. И день вашего благословения станет для меня самым великим днем в моей жизни. Вы говорили, что приедете, где бы я ни был. Так вот, матушка, я буду вас ждать повсюду, куда бы меня ни занесла судьба.

Баронесса встала и сделала несколько шагов к двери.

— Матушка, вы уходите, не сказав ни слова на про-

щание, не прижав меня к своему сердцу!.. И вы не бойтесь, что это может принести мне несчастье?

— Иди же сюда, мое несчастное дитя, я прижму тебя к груди!

Она произнесла эти слова так, как будто это был крик, вырвавшийся рано или поздно из материнского сердца.

Мишель с нежностью прижал к себе мать.

— И когда же ты, дитя мое, намерен уехать? — спросила она.

— Матушка, все зависит теперь от ее решения, — ответил Мишель.

— Ты мне обещаешь поторопиться?

— Надеюсь, что уеду этой ночью.

— Внизу я оставила крестьянскую одежду для тебя. Переоденься, чтобы никто тебя не опознал. До Куэрона отсюда восемь лье. Ты сможешь добраться часам к пяти утра. Не забудь, шхуна «Молодой Карл».

— Не волнуйтесь, матушка; с того момента, как я решил стать творцом своего счастья, я предприму все, чтобы успеть вовремя.

— А я поеду в Париж, где сделаю все, чтобы отменили этот жуткий приговор. Умоляю тебя, побереги себя и не забывай, что тем самым ты заботаешься обо мне.

И мать еще раз поцеловала своего сына; Мишель проводил баронессу до порога.

Как верный слуга Куртен стоял внизу лестницы. Мадам де ла Ложери попросила проводить ее до замка.

Когда Мишель, закрыв за матерью дверь, обернулся, он увидел, что перед ним со счастливой улыбкой стояла Берта; ее лицо сияло от радости.

Она только и ждала того момента, когда останется наедине с молодым человеком, чтобы броситься ему в объятия.

Мишель не оттолкнул девушку; однако, если бы сумерки не спустились в комнату, от внимания девушки не ускользнуло бы растерянное выражение лица молодого барона.

— Итак, — произнесла она, — теперь уже ничто не сможет нас разлучить; у нас есть все: согласие моего отца и разрешение твоей матери.

Мишель молчал.

— Мы уедем сегодня ночью, не так ли?

Мишель хранил молчание перед Бертой так же, как перед матерью.

— Итак, мой друг,— спросила она,— почему вы мне не отвечаете?

— Потому что еще ничего не решено относительно нашего отъезда,— сказал Мишель.

— Но разве вы не пообещали матери, что уедете этой ночью?

— Я сказал матери: «Все зависит от ее решения».

— А разве речь шла не обо мне? — спросила Берта.

— Как! — воскликнул Мишель.— Такая преданная роялистка, как Берта, собралась уехать из Франции, даже не подумав о тех, кто остается здесь?

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнула девушка.

— Что я мечтаю о чем-то более возвышенном и полезном, чем моя личная свобода и мое спасение,— сказал молодой человек.

Берта взглянула на него с удивлением.

— Что я мечтаю о свободе и спасении Мадам,— добавил Мишель.

Берта вскрикнула.

Она начинала понимать, к чему клонил молодой человек.

— Ах! — воскликнула она.

— Разве на судне, которое зафрахтовала для меня мать,— сказал Мишель,— не найдется места для принцессы и вашего отца..?

Затем приглушенным голосом добавил:

— И вашей сестры?

— О, Мишель,— воскликнула девушка.— Простите, что я об этом не подумала! Раньше я тебя лишь любила, а теперь восхищаюсь!.. Да, да, ты прав, само Провидение послало твою мать. Я уже забыла все плохое и обидное, что она обо мне здесь говорила. Теперь я вижу в ней лишь посланца самого Господа Бога, решившего протянуть нам всем руку помощи... Как вы добры, мой друг! Ваша доброта даже выше вашего благородства, раз вы обо всем этом подумали!

В ответ Мишель пробормотал что-то невнятное.

— О! Я всегда знала,— восторженно продолжила

Берта,— я всегда знала, что вы самый смелый и благородный человек на свете; но сегодня, Мишель, вы поднялись на недостижимую высоту. Несчастный раненый, приговоренный к смертной казни, думает прежде всего о том, как бы спасти других. Ах! Мой друг, как я счастлива: теперь я могу гордиться своей любовью.

На этот раз, если бы в комнате было светлее, Берта увидела бы, как растерянное лицо Мишеля залила яркая краска.

На самом деле преданность молодого барона не была столь бескорыстной, как думала Берта.

Теперь, получив от матери согласие на женитьбу на своей избраннице, Мишель придумал выход из создавшегося положения.

Он мечтал оказать Малышу Пьеру неоценимую услугу, которую тот в настоящий момент не надеялся получить даже от своего самого верного сторонника, а затем признаться и попросить руки Мари.

Теперь можно понять, почему смутился и покраснел барон, услышав восторженные слова Берты.

И на все похвалы девушки молодой человек невольно ответил довольно холодным тоном:

— А теперь, Берта, мы не можем терять время.

— Да,— ответила она,— вы правы, мой друг. Прикажитесь! Теперь, когда я убедилась не только в благородстве вашего сердца, но и в высоких помыслах, я готова повиноваться вам во всем.

— А сейчас наши пути должны разойтись,— сказал Мишель.

— Почему? — спросила Берта.

— Потому что вы пойдете в лес Тувуа и предупредите отца о том, что произошло. Оттуда направитесь с ним в бухту Бурнеф и взойдете на борт «Молодого Карла». Я же поеду в Нант, чтобы предупредить герцогиню.

— Вы поедете в Нант! Вы забыли о том, что вас приговорили к смерти, что вас могут выследить и выдать? Я отправлюсь в Нант, а вы пойдете в лес Тувуа.

— Берта, на борту «Молодого Карла» ожидают именно меня. По всей вероятности, капитан никого другого не послушает, а если вместо мужчины увидит женщину, то, возможно, подумает, что ему подстроена ловушка, а это чревато для нас самыми непредсказуемыми последствиями.

— Но опасности, которые вас подстерегают в Нанте!

— Берта, подумайте хорошенько и вы поймете, что именно там для меня самое безопасное место. Никому в голову не придет, что я осмелюсь появиться в городе, где меня приговорили к смертной казни. Наконец, вы же знаете, кто не рискует, тот и не одерживает победы; для нас как раз настал такой момент. Пусть будет что будет.

— Мишель, я же вам сказала, что буду повиноваться вам во всем. Вот я и повинуюсь.

И красивая, и гордая девушка, покорившись, как малое дитя, выслушала указания человека, получившего над ней неслыханную власть благодаря своей показной преданности делу роялистов.

Когда решение принято, нет ничего проще претворить его в жизнь. И Берта сообщила Мишелю адрес герцогини в Нанте и многочисленные пароли, при помощи которых он мог найти ее.

Переодевшись в платье Розины, она должна была направиться в лес Туваа, в то время как Мишель в крестьянской одежде, оставленной для него баронессой де ла Ложери, собрался в Нант.

Если на пути к осуществлению задуманного им плана не возникнет непредвиденных препятствий, то завтра «Молодой Карл» поднимет паруса в пять часов утра и увезет вместе с Малышом Пьером последних участников гражданской войны.

Минут десять спустя Мишель уже садился на лошадь Куртена, на которую он сам без чьей-либо помощи надел седло и уздечку, кивнув на прощанье Берте, направлявшейся к хижине Тенги, откуда она должна была немедленно выйти, чтобы по тайным тропам добраться до леса Туваа.

ХІІІ

ПО УЛИЦАМ И ПЕРЕУЛКАМ

Хотя лошаденка Куртена по причине преклонных лет и накопившейся усталости еле-еле передвигала ноги и никак не могла перейти на рысь, все же у нее хватило силенок дотащить вместе со своим седоком до Нанта еще

до того, как часы на городских часах пробили девять часов вечера.

Мишель должен был сначала заехать на постоянный двор «Рассвет».

И он пустился на его понски, как только переехал мост Руссо.

Прочитав вывеску, украшенную звездой, которая была намалевана самой что ни на есть яркой желтой охрой, какая только нашлась у маляра, он остановил свою клячу, а точнее клячу мэтра Куртена, перед деревянным корытом, которое стояло во дворе, чтобы путники могли, не распрягая, поить своих лошадей.

Никто не вышел на крыльцо дома, перед которым находился молодой человек; забывший про свою простую деревенскую одежду, привыкший к тому, что челядь обычно тут же торопливо выбегала ему навстречу в Ложери, он с нетерпением несколько раз ударил по корыту палкой, которую держал в руках.

На шум появился мужчина в одной рубашке из глубины двора и направился к Мишелю. На голове у него была синяя хлопчатобумажная шапочка, надвинутая по самые глаза.

Мишелю показалось его лицо знакомым.

— Черт побери! — заметил ворчливо человек в синей шапочке. — Мой юный друг, вы, наверное, слишком важный господин, раз не можете сами отвести лошадь в конюшню? Ладно, обслужим вас по высшему разряду.

— Делайте что хотите, — сказал Мишель, — но прежде ответьте на мой вопрос.

— Спрашивайте, — произнес мужчина, скрестив на груди руки.

— Я бы хотел встретиться с папашей Евстахием, — вполголоса произнес Мишель.

Несмотря на то, что Мишель говорил очень тихо, мужчина сделал предостерегающий жест и подозрительно огляделся по сторонам; и хотя рядом не было никого, кроме малышей, державших за спиной ручонки и с наивным любопытством разглядывавших молодого крестьянина, он торопливо подхватил поводья и повел лошадь во двор.

— Я вам сказал, что хотел бы встретиться с отцом Евстахием, — повторил Мишель, слезая с лошади, когда

мужчина в синей шапочке поравнялся с пристройкой, служившей «Рассвету» конюшной.

— Да я уже слышал, черт возьми! Но ваш отец Евстахий не прячется у меня в сундуке с овсом. Впрочем, прежде чем вам ответить, я должен знать, откуда вы прибыли.

— С юга.

— А куда путь держите?

— В Росни.

— Тогда вам надо зайти в церковь Святого Спасителя. Там вы и найдете того, кого ищете. Отправляйтесь туда и постарайтесь говорить вполголоса на улице, господин де ла Ложери, если хотите достигнуть цели вашего путешествия.

— Ах,— заметил, удивившись, Мишель,— вы меня знаете?

— Еще бы! — ответил мужчина.

— Тогда отведите лошадь обратно.

— Будет исполнено.

Мишель опустил луидор в ладонь помощника конюха, который, казалось, пришел в восторг от неожиданной удачи и тут же предложил свои услуги, и решительным шагом отправился в город. Когда он подходил к церкви Святого Спасителя, ризничий уже собирался закрывать двери. Только что преподанный на постоялом дворе урок не прошел даром; теперь Мишель решил не спешить и сначала хорошенько оглядеться вокруг, а уж потом задавать свой вопрос.

Пять или шесть нищих, прежде чем сойти с церковной паперти, на которой весь день просили милостыню, преклонили колени и сотворяли вечернюю молитву.

И среди них и надо было искать, по всей вероятности, нужного ему человека.

Отцу Евстахию было поручено окроплять верующих святой водой.

Найти его оказалось нелегкой задачей, ибо, кроме двух или трех женщин, закутанных с головой в индийские шали, которые были усыпаны разноцветными монетками, он увидел трех нищих, но никто из них не держал в руках кропила.

И любой из трех старцев мог оказаться человеком, которого искал Мишель.

К счастью, у Мишеля был опознавательный знак.

Взяв в руки веточку остролиста, которую прицепил к шляпе по совету Берты, он уронил ее перед дверью.

Двое нищих оттолкнули веточку ногой и пошли своей дорогой, не обратив на нее ни малейшего внимания.

Зато третий, невысокий, худой и болезненного вида старец с выступавшим из-под черного шелкового колпака огромным носом, заметив на церковных плитах зеленые листочки, нагнулся и подобрал веточку, с беспокойством оглянувшись по сторонам.

Мишель вышел из-за колонны.

Отец Евстахий,— ибо это был именно он,— взглянул на Мишеля.

И, не сказав ни слова, направился к монастырской галерее.

Мишель понял, что недоверчивому отцу Евстахию было мало веточки остролиста и нужно еще сказать пароль. Пройдя за ним шагов двенадцать, он нагнал старика и обратился к нему со словами:

— Я прибыл с юга.

Нищий вздрогнул.

— И куда путь держите?

— В Росни,— ответил Мишель.

Нищий остановился и повернул обратно.

На этот раз он направился в сторону города; незаметно подмигнув Мишелю, он дал ему понять, что согласен указать ему дорогу; Мишель, пропустив своего проводника вперед шагов на пять или шесть, пошел за ним следом.

Они вышли за церковные ворота, пересекли часть города; затем в тот момент, когда они сворачивали в узкую и неосвещенную улочку, нищий задержался на несколько секунд у низкой и темной двери в садовой ограде и продолжил свой путь.

Мишель хотел уже было последовать за ним, но тот, кивнув ему на низкую дверь, исчез в темноте.

И только теперь Мишель заметил, что его провожатый просунул веточку остролиста, подобранную им в церкви, в железное кольцо двери.

Барон понял, что находился у цели своего путешествия.

Он поднял и отпустил молоток.

На стук открылось оконце в двери, и мужчина спросил, что ему надобно.

Когда Мишель повторил пароль, его провели в большую комнату с низким потолком, где у польхавшего камина, поставив ноги на подставку для дров, сидел в домашнем халате и спокойно читал газету господин, которого Мишель видел в замке Судэ в тот вечер, когда ужин, приготовленный для Малыша Пьера, достался генералу Дермонкуру, и которого во второй раз повстречал с ружьем в руках накануне боя при Шене.

Несмотря на свой самый что ни на есть мирный вид, у господина под рукой на столе рядом с чернильницей, бумагой и перьями лежали два пистолета.

Он тут же узнал Мишеля и поднялся ему навстречу.

— Сударь, мне кажется, что мы уже встречались,— произнес он.

— Да,— ответил Мишель,— накануне боя недалеко от Шена.

— А где вы были на следующий день? — спросил с улыбкой человек в домашнем халате.

— На следующий день я сражался у Пенисьера, где был ранен.

Незнакомец отвесил поклон.

— Не окажите ли вы мне честь назвать ваше имя? — спросил он.

Мишель представился; мужчина в домашнем халате, заглянув в записную книжку, которую вынул из-за пазухи, с удовлетворенным видом кивнул головой и, повернувшись к молодому человеку, спросил:

— А теперь скажите, сударь, что вас ко мне привело?

— Желание увидеться с Малышом Пьером и оказать ему услугу.

— Простите, но так к нему не приходят. Вы — один из наших; я знаю, что могу вам доверять; но вы должны понять, что, если в дом, до сих пор, к счастью, ничем не выделявшийся среди других, будут наведываться частые гости, полиция почует неладное. Поделитесь со мной вашими планами, а я сообщу ответ, только вам придется немного подождать.

И Мишелю ничего не оставалось, как рассказать о том, что произошло между ним и его матерью, как она, узнав о смертном приговоре, который ему был вынесен, нашла и зафрахтовала судно, чтобы он мог бежать, и как ему пришла мысль использовать это судно для спасения Малыша Пьера.

Мужчина в домашнем халате выслушал его рассказ с большим вниманием. Когда молодой человек закончил, он сказал:

— По правде говоря, вас посылает само Провидение! Какие бы меры предосторожности мы ни предпринимали — и вы сами могли в этом убедиться, — рано или поздно дом, где скрывается Малыш Пьер, попадет в поле зрения полиции; ради спасения общего дела в наших интересах, да и для блага самого Малыша Пьера ему лучше всего сейчас уехать, тем более что не надо искать готовый к отплытию корабль; я сейчас же пойду к нему за указаниями на сей счет.

— Мне вас сопровождать? — спросил Мишель.

— Нет, ваша крестьянская одежда привлечет внимание сыщиков, которых вокруг видимо-невидимо. В какой гостинице вы остановились?

— На постоялом дворе «Рассвет».

— У Жозефа Пико. Тогда вам нечего бояться.

— А! — заметил Мишель. — Я так и знал, что уже видел его; только я считал, что он проживает где-то между Булонью и Машкульским лесом...

— А вы не ошиблись: он оказался работником трактира поневоле. Возвращайтесь обратно и подождите меня. Часа через два я приду один или с Малышом Пьером: один, если Малыш Пьер откажется принять ваше предложение, с ним, если он согласится.

— А вы уверены в Пико? — спросил Мишель.

— О! Как в вас! Напротив, если и можно его в чем-то упрекнуть, так это в излишней горячности. Помните, как в те дни, когда Малышу Пьеру пришлось кочевать по Вандее, более шестисот крестьян знали, где он находился, и ни одному из них не пришло в голову разбогатеть за счет предательства, что еще больше добавляет славы этим беднякам. Предупредите Жозефа, что к вам должны прийти, и попросите понаблюдать за улицей. Когда вы скажете: «Улица Шато, дом номер 3», — вы

увидите, что он, как и все, кто находится на постоялом дворе, будет вам беспрекословно подчиняться.

— Что вы еще посоветуете мне?

— Возможно, что в целях конспирации необходимо, чтобы люди, сопровождающие Малыша Пьера, вышли поодиночке из дома, где он скрывается, и также поодиночке пришли к постоялому двору. Пусть вам приготовят комнату с окном, выходящим на набережную. Не зажигайте свет, оставьте окно открытым.

— Вы ничего не упустили?

— Нет... Прощайте, или, вернее, до свидания! И если мы доберемся целыми и невредимыми до вашего судна, вы окажете нашему движению неоценимую услугу. Что до меня, то я пребываю в постоянном страхе: говорят, что за предательство предлагаются огромные деньги,— и я боюсь, как бы кто-нибудь не польстился и не выдал нас.

Мишеля проводили к выходу, однако вместо того, чтобы выпустить через дверь, в какую он вошел, его провели через запасной выход на другую улицу.

Он быстрым шагом дошел до набережной; в «Рассвете» Жозеф Пико как раз давал указания мальчику, чтобы тот отвел лошадь Куртена, как и распорядился Мишель.

Зайдя на конюшню, молодой барон подал знак Жозефу, который тотчас понял, что Мишель хотел от него. Пико отослал мальчишку, отложив поручение до утра.

— Вы сказали, что знаете меня,— сказал Мишель, как только они остались одни.

— И очень даже хорошо, господин де ла Ложери, раз я назвал ваше имя.

— Ладно, но я хочу тебе сказать, что и мне тоже известно, кто ты: тебя зовут Жозеф Пико.

— Не стану с вами спорить,— ответил крестьянин как всегда с вызывающим видом.

— Жозеф, тебе можно доверять?

— В зависимости от того, кто меня об этом спрашивает: синим и красным — нет, белым — да.

— Так ты, значит, белый?

Пико пожал плечами.

— Был бы я здесь, если меня приговорили к смерти точно так же, как и вас? Вот так, мне оказали великую

честь и приговорили заочно. О! Перед законом мы с вами и впрямь равны.

— Ладно! А что ты здесь делаешь?

— Помогаю на конюшне, и ничего больше.

— Проводи меня к хозяину постоянного двора.

Пико пришлось разбудить трактирщика, который уже улегся спать.

Хозяин постоянного двора встретил Мишеля с некоторым недоверием; и тогда молодой человек, рассудив, что ему нельзя понапрасну терять время, решил сразу же провести разведку боем и выпалил заветные слова:

— Улица Шато, дом номер 3.

Едва он произнес пароль, как хозяина словно подменили, и от его недоверия не осталось и следа; с этого момента он и его дом были в полном распоряжении Мишеля.

Теперь уже молодой барон задавал вопросы.

— У вас есть постояльцы? — спросил он.

— Всего один, — ответил трактирщик.

— И кто же?

— Хуже не бывает! Как раз тот, кого надо больше всего опасаться.

— Так вы его знаете?

— Это мэтр Куртен, мэр Ложери, настоящий мерзавец!

— Куртен! — воскликнул Мишель. — Куртен здесь! Вы в этом уверены?

— Я с ним не знаком, но меня предупредил Пико.

— И давно он приехал?

— Всего четверть часа назад.

— А где он?

— Сейчас в городе. Он слегка перекусил, а затем куда-то спешно отправился, предупредив, что вернется поздно, часа в два ночи; по его словам, у него дела в Нанте.

— Ему известно, что вы его знаете?

— Не думаю, если только он не узнал Жозефа так же, как тот признал его. Однако не думаю: он находился на свету, в то время как Пико находился в темном помещении.

Мишель задумался.

— Не думаю, что мэтр Куртен так плох, как вы предполагаете; будь по-вашему, отнесемся к нему с недо-

рием и постараемся, чтобы он не узнал, что я остановился здесь.

Пико, до сих пор стоявший у двери, подошел к ним и воскликнул, вмешавшись в разговор:

— О! Вам будет достаточно только предупредить меня, если он начнет вам мешать, и я позабочусь о том, чтобы он ни о чем не догадался, а если и знает что-то, то я сделаю так, чтобы он никому не проговорился; я уже давно точу на него зуб, и мне недоставало предлога, чтобы...

— Нет, нет! — живо откликнулся Мишель. — Куртен — мой арендатор, и я слишком многим ему обязан, чтобы допустить, чтобы с ним случилась беда; впрочем, — поспешил добавить он, заметив, что Пико нахмурил брови, — он вовсе не такой плохой человек, как вы думаете.

Жозеф качнул головой, однако Мишель ничего не заметил.

— Не беспокойтесь, — сказал хозяин, — я прослежу за ним, когда он вернется.

— Хорошо! А ты, Жозеф, садись на лошадь, на которой я приехал; лучше будет, если мэтр Куртен не увидит ее на конюшне, а то не ровен час он узнает ее: ведь это его кляча.

— Будет сделано!

— Ты хорошо знаешь реку?

— Левый берег, как свои пять пальцев, но что касается правого берега, могу заблудиться.

— Отлично, у меня будет для тебя дело на левом берегу.

— Тогда говорите.

— Ты отправишься в Куэрон; на рейде второго острова между островами двух потерпевших кораблекрушение кораблей ты увидишь морское судно под названием «Молодой Карл». Хотя судно стоит на якоре, оно будет под парусами, и ты его сразу увидишь.

— Будьте спокойны.

— Ты возьмешь лодку и поплывешь к нему; тебе крикнут: «Кто идет?» Ты ответишь: «Белиль в открытом море». И тогда тебя возьмут на борт; передай капитану вот этот платок в таком виде, как он есть, то есть с тремя завязанными уголками, и скажи ему, чтобы он приготовился выйти в море к часу ночи.

— И это все?

— О! Боже мой, да... то есть нет, не все; Пико, я тобой доволен, и ты получишь еще пять золотых в добавок к той монете, что уже получил сегодня.

— Ладно,— сказал Жозеф Пико,— я нахожу удовольствие в том, чем занимаюсь здесь, и только виселица, которая мне угрожает, портит настроение; а если бы время от времени мне удавалось пристрелить пару синих или же, например, отомстить Куртену, я бы не завидовал мэтру Жаку и лесным братьям... А что потом?

— Как что потом?

— Да, после того, как выполню ваше поручение?

— Ты спрячешься на берегу и подождешь нас; мы тебе свистнем. Если все будет в порядке, ты подойдешь к нам, предварительно подав сигнал, подражая кукушке; и, наоборот, если заподозришь неладное, дай нам знать, крикнув совой.

— Черт возьми! — произнес Жозеф.— Господин де ла Ложери, сразу видно, что вы прошли хорошую школу. Ваш план, как мне кажется, хорошо задуман. Честное слово, жаль, что вы не можете мне дать более приличную лошадь: ваше поручение было бы тогда исполнено быстро и в лучшем виде.

Жозеф Пико вышел, чтобы немедленно отправиться в путь.

Тем временем хозяин постоялого двора проводил Мишеля на второй этаж в довольно бедно обставленную комнату, смежную со столовой, с двумя окнами, выходившими на дорогу; а сам стал поджидать Куртена.

Как было условлено с господином в домашнем халате, Мишель открыл одно из окон, затем устроился на табурете так, чтобы его голова не была видна с дороги, на которую он устремил свой взгляд.

XIV

В КОТОРОЙ ЛЮБОВНЫЕ ДЕЛА МИШЕЛЯ ВРОДЕ БЫ ПОШЛИ НА ЛАД

Несмотря на внешнее спокойствие, Мишель был охвачен сильнейшим волнением; от одной только мысли, что он скоро увидит Мари, у него защемило в груди, а сердце начало так учащенно биться, что, казалось, толчками

гнало по венам кровь; его волнение достигло крайней точки. Он не мог себе представить, чем все это для него кончится; а так как твердость духа, столь несвойственная его характеру, проявленная по отношению к матери и Берте, уже дважды приносила ему успех, он решил продолжить ту же линию поведения и с Мари. Он понимал, что наступил критический момент и от его решения теперь зависело, быть ли ему счастливым или до конца дней влачить жалкое существование человека, так и не сумевшего добиться своего счастья.

Прошел уже час, как он с тревожным волнением провозжал взглядом каждого человека, направлявшегося в сторону постоялого двора, стараясь не упустить ни малейшего жеста, указывавшего на то, что он шел именно к двери гостиницы. И всякий раз, когда его надежды не сбывались, он чувствовал себя несчастным, минуты казались ему вечностью, и он не был уверен в том, что, когда Мари не в мечтах, а наяву предстанет перед ним, сердце не разорвется у него в груди.

Неожиданно он увидел человеческую тень, метнувшуюся вдоль стены со стороны улицы Шато, и торопливо на цыпочках бесшумно продвигавшуюся вперед; по одежде он признал в ней женщину, но этой женщиной не могли быть ни Малыш Пьер, ни Мари: маловероятно, чтобы та или другая вышли на улицу без сопровождения.

Между тем барону показалось, что приближавшаяся женщина подняла голову, чтобы рассмотреть дом, затем он увидел, что она остановилась перед дверью постоялого двора. Затем ему послышался стук.

Одного прыжка было достаточно Мишелю, чтобы окатиться на лестнице. Спустившись бегом вниз, он открыл дверь. На пороге перед ним стояла Мари, закутанная в шаль.

Молодые люди сумели только выдохнуть имена друг друга. Затем, схватив девушку за руку, Мишель увлек ее за собой в темноту дома и провел в комнату на втором этаже.

Едва они вошли, он воскликнул, падая перед ней на колени:

— О, Мари! Наконец-то вы пришли! Мне кажется, что я вижу сон. Столько раз мне снился этот благословен-

ный миг, столько раз воображение рисовало мне эту сладостную картину, что мне сегодня до сих пор не верится, что это не игра моей бурной фантазии. Мари, мой ангел, жизнь моя, позволь, любовь моя, прижать тебя к моему сердцу.

— О, Мишель! Друг мой,— произнесла Мари со вздохом, будучи не в силах справиться с охватившим ее волнением,— я безмерно рада вновь увидеть вас. Но скажите, мое бедное дитя, вы были ранены?

— Да, но не рана причиняла мне неопишуемые страдания; я мучился от разлуки с той, кого люблю больше жизни... О! Верь мне, Мари: я призывал к себе смерть, как избавление, но она была глуха к моим мольбам.

— Мой друг, как вы можете об этом спокойно говорить? Как вы могли забыть все, что сделала для вас бедная Берта? Когда мы узнали обо всем, я еще больше восхитилась моей сестрой и еще сильнее полюбила ее за самоотверженную преданность, подтверждение которой вы могли каждый день ощущать на себе.

При упоминании имени Берты Мишель, теперь решительно отказывавшийся подчиняться воле Мари, поднялся с колен и стал мерить шагами комнату, что свидетельствовало о крайней степени волнения.

Догадавшись, что происходило в душе молодого человека, Мари решила уговорить его в последний раз.

— Мишель,— обратилась к барону девушка,— заклинаю вас всеми слезами, пролитыми мною, когда я молилась Богу о вашем спасении, видеть во мне только сестру! Не забывайте, что скоро вы станете моим братом.

— Мари, я стану вашим братом? — покачав головой, произнес молодой человек.— О! Мое решение окончательное и бесповоротное: клянусь, этому никогда не быть!

— Мишель, неужели вы забыли, что дали мне другую клятву?

— Я вовсе не давал клятвы! Да! Самым жестоким образом вы вырвали ее у меня; воспользовавшись моим добрым отношением к вам, вы потребовали, чтобы я отказался от вас! Но все мое существо взбунтовалось против

этой клятвы, и я дал зарок, что никогда не выполню ее. И вот, Мари, я стою перед вами и говорю: прошло уже два месяца, как мы расстались, и на протяжении этих долгих месяцев я думал только о вас! И даже в тот день, когда я едва не был погребен под развалинами горящего замка Пенисьер, я думал только о вас! И даже когда я едва не погиб... от той пули, что угодила мне в плечо, если бы она летела немного ниже или чуть-чуть правее, то попала бы прямо в сердце... и в ту секунду я тоже подумал о вас! Когда я умирал от голода, жажды, слабости и усталости, я думал только о вас! Мари, моей настоящей сестрой является Берта. А вы моя единственная возлюбленная, моя обожаемая невеста; Мари, вы станете моей женой.

— О! Боже мой! Мишель, что вы такое мне говорите? Вы сошли с ума!

— Да, Мари, однажды на меня уже находило затмение, когда я подумал, что смогу повиноваться вашей воле; однако разлука, боль и отчаяние сделали меня другим человеком. У вас в руках уже не тонкая тростинка, которой вы могли вертеть, как только вам заблагорассудится. Мари, знайте, что бы вы ни сказали и ни сделали, вы будете моей! Потому что я люблю вас, потому что вы любите меня, потому что я не хочу больше обманывать ни себя, ни Бога.

— Мишель, вы забываете,— ответила Мари,— что я, не в пример вам, никогда не отступаю от принятых решений; раз я дала клятву, я выполню ее.

— Пусть будет по-вашему, но тогда я навсегда расстанусь с Бертой; она никогда больше не увидит меня.

— Друг мой...

— Мари, вы только подумайте, для чего, по-вашему, я нахожусь здесь?

— Мой друг, вы здесь, чтобы спасти принцессу, которой мы все преданы телом и душой.

— Мари, я здесь потому, что хотел увидеться с вами. И не приписывайте мне большего, чем я заслуживаю. Я предан только вам, и никому другому. Что навело меня на мысль спасти Малыша Пьера? Моя любовь! Пришло бы это мне в голову, если бы я не горел желанием увидеть вас? Не надо делать из меня героя или полубо-

га; я всего-навсего страстно влюбленный мужчина, который ради вас рискует своей головой. Без вас мне и дела бы не было до всех династических разборок. Какое я отношение имею к Бурбонам старшей ветви или к отпрыскам младшей линии? Ведь у меня с прошлым ничего не связано. Мои политические взгляды — это вы, моя вера — тоже вы. Если бы вы были сторонницей Луи-Филиппа, я был бы на его стороне, раз вы за Генриха V, то и я за него. Если вы попросите мою жизнь, я скажу: «Она ваша», — но не заставляйте меня больше терпеть столь невыносимую ситуацию.

— Что же вы в таком случае предполагаете делать?

— Сказать Берте правду.

— Правду? О! Вы не посмеете!

— Мари, я вам запрещаю...

— Нет, нет!

— О! Выслушайте меня, Мари. Видите ли, с каждым днем я все больше и больше вырастаю из коротких штанов, в которых провел все отрочество. И, поверьте мне, между тем подростком, которого вы встретили однажды на дороге, плачущим от боли и дрожавшим от страха при одном лишь упоминании материнского имени, и мною, каким я стал теперь, нет ничего общего... И нынешней твердостью духа я обязан своей любви. Теперь я могу выдержать взгляд, долгие годы заставлявший меня с трепетом падать на колени. Я все рассказал матери, и она мне ответила: «Теперь я вижу перед собой не мальчика, а мужчину; поступай, как хочешь!» И вот мое решение: я отдаю вам себя без остатка. Однако мне хочется, чтобы и вы поступили так же, как и я. Вы только представьте, в какую безумную борьбу вы вовлекли меня, жениха Берты! Предположим на секунду, что это именно так. И вам бы не приснилось даже в кошмарном сне, какие муки выпали на долю столь несчастного существа, каким был я. Еще маленьким я слышал легенду о печально известном Каррье, который казнил одного республиканца, приказав привязать его живым к трупу и сбросить в Луару. Вот чем бы обернулся для меня брак с Бертой. А вы, Мари, видя наши муки, стали бы от этого счастливее? Ответьте! Нет. И тогда я решил: или я никогда не увижу Берту, или при первой же встрече я постараюсь объяснить ей, к чему привела моя проклятая застенчивость, как она ввела в заблуждение Малыша Пьера, как мне

не хватило смелости сказать ему всю правду, пока еще было время... Наконец... наконец... я ей признаюсь, что она мне безразлична и что я люблю вас, Мари.

— Боже мой! — воскликнула Мари.— Но известно ли вам, Мишель, что, если вы так поступите, Берта умрет от горя?

— Нет, Берта не умрет,— прозвучал позади них голос Малыша Пьера. Они и не услышали, как он поднялся по лестнице

Вскрикнув от неожиданности, молодые люди обернулись.

— Такая благородная и смелая девушка, как Берта,— продолжил Малыш Пьер,— поймет все, что ей скажет барон де ла Ложери, и сумеет пожертвовать своим счастьем ради будущего сестры. Но вы будете освобождены от столь тяжелого объяснения; я совершил ошибку, и мне ее исправлять; тем не менее, господин Мишель,— добавил с улыбкой Малыш Пьер,— прошу вас на будущее: когда вы захотите со мной пооткровенничать, выражайте яснее ваши мысли.

Когда молодые люди услышали голос Малыша Пьера и вскрикнули от неожиданности, их первым движением было разбежаться в разные стороны.

Однако Малыш Пьер соединил их руки.

— Любите друг друга без тени упрека,— произнес он,— вы оба проявили слишком большое великодушие по сравнению с тем, что можно ожидать от нашего бедного человеческого рода; любите друг друга безоглядно, ибо счастливы только те люди, которые видят в любви предел своих мечтаний.

Мари опустила ресницы, однако это не помешало ей ответить Мишелю на пожатие руки.

Молодой человек упал на одно колено перед невысокой крестьянкой.

— Я жажду,— произнес он,— отдать счастье, которое, по вашим словам, меня ждет впереди, чтобы не жалеть о том, что не отдал за вас жизнь.

— Что вы такое говорите? Зачем отдавать жизнь? Увы! Теперь я знаю, что нет ничего более бесполезного и ненужного, чем смерть! Вспомните бедного Бонвиля! Кому пошла на пользу его смерть? Нет, господин де ла Ложери, надо жить для тех, кто вас любит; и раз я ока-

зался среди вас, позвольте мне вам пожелать: живите для Мари, а она — я могу за нее ответить — пусть живет для вас.

— Ах, Мадам,— воскликнул Мишель,— если бы все французы могли видеть вас, как я сейчас, если бы они узнали, какая вы есть на самом деле..

— Да, тогда у меня были бы шансы в один прекрасный день взять реванш, особенно если они были бы еще к тому же и влюблены, как вы. Но сейчас речь идет о другом. Прежде чем думать о новом наступлении, лучше обсудим, как уйти. Для начала посмотрите, пришли ли наши друзья. Я вас должен упрекнуть, мой храбрый часовой: ваше внимание было настолько занято мадемуазель Мари, что я мог бы до утра ожидать на улице условного сигнала. Мне повезло, что ваши голоса были слышны с улицы; к счастью, вы весьма кстати оставили открытой входную дверь, и войти к вам было так же легко, как и на постоянный двор.

Пока Малыш Пьер, улыбаясь, все это выговаривал Мишелю, подошли еще двое, кто должен был сопровождать Малыша Пьера; после короткого совещания они согласились с тем, что их было слишком много и они могли привлечь к себе внимание. И им пришлось остаться.

Так Малыш Пьер, Мишель и Мари вышли без провожатых.

Набережная казалась пустынной. На мосту Руссо не было видно ни одной живой души. Мишель освещал дорогу.

Мост они преодолели без приключений.

Мишель вышел на берег; Мари и Малыш Пьер, держась рядом, следовали за ним.

Ночь была ясная, настолько ясная, что беглецы не осмелились идти по открытой местности.

Мишель предложил свернуть на дорогу Пелерен, пролежавшую параллельно реке среди деревьев. Его предложение было принято, и они пошли по дороге, соблюдая тот же порядок, что и раньше.

Время от времени перед ними широкой серебристой лентой представала река с разбросанными то тут, то там поросшими лесом островками, видневшимися темными

пятнами на светлом фоне реки и уходившими кронами деревьев в небо.

При всех своих недостатках лунный свет имел и свои преимущества. Мишель, который выполнял роль проводника, был по крайней мере уверен, что не сбился с дороги и мог еще издали увидеть корабль.

Когда они прошли, или, вернее, обогнули, поселок Пелерен, молодой барон оставил Малыша Пьера и Мари около реки, а сам, подойдя к самому берегу, свистнул, подавая сигнал Жозефу Пико.

Жозеф не ответил. Мишель, который до сих пор не мог унять свое волнение, начал успокаиваться. Не услышав ответа, он уже не сомневался в том, что шуан вот-вот появится.

Мишель ждал минут пять; вокруг стояла не нарушаемая ничем тишина.

Ему пришлось подать сигнал во второй раз, но теперь его свист был более протяжным и резким.

Никто не ответил, никто не пришел.

Подумав, что, возможно, ошибся и вышел не на то место, Мишель побежал вдоль берега.

Через двести шагов он увидел, что остров Куэрон и деревня с тем же названием остались позади.

Впереди не было ни единого островка, за которым могло бы укрыться судно.

Теперь Мишель знал, что ему следовало ожидать в том месте, где он остановился поначалу, между деревнями Куэрон и Пелерен; и судно должно было стоять на якоре как раз позади острова, мимо которого он пробежал. Отсутствие Жозефа Пико Мишель не мог объяснить ничем, кроме как несчастным случаем или предательством.

Ему с самого начала не понравилась физиономия шуана, и, по его мнению, огромные деньги, обещанные за выдачу Малыша Пьера, могли его прельстить. Мишель поделился своими опасениями со своими спутниками, которые подошли к нему.

Однако Малыш Пьер недоверчиво покачал головой.

— Не думаю,— сказал он,— если бы этот человек нас выдал, мы уже давно были бы арестованы; впрочем, это не объясняет отсутствие корабля.

— Вы правы: я не вижу лодки, которую должен был выслать капитан.

— Возможно, еще не время.

Не успел он произнести эти слова, как словно в ответ раздались два удара колокола в деревне Пелерен.

— Вот слышите,— сказал Мишель,— пробило два часа.

— А время встречи было согласовано с капитаном?

— Сделав приблизительные расчеты, моя мать просила его быть на месте встречи в пять часов.

— Возможно, он не рассчитывал, что мы явимся на три часа раньше, и потому нас не ожидает.

— Что же нам делать? — спросил Мишель.— Я несу слишком большую ответственность, чтобы брать инициативу на себя.

— Надо взять лодку,— ответил Малыш Пьер,— и попытаться найти корабль. Возможно, капитан, зная, что нам известно место стоянки корабля, решил, что мы доберемся до него самостоятельно.

Мишель сделал сотню шагов в сторону деревеньки Пелерен, когда заметил причаленную к берегу лодку. На ее дне лежали еще не высохшие весла, что говорило о том, что лодкой пользовались совсем недавно.

Вернувшись к своим спутникам, он предложил переждать в укромном месте, пока он будет искать корабль.

— Вы хотя бы умеете управлять лодкой? — спросил Малыш Пьер.

— Признаюсь,— ответил Мишель, покраснев, словно говорил о своей оплошности,— что я не очень-то силен по этой части.

— В таком случае,— предложил Малыш Пьер,— мы поплывем вместе с вами, и я буду вашим лоцманом; раньше мне не раз приходилось это делать ради забавы в бухте Неаполя.

— А я,— сказала Мари,— помогу ему грести, мы с сестрой часто переплывали озеро Гран-Лье.

И они забрались в лодку втроем; когда они уже были на середине Луары, сидевший на корме и следивший за течением реки Малыш Пьер крикнул, наклонившись вперед:

— Вот он! Вот он!

— Кто? Что? — спросили в один голос Мари и Мишель.

— Корабль! Корабль! Посмотрите, вот там, там!

И Малыш Пьер указал рукой вниз по течению реки в направлении Пембефа.

— Нет,— сказал Мишель,— не может быть, чтобы это был он.

— Почему?

— Потому что он удаляется от нас, вместо того чтобы плыть нам навстречу.

В этот момент они поравнялись с мысом островка. Мишель прыгнул на землю, помог своим спутникам вылезти из лодки и, не теряя ни минуты, побежал.

— Вот где наш корабль! — крикнул он на ходу Малышу Пьеру и Мари.— Скорее в лодку! И наляжем на весла!

Все трое снова бросились к лодке. Мари и Мишель сели за весла, в то время как Малыш Пьер устроился у руля. Они гребли изо всех сил.

Плывя по течению, лодка быстро нагоняла шхуну; и нагнала бы, если бы шхуна плыла с той же скоростью, что и раньше.

Вдруг неожиданно веревки и мачта, четко вырисовывавшиеся на фоне светлого неба, скрылись за черным квадратом раскрывшегося паруса.

И тут же над ним развернулся второй кусок полотна — марсель.

Затем пришел черед расправиться бизани.

Воспользовавшись попутным ветром, «Молодой Карл» снялся с якоря и поднял все паруса.

Мишель принял весла из слабых рук Мари; он склонился над ними словно каторжник на галерах; его отчаянию не было предела, ибо ему хватило секунды, чтобы понять, какая незавидная судьба ждала их после отхода шхуны.

Он хотел крикнуть, позвать, поднять весло, однако Малыш Пьер из предосторожности приказал ему ничего не делать.

— Ба! — воскликнул Малыш Пьер, который, невзирая на все превратности судьбы, никогда не терял присутствие духа.— Смотрите, Провидение не желает, чтобы я покинул благословенную землю Франции.

— Ах! — воскликнул Мишель.— Лишь бы речь шла только о Провидении!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Малыш Пьер.

— Боюсь, что под этим кроется какая-то жуткая интрига!

— Ну, будет вам, мой бедный друг; возможно, виной всему простая случайность. Они просто ошиблись во времени встречи; к тому же кто мог поручиться, что нам удалось бы проскочить мимо кораблей, которые сторожат вход в устье Луары?

Однако Малышу Пьеру не удалось убедить Мишеля; ему хотелось броситься в Луару, чтобы вплавь нагнать шхуну, которая постепенно исчезала в утреннем тумане; и Малышу Пьеру понадобилось немало усилий, чтобы хотя немного успокоить молодого человека.

Возможно, ему не удалось бы уговорить его, если бы не вмешательство Мари.

Отчаявшись, Мишель опустил весла.

В этот момент в Куэроне часы пробили три раза, через час должен был наступить рассвет.

Нельзя было терять ни минуты: Мишель и Мари налегли на весла. Доплыв до берега, они оставили лодку на том же месте, где взяли ее.

Приняв решение вернуться в Нант, они должны были поспешить войти в город до того, как рассветет.

На обратном пути Мушель хлопнул себя по лбу.

— Ох! — воскликнул он. — Какой же я дурак!

— Почему? — спросила герцогиня.

— Надо было возвращаться в Нант другой дорогой.

— Ба! Все дороги хороши, если соблюдать меры предосторожности. А что мы сделали бы с лодкой?

— Мы бы ее оставили на другом берегу.

— А несчастные рыбаки, кому она принадлежит, искали бы ее целый день! Будет! Не хватало еще, чтобы мы отняли кусок хлеба у бедняков, которые и без того недоедают.

Они подошли к мосту Руссо. Малыш Пьер настаивал, чтобы Мишель отпустил его одного в город вместе с Мари, но Мишель и слышать этого не хотел; возможно, ему хотелось побыть рядом с Мари, — девушка, хотя и немного успокоилась после слов Малыша Пьера, но все же время от времени вздыхала, но эти вздохи отнюдь не ме-

шали ей вести разговор с пылким влюбленным,— возможно, он чувствовал себя слишком счастливым рядом с Мари, чтобы решиться так быстро расстаться с ней.

Единственное, на что его смогли уговорить, так это на то, чтобы он пошел не впереди или рядом с ними, а немного позади.

Перейдя площадь Буффэ, они не успели повернуть на улицу Святого Спасителя, как Мишелю послышались чьи-то шаги. Резко обернувшись, он увидел в ста шагах от себя в тусклом свете уличного фонаря человека, который поспешно нырнул в подворотню.

Первым желанием Мишеля было броситься за ним. Однако он тут же сообразил, что Малыш Пьер с Мари за это время уйдут далеко вперед и он не сможет их догнать.

Поэтому, побежав вперед, он нагнал их.

— За нами следят,— сообщил он Малышу Пьеру.

— Ну и пусть,— ответил тот с присущей ему невозмутимостью,— мы умеем уходить от преследования.

Малыш Пьер увлек Мишеля за собой в переулок, и, не пройдя и сотни шагов, они вышли к началу уже известной Мишелю улицы, и он узнал дверь, которую ему указал нищий, прицепив к ней веточку остролиста.

Малыш Пьер, взяв в руки молоток, стукнул три раза с неодинаковыми интервалами.

Дверь, словно по волшебству, отворилась. Мари и следом за ней Малыш Пьер вошли во двор.

— Хорошо,— сказал Мишель,— теперь я посмотрю, следит ли еще за нами тот человек.

— Ни в коем случае! Вас приговорили к смертной казни,— воскликнул Малыш Пьер,— я помню, если вы об этом уже забыли; мы вместе подвергаемся опасности и потому должны соблюдать одни и те же меры предосторожности. Входите поскорее!

Тем временем на крыльце появился тот же человек, которого застал Мишель накануне вечером за чтением газеты; он был в том же домашнем халате, что накануне, и выглядел так, как будто его только что разбудили.

Узнав Малыша Пьера, он поднял руки к небу.

— Будет, будет,— сказал Малыш Пьер,— у нас не осталось времени, чтобы сетовать на судьбу. Все пропало: нас выследили. Дорогой Паскаль, впустите нас.

Мужчина указал на полуоткрытую дверь позади него.

— Нет, не в дом, а в сад,— сказал Малыш Пьер,— очевидно, не пройдет и десяти минут, как дом будет окружен. Скорее в укрытие! В укрытие!

— В таком случае следуйте за мной.

— Мы идем за вами, мой бедный Паскаль. Сожалею, что пришлось вас побеспокоить в столь ранний час, но больше всего мне жаль, что вам, по всей вероятности, придется переехать, если не хотите, чтобы вас арестовали.

Дверь в сад была открыта.

Однако, прежде чем выйти из сада, Мишель протянул руку к Мари.

Заметив жест молодого человека, Малыш Пьер подтолкнул девушку к Мишелю.

— Ну, поцелуйте же его,— сказал он,— хотя бы позвольте ему поцеловать вас. При мне можно: я вам здесь вместо матери,— и потом я считаю, что бедное дитя заслужило поцелуй. Вот и хорошо! А теперь наши дороги расходятся: вы отправитесь в одну сторону, мы в другую. Однако будьте уверены, что я не позабуду ваши проблемы.

— Но смогу ли я с ней увидеться? — спросил робко Мишель.

— Я знаю, что это очень опасно,— ответил Малыш Пьер.— Но говорят, что у влюбленных и пьяниц есть свой Бог, который их охраняет; так вот я верю в этого Бога и разрешаю вам нанести один визит на улицу Шато, дом номер 3, но не больше, ибо в любом случае я верну вам вашу подругу.

И с этими словами Малыш Пьер протянул Мишелю руку, которую молодой человек почтительно поцеловал. Затем Малыш Пьер и Мари поднялись в старый город, в то время как Мишель пошел вниз по направлению к мосту Руссо.

В тот несчастный для него день, когда баронесса де ла Ложери задержала его у себя на целый вечер, мэтр Куртен весь извелся от переживаний.

Прижавшись ухом к двери, он подслушал разговор матери с сыном от начала до конца и, следовательно, узнал о шхуне. С отъездом Мишеля рушились все вынашиваемые им с такой любовью планы; несмотря на высокую честь, которую ему оказала баронесса, Куртен только и думал о том, как бы отделаться от нее и вернуться на ферму, так как рассчитывал, что воспоминаниями о Мари если не сорвет, то по крайней мере задержит молодого хозяина; не следует забывать, что с отъездом молодого хозяина он терял ниточку, которая, по его расчетам, должна была привести его в таинственный лабиринт, где скрывался Малыш Пьер. Однако, на его беду, баронесса де ла Ложери вернулась в замок совсем в другом настроении. Взяв с собой в замок Куртена, баронесса рассчитывала таким образом скрыть от него отъезд сына, избавив Мишеля от лишних вопросов и слежки арендатора; однако, обнаружив, что дом, в котором уже несколько недель квартировали солдаты, был в чудовищном беспорядке и почти полностью разорен, что в ее глазах граничило с катастрофой, она почти забыла о том, что мэтр Ложери не внушал ей большого доверия, и не отпустила его от себя, чтобы было кому поплакаться в жилетку.

И если бы не отчаянный и вполне праведный гнев баронессы, который она выражала с присущей ей эмоциональностью, Куртен нашел бы какой-нибудь благовидный предлог, чтобы распрощаться с хозяйкой Ложери и поскорее вернуться на ферму.

Он был достаточно хитер, чтобы не догадаться о том, что баронесса взяла его с собой в замок, дабы подальше увести от сына; однако ее горе при виде разбитых тарелок, испорченных зеркал, выпачканных маслом ковров и разрисованных непристойными рисунками стен гостиной, превращенной в караулку, был настолько искренним, что Куртен уже начал сомневаться в своем первоначальном мнении и уже подумывал о том, что раз его молодого хозяина не настроили против него, то ему не соста-

вит особого труда с ним переговорить до того, как тот отправится на корабль.

Было уже девять часов вечера, когда баронесса, уронив последнюю слезу по поводу разорения усадьбы Ложери, села в карету, как тут же мэтр Куртен, едва успев приказать вознице ехать в Париж и не слушая последних указаний своей хозяйки, которые она отдавала через окно в дверце, бросился со всех ног в сторону фермы.

Там он уже никого не застал; от служанки Куртен узнал, что господин Мишель и мадемуазель Берта вот уже два часа, как отправились в Нант.

Арендатор, решив первым делом их нагнать, бросился на конюшню седлать свою лошаденку, но ее и след простыл! В спешке он не расспросил служанку, на чем уехал молодой господин.

Вспомнив, как медленно плелась его кляча, мэтр Куртен немного успокоился; тем не менее зашел в дом на несколько минут, чтобы взять деньги и на всякий случай документ, подтверждавший, что он являлся мэром; затем отважно пустился пешком по следам человека, которого считал не просто беглецом, а почти разбойником, обобравшим его на добрую сотню тысяч франков, которые он, заработав на возлюбленном Волчиц, уже давно мысленно положил себе в карман.

Итак, мэтр Куртен бежал, словно человек, увидевший, что его банкноты уносит порыв ветра, то есть он мчался почти со скоростью ветра; однако это не мешало ему расспрашивать по дороге всех, кто попадался ему навстречу.

Во все времена основным занятием мэра Ложери был сбор информации; и понятно, что он никогда не лишал себя удовольствия задавать вопросы.

В Сен-Фильбер-де-Гран-Лье ему рассказали, что около половины восьмого вечера видели его лошаденку. Он спросил, кто был седоком; но его любопытство не было удовлетворено, поскольку все внимание трактирщика, к которому обратился мэтр Куртен, было обращено на лошадь, не желавшую подчиняться всаднику и упрямо отказывавшуюся перепрыгнуть через ветку остролиста в том месте, где мэтр Куртен по дороге в Нант имел привычку давать ей что-нибудь пожевать.

Немного погодя арендатору улыбнулась удача: ему обрисовали точный портрет всадника, и теперь у него не оставалось сомнений в том, что речь шла о молодом бароне, несмотря на то, что — как его уверяли — всадника никто не сопровождал.

Мэр Ложери, будучи человеком осторожным, рассудил, что молодые люди поехали поврозь, чтобы не привлекать к себе внимания, но потом обязательно встретятся вновь. И раз дороги молодых людей разошлись, это означало, что фортуна повернулась к нему лицом; а если ему удастся напасть на след Мишеля в Нанте, его усилия будут вознаграждены.

Уверенный в том, что молодой человек не свернул с дороги и уже добрался или доберется до Нанта, Куртен, дойдя до «Рассвета», даже не стал спрашивать хозяина постоянного двора, ибо не думал, что хозяин сообщит ему что-то новое; перекусив наспех куском хлеба, он направился не в город, где ему было бы невозможно отыскать Мишеля, а к мосту Руссо, перейдя через который он свернул к деревне Пелерен.

У мэтра Куртена был свой план действий.

Мы уже упоминали о том, что все его надежды были связаны с Мишелем.

Влюбленный в Мари молодой человек рано или поздно должен был обратиться за помощью к Куртену; и Куртен узнал бы, где находилась возлюбленная барона, а так как она сопровождала Малыша Пьера, то Мишель, выдав секрет Мари, выдал бы Куртену и секрет герцогини.

Итак, если Мишель уедет, с ним улетучатся все надежды Куртена.

Поэтому необходимо было любой ценой задержать молодого человека.

Если Мишель не найдет в условленном месте шхуну «Молодой Карл», то вынужден будет остаться.

Что до баронессы де ла Ложери, то в этот момент она была на пути в Париж, и пройдет еще какое-то время, пока она узнает, что побег сына не состоялся, а когда ей станет об этом известно, она найдет другой способ вывезти его из Вандеи. И тогда — рассудил хитрый арендатор — у выздоровевшего Мишеля будет достаточно времени, чтобы привести его к вожделенной цели.

Между тем мэтр Куртен еще не придумал, как сможет добраться до капитана «Молодого Карла», чье имя он подслушал, когда баронесса говорила с сыном. Однако — и это делало его похожим на великих деятелей древности — мэтр Куртен полагался на судьбу.

И не зря.

Подойдя к Куэрону, он разглядел мачты шхуны среди верхушек тополей, которыми порос остров.

На самой высокой мачте трепетал на ветру брамсель.

Он не ошибся: перед ним было именно то судно, которое он искал.

В ночных сумерках, когда предметы уже начали в темноте терять свои очертания, мэтр Куртен, обратив взор на берег, заметил шагах в десяти от себя длинную камышовую удочку, склонившуюся к воде, к корме которой была привязана крученая шелковая нитка с подпрыгивавшей на волнах пробкой.

Складывалось впечатление, что удочка росла прямо из крутого берега; хотя никого не было видно вокруг, ее не могла не держать чья-то невидимая рука, которая, несомненно, принадлежала рыбаку.

Мэтр Куртен был не из тех людей, кто не проверял своих предположений.

Обойдя пригорок, он наткнулся на человека, который устроился под береговым откосом и смотрел, не отрываясь, на то, что выделявало с поплавком течение реки.

На мужчине были матросские штаны из сурового полотна и красная куртка, а на голове — нечто похожее на шотландскую шапочку.

Рыбак даже не поднял головы на шаги Куртена, хотя последний кашлянул, чтобы предупредить о своем приближении и дать понять, что не прочь поболтать.

Рыбак не только хранил упорное молчание, но даже не обернулся.

— Уже поздно рыбачить,— решил наконец заговорить мэтр Ложери.

— Видно, что вы ничего не смыслите в рыбалке,— ответил незнакомец, скорчив недовольную гримасу.— Напротив, я нахожу, что сейчас еще слишком рано; самая хорошая рыба клюет по ночам; именно ночью можно поймать что-нибудь стоящее, а не только плотву.

— Согласен, но скоро стемнеет настолько, что вы уже не увидите поплавок.

— Неважно! — ответил рыбак, пожимая плечами.— Вот где у меня глаза,— продолжал он, показывая свою ладонь.

— Если я правильно вас понял, вы на ощупь определяете, клюнула рыба на вашу приманку или нет,— сказал Куртен, присаживаясь рядом,— я люблю удить рыбу, и что бы вы обо мне ни думали, я кое-что понимаю в рыбной ловле.

— Вы? И ловите на удочку? — спросил с недоверчивым видом любитель рыбалки.

— Нет, в речках, которые протекают в Ложери, я рыбаку накидной сетью и сачком.

Куртен уточнил название местности, откуда он пришел, в надежде, что человек с удочкой, который был, по его предположению, моряком, посланным капитаном, чтобы препроводить Мишеля на борт шхуны, сразу все поймет.

Но рыбак даже ухом не повел.

Напротив.

— Ладно,— сказал он,— сколько бы вы ни хвалились своими талантами рыбака, я никогда этому не поверю.

— И почему же, скажите на милость? Уж не считаете ли вы, что, кроме вас, никто не умеет ловить рыбу?

— Мой дорогой господин, мне кажется, что вам не известен основной закон рыбака.

— Основной закон? А в чем он состоит? — спросил Куртен.

— А вот в чем: если вы хотите, чтобы рыба ловилась на крючок, то должны избегать четырех вещей.

— Каких?

— Ветра, собак, женщин и болтунов. Впрочем,— добавил философским тоном человек в красной куртке,— можно считать, что трех: ибо женщина и болтун — это одно и то же.

— Ба! Вы не посчитаете мою болтовню неуместной, если я предложу вам заработать экю.

— Если я вытащу удочку несколько раз, то заработаю не только экю, но еще получу огромное удовольствие.

— Тогда я предложу вам четыре, нет, пять франков,— продолжил Куртен,— и при этом вы еще окажете услугу ближнему; разве плохо?

— Посмотрим,— сказал рыбак,— а вы не обманываете? Что же вы от меня хотите? Выкладывайте!

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня до вашей шхуны «Молодой Карл», чьи мачты проглядывают сквозь деревья.

— «Молодой Карл»,— произнес с самым невинным видом матрос,— что это такое — «Молодой Карл»?

— А вот что,— ответил мэтр Куртен, показывая рыбаку полотняную шапочку, которую он поднял на берегу, на которой золотыми буквами было вытеснено «Молодой Карл».

— Ладно, друг, я согласен признать вас за рыбака,— сказал моряк,— ибо чтобы прочитать это в темноте, надо иметь зоркие глаза. Так что вам надо на «Молодом Карле»?

— А разве я не произнес только что слово, которое вас удивило?

— Любезный,— ответил рыбак,— я похож на породистого пса; никогда не огрызаюсь, когда на меня нападают. Выкладывайте все, что вы хотите сказать, и не обращайтесь внимания на то, что у меня под килем.

— Ладно, я арендатор баронессы де ла Ложери.

— И что же?

— Я прибыл по ее поручению,— произнес Куртен, чувствуя, что все больше обретает уверенность по мере того, как продолжает говорить неправду.

— И что же? — спросил моряк тем же тоном, но уже с заметным нетерпением.— Вы прибыли от баронессы де ла Ложери; что же вы хотите передать от ее имени?

— Я хочу вам передать, что дело, которое она задумала, раскрыто и провалилось, и вам нужно как можно скорее отсюда убраться.

— Черт возьми! — ответил рыбак.— Только ко мне это не имеет никакого отношения. Я всего лишь помощник капитана «Молодого Карла»; однако я могу выполнить вашу просьбу и отвести вас к капитану, которому вы расскажете все, что хотите.

И с этими словами помощник капитана шхуны «Мо-

лодой Карл» смотал, не торопясь, удочку и оттолкнул лодку от берега.

Затем, жестом предложив мэтру Куртену сесть на заднее сиденье, одним ударом весла по воде преодолел двадцать метров.

Не прошло и пяти минут, как они поравнялись с бортом стоявшей на рейде шхуны, выступавшей на дюжину футов над водой.

На шум весел с корабля кто-то свистнул; рыбак ответил таким же свистом; с носа свесилась чья-то голова, лодка причалила к правому борту, и прибывшим выбросили канат.

Человек в красной куртке забрался на палубу с кошачьей ловкостью; затем на борт подняли Куртена, который оказался менее привычным к подобным корабельным лестницам.

XVI

ДОПРОС И ОЧНАЯ СТАВКА

Когда мэр Ложери, к своей огромной радости, почувствовал под ногами палубу, то тут же перед ним выросла человеческая фигура, чье лицо он не мог разглядеть из-за толстого шерстяного шарфа, завязанного под воротником брезентовой куртки; однако, увидев, с каким почтением перед ним стоял навывтяжку юнга, сообщивший о прибытии помощника и незнакомца, он решил, что это и был капитан.

— Кто это? — спросил он у рыбака, бесцеремонно осветив лицо арендатора сигнальным фонарем, который передал ему юнга.

— Он прибыл по поручению того, кого вы знаете, — ответил помощник капитана.

— Ну и ну! — продолжал капитан. — У тебя, верно, что-то с глазами, если ты решил, что молодой двадцатилетний юноша может иметь габариты этого типа?

— Я и в самом деле не барон де ла Ложери, — ответил Куртен, услышав, о чем говорят моряки, — я его арендатор и доверенное лицо.

— В добрый час! Это уже больше похоже на правду, но еще не совсем.

— Мне поручили...

— Тысяча чертей! Я не спрашиваю тебя, тюлень несчастный, что тебе поручили, — заметил капитан, сплевывая на палубу черноватую слюну, чтобы выругаться вволю, — я сказал, что это похоже на правду, но еще не совсем.

Куртен с удивлением взглянул на него.

— Ты понял, да или нет? — спросил капитан. — Если нет, то выкладывай поскорее, и тебя тут же доставят на берег со всеми почестями, которые ты заслуживаешь,— получишь пару ударов плетью пониже спины.

Куртен понял, что баронесса де ла Ложери, по всей вероятности, условилась с капитаном «Молодого Карла» о пароле; и он был ему неизвестен. Он почувствовал, что пропал и его планам не суждено было сбыться, если не считать того, что, попав в ловушку, словно лиса, польстившаяся на приманку, он теперь предстанет перед молодым бароном в своем истинном обличье.

Мэр Ложери попробовал выкрутиться из переделки, в которую попал, придав своему лицу идиотское выражение, чтобы попытаться прикинуться эдаким простаком-крестьянином, чья наивность доходит порой до глупости.

— Боже, мой дорогой господин, — сказал он, — да я ничего больше и не знаю! Моя добрая хозяйка сказала мне: «Друг мой, Куртен, ты знаешь, что молодой хозяин приговорен к смертной казни. Я договорилась с одним храбрым моряком вывезти его из Франции. Но нас выдал, по-видимому, предатель. Беги скорее и передай это капитану шхуны «Молодой Карл», которая стоит на рейде Куэрона за островами». Я и помчался со всех ног и больше ничего не знаю.

Раздавшееся в этот момент впереди корабля громкое «Эй!» не дало капитану ответить Куртену так, как он хотел, чтобы побудить неожиданного визитера сказать всю правду. Он обернулся к стоявшему рядом с фонарем в руках юнге, слушавшему, разинув рот, разговор своего хозяина с Куртеном.

— Негодный мерзавец, что ты здесь делаешь?—разразился бранью капитан, сопровождая свои слова ударом, который пришелся юнге благодаря проворству, с каким сей юный кандидат в адмиралы успел увернуть-

ся, по мягкому месту и сбил его с ног.— Вот как ты не-сешь вахту!

Затем, обернувшись к помощнику, приказал:

— Без пароля не берите на борт.

Однако не успел он закончить фразу, как только что окликнувший моряков человек, воспользовавшись веревкой, с помощью которой поднимали на борт Куртена, ибо она по-прежнему свешивалась за борт, неожиданно появился на палубе.

Взяв фонарь, который юнга поставил на палубу и который, к счастью для Куртена, не погас, капитан направился к незнакомцу.

— По какому такому праву без разрешения вы посмели подняться на борт моего корабля? — воскликнул он, схватив незнакомца за воротник.

— Я поднялся на борт потому, что у меня здесь есть дело, — ответил мужчина с апломбом человека, уверенного в правомерности своих действий.

— Что тебе здесь надо? Выкладывай побыстрее!

— Вначале отпустите меня. Можете быть уверены, что не сбегу, так как я сам к вам пришел.

— Тысяча чертей! — заорал капитан. — Если тебя держат за воротник, это еще не значит, что тебе заткнули рот.

— Я не могу говорить, когда меня держат за воротник, — ответил незнакомец, нисколько не тушуясь перед моряком.

— Капитан, — сказал помощник, подключаясь к их разговору, — мне кажется, черт возьми, что вы несправедливы. Вы отступились от того, кто собирался схитрить, а этому, кто готов сказать правду, вы не даете и рта раскрыть.

— Ты прав, — ответил капитан, выпуская из рук незнакомца, в котором наши читатели уже, вероятно, узнали настоящего посланца Мишеля, то есть Жозефа Пико.

Порывшись в кармане, Жозеф достал платок, который ему вручил молодой барон, и передал капитану «Молодого Карла»; развернув платок, моряк стал считать количество завязанных концов с таким усердием, словно перед ним были деньги.

Куртена пока оставили в покое, и он внимательно следил за происходящим, стараясь ничего не упустить.

— Ладно,— произнес капитан,— у тебя все в порядке, и мы сейчас с тобой поговорим. Но прежде мне надо разобраться с субъектом, который прибыл первым и находится на корме. — Эй, Антуан, — обратился капитан к своему помощнику, — отведи-ка этого парня на камбуз и налей ему стакан вина.

Когда капитан пришел на корму, он увидел, что Куртен устроился на связке канатов. Мэр Ложери сидел, обхватив голову руками, будто не замечая того, что происходило на носу корабля; у него был самый что ни есть удрученный вид, хотя, как мы уже сказали, он не пропустил ни одного слова из разговора капитана с Жозефом Пико.

— О, господин капитан, отпустите меня на берег!— воскликнул он, едва завидев моряка. — Не знаю, что со мной, но вот уже несколько минут, как я чувствую, что заболел и, наверное, вот-вот умру.

— Ладно! Ты у меня попляшешь, прежде чем я тебя отпущу!

— Прежде чем отпустите? О, Боже милостивый!

— Да, мой приятель. Разговор с тобой доставляет мне большое удовольствие, и потому я решил оставить тебя на борту моего корабля на время нашего маленького путешествия, в какое я собираюсь отправиться.

— Остаться здесь! — воскликнул Куртен, делая вид, что испугался еще больше, чем это было на самом деле. — А моя ферма? А моя добрая госпожа?

— Что до твоей фермы, то обещаю, что ты увидишь страны, где сможешь познакомиться с самым передовым ведением хозяйства, а что до твоей доброй хозяйки, то я возьму на себя заботу достойно заменить ее.

— Но, мой добрый господин, к чему все это? Чем вызвано столь неожиданное решение взять меня с собой? Только от перспективы отправиться в дальнейшее плавание у меня голова пошла кругом!

— Это послужит тебе, несчастный, хорошим уроком за то, что ты хотел провести капитана «Молодого Карла».

— Скажите мне, достопочтенный капитан, чем же я вас оскорбил?

— Послушай, — произнес моряк, решивший прекратить их диалог,— ответь мне честно, и это будет твоим

единственным шансом, что тебя не выбросят за борт на съедение акулам за тридевять земель отсюда. Кто послал тебя ко мне?

— Но я же сказал, — воскликнул Куртен, — баронесса де ла Ложери. И если я говорю, что являюсь ее арендатором, то это так же верно, как и то, что Бог един на небесах!

— В конце концов, — продолжал капитан, — если бы тебя послала баронесса де ла Ложери, она бы дала тебе что-то в качестве пароля: записку, письмо, клочок бумаги; если у тебя ничего такого нет, это означает, что тебя послал кто-то другой, а не она и ты — шпион, и в таком случае берегись! Если я прав, то поступлю с тобой, как со шпионом.

— Ах! Бог мой! — заметил Куртен, мрачней на глазах. — Между тем я не заслуживаю подобных обвинений. Вот, держите письма, посланные на мой адрес, которые случайно оказались у меня в кармане, подтверждающие, что я действительно Куртен, вот моя перевязь мэра... Господи! Что же вам еще нужно, чтобы вы поверили, что я говорю правду?

— У тебя с собой перевязь мэра? — воскликнул капитан. — Ну, скажи-ка, чудак, как случилось, что, присягнув правительству, ты оказался сообщником человека, выступившего с оружием против законных властей и приговоренного к смертной казни?

— Эх! Мой дорогой господин, все потому, что я слишком привязан к своим хозяевам и ради них не выполнил свой долг. Надо вам сказать, что именно как мэру мне стало известно о том, что планируется нападение на вас этой ночью, и я предупредил баронессу де ла Ложери об опасности, которая вам угрожает. И тогда она мне сказала: «Возьми этот платок и отправляйся к капитану «Молодого Карла».

— Она тебе сказала: «Возьми этот платок»?

— Да, клянусь честью, именно так она и сказала.

— Но где же платок, который она тебе дала?

— Он у меня в кармане.

— Эй, дубина, идиот, дебил, давай скорее сюда твой платок!

— Я должен вам его отдать?

— Да.

— О! Только и всего? Вот он!

И Куртен достал из кармана носовой платок.

— Ну давай же скорее, сукин ты сын! — громогласно воскликнул капитан, вырывая из рук мэра платок и торопливо жестом проверяя, что три конца завязаны узелком.

— Но ты и скотина,— продолжил капитан,— разве баронесса де ла Ложери не сказала тебе отдать этот платок мне?

— Да, — ответил Куртен с самым простодушным видом.

— Так почему же ты мне его сразу не отдал?

— Господи, — заметил Куртен, — потому что, когда я вступил на палубу и увидел, как вы сморкались с помощью пальцев, я подумал: «Вот здорово, раз капитан обходится пальцами, значит, ему не нужен носовой платок».

— А,— заметил капитан, в раздумье почесывая затылок,— или ты очень большой ловкач, или непроходимый дурень. Во всяком случае, ты больше похож на дурака, и потому я буду к тебе относиться именно как к таковому. Ну, выкладывай теперь поподробнее, что тебя сюда привело и что тебе было велено мне передать.

— Вот, господин, слово в слово все, что сказала моя добрая госпожа...

— Говори же.

— «Куртен, — обратилась ко мне госпожа, — я могу тебе доверять, не правда ли? — О! И еще как! — ответил я. — Мой сын, которого ты подобрал, выходил и с риском для жизни прятал в своем доме, должен был этой ночью бежать на борту шхуны «Молодой Карл». Однако до меня дошли сведения, да и ты только что об этом говорил, что нас предали. И сейчас у тебя времени хватит только на то, чтобы добраться до достопочтенного капитана и не ждать моего сына и поскорее сниматься с якоря, ибо этой ночью его должны арестовать за помощь в побеге политического преступника и еще за многие другие дела...»

Мэтр Куртен сознательно закончил подготовленную заранее фразу такими словами, ибо, судя по внешности капитана «Молодого Карла», за последним, как он предполагал, водилось немало темных дел.

Возможно, его предположения были верны, ибо моряк на какое-то время задумался.

— Пошли за мной,— сказал он наконец Куртену.

Арендатор и не думал сопротивляться; капитан отвел его в свою каюту и запер дверь на два оборота ключа.

Несколько минут спустя сидевший в темной каюте Куртен — надо признать, весьма встревоженный тем, какой оборот принимали события,— услышал шум, который доносился с палубы. Кто-то направлялся к каюте капитана.

Дверь распахнулась — капитан вошел первым, за ним следовал Жозеф Пико, последним вошел помощник капитана с фонарем в руках.

— Вот! — произнес хозяин «Молодого Карла». — Договоримся раз и навсегда. Попробуем разобраться в этом, как мне кажется, запутанном деле; если нам это не удастся, вас вышвырнут за борт! А для начала так потчуют ремнями по спине, что самому черту станет тошно.

— Но, капитан,— заметил Куртен,— мне больше нечего вам добавить.

Пико вздрогнул, услышав голос арендатора; он еще не знал, что тот был на борту корабля.

Он шагнул вперед, чтобы убедиться, что перед ним находился его заклятый враг.

— Куртен! — воскликнул он. — Мэр Ложери! Все потеряно, капитан, если этот человек знает наш секрет!

— Кто же он такой? — спросил капитан.

— Предатель, шпион, негодяй!

— Черт возьми! — воскликнул капитан.— Не надо мне повторять сотню раз то, чему я и так бы поверил. У этого типа такой хитрый взгляд, что он не внушает мне доверия.

— Ах! — продолжал Жозеф Пико. — И вы не ошиблись! Во всем Реце вы не отыщете более отъявленного мерзавца и обманщика, чем он!

— Что ты можешь на это ответить? — спросил капитан. — Ну, тысяча чертей, говори!

— Да ему нечего сказать, — продолжил Пико, — спорю, что он будет нем как рыба.

Куртен по-прежнему хранил молчание.

— Ну, хорошо, — сказал капитан, — я вижу, что надо прибегнуть к более надежному средству, чтобы он разговорился!

И с этими словами хозяин «Молодого Карла» вытащил из-за пазухи маленький серебряный свисток на цепочке из того же металла и протяжно свистнул.

На сигнал капитана в каюту вбежали два матроса.

И тут на губах Куртена промелькнула дьявольская улыбка.

— Ладно! — сказал он. — Вот этого как раз я ждал, чтобы с вами поговорить.

И, взяв за рукав капитана, он отвел его в угол каюты и что-то шепнул на ухо.

— Это правда, что ты мне сказал? — спросил хозяин «Молодого Карла».

— Черт возьми, — заметил Куртен, — в этом нетрудно убедиться.

— Ты прав, — сказал капитан.

И по его знаку помощник и два матроса набросились на Жозефа Пико, сорвали куртку и разорвали на нем рубаху.

Подойдя, капитан ударил Пико по плечу, и на его белой коже отчетливо проступили две буквы, которыми шуана заклеямили на каторге.

Захваченный врасплох, Пико даже не успел пикнуть от неожиданности; не сразу сообразив, что с ним произошло, он предпринимал нечеловеческие усилия, чтобы высвободиться из рук моряков, которые крепко держали его; однако ему было не по силам справиться с тремя сильными мужчинами, и ему оставалось только выкрикивать проклятия.

— Свяжите ему руки и ноги! — воскликнул капитан, убедившись по росписи на плече в криминальном прошлом Пико. — Спустите его в трюм и надежно привяжите к двум бочкам.

Затем, повернувшись к вздохнувшему с облегчением Куртену, капитан сказал:

— Прошу прощения, мой достойный служитель законности, за то, что я спутал вас с подобным типом. Будьте уверены, и я отвечаю за свои слова, что, если в бли-

жайшие три года у вас сгорит сарай, то поджог совершит не он, а кто-нибудь другой.

Не теряя времени, капитан поднялся на мостик, и Куртен с радостью услышал, как он крикнул всех наверх, отдавая приказ поднять якорь.

Уверенный в том, что ему грозила опасность, моряк так торопился поскорее оказаться как можно дальше от представителей закона, что, извинившись перед мэром Ложери за то, что не налил ему на посолок стаканчика водки, он приказал спустить мэтра Куртена в лодку: пусть себе высаживается на берег там, где ему заблагорассудится.

Мэтр Куртен изо всех сил налегал на весла, борясь с течением реки; в тот момент, когда его лодка уткнулась в прибрежный песок, он смог увидеть, как «Молодой Карл» медленно поплыл под раскрывавшимися один за другим парусами.

И тогда Куртен спрятался под тем же береговым откосом, под которым заметил рыбака, и стал ждать.

Не прошло и четверти часа, как он увидел Мишеля, но, к своему удивлению, среди двух сопровождавших Берты он не заметил.

Вместо нее рядом с молодым человеком находились Мари и Малыш Пьер.

Теперь он мог поздравить себя вдвойне за хитрость и за подарок судьбы в лице Жозефа Пико, который позволил ему так удачно провести капитана.

Пока Мишель, Мари и Малыш Пьер оставались на берегу, он ни на секунду не спускал с них глаз; когда же они втроем сели в лодку и отправились на поиски корабля, он, не отрываясь, следил за ними; в тот момент, когда они отправились обратно в Нант, он с такой осторожностью шел за беглецами, что на протяжении всего пути никто из них так и не заметил слежки.

Однако, несмотря на все меры предосторожности, Мишель увидел его на углу площади Буффе, именно он шел за беглецами до самого дома, в который они вошли.

Когда за ними затворилась дверь, у него не оставалось больше сомнений в том, что на этот раз ему удалось узнать, где скрывался Малыш Пьер; Куртен прошел мимо двери и, достав из кармана кусочек мела, нарисовал крестик. Уверенный в том, что наконец-то рыб-

ка попалась в его сети, он подумал, что теперь ему осталось лишь протянуть руку, и в его ладонь посыплются сто тысяч франков!

XVII

В КОТОРОЙ МЫ СНОВА ВСТРЕТИМСЯ С ГЕНЕРАЛОМ И УБЕДИМСЯ, ЧТО ОН НИСКОЛЬКО НЕ ИЗМЕНИЛСЯ

Мэтр Куртен был сильно взволнован; и не успела за троюбной, за которой он следовал по пятам от самого Курэона, захлопнуться узкая дверь, как перед ним, как в свое время в ландах по дороге из Эгрефей, предстала самая прекрасная картина из всех, которые он когда-либо видел: пирамида из монет, распространявшая далеко вокруг восхитительное сияние.

Однако пирамида увеличилась вдвое по сравнению с той, которую он увидел в первый раз; посчитав, что мышеловка захлопнулась, мэтр Куртен подумал прежде всего о том, что с его стороны было бы непростительной глупостью допустить, чтобы человек из Эгрефей разделил с ним пополам обещанное щедрое вознаграждение, и он посчитал бы себя растяпой, если бы не обошелся при дележе без него.

Вопреки тому, что было условлено между ними, Куртен решил ничего не сообщать ему, а обратиться непосредственно к властям с заявлением о том, что он только что узнал.

Однако следует отдать ему должное: мэтр Куртен, несмотря на мерещившиеся наяву золотые горы, все же изредка вспоминал о молодом хозяине, который потеряет свободу, а может быть, и жизнь; только он тут же подавлял в себе столь неуместно пробудившиеся угрызения совести и, чтобы окончательно заглушить их, сломя голову бросился к префектуре.

Не успел он сделать двадцать шагов, как, сворачивая на Базарную улицу, столкнулся лицом к лицу с другим бежавшим ему навстречу человеком, который оттолкнул его к стене.

Мэтр Куртен вскрикнул, но не от боли, а от удивления, ибо узнал Мишеля де ла Ложери, который, как он

считал, остался за узкой зеленой дверью, которую мэ́р с большой заботой пометил белым крестиком.

У мэ́тра Куртена был такой изумленный вид, что Мишель обязательно почувствовал бы неладное, не будь он занят своими мыслями, которые, однако, не помешали молодому барону обрадоваться встрече с арендатором, считая его своим другом, и подумать, что он послан самим Небом ему на помощь.

— Скажи, Куртен,— воскликнул он,— ведь это ты шел по Базарной улице, не так ли?

— Да, господин барон.

— Тогда ты должен был видеть убежавшего человека.

— Да нет, господин барон.

— Нет, ты должен был его видеть! Ты не мог не встретить его... он похож на сыщика.

Мэ́тр Куртен покраснел до корней волос, но тут же поборол смущение.

— Подождите, подождите, — продолжил он, решив не упустить столь неожиданно представившегося ему шанса отвести от себя какое бы то ни было подозрение, — впереди меня действительно шел какой-то человек, и я видел, как он остановился напротив той зеленой двери, которую вы можете отсюда видеть.

— Точно, это он! — воскликнул молодой барон, решивший найти того, кто за ними следил, чего бы это ему ни стоило. — Куртен, тебе представился отличный случай доказать мне свою преданность. Нам необходимо найти этого человека. В какую сторону он направился?

— Кажется, в эту,— сказал Куртен, махнув рукой в сторону первой улицы, которая была у него перед глазами.

— Пошли со мной.

И Мишель устремился бегом по улице, на которую ему указал Куртен.

Однако, следуя за бароном, Куртен не переставал размышлять на ходу.

В какой-то момент он даже подумал оставить молодого хозяина носиться по улицам, а самому пойти туда, куда направлялся с самого начала; однако подобная мысль долго не задержалась в его голове, и он тут же порадовался, что не успел претворить ее в жизнь.

Теперь Куртену было ясно, что у дома было два выхода, а когда он узнал, что Мишель заметил слежку, то сразу понял, что этот дом был использован лишь для того, чтобы запутать следы. Так же, как и Мишель, Малыш Пьер должен был выйти на Базарную улицу, на углу которой арендатор столкнулся с молодым бароном.

Мэтр Куртен снова встретился с Мишелем, а тот уж непременно знал, где находилась тайная квартира его возлюбленной; с помощью Мишеля мэтр Ложери непременно достигнет, по его мнению, желанной цели, стоит только подождать, ибо излишней торопливостью он лишь может все испортить; и он смирился с тем, что придется отказаться от мысли одним неводом выловить всю рыбу, и решил вооружиться терпением.

Ускорив шаг, он пошел рядом с молодым человеком.

— Господин барон, — произнес он, — я должен призвать вас к осторожности: настал день, и улицы заполняются народом, и все прохожие оборачиваются, увидев, как вы бежите по улице в испачканной грязью одежде; если нам навстречу попадетсЯ какое-либо должностное лицо, то у него тут же возникнут подозрения, и вас могут арестовать; а что тогда скажет ваша матушка: ведь я должен был привезти ее сюда, чтобы она дала последние указания?

— Матушка? Да она считает, что в этот час я нахожусь в открытом море на пути в Лондон.

— Так вы собирались уехать? — воскликнул с самым невинным видом Куртен.

— Несомненно. А разве матушка тебе не сказала?

— Нет, господин барон, — ответил арендатор, постаравшись выглядеть обиженным, — теперь я вижу, что, несмотря на все сделанное для вас, баронесса все же мне не доверяет, и мое сердце стонет так же, как земля, когда в нее вонзается плуг.

— Ну, будет, мой добрый Куртен, не печалься; однако ты так быстро изменился, что не сразу можно этому поверить; и даже я, когда вспоминаю о том вечере, когда ты подрезал подпругу у моей лошади, не могу понять, почему ты вдруг стал таким предупредительным, добрым и преданным.

— Черт возьми, неужели не понятно: тогда я действовал по политическим соображениям, а теперь, когда победа осталась за нами и есть уверенность в том, что правительству ничего не грозит, я вижу в шуанах и Волчицах только друзей моего хозяина, и мне очень грустно, го никто этого до сих пор не понял.

— Хорошо,— ответил Мишель,— я докажу тебе, что должным образом оценил твои благородные порывы, и доверю тебе тайну, о которой ты уже раньше догадывался. Куртен, возможно, молодой хозяйкой Ложери станет не та девушка, которая до сих пор считалась моей невестой.

— Вы не женитесь на мадемуазель де Судэ?

— Напротив! Только она будет зваться Мари, а не Берта.

— О! Как я за вас рад! Ибо вы знаете, какое участие я принимал в этом деле, и, если бы вы захотели, я бы сделал еще больше. Так вы виделись с мадемуазель Мари?

— Да, я с ней встречался. И те несколько минут, которые я провел с ней наедине, решили, как я надеюсь, мою судьбу! — воскликнул Мишель в состоянии радостной эйфории.

Затем продолжил.

— Ты сегодня едешь в Ложери? — спросил он Куртена.

— Господин барон имеет все основания считать, что я всегда буду находиться в его распоряжении,— ответил арендатор.

— Хорошо, ты скоро ее увидишь, Куртен, потому что сегодня вечером я обязательно увижу ее.

— Где же?

— Там, где ты меня встретил.

— А! Тем лучше,— сказал Куртен, чье лицо лоснилось от удовольствия так же, как и лицо его хозяина.— тем лучше! Вы даже не представляете, как я буду рад, если вы наконец женитесь по любви. Честное слово, раз ваша матушка дала согласие, вы должны это сделать как можно скорее. Вот видите, я вам давал хорошие советы!

И арендатор стал потирать руки, делая вид, что он — самый счастливый человек на свете.

— Мой славный Куртен! — воскликнул Мишель, тронутый до глубины души благородством арендатора.— Где я смогу тебя найти вечером?

— Да где скажете.

— А разве ты не остановился также, как и я, на постоялом дворе «Рассвет»?

— Да, господин барон.

— Ладно, мы там скоротаем день, а вечером ты пождешь, пока я схожу повидаться с Мари; затем я вернусь, и мы вместе отправимся домой.

— Однако,— возразил Куртен, в планы которого не входило ничего из того, что сказал ему хозяин,— мне надо выполнить в городе много поручений.

— Я буду тебя сопровождать; так быстрее пройдет для меня время до вечера.

— Об этом не может быть и речи! Выполняя обязанности мэра, я должен заглянуть в префектуру, в то время как вы не можете там появиться. Нет, возвращайтесь на постоянный двор и отдохните, а вечером, часов в десять, мы поедем домой; возможно, вы будете в хорошем настроении, а я — просто счастлив.

Теперь Куртену хотелось хотя бы ненадолго избавиться от Мишеля; с самого утра он только и думал о том, как бы получить деньги за выдачу Малыша Пьера и ни с кем при этом не поделиться; и он решил не уезжать из Нанта, пока не узнает точной суммы вознаграждения и не придумает, как поступить, чтобы оно досталось ему целиком.

Мишель согласился наконец с доводами Куртена и, взглянув на запачканную грязью и мокрую от росы одежду, решил вернуться на постоянный двор.

Как только молодой хозяин скрылся из виду, Куртен тотчас направился к дому генерала Дермонкура; после того как он сообщил свое имя человеку, через несколько минут его провели к тому, кого он желал видеть.

Генерал был весьма недоволен развитием событий; послав в Париж план восстановления мира, разработанный на основании документов, которые так удачно претворил в жизнь в свое время генерал Ош, он никак не ожидал, что проект не найдет одобрения; усматривая во всем происки гражданских властей, ущемлявших права военных, несмотря на осадное положение, генерал чув-

ствовал себя уязвленным и как старый солдат и истинный патриот пребывал в самом отвратительном настроении.

— Что тебе надо было? — обратился он на «ты» к Куртену.

Куртен поклонился так низко, как только мог.

— Мой генерал, — ответил арендатор, — помните ли вы о ярмарке в Монтегю?

— Черт возьми! Как будто она была вчера, но еще больше в моей памяти запечатлелась последовавшая за ней ночь! Мы чуть было не одержали победу, и, если бы не помешал один негодяй, я бы задушил восстание в самом зародыше. Кстати, как звали того человека?

— Жан Уллье, — ответил Куртен.

— И что с ним стало потом?

Куртен невольно побледнел.

— Он умер, — сказал он.

— Это самое лучшее, что этот несчастный мог сделать; однако мне его жаль: он был храбрым малым!

— Если вы помните человека, по вине которого вы не достигли успеха, то как же вы, генерал, могли забыть доброжелателя, сообщившего вам необходимую информацию?

Генерал взглянул на Куртена.

— О шпионах и предателях тут же забывают, в то время как о таких солдатах, как Жан Уллье, никогда.

— Хорошо, — сказал Куртен, — так вот, мой генерал, позвольте мне напомнить, что я как раз и являюсь тем человеком, кто указал вам, где скрывался Малыш Пьер.

— А!.. Ладно. Что тебе сегодня надо? Говори, только будь краток.

— Я хочу оказать вам такую же услугу, что и раньше.

— Ах, да, но, мой дорогой, времена изменились! Мы уже не на пыльной дороге, ведущей в Рец, на которой четко отпечатывается маленькая ступня и бросаются в глаза белая кожа и нежный голос — столь редкое явление в тех краях. Здесь все местные барышни похожи на дворянок. Ты знаешь, за месяц, пока мы тут квартируем, к нам наведывалось не меньше двадцати чудаков вроде тебя и выдавали овечью шкуру за волчью... Солдаты уже изнемогают от усталости; мы прочесали пять или шесть кварталов, а волк все так же гуляет на свободе.

— Мой генерал, я заслужил, чтобы вы с доверием отнеслись к моим словам, потому что один раз я уже доказал, что мне можно верить.

— Хорошо,— произнес вполголоса генерал,— вот будет потеха, если я один схвачу того, кого этот парижский господин со всей своей сворой осведомителей и шпионов разных мастей и с помощью всей явной и тайной полиции до сих пор не нашел. Ты уверен в достоверности полученных тобой сведений?

— Я уверен в том, что не пройдет и суток, как я узнаю все, что вы хотите знать, вплоть до улицы и номера дома.

— Вот тогда и приходи.

— Генерал, но прежде я бы хотел знать...

Куртен замолчал.

— Что? — спросил генерал.

— Я слышал о вознаграждении и хотел бы знать...

— Ах, да,— произнес, обернувшись к Куртену, генерал, смерив его презрительным взглядом,— я ведь совсем забыл о том, что, помимо государственных забот, ты не забываешь и о собственной выгоде.

— Мой генерал, а разве не вы мне только что сказали, что о таких, как я, быстро забывают?

— А деньги заменяют тебе общественное признание. В конце концов в твоих словах есть какая-то логика. Мой достойный арендатор, ты не просто выдаешь властям преступников, ты продаешь людей, стараясь заработать как можно больше на живом товаре! И сегодня в базарный день ты пришел на рынок, как и все другие?

— Вы уже говорили... О! Генерал, не стесняйтесь, дело есть дело, и мне вовсе не стыдно заниматься им.

— Тем лучше! Но ты пришел не по адресу. К нам из Парижа прислали одного господина, имеющего определенные полномочия, чтобы заключать подобные сделки. Когда ты заполучишь свою жертву, то тут же беги к нему, чтобы он расплатился.

— Да, мой генерал, именно так я и поступлю. Однако,— продолжил Куртен,— за то, что в первый раз я сообщил вам достоверные сведения, не будете ли вы так любезны отплатить мне тем же?

— Приятель, за мной не станет, если я тебе в чем-то обязан. Давай, выкладывай; я тебя слушаю.

— Вам будет легко выполнить мою просьбу, ибо я прошу совсем немного.

— Не тяни.

— Скажите, какую сумму получит тот, кто поможет схватить Малыша Пьера.

— Возможно, тысяч пятьдесят франков... Я не интересовался.

— Пятьдесят тысяч франков,— воскликнул Куртен, отступая на шаг, словно удар пришелся ему в самое сердце,— пятьдесят тысяч франков— это же почти ничего!

— Ты прав, на мой взгляд, не стоит продавать свою честь за такую ничтожную сумму! Но ты скажи это тем, кто этим занимается. Что до меня, то я с тобой теперь расквитался, не правда ли? И убирайся вон с моих глаз! Прощай!

И генерал, снова углубившись в бумаги, от которых его отвлек приход Куртена, не обратил внимания на поклоны мэра Ложера, когда тот уходил.

От приподнятого настроения, с каким Куртен пришел к генералу, почти ничего не осталось.

Он несколько не сомневался в том, что генералу была известна точная сумма вознаграждения за предательство; и теперь он не мог примириться с мыслью, что его обманул человек из Эгрефей, считая его именно тем чиновником, кого прислало правительство из Парижа. Теперь он уже не хотел действовать в одиночку и решил поскорее сообщить этому господину обо всем, что произошло, не забывая при этом принять все меры предосторожности.

До сих пор этот господин сам находил Куртена, и арендатору никогда самому не приходилось разыскивать его. Однако у Куртена был адрес, по которому он мог его найти в случае, если произойдет что-то важное.

Куртен не стал тратить времени на переписку: он пошел сам. Ему не без труда удалось отыскать в самом бедном квартале города в глубине грязного и сырого тупика, застроенного жалкими лачугами, среди которых попадались лавчонки старьевщиков и торговцев подержанными вещами, крохотный магазин, где в соответствии с полученными указаниями он спросил господина Гиацинта; поднявшись по шаткой лестнице, он вошел в тесную квар-

тирку, довольно чисто прибранную для такой жуткой трущобы.

Мэтра Куртена ожидал более теплый прием, чем у генерала, и он долго совещался с человеком из Эгрефей.

XVIII

О ТОМ, КАК УЖЕ В КОТОРЫЙ РАЗ РАЗОЧАРУЕТСЯ КУРТЕН

Если Мишелю день показался слишком долгим, то Куртен никак не мог дожидаться наступления вечера; время тянулось нестерпимо медленно, а долгожданная ночь все не приходила; хотя он и старался избегать Базарную улицу и близлежавшие переулки, ноги сами несли его в эту сторону.

С наступлением сумерек Куртен, который не забыл о свидании Мишеля с Мари, вернулся на постоянный двор «Рассвет».

Там уже его ожидал, сгорая от нетерпения, Мишель. И как только арендатор переступил порог, молодой человек обратился к нему:

— Куртен, как я рад тебя видеть! Я нашел человека, который шел за нами прошлой ночью.

— Хм? Что вы говорите?..— спросил Куртен, невольно отступив на шаг.

— Говорю тебе, я нашел его!— повторил молодой человек.

— И кто же он?— спросил арендатор.

— Человек, которому, как я считал, можно доверять; и ты, если бы был на моем месте, думал бы точно так же, как и я,— это Жозеф Пико.

— Жозеф Пико!— повторил Куртен, сделав удивленное лицо.

— Да.

— И где же вы встретили его?

— Да здесь, на постоялом дворе, где он работает на конюшне... то есть прикрывается этой работой, чтобы заниматься другими делами.

— Хорошо! Но как же он мог за вами проследить? Неужели вы доверили ему свою тайну? Ах! Молодой человек, молодой человек,— произнес Куртен таким тоном,

каким говорят: молодо-зелено!..— Вы доверились бывшему каторжнику!

— Вот именно поэтому я ему и доверился! Ты знаешь, за что он сидел?

— Черт возьми, конечно: за вооруженное ограбление на большой дороге.

— Да, но во времена, когда происходили волнения... В конце концов не это главное. Я дал ему поручение, вот в чем вопрос.

— Если я спрошу вас о том, какое поручение вы дали ему,— сказал Куртен,— то можете мне поверить не из праздного любопытства, хотя не хочу от вас скрывать: у меня есть свой интерес.

— О! У меня нет никаких оснований скрывать от тебя поручение, данное мною Пико. Я попросил его предупредить капитана «Молодого Карла» о том, что в три часа ночи я прибуду на корабль. И вот, ни человека, ни лошади! Кстати,— добавил, рассмеявшись, молодой барон,— мой бедный Куртен, ведь у него была твоя лошадь, которую я взял на ферме, чтобы добраться до Нанта!

— Ай! — воскликнул Куртен,— так, значит, моя Красотка...

— Ты теперь, возможно, больше не увидишь своей Красотки!

— Если только она сама не вернулась в конюшню,— произнес Куртен, который, несмотря на мерещившиеся ему золотые горы, не мог не оплакивать двадцать или двадцать пять пистолей, которые стоила его кляча.

— Так вот что я хотел тебе сказать: если за нами следил Жозеф Пико, он должен находиться где-то поблизости и подстерегать нас.

— Зачем? — спросил Куртен.— Если бы он хотел нас выдать, то давно бы это уже сделал, предупредив солдат.

Мишель покачал головой.

— Как это нет?

— Я говорю, что дело вовсе не во мне и выслеживал он не меня.

— А кого же?

— Моя голова стоит не так уж много, чтобы идти на предательство.

— А за кем же тогда охотился этот шпион? — произнес арендатор, стараясь придать своему голосу и лицу как можно больше простодушия.

— За одним из предводителей восстания Вандеи, которого я хотел попутно спасти,— ответил Мишель, заметив, куда клонил его собеседник, и в то же время считав нужным приоткрыть Куртену лишь часть правды, чтобы при случае воспользоваться услугами арендатора.

— Ах! Ах! — заметил Куртен.— Ему теперь известно, где он скрывается? Господин Мишель, это было бы большим несчастьем!

— Нет, к счастью, он мало что узнал! Однако пусть пеняет на себя, если он и во второй раз посмеет сунуть свой нос в наши дела; на сей раз ему это так просто не сойдет с рук!

— А как же он сможет удовлетворить свое любопытство?

— Черт возьми, если пойдет за нами сегодня, то увидит, что у меня свидание с Мари.

— Ах! Вы правы.

— И вот почему я немного волнуюсь,— сказал Мишель.

— Вы должны кое-что предпринять.

— Что же?

— Возьмите меня с собой; если я увижу, что за вами следят, то подам вам сигнал, и вы скроетесь.

— А как же ты?

Куртен рассмеялся.

— О! Я ничем не рискую: ведь ни для кого не секрет мои взгляды. Слава Богу, благодаря своему положению я как мэр могу встречаться с кем мне только заблагорассудится.

— Нет худа без добра! — заметил Мишель, в свою очередь, улыбнувшись.— Но чего мы ждем? Который час?

— В Буффэ часы как раз отбивают восемь.

— В таком случае, Куртен, вперед!

— Так вы берете меня с собой?

— Несомненно.

Куртен схватился за шапку, Мишель взял свою, и они вышли вдвоем на улицу и вскоре оказались на том углу, где Мишель столкнулся с Куртеном.

По правую руку от арендатора находилась Базарная улица, а по левую — узкая улочка, на которую выходила отмеченная крестиком дверь.

— Куртен, постой здесь, — сказал Мишель, — я пойду на другой конец улицы; ведь мне не известно до сих пор, откуда придет Мари; если ты увидишь ее первым, проводи ее тут же ко мне; если же увижу ее я, подойди поближе, чтобы в случае необходимости прийти нам на помощь.

— Будьте спокойны! — заверил его Куртен.

И остался на своем посту.

Куртен от радости не чувствовал под собой ног; задуманный им план удался как нельзя лучше; так или иначе он увидит Мари, которая, как ему было известно, была доверенным лицом Малыша Пьера; как только девушка попрощается с Мишелем, он отправится за ней, и Мари, ни о чем не подозревая, сама приведет его к дому, где скрывается принцесса.

Размышления Куртена были прерваны боем колоколов, отбивавших на башнях Нанта половину девятого.

Едва звуки затихли в вечерней тишине, как до слуха Куртена донеслись чьи-то легкие шаги; выйдя навстречу, он узнал Мари в молодой крестьянке, которая была закутана в шаль и держала в руках небольшой пакет, завернутый в платок.

Увидев мужчину, который, казалось, сторожил что-то на улице, она замедлила шаг.

Куртен подошел к девушке на правах старого знакомого.

— Мадемуазель Мари, — произнес он, отвечая на радостное приветствие девушки, — вы ведь спешите на свидание вовсе не ко мне? А к господину барону. Так вот он ждет вас там.

И показал рукой на другой конец улицы.

Поблагодарив Куртена кивком головы, девушка поспешила в указанном им направлении.

Что до Куртена, то он, по-философски рассудив, что беседа молодых людей непременно затянется, устроился преспокойно на уличной тумбе.

Отсюда, предаваясь мечтам о богатстве, которое его ожидало, как ему казалось, в недалеком будущем, он мог обозревать всю улицу и видеть молодых людей.

В самом деле, Мари давала ему в руки ниточку от клубка, которая проведет его по всему запутанному лабиринту к цели; и он надеялся, что ниточка окажется крепкой и на этот раз не оборвется.

Однако ему не хватило времени, чтобы воображение нарисовало воздушные замки на золотых облаках: обменявшись несложными словами, молодые люди направились в его сторону.

Они прошли мимо; сияя от счастья, молодой человек вел под руку свою невесту, а другой рукой прижимал к себе небольшой сверток, который раньше арендатор заметил в руках Мари.

Мишель кивнул ему головой.

— О! — произнес про себя арендатор. — По правде говоря, дело идет к развязке скорее, чем я предполагал.

Однако такой скорый ход событий вполне устраивал его; Мишелю не пришлось просить дважды, чтобы он отправился вслед за влюбленными.

Некоторое время спустя достойного арендатора охватило волнение.

Вместо того, чтобы подняться к старому городу, где должно было, как подсказывало Куртену чутье, располагаться тайное убежище, молодые люди свернули к реке.

Арендатор следил за молодыми людьми со все возрастающим беспокойством; он стал убеждать себя в том, что Мари должна была зайти к кому-то поблизости по делу, а Мишель просто-напросто сопровождал девушку.

Его волнение возросло еще больше, когда он увидел, что, выйдя на набережную, молодые люди направились к постоялому двору «Рассвет» и открыли дверь.

Теряясь в догадках, он не мог больше себя сдерживать и бросился вперед, чтобы нагнать молодого человека.

— А! Это ты... Весьма кстати! — произнес Мишель, увидев его.

— Что случилось? — спросил арендатор.

— Друг мой, Куртен! — ответил молодой человек. — Я самый счастливый человек на свете!

— Почему?

— Помоги мне поскорее приготовить двух лошадей!

— Двух лошадей?

— Да.

— А разве вы не проводите обратно мадемуазель?

— Нет, Куртен, я увожу ее с собой.

— Куда?

— В Банлевр, где мы решим, что нам делать дальше, чтобы бежать вместе.

— И мадемуазель Мари оставит...

И тут Куртен прикусил язык, так как понял, что едва не выдал себя с головой.

Однако Мишель чувствовал себя на седьмом небе от счастья и ничего не заметил.

— Нет, мой дорогой Куртен, мадемуазель Мари никого не оставит: ее заменит Берта. Понимаешь, я не могу признаться Берте, что не люблю ее!

— И кто же ей об этом скажет?

— Не беспокойся, Куртен: найдем кого-нибудь. Поскорее седлай лошадей!

— Так у вас есть лошади?

— Нет. Видишь ли, путешественники вроде нас не остаются здесь надолго, и хозяин постоянного двора пользуется этим.

И Мишель подтолкнул Куртена к конюшне.

Действительно, на конюшне стояли и спокойно жевали сено две лошади, словно специально приготовленные для молодых людей.

В тот момент, когда Мишель седлал одну из них, в конюшню спустился хозяин «Рассвета» в сопровождении Мари.

— Я прибыл с юга и направляюсь в Росни,— сказал ему Мишель, в то время как рядом с ним Куртен готовил не спеша другую лошадь.

Куртен услышал слова молодого человека, но не понял, что это был пароль.

— Хорошо, — коротко ответил хозяин, кивнув головой.

И стал помогать Куртену, седлавшему лошадь не так быстро, как барон.

— Господин, — обратился Куртен к Мишелю, делая последнюю попытку узнать, в чем дело, — почему вы решили поехать в Банлевр, а не Ложери? Разве вам там было плохо?

Мишель вопросительно взглянул на Мари.

— О, нет, нет,— возразила она.— Подумайте, мой друг, как раз туда и должна направиться Берта, чтобы узнать что-нибудь о нас и выяснить, почему шхуна не ждала нас в условленном месте; и потом, я хочу увидеть ее прежде, чем с ней будет говорить известное вам лицо; мне кажется, что я умру от горя и стыда, когда увижу ее.

Услышав во второй раз имя Берты, Куртен тут же встрепнулся, словно лошадь на звук походной трубы.

— Да, мадемуазель права, — согласился он, — не стоит ехать в Ложери.

— Только видите ли, Мари... — начал Мишель.

— Что? — спросила девушка.

— Кто передаст вашей сестре письмо с просьбой приехать в Нант?

— Ладно, — сказал Куртен, — почтальона найти не так уж и трудно, и, если, господин Мишель, вас смущает только это, я берусь доставить письмо.

Мишель задумался в нерешительности; как и Мари, он боялся присутствовать при первой вспышке гнева Берты.

Он снова вопросительно взглянул на девушку.

Она кивнула утвердительно головой.

— Тогда в путь! В Банлевр! — произнес Мишель, вручая письмо Куртену. — Если тебе понадобится нам что-то передать, ты знаешь, где нас найти.

— Ах! Бедная Берта! Бедная Берта! — воскликнула Мари, направляясь к лошади. — Я никогда не буду до конца счастлива!

Мишель вскочил в седло. Махнув на прощание рукой хозяину постоялого двора, молодой человек еще раз повторил Куртену наставления относительно письма, и молодые люди выехали за ворота.

Проезжая через мост Руссо, они едва не сбили с ног человека, не по сезону закутанного по самые глаза в пожий на накидку плащ.

Внезапно появившаяся перед ним зловещая фигура незнакомца напугала Мишеля, и он пришпорил лошадь, крикнув Мари последовать его примеру.

Через сотню шагов Мишель оглянулся; несмотря на сгустившуюся темноту, он увидел, что человек в плаще смотрел им вслед.

— Он следит за нами! Он следит за нами! — воскликнул Мишель, невольно почувствовав опасность.

Потеряв молодых людей из виду, незнакомец направился в сторону Нанта.

Он остановился у двери постоянного двора «Рассвет», оглядевшись по сторонам, увидел на конюшне человека, читавшего при свете фонаря письмо, и направился к нему.

Услышав шаги, тот поднял голову.

— Ах! Это вы! — воскликнул Куртен. — Честное слово, если бы вы прибыли чуть раньше, то застали бы здесь людей, которым не следовало бы показываться на глаза.

— Уж не тех ли двоих молодых людей, которые едва не сбили меня с ног на мосту?

— Да, я как раз только с ними расстался.

— Что нового?

— Есть плохие новости, есть и хорошие, но должен вам признаться, что добрых вестей все же больше.

— Они имеют отношение к сегодняшнему вечеру?

— Нет, дело еще терпит.

— Вы хотите сказать, что опять все сорвалось. Какой же вы растяпа!

Куртен улыбнулся.

— Вы правы, — сказал он, — со вчерашнего дня меня преследуют одни неудачи! Однако согласитесь: тинше едешь — дальше будешь. Пусть прошедший день и не принес нам ничего существенного, но он мне все же дороже двадцати тысячи ливров.

— О! Вы в этом уверены?

— Да, у меня в руках уже кое-что есть.

— Что же?

— А вот что, — сказал Куртен, показывая письмо, которое он вскрыл и прочитал.

— Эта записка?

— Да.

— И что же в ней такое написано? — произнес человек в плаще, протягивая руку.

— Подождите! Мы прочтем ее вместе... И только из моих рук: ведь мне поручено доставить ее.

— Хорошо, — согласился человек в плаще.

Они подошли к фонарю и прочитали:

«Как можно скорее приезжайте ко мне. Пароль вам известен. С уважением

Ваш Малыш Пьер».

- Кому адресовано это письмо?
- Мадемуазель Берте де Судэ.
- Ее имя не указано ни на конверте, ни внизу письма.
- Потому что письмо можно потерять.
- И вам поручили доставить его?
- Да.

Человек в плаще снова взглянул на письмо.

— Да, это ее почерк,— сказал он.— Ах! Если бы вы меня послушались и взяли с собой, она уже была бы в наших руках.

- Какая вам разница, если все равно вы схватите ее.
- Да, вы правы. Когда мы увидимся?
- Послезавтра.
- Здесь или за городом?
- В Сен-Фильбер-де-Гран-Лье; это как раз на полпути к моему дому.

— Надеюсь, что в следующий раз я не потрачу попусту время?

— Обещаю.

— Постарайтесь сдержать слово! Я, не в пример вам, выполняю то, что обещаю: вот денешки, и они ждут вас.

И с этими словами человек в плаще открыл бумажник и показал арендатору толстую пачку банкнот, в которой на вид было около сотни тысяч франков.

— А! — сказал Куртен.— А бумага?

— И бумага есть, но она подписана Гаратом; его подпись дорого стоит.

— Не имеет значения! — сказал Куртен.— Я бы предпочел золото.

— Хорошо, вам заплатят золотом, — пообещал человек в плаще, убирая в карман бумажник и снова заворачиваясь в плащ.

Если бы собеседники не были столь увлечены разговором, они бы несомненно заметили крестьянина, кото-

рый вот уже две или три минуты подслушивал их, забравшись сначала на телегу, а с нее — на забор; отсюда он смотрел на банкноты с таким видом, будто хотел сказать, что на месте Куртена не проявил бы столько щепетильности и его бы вполне устроила подпись Гарата.

— В таком случае до послезавтра в Сен-Фильбере,— сказал человек в плаще.

— До послезавтра.

— В котором часу?

— Черт возьми, да ближе к вечеру.

— Допустим, часов в семь. Кто придет первым, тот и подождет.

— А денежки будут при вас?

— Не банкноты, а золотые.

— Вы правы.

— Вы считаете, что послезавтра мы закончим?

— Черт возьми, надеяться может каждый — это не стоит денег.

— Послезавтра в семь часов в Сен-Фильбере, — повторил про себя крестьянин, слезая с забора на улицу, — там будет видно.

И добавил сквозь зубы с усмешкой:

— Раз носишь клеймо, надо его оправдывать.

ХІХ

В КОТОРОЙ МАРКИЗ ДЕ СУДЭ ВМЕСТО УСТРИЦ ВЫЛАВЛИВАЕТ СЕТЯМИ ИЗ ВОДЫ ПИКО

Не прошло и двух часов после того, как Берта рассталась с Мишеlem и увиделась с отцом.

Она нашла маркиза в плохом настроении, ибо ему надоел затворнический образ жизни, который он вел в землянке, предоставленной и оборудованной специально для него по распоряжению мэтра Жака.

Как и Мишель, но исключительно из благородных побуждений маркиз де Судэ даже и не думал уезжать из Вандеи, пока Малышу Пьеру грозила опасность. И когда Берта сообщила ему о вероятном побеге главы их партии, старый дворянин, скрепя сердце, согласился последовать совету, который ему однажды дал генерал, и в третий раз в жизни отправиться на чужбину.

Они выехали из леса Тувуа. Мэтр Жак, уже оправившийся от ранения, но недосчитывавший теперь на руке двух пальцев, вызвался проводить их до самого берега и помочь сесте на корабль.

Было около двенадцати ночи, когда трое путешественников вышли по Машкульской дороге к долине Судэ.

Увидев четыре флюгера на башнях своего старинного замка, отливавших в лунном свете серебром на фоне темной зелени окружавшего его парка, маркиз невольно горько вздохнул.

Услышав вздох, Берта подошла к отцу.

— Что с вами? — спросила девушка. — О чем вы подумали?

— О многом, мое бедное дитя! — произнес маркиз, покачав головой.

— Отец, не надо поддаваться мрачным мыслям! Вы вовсе не старик; у вас еще крепкое здоровье; вы обязательно вернетесь в свой дом.

— Да, — заметил со вздохом маркиз, — но...

И он замолчал, не в силах говорить.

— Но что же?

— Но я никогда больше не увижу моего бедного Жана Ульье.

— Увы! — заметила девушка.

— О! Мой бедный дом! — воскликнул маркиз.— Без него ты совсем опустел!

И хотя вздохи маркиза больше свидетельствовали об его эгоизме, чем о привязанности к старому слуге, было несомненно ясно одно: если бы бедняга мог слышать, как горевал его хозяин по нему, он был бы тронут до глубины души.

Берта продолжила:

— Мой бедный отец, не знаю почему, но мне кажется, что наш бедный друг жив; и хотя, вспоминая о нем, я порой и смахиваю слезинку с глаз, тем не менее чувствую, что проливала бы больше слез, если бы он действительно умер. В моем сердце живет тайная надежда, которая не дает мне оплакивать его, как покойника.

— Странное дело, — вмешался в разговор мэтр Жак, — но и у меня такое же чувство; нет, Жан Ульье

не умер, и это не простое предположение: хотя я видел труп, принадлежавший якобы ему, но мне так и не удалось опознать его.

— Но что же в таком случае произошло с ним? — спросил маркиз де Судэ.

— Честное слово, не знаю, — ответил мэтр Жак, — но каждый день я жду от него вестей.

И маркиз во второй раз горько вздохнул.

Они уже подходили к опушке леса. И маркиз, возможно, вспомнил о дичи, подстреленной им во время охоты под густой кроной деревьев, и горевал, что больше такого не увидит; а может, несколько оброненных мэтром Жаком слов заронили в его сердце надежду когда-нибудь встретиться со своим верным слугой. Именно последнее предположение было, по всей видимости, самым вероятным, ибо маркиз в который уж раз попросил хозяина братьев-кроликов справиться в округе о судьбе Жана Улле и сообщить ему результаты.

Выйдя на морской берег, маркиз не стал следовать плану, разработанному дочерью вместе с Мишелем. Он опасался, как бы шхуна, подойдя, как было условлено, к берегу бухты Бурнеф, чтобы принять их на свой борт, не привлекла к себе внимание береговой охраны, которая бороздила прибрежные воды на одномачтовых парусниках. Маркиз никогда бы не простил себе, если бы по его вине пострадал Малыш Пьер, и он решил поступить вопреки плану: выехать вместе с дочерью навстречу «Молодому Карлу».

Мэтр Жак, у которого по всему побережью были свои люди, тут же нашел рыбака, который за несколько золотых монет согласился на своем паруснике доставить маркиза с дочерью на борт шхуны.

Парусник находился у берега на мели; с помощью мэтра Жака маркиз вместе с дочерью поднялся на борт судна незаметно от таможенников из Порника, следивших за всеми подходами к морю. Не прошло и часа, как начался прилив, а парусник уже был на плаву. Поднявшись на борт, рыбак и двое его сыновей, составлявшие весь экипаж парусника, взяли курс в открытое море.

До рассвета оставалось еще целых полчаса, и маркиз, не дожидаясь, пока судно удалится от берега на доста-

точно большое расстояние, вышел из своего укрытия, где ему показалось теснее, чем в землянке мэтра Жака.

Увидев его, рыбак спросил:

— Господин, вы сказали, что корабль, который вы ждете, должен приплыть по реке?

— Да,— ответил маркиз.

— В котором часу он должен был выйти из Нанта?

— Между тремя и пятью часами утра, — ответила Берта.

Рыбак проверил, откуда дул ветер.

— С таким ветром он доплывет до нас часа за четыре.

Затем, немного подумав, добавил:

— Дует юго-западный ветер, наивысший уровень прилива пришелся на три часа утра — все это позволяет сделать вывод, что мы увидим корабль около восьми или девяти часов. А пока, чтобы не вызывать подозрений у береговой охраны и оставаться неподалеку от устья реки, сделаем вид, что ловим рыбу сетью.

— Зачем делать вид? — воскликнул маркиз. — Надеюсь, что нам удастся порыбачить по-настоящему. Я об этом мечтал всю жизнь, и, честное слово, раз мне не придется больше охотиться в Машкульском лесу, само небо посылает мне отличную компенсацию, и я не прошу себе, если упущу такой шанс.

Не обращая внимания на протесты Берты, опасавшейся, что маркиза издали опознают по высокому росту, старый дворянин стал помогать рыбакам.

Они забросили невод и некоторое время водили его в глубине, после чего маркиз, не жалея ладоней, налег на трос, чтобы помочь рыбакам втащить улов на борт парусника. При виде морских угрей, камбалы, скатов и устриц маркиз радовался, как дитя.

Заглядевшись на гладкие или покрытые чешуей дары моря после каждого подъема невода, он тут же забывал горечь несбывшихся надежд, воспоминания и сожаления о прошлом, свой замок, Машкульский лес, болота Сен-Фильбера, высокие ланды и вместе с ними охоту на дикого кабана, косуль, лисиц и зайцев, бекасов и куропаток.

Наступил рассвет.

Берта, которая до сих пор сидела на корме и предавалась мечтам, наблюдая, как их угловое суденышко разрезало носом волну, оставляя позади две фосфоресцирующие борозды, поднялась на лежавшие на палубе скрученные канаты и стала вглядываться в даль.

Сквозь утренний туман, более густой в устье реки, чем в открытом море, она разглядела высокие корабельные мачты и флагштоки, но ни на одном из них не было голубого флага, по которому можно было бы опознать шхуну «Молодой Карл». Она поделилась своими наблюдениями с рыбаком, но тот клятвенно заверил ее, что ни одно судно, вышедшее ночью из Нанта, не могло за это время спуститься к устью реки и выйти в открытое море.

Однако маркиз помешал достойному рыбаку дать Берте более подробные объяснения, ибо ему настолько пришелся по душе лов рыбы, что он использовал время между подъемами невода, чтобы выпытывать у старого моряка азы морской науки.

И вот во время одной из таких бесед рыбак поведал ему, что, если они будут и дальше забрасывать невод как трал, паруса их судна будут все время ловить боковой ветер, и они рискуют отойти далеко от берега и не смогут наблюдать за устьем реки. Однако маркиз с привычным ему эгоизмом не внял доводам моряка и продолжал с азартом наполнять рыбой небольшой трюм парусника.

Солнце уже поднялось достаточно высоко: по-видимому, было уже часов десять, а шхуны все не было. Берта начала беспокоиться и несколько раз подходила к отцу; наконец она заставила маркиза уступить ей и согласиться подойти ближе к устью реки.

Он тут же воспользовался случаем, чтобы старый моряк показал ему, как управлять судном, то есть поставить паруса под самым малым углом к килю, насколько позволяла оснастка; и в тот момент, когда они должны были совершать самый сложный маневр, услышали крик Берты.

Она только что заметила, как их нагонял большой корабль, идущий под всеми парусами, на который она раньше не обращала внимания, поскольку на мачте не было условного знака, а теперь вдруг увидела по кливеру, что шхуна стремительно приближалась.

— Осторожно! Осторожно! — крикнула девушка.— Прямо на нас движется корабль.

Обернувшись, рыбак мгновенно оценил грозившую им опасность, встал вместо маркиза за штурвал и, оттолкнув старого дворянина, который, не удержавшись на ногах, упал на палубу, повернул парусник так, чтобы паруса поймали ветер и судно вышло из опасной зоны.

Однако, несмотря на мгновенную реакцию моряка, он не смог избежать столкновения с кораблем. Его утлое суденышко со страшным скрежетом царапнуло борт шхуны; нок гафеля вошел в утлегарь бушприта. Парусник накренился, зачерпнул воду и, если бы не умелые действия рыбака, позволившие удержать судно под ветром и удалиться благодаря этому подальше от места столкновения, судно не сумело бы так быстро выпрямиться, а может быть, и вовсе перевернулось.

— Куда же черт несет этого каботажника! — воскликнул старый рыбак.— Еще секунда, и мы бы отправились на дно к рыбам, которых еще не успели выловить.

— Поворачивай, поворачивай! — крикнул маркиз, раздосадованный падением.— Следуй за ним, и черта с два, если я не проучу наглеца-капитана!

— Как же мы сможем его догнать, — возразил старый рыбак, — если у этой чертовой шхуны такие кливера, о которых можно только мечтать? У него паруса не чета нашим. Какой же у него ход! Какой ход!

— Но нам надо его нагнать, — воскликнула Берта и подбежала к корме, — это же «Молодой Карл»!

И она указала отцу на широкую белую полосу на корме судна, на которой сияла золотом надпись:

МОЛОДОЙ КАРЛ

— Честное слово, Берта, ты права! — воскликнул маркиз. — Поворачивай, дружище, поворачивай! Но почему я не вижу знака, о котором было условлено с господином де ла Ложери? И как случилось, что вместо того, чтобы плыть в бухту Бурнеф, где мы должны были его ждать, шхуна держит курс на запад?

— Возможно, что-то случилось, — сказала Берта, бледная как полотно.

— Лишь бы ничего не произошло с Малышом Пьером! — прошептал маркиз.

Отдав должное мужеству, с каким ее отец сносил удары судьбы, Берта все же едва слышно произнесла:

— Лишь бы ничего не случилось с Мишелем!

— Что бы там ни было, — заявил маркиз, — нам надо узнать, в чем дело.

Как раз в этот момент парусник, повернувшись через фордевинд, поймал ветер в парусах, и тут же его скорость заметно увеличилась. Быстрый маневр легкого суденышка не позволил шхуне, несмотря на преимущество в парусах, уйти слишком далеко.

Рыбак смог докричаться до шхуны.

На мостик вышел капитан.

— Ваша шхуна «Молодой Карл» идет из Нанта? — крикнул хозяин парусника, сложив ладони рупором.

— Какое тебе до этого дело? — ответил капитан корабля, пребывавший в дурном расположении духа, несмотря на то, что ускользнул, как он считал, от руки правосудия.

— У меня на борту для вас люди! — крикнул рыбак.

— Тысяча чертей! Опять порученцы! Если они такие же, как предыдущие, то, старая перечница, я отправлю тебя на дно до того, как ты попытаешься подняться на мой борт!

— Нет, это пассажиры. Разве вы не ждете их?

— Я не жду ничего, кроме попутного ветра, чтобы обогнуть мыс Финистьер.

— Разрешите мне подойти к вашему судну, — спросил рыбак по просьбе Берты.

Убедившись в том, что ни со стороны берега, ни со стороны моря ему ничего не грозит, и в то же время желая узнать, не являлись ли эти пассажиры именно теми людьми, ради которых и было предпринято столь опасное путешествие, чтобы взять их на борт, капитан решил не отказывать рыбаку и, приказав свернуть большие паруса, замедлил ход шхуны.

Вскоре рыбацкий парусник подошел так близко к «Молодому Карлу», что с него был сброшен трос, с помощью которого легкое суденышко было подтянуто к корме шхуны.

— Ну теперь посмотрим, что там у тебя? — спросил капитан, свесившись к паруснику.

— Попросите господина де ла Ложери выйти к нам, — крикнула Берта.

— Господина де ла Ложери на борту нет, — ответил капитан.

— Но тогда, — продолжала взволнованным голосом Берта, — если у вас на борту нет господина де ла Ложери, то у вас по крайней мере должны находиться две дамы.

— Что касается дам, — ответил капитан, — то у меня есть только один негодяй, закованный в кандалы, который ругается и богохульствует в трюме, грозясь срубить мачту и оставить от бочек, к которым привязан, одни щепки.

— О, Боже! — воскликнула дрогнувшим голосом Берта. — Не знаете ли вы, что случилось с теми людьми, которых вы должны были взять на борт?

— Честное слово, моя красавица, — сказал капитан, — я был бы вам бесконечно признателен, если бы вы могли мне объяснить, что все это значит. Ибо сам черт не разберет, в чем тут дело! Вчера вечером ко мне прибыли два человека, и оба заявили, что их послал господин де ла Ложери, но с двумя противоположными поручениями: один потребовал, чтобы я тут же снялся с якоря, а другой сказал, чтобы я не двигался с места и ждал. Один из них был, как мне показалось, честным арендатором и к тому же мэром: он мне показал ленту, похожую на трехцветную перевязь. Как раз он и передал мне приказ поскорее сниматься с якоря и уплывать подальше от этого берега на всех парусах. А другой, который уговаривал меня остаться, оказался бывшим каторжником. И, конечно, я поверил тому, кто был, на мой взгляд, добропорядочным прихожанином, или скорее у кого была незапятнанная репутация. И я снялся с якоря.

— О, Боже! — воскликнула Берта. — Это был Куртен; значит, с господином де ла Ложери что-то случилось.

— Не хотите ли вы взглянуть на того человека? — спросил капитан.

— На какого? — спросил маркиз.

— На того, кто находится в трюме и закован в кан-

дали. Возможно, вы его опознаете; может быть, мы докапаемся до истины, хотя теперь уже слишком поздно, чтобы она нам пригодилась.

— Да, теперь мы уже никуда не уедем,— сказал маркиз,— но, возможно, это поможет нам спасти наших друзей. Покажите нам этого человека.

Капитан отдал приказ, и не прошло минуты, как на палубу вывели Жозефа Пико. У него по-прежнему были связаны веревкой руки, а на ногах звенели кандалы; однако это не помешало ему при виде берега родной Вандеи, которую он уже и не ментал увидеть, рвануться из рук конвоиров, чтобы броситься в море, не подумав при этом, что вряд ли смог бы доплыть до земли.

Все это происходило на правом борту, так что пассажиры парусника, привязанного к корме шхуны, не могли ничего видеть, и только по крику Пико и шуму, доносившемуся с палубы, они поняли, что на борту «Молодого Карла» началась потасовка.

Оттолкнув парусник от шхуны, рыбак повел свое судно вдоль борта «Молодого Карла» и увидел, как Пико отбивался от четырех матросов.

— Пустите меня! — кричал он.— Мне лучше сразу умереть, чем продолжать гнить в тюрьме!

И он в самом деле бросился бы в море, если бы в этот момент не узнал маркиза де Судэ и Бертю, с изумленными лицами наблюдавших за потасовкой.

— Эй! Господин маркиз! Эй! Мадемуазель Берта! — крикнул Жозеф Пико.— Вы должны меня спасти, ибо я выполнял поручение господина де ла Ложери, когда попал сюда, а эта скотина-капитан надо мной измывался после того, как меня оболгал мерзавец Куртен.

— Поди разберись: где тут правда, а где ложь? — спросил капитан.— Признаюсь, я был бы вам весьма признателен, если бы вы помогли мне избавиться от этого типа. Мое судно не зафрахтовано идти в Кавен или Ботани-Бей.

— Увы! — сказала Берта.— Вы правы. Я не знаю мотивов, побудивших мэра Ложери уговорить вас выйти в море, но уверена в одном, что человек в оковах не солгал.

— В таком случае освободите его! Тысяча чертей, пусть катится на все четыре стороны! А что теперь будет с вами? Вы останетесь или поплывете со мной? Мне ничего не стоит взять вас на борт, так как мне заплатили вперед, и для очистки совести я мог бы прихватить вас с собой.

— Капитан,— спросила Берта,— а могли бы вы вернуться назад и сделать то, что сорвалось, и сегодня ночью взять пассажиров на борт?

— Невозможно,— ответил, разводя руками, капитан,— а таможня! А служба безопасности! Нет, из этого ничего не выйдет. Повторяю, если вы хотите воспользоваться предоставившейся возможностью и отправиться в Англию, я к вашим услугам, и вам это ничего не будет стоить.

Маркиз вопросительно взглянул на дочь, но Берта в ответ лишь отрицательно покачала головой.

— Спасибо, капитан,— ответил маркиз,— это невозможно.

— Тогда прощайте,— сказал капитан,— но прежде чем расстаться, мне бы хотелось попросить вас об одной услуге.

— О какой?

— О погашении небольшого счета, который вы представите к оплате вместе со своим.

— Капитан, я сделаю все, что вы скажете,— ответил маркиз де Судэ.

— Хорошо, я попрошу вас от моего имени расквитаться сотней розг с негодяем, посмевающим посмеяться надо мной прошлой ночью.

— Будет сделано,— ответил маркиз.

— Если у него еще останутся силы их выдержать после того, как я предъявлю ему свой счет,— произнес чей-то голос.

И они тут же услышали всплеск, словно за борт упал тяжелый предмет; несколько секунд спустя в нескольких футах от судна они увидели над водой голову Жозефа Пико, быстро плывшего к паруснику.

Как только с него сняли кандалы, шуан прыгнул за борт, не желая, чтобы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство задержало его на шхуне.

Хозяин парусника и маркиз помогли ему подняться на борт.

Почувствовав под ногами палубу, он сказал:

— Теперь, господин маркиз, объясните этому старому кашалоту, что я ношу отметину на плече как награду.

— В самом деле, капитан,— заметил маркиз,— этот крестьянин был приговорен к унижительным каторжным работам лишь за то, что выполнял свой долг во времена Империи, что не является, на мой взгляд, преступлением, и, хотя я и не одобряю его методы, хочу вам сказать, что все же он не заслужил, чтобы к нему относились так, как вы.

— Ладно,— сказал капитан,— все хорошо, что хорошо кончается. Спрашиваю еще раз: вы подниметесь на борт или нет?

— Нет, капитан, благодарю вас.

— Тогда счастливо оставаться!

И с этими словами капитан велел отдать концы, и шхуна, расправив паруса, набрала ход, оставив позади маленький парусник.

Пока старый рыбак вел свое судно к берегу, маркиз с Бертой держали совет.

Несмотря на все объяснения Пико,— нельзя сказать, что они были исчерпывающими, так как шуан увидел Куртена лишь в тот момент, когда его связывали,— они никак не могли понять, что заставило мэра Ложери поступить таким образом; однако его поведение показалось им подозрительным, и, хотя Берта напомнила отцу о том, с какой предупредительностью относился Куртен к Мишелю, как он был ему предан и какой привязанностью платил ему за это его хозяин, маркиз склонялся к мысли, что странное поведение Куртена говорило о том, что он был опасен не только для Мишеля, но и для его друзей.

Что же касалось Пико, то он поклялся отомстить, и, если маркиз де Судэ распорядится дать ему одежду матроса не столько для того, чтобы сойти за моряка, а скорее чтобы сменить порвавшуюся в драке куртку, он отправится в Нант, как только ступит ногой на твердую землю.

Предполагая, что вероломный Куртен избрал своей будущей жертвой Малыша Пьера, маркиз тоже хотел поспешить в город; однако Берта, уверенная в том, что

после неудачного побега Мишель возвратится в Ложери, зная о том, что она может там поджидать его, убедила отца повременить, пока у них не будет более полной информации о том, что произошло.

Рыбак высадил пассажиров у мыса Порник. Получив одежду от одного из сыновей рыбака, решившего ради такого случая расстаться с курткой и просоленной морской водой шапочкой, Пико тут же сориентировался на местности и почти что на крыльях полетел в сторону Нанта, проклиная Куртена всеми словами, какие только были в словарном запасе бывшего каторжника.

Однако прежде чем попрощаться с маркизом, он попросил его рассказать предводителю лесных братьев обо всем, что с ним приключилось, не сомневаясь в том, что мэтр Жак не откажет в братской помощи и поможет отомстить.

И вот, благодаря тому, что ему были хорошо знакомы здешние места, Пико смог добраться до Нанта часам к восьми вечера, и, естественно, он снова предложил свои услуги помощника конюха хозяину постоянного двора «Рассвет», который тут же принял его обратно; он смог, приняв меры предосторожности, подсмотреть встречу Куртена с человеком из Эгрефей и подслушать часть их разговора и даже увидел банкноты, которые Куртен признавал за деньги только в том случае, если они будут переведены в золото.

Что же касалось маркиза и его дочери, то они смогли только к вечеру тронуться в путь, несмотря на все нетерпение Берты; и по дороге в лес Туваа старый дворянин с искренней грустью думал о том, что такое радостное утро, как сегодня, ему уже вряд ли доведется пережить в обозримом будущем; и кто знал, сколько времени ему еще придется скрываться в крысиной норе.

XX

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ

Предчувствие не обмануло мэтра Жака: Жан Уллье был жив.

Куртен выстрелил в кусты, не целясь, и ранил старого шуана в грудь, и, когда на выстрел прибежала вдова Пико, она подумала, что Жан Уллье мертв.

Из чисто христианского сострадания, столь естественного для жителей сельской местности, она не захотела оставлять тело человека, которого всегда уважал ее муж, несмотря на различие в политических взглядах, на съедение хищных птицам и зверям, охотникам до мертвечины; решив предать тело вандейца земле, она втащила его на телегу, чтобы отвезти к себе в дом.

Только вместо того, чтобы накрыть подстилкой, которую она взяла с собою, она положила шуана на нее, и многие крестьяне, которых она повстречала по дороге, могли видеть и даже прикоснуться к безжизненному и окровавленному телу старого слуги маркиза де Судэ.

Вот как слух о смерти Жана Уллье разнесся по кантону, вот как он долетел до маркиза де Судэ и его дочерей, вот как Куртен, пожелавший на следующее утро еще раз убедиться в том, что ему больше не придется избегать встречи с самым опасным для него врагом, был введен в заблуждение так же, как и все остальные.

Вдова Пико отвезла тело Жана Уллье в дом, в котором она жила при жизни мужа и из которого переехала после смерти бедного Паскаля в Сен-Фильбер-де-Гран-Лье, где у ее матери был постоянный двор.

Когда ее телега переезжала известную нам развилку по дороге к дому братьев Пико, траурный кортеж поравнялся с всадником, ехавшим по Машкульской дороге.

Это был не кто иной, как наш старый знакомый врач из Леже, господин Роже, который обратился с вопросом к одному из мальчишек, назойливых и любопытных, как все мальчуганы в их возрасте, которые увязались за телегой; узнав, что везут тело Жана Уллье, он сопроводил его до самого дома братьев Пико.

Вдова положила Жана Уллье на траурное ложе, на котором раньше покоились бок о бок Паскаль Пико и несчастный граф де Бонвиль.

Когда Марианна совершала последний обряд над усопшим и обмывала запачканное кровью и пылью лицо, в комнату вошел врач.

— Увы! Дорогой господин Роже,— сказала она,— как жаль, что бедняге уже не понадобится ваша помощь!

Сколько ничтожных людишек, которые ему и в подметки не годятся, продолжают ходить по земле, в то время как достойнейшие из достойных уходят от нас раньше срока.

Врач выслушал все, что знала вдова о смерти Жана Уллье. В присутствии невестки, малышей и женщин, сопровождавших траурный кортеж, Марианна не горела желанием рассказывать о том, что всего несколько часов назад она разговаривала с Жаном Уллье, который вовсе не собирался умирать, и что, возвращаясь за ним на телеге, она услышала сначала выстрел, а затем топот убежавших людей, и она предположила, что Жана Уллье убили; вдова лишь сказала, что, возвращаясь из ланд, нашла старого шуана на дороге.

— Бедняга был храбрцом! — произнес доктор. — Может, и к лучшему, что он погиб, как солдат, избежав уготованной ему участи, если бы остался жив. Против него было столько улик! Если бы его схватили, то наверняка отправили бы, как и других, в тюрьму на горе Сен-Мишель.

И с этими словами доктор машинально подошел к Жану Уллье, чтобы взять безжизненно свисавшую руку и положить на грудь.

Однако, едва прикоснувшись к покойнику, доктор вздрогнул.

— Что случилось? — спросила вдова.

— Ничего, — ответил спокойно доктор, — этот человек действительно мертв, и от нас не требуется ничего больше, кроме как отдать ему последний долг.

— Зачем вы, — возмущенно спросила жена Жозефа, — привезли покойника? Ведь сюда в любой момент могут нагрянуть синие! Они уже однажды побывали у нас, и вы можете себе представить, как поведут себя во второй раз!

— Что вам до этого? — воскликнула вдова Пико. — Ведь ни вы, ни ваш муж больше не живете под крышей этого дома?

— Потому-то мы отсюда переехали, — ответила жена Жозефа, — ибо боимся, что они не обойдут этот дом стороной и обчистят нас до последней нитки.

— Прежде чем предавать тело земле, вам следовало бы провести опознание, — прервал перепалку женщин

врач,— и если это для вас представляет какие-то неудобства, то я готов взять на себя печальную обязанность и перевезти покойника в дом маркиза де Судэ, лечащим врачом которого я являюсь.

Улучив момент, когда вдова Пико проходила мимо, доктор шепнул:

— Отправьте побыстрее всех по домам.

Было уже около полуночи, и потому не пришлось никого уговаривать.

Как только они остались одни, доктор подошел к Марианне и сказал:

— Жан Уллье не умер.

— Как не умер? — воскликнула вдова.

— Потому-то я ничего не сказал, когда здесь было много народа. Самое главное сейчас—сделать так, чтобы никто не потревожил вас, когда, как я думаю, вы будете выхаживать его.

— Да услышит вас Бог! — ответила радостно добрая женщина.— Если только я смогу помочь ему, то знайте: буду это делать от всей души, так как никогда не забуду, с каким уважением к нему относился мой покойный муж; я всегда буду помнить о том, что даже в тот момент, когда я могла навредить его единомышленникам, Жан Уллье отвел от меня руку убийцы.

Плотно затворив ставни и дверь, вдова развела в очаге огонь, нагрела воды, и пока доктор промывал и осматривал рану, проверяя, не задела ли пуля важный для жизни орган, она вышла из дома, распрощалась с несколькими приподнявшимися кумушками, сделав вид, что возвращается в Сен-Фильбер.

Дойдя до поворота, она свернула с дороги в лес и вернулась через сад.

Подойдя к двери, она прислушалась, чтобы убедиться, что ничего подозрительного вокруг.

По всей видимости, жена Жозефа увела детей в дом, где жила, пока муж и отец ее детей воевал, как мы знаем, у партизан.

Марианна вошла через дверь, выходящую во двор.

При виде перевязанного врачом раненого она поняла, что тот жив.

У него прощупывался пульс, а когда она поднесла к губам ладонь, ощутила дыхание.

Вдова обрадовалась, увидев первые признаки жизни.

— Как вы думаете, его можно спасти? — спросила она.

— На все воля Божья,— ответил врач,— а я могу только сказать, что у него не задет ни один важный для жизни орган, но он потерял слишком много крови; к тому же мне не удалось удалить пулю.

— Однако,— произнесла Марианна,—я слышала, что некоторые люди неплохо себя чувствовали и еще долго жили с пулей в теле.

— Вполне возможно,— ответил врач,— но мне хотелось бы знать ваши планы.

— Я думаю отвезти беднягу в Сен-Фильбер и там спрятать, пока он жив или пока не выздоровеет.

— В настоящее время это невозможно,— возразил доктор.— Его спас сгусток крови, и теперь малейшее сотрясение может оказаться для него смертельным. Впрочем, на постоялом дворе у вашей матери в Сен-Фильбере слишком много народа, и вы не сможете долго держать в секрете, что он находится у вас.

— Боже мой! Неужели вы думаете, что его могут арестовать в таком тяжелом состоянии?

— Конечно, его сразу не повезут в тюрьму, но поместят в какое-нибудь лечебное заведение, откуда переведут в камеру до суда, который если и не вынесет смертный приговор, то по крайней мере приговорит к длительному тюремному заключению. Жан Ульье принадлежит к числу мало известных, но очень опасных своим влиянием на народные массы предводителей восстания, с которыми правительство безжалостно расправляется. Почему бы вам не открыться вашей невестке? Разве она не придерживается тех же взглядов, что и Жан Ульье?

— Вы слышали, что она сказала.

— Это верно... Я понимаю, что вы не можете рассчитывать на ее милосердие. Хотя сам Бог велит, чтобы она проявляла сочувствие к ближнему, ибо, если поймут ее мужа, его ожидает еще худшая участь.

— Да, я знаю,— произнесла суровым голосом вдова,— его казнят.

— Так вы могли бы спрятать Жана Ульье в этом доме? — спросил врач.

— В этом доме? Да, конечно. И он будет в большей безопасности, чем в любом другом месте, ибо все знают, что здесь никто не живет. Но кто же будет ухаживать за ним?

— Жан Уллье не изнеженная барышня,— ответил врач,— и не пройдет двух или трех дней, как утихнет жар, и он сможет обходиться без посторонней помощи в течение дня. Я же буду навещать его каждую ночь.

— Прекрасно, а я пробуду с ним столько времени, сколько смогу, чтобы не вызвать подозрений.

С помощью доктора Марианна перенесла раненого в коровник, находившийся рядом с ее комнатой, заперла за собой дверь и попрощалась с доктором до следующей ночи. Зная о том, что раненому, если он придет в себя, понадобится на первых порах лишь глоток воды, она присела рядом с ним, чтобы не пропустить момента, когда он очнется.

На следующее утро она сходила в Сен-Фильбер; когда же ее спрашивали о Жане Уллье, она отвечала, что по совету невестки, опасавшейся преследований властей, она отвезла покойника в ланды.

Вдова вернулась под предлогом наведения в доме порядка; когда солнце склонилось к закату, она закрыла на замок дверь при соседях и возвратилась в Сен-Фильбер еще засветло, чтобы все знали, что она не осталась ночевать в бывшем доме.

А ночью вдова вернулась к Жану Уллье.

Так она провела три дня и три ночи; запершись в коровнике, Марианна боялась лишней раз пошевелиться, чтобы никто не догадался, что она в доме; по прошествии трех суток, хотя Жан Уллье еще пребывал в том обморочном состоянии, какое наступает после тяжелого ранения, связанного с большой потерей крови, врач заставлял ее днем ухаживать домой, разрешив возвращаться к больному только ночью.

Жан Уллье был так тяжело ранен, что две недели находился между жизнью и смертью; лоскутки от одежды, занесенные пулей в рану, вызвали воспалительный процесс, с которым долго боролся здоровый организм, и лишь когда миновал кризис, врач смог поручиться, к огромной радости вдовы Пико, за жизнь вандейца.

Марианна с удвоенным усердием принялась ухаживать за раненым, когда у нее появилась надежда на его выздоровление; хотя шуан был еще очень слаб и с трудом мог выговаривать несколько слов, он все же ухитрялся каким-то образом выказывать ей свою благодарность, что само по себе говорило о том, что его дела пошли на поправку; и вдова каждую ночь проводила у изголовья раненого, приняв все меры предосторожности, чтобы никому не попадаться на глаза

После того как рана очистилась от гноя, Жан Уллье начал быстро выздоравливать, однако вместе с возвращавшимися силами к нему пришла тревога за близких ему людей, и он попросил вдову узнать о том, что произошло с маркизом де Судэ, Бертой, Мари и даже Мишелем, которому удалось победить неприязнь и прочно завоевать место в сердце вандейца; Марианна навела справки у роялистов, остававшихся на постой у ее матери, и вскоре смогла сообщить Жану Уллье, что все его друзья были здоровы и на свободе, она поведала ему, что маркиз де Судэ скрывался в лесу Тувуа, а Берта с Мишелем находились у Куртена, в то время как Мари, по всей видимости, осталась в Нанте.

Не успела вдова произнести имя арендатора, как раненый изменился в лице; словно стараясь что-то вспомнить, он провел ладонью по лбу и впервые за все время болезни сел в постели.

Он сначала подумал о близких ему людях; затем в его мозгу, еще не совсем очнувшемся от длительного сна, пробудились воспоминания, вспыхнула старая ненависть, и с неистовой силой им овладела жажда мщения.

К своему ужасу, вдова Пико услышала от Жана Уллье те же слова, что он произносил, когда был без сознания, которые она принимала за бред; он обвинял Куртена в предательстве, трусости и убийстве; он снова заговорил о крупной сумме денег, обещанной за предательство; и в состоянии крайнего возбуждения, с пылавшими гневом глазами, срывавшимся от волнения голосом, он стал умолять вдову пойти за Бертой и привести ее к нему.

Бедная женщина, решив, что шуан снова бредил, не знала, что и делать, ибо врач пообещал навестить раненого только в следующую ночь.

Тем не менее она пообещала Жану Уллье сделать все, что он попросил.

Немного успокоившись, старый вандеец снова прилег и, обессилив от пережитых волнений, забылся в беспоконном сне.

У разбитой усталостью вдовы, сидевшей на подстилке у постели больного, уже начали невольно слипаться глаза, как вдруг ей послышался непривычный шум, доносившийся со двора.

По булыжникам, проложенным по навозу, которым был обильно усыпан двор дома, кто-то шел.

Вскоре она услышала, как стукнула шеколда соседней двери и раздался голос ее деверя, который Марианна сразу признала: «Сюда! Сюда!»

Зная, что на половине Жозефа никто не жил, назначенная им ночная встреча необычайно возбудила ее любопытство; не сомневаясь в том, что шуан, как всегда, обделывает свои темные делишки, она решила узнать, что он задумал.

Марианна бесшумно отодвинула доску, прикрывавшую отверстие, через которое коровы просовывали головы, чтобы получать причитающийся им корм, пролезла через узкую щель в горницу, ловко вскарабкалась по лестнице, на которой был смертельно ранен граф де Бонвиль, на чердак, который, как мы помним, был общим на две половины дома, и прислушалась, находясь как раз над комнатой брата своего мужа.

Она успела лишь к середине разговора.

— А ты видел деньги? — спросил кто-то голосом, показавшимся ей знакомым, но который она не смогла сразу опознать.

— Как сейчас вижу вас, — ответил Жозеф Пико, — это были банкноты, но он потребовал, чтобы ему заплатили золотом.

— Тем лучше! Знаешь, банкноты меня не очень бы устраивали, так как в провинции их неохотно берут.

— Вот я и говорю вам, что будет золото.

— Хорошо! А где они должны встретиться?

— В Сен-Фильбере завтра вечером. У вас будет время предупредить ваших парней.

— Ты что, свихнулся? Моих парней! Ты сказал, сколько их будет?

— Всего двое: мой бандюга и его приятель.

— Тогда двое на двое, и, как говорил наш прославленный Жорж Гадудаль, на войне как на войне.

— Но, мэтр Жак, у вас только одна рука.

— Какая разница, если она крепкая? Беру на себя самого сильного.

— Пойдите! Мы об этом не договаривались.

— Как это?

— Мэра оставьте мне.

— Ты слишком многого хочешь.

— О! Негодяй заплатит за все, что мне пришлось пережить по его вине.

— Если у них будут деньги, о которых ты говоришь, ты не будешь в обиде, несмотря на то, что он продал тебя, как негра... Поверь мне, дружище, ты не стоишь двадцати тысяч франков.

— Возможно, но мне надо с ним расквитаться: я уже давно точу зуб на этого мерзавца! Он виноват...

— В чем?

— Ладно... Сейчас скажу!

И Жозеф Пико так понизил голос, что его слов нельзя было разобрать, и, решив, что воспоминание шуана было связано со смертью ее бедного мужа, Марианна невольно вздрогнула.

— Ладно,— сказал собеседник Жозефа Пико,— ты получишь своего обидчика; но, прежде чем что-либо предпринять, ты должен поклясться, что деньги принадлежат правительству, так как в противном случае я отказываюсь принимать участие в этом деле.

— Черт возьми! Неужели вы думаете, что у того человека столько денег, что он может из собственного кармана делать подарки негодному прихожанину? И это лишь задаток; я хорошо расслышал.

— И ты не мог узнать, кто так щедро расплачивается с ним?

— Нет, но у меня есть кое-какие соображения.

— Говори.

— Видите ли, мэтр, я думаю, что, если мы освободимся от этих двоих типов, мы убьем сразу двух зайцев: прежде всего мы решим наши личные проблемы, а уж потом совершим акт политического возмездия. Будьте спокойны, завтра я буду больше знать и сообщу вам.

— Черт возьми! — воскликнул мэтр Жак.— Ты так меня раззадорил, что мне придется взять свое слово об-

ратно; ты получишь своего обидчика, если от него что-то еще останется.

— Как это! Если останется?

— А вот как, прежде чем отдать его тебе, чтобы ты свел с ним счеты, я хочу поговорить с ним немного.

— Ба! И вы думаете, что он тут же расколется?

— О! Уверен, как только попадет мне в руки.

— Он обведет кого угодно вокруг пальца!

— Как бы не так! А вспомни, как в старые добрые времена делали разговорчивыми даже самых ловких хитрецов, которые по какой-то причине не хотели говорить правду? — сказал мэтр Жак с дьявольским смешком.

— Ах, да! Каленым железом... Честное слово, вы правы, и мне такая месть больше по душе, — заметил Жозеф.

— Да, по крайней мере мы скорее узнаем, как и почему правительство дает мэру эдакий небольшой задаток в пятьдесят тысяч франков. Возможно, полученная информация для нас будет ценнее золота, которое мы положим в карманы.

— О! Золото нам тоже не помешает, особенно в нашем положении, когда мы уже были один раз осуждены и теперь у нас реальная возможность сложить головы в Буффэ, в то время как с причитающейся мне долей в двадцать пять тысяч франков я смогу жить, где захочу.

— Ты поступишь так, как гвоей душе угодно, но прежде скажи, где твои люди должны встретиться. Я бы не хотел упустить их.

— На постоялом дворе в Сен-Фильбере.

— Тогда все просто: разве не твоя невестка наполовину хозяйка постоялого двора? С ней можно поделиться выручкой, и все останется в семье.

— О нет, только не с ней, — возразил Жозеф, — прежде всего она не из наших, и потом мы с ней не разговариваем с тех самых пор...

— С каких?

— Со смерти моего брата, если это вас так интересует!

— А! Так, значит, правда, что мне о тебе рассказывали: если ты сам не зарезал его, то несомненно приложил свою руку.

— Кто это говорит? — воскликнул Жозеф Пико. — Кто это говорит? Мэтр Жак, назовите его имя, и от него останутся такие же мелкие щепки, как от этой скамейки.

И вдова услышала, как разлетелась в разные стороны скамейка, на которой сидел ее деверь, после удара по очагу.

— Успокойся! Какое мне до всего этого дело? — постарался утихомирить его мэтр Жак.— Тебе же известно, что не в моих правилах вмешиваться в семейные дела. Вернемся лучше к нашему вопросу. Так ты сказал...

— Я сказал: только не у моей невестки.

— Тогда нам следует устроить засаду в поле. Но где? Они наверняка придут разными дорогами.

— Да, но уйдут вместе. Чтобы вернуться домой, мэтр выйдет на дорогу, ведущую в Нант, и пойдет по ней до самого Тьерсе.

— Хорошо, мы будем поджидать их на дороге, ведущей в Нант, в растущем у дороги тростнике: мне не раз приходилось там скрываться.

— Ладно, а где мы встретимся? Я уйду отсюда утром до рассвета,— сказал Жозеф.

— Хорошо, встретимся на развилке Раго в Машкульском лесу,— произнес хозяин братьев-кроликов.

Согласившись, Жозеф пообещал прийти; вдова услышала, как он предложил мэтру Жаку заночевать у него, однако шуан, у которого по всем окрестным лесам были нарыты землянки, считал эти скромные убежища лучшими домами в мире, если не по комфорту, то по соображениям безопасности.

С его уходом все стихло на половине Жозефа Пико.

Спустившись в коровник, Марианна увидела, что Жан Улле крепко спит. Она не хотела его будить; ночь уже давно наступила, и было самое время возвращаться в Сен-Фильбер.

Она приготовила все, что могло понадобится вандейцу в течение следующего дня, и по привычке вылезла в окно.

Вдова, задумавшись, возвращалась домой.

Уверенная в том, что Жозеф замешан в убийстве Паскаля, она испытывала к нему жгучую ненависть, и в ее вдовьем одиночестве ее все больше и больше охватывала жажда мести с каждой прошедшей ночью.

Ей казалось, что само небо разделяло ее чувства, и именно по зову Всевышнего она смогла столь чудесным образом узнать о новом готовящемся злодеянии Жозефа; она подумала, что только выполнит волю Всевышне-

го, если помешает ограблению и убийству людей, которых она считала невинными жертвами; отказавшись от первоначального замысла выдать мэтра Жака и Жозефа либо органам правосудия, либо тем людям, которых они задумали убить и ограбить, Марианна решила стать единственной посредницей между Провидением и будущими жертвами разбойного нападения.

XXI

В КОТОРОЙ КУРТЕН НАКОНЕЦ-ТО СМОЖЕТ ПРИТРОНУТЬСЯ К СВОИМ ПЯТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧАМ ФРАНКОВ

Из письма Малыша Пьера Куртен только узнал, что тот находился в Нанте и ожидал Берту; однако в нем не было ни слова о том, где он скрывался и как его разыскать.

Правда, Куртену удалось раскрыть секрет дома с двумя выходами.

Сначала он хотел продолжить слежку и последовать за Бертой в Нант, как ей и предписывал Малыш Пьер, воспользоваться смятением в душе девушки после того, как ей станут известны отношения Мари и Мишеля, которые он постарался бы расписать во всех красках; однако затем арендатор засомневался в эффективности используемых им до сих пор средств; понимая, что он рисковал потерять последний шанс на успех, если по нелепой случайности в очередной раз сорвутся все его хитроумные планы, он решил изменить тактику.

Жил ли кто в доме, выходявшем одной стороной в безымянный переулок, по которому мы не раз уже проводили нашего читателя, а другой — на Базарную улицу? И кто это был? Нельзя ли через него выйти на Малыша Пьера? Вот о чем подумал мэр Ложери.

И чтобы получить ответ на вопросы, о которых он никогда до сих пор не задумывался, мэтр Куртен решил остаться в Нанте; впрочем, он предполагал, что Берта уже вернулась на ферму, чтобы встретиться с Мишелем, и потому он был почти уверен, что она дождет его.

И он принял смелое решение.

На следующий день в десять часов утра он уже был у таинственного дома; только вместо того, чтобы посту-

чать в дверь, вышедшую в переулок, на которой он оставил свою метку, мэтр Куртен решил попытаться войти со стороны Базарной улицы.

Он заметил, куда постучался Мишель, и теперь, зайдя с другой стороны, он хотел убедиться в том, что обе двери вели в один и тот же дом.

Когда вышедший на стук слуга увидел через решетчатое окошко, что пришедший был один, он открыл, или скорее приоткрыл, дверь.

Они оказались лицом к лицу.

— Вы откуда? — спросил слуга.

Растерявшись от резкого тона, которым был задан вопрос, Куртен ответил:

— Черт возьми! Из Туваа.

— Мы никого оттуда не ждем, — ответил слуга.

И уже было собрался захлопнуть дверь перед самым носом мэра Ложери.

Однако это оказалось не таким простым делом: Куртен ухватился за ручку двери.

Вдруг арендатора озарило.

Он вспомнил, что сказал Мишель, когда попросил лошадей на постоялом дворе «Рассвет»; теперь ему стало ясно, что слова, на которые он поначалу не обратил внимания, были паролем.

Слуга попытался оттолкнуть его, но Куртен, упершись, не позволил.

— Постойте, — произнес он, — если я только что утверждал, что прибыл из Туваа, то только для того, чтобы убедиться в том, что вам можно доверять; знаете, предосторожность никогда не бывает лишней! Нет, я прибыл не из Туваа, а с юга.

— И куда вы держите путь? — спросил слуга, не торопясь распахнуть перед Куртеном дверь.

— А куда же вы хотите, чтобы я шел, направляясь с юга, если не в Росни?

— В добрый час, — ответил слуга, — видите ли, мой добрый друг, сюда не входят, не показав своей белой ладони.

— Это совсем нетрудно для тех, у кого белая кожа, — сказал Куртен.

— Гм! Тем лучше, — ответил походивший на бретонца с юга слуга, перебирая пальцами четки.

Однако, несмотря на некоторую неприязнь, которую он испытывал к Куртену, слуге ничего не оставалось после правильно названного пароля, как проводить пришельца в небольшую комнату и указать на стул.

— Господин сейчас занят,— сказал он,— я проведу вас к нему, как только он закончит разговор с посетителем, который находится в его кабинете. Присаживайтесь и немного отдохните.

Куртен понял, что зашел слишком далеко. Рассчитывая, что в доме живет какое-то незначительное лицо, он собирался хитростью или подкупом выудить у него нужные сведения. Услышав от слуги, что тот проведет его к своему хозяину, Куртен понял, что ввязался в серьезную игру и, чтобы не выдать себя, ему надо поскорее придумать какую-нибудь историю, чтобы не вызвать подозрений.

Куртен сразу отбросил мысль расспросить слугу, чье строгое и суровое лицо свидетельствовало о том, что перед ним был один из тех фанатиков, которые еще не перевелись на кельтском полуострове.

И в ту же секунду Куртен сообразил, что ему следует предпринять.

— Да,— произнес он со смиренным и поучающим видом,— я подожду, когда освободится ваш господин, и скрашу ожидание молитвой. Вы мне не позволите взять один из часословов? — добавил он, указывая на одну из книг, лежавших на столе.

— Даже не думайте прикасаться к этим книгам, если хотите совершить молитву,— ответил бретонец,— они вовсе не церковные, а светские. Я могу одолжить вам молитвенник,— продолжил слуга, доставая из кармана своей расшитой куртки небольшую книгу с переплетом и срезом, почерневшими от времени и употребления.

В тот момент, когда он потянулся рукой к карману, Куртен увидел за широким поясом блестящие рукоятки двух пистолетов и поздравил себя, что вовремя сообразил, что бретонец не тот человек, которого можно подкупить, и что с ним шутки плохи.

— Спасибо,— произнес Куртен, принимая из рук слуги молитвенник, и с таким набожным видом преклонил колени, что бретонец, сняв шапку и обнажив длинные во-

лосы, перекрестился и осторожно прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать святоше молиться.

Оставшись один, арендатор почувствовал нестерпимое желание как следует осмотреть комнату, где находился; однако он был не из тех, кто мог допустить подобную оплошность; подумав, что за ним могли наблюдать в замочную скважину, он удержался от соблазна и сделал вид, что углубился в молитву.

Бормоча вполголоса «Отче наш», Куртен не терял времени даром, исподтишка оглядываясь вокруг. Он находился в маленькой, не больше двенадцати квадратных футов комнатушке с перегородкой, отделявшей ее от смежной комнаты, в которую вела вторая дверь; она была обставлена скромной мебелью из орехового дерева; свет в нее проникал через выходившее во двор единственное окно, нижняя часть которого была защищена тонкой металлической сеткой, выкрашенной в зеленый цвет, так что снаружи невозможно было разглядеть, что происходило внутри.

В надежде услышать хоть какие-нибудь отрывки разговора, он старательно прислушивался; однако, несомненно, были приняты необходимые меры предосторожности, ибо, сколько мэтр Куртэн ни вслушивался в то, что происходило за дверью в соседней комнате, сколько ни наклонялся в сторону двери и камина, рядом с которыми преклонил колени, чтобы помолиться, до него не донеслось ни одного звука.

Однако наклонившись, чтобы было удобнее подслушивать, мэтр Куртен нечаянно разглядел в камине среди остывших углей и пепла несколько скомканных бумаг, приготовленных для сжигания. Они так его заинтересовали, что, упершись головой в каминную раму, он осторожно протянул руку и по одной вытащил из камина, и, оставаясь в прежней позе под прикрытием стоявшего посреди комнаты стола, закрывавшего от любопытных глаз, которые, возможно, следили за каждым его движением, он по очереди развернул каждую из них.

Прочитав и бросив обратно в камин уже несколько бумаг, вдруг, сворачивая на колене одну из них с какими-то не представлявшими для него интереса случайными записями, он неожиданно разглядел на обороте несколько строчек, написанных, к его удивлению, необыкновенно изящным и тонким почерком:

«Тотчас приходите, если испытываете какие-то трудности. Наш друг поручил мне передать вам, что в нашем убежище есть комната, на которую вы можете рассчитывать».

Записка была подписана «М. де С».

По инициалам он тут же догадался, что записку написала Мари де Судэ.

Мэтр Куртен бережно опустил ее в карман; его хитрый крестьянский ум в одно мгновение подсказал, что он сможет извлечь немалую выгоду из полученных сведений.

Спрятав записку, он продолжил поиски и по обнаруженным счетам сделал вывод, что владелец или арендатор дома вел бухгалтерию Малыша Пьера.

Вдруг послышались голоса и шаги в коридоре.

Куртен поднялся на ноги и подкрался к окну.

Через приоткрытую створку окна он увидел, что слуга провозжал какого-то человека, державшего в руках пустой мешочек из-под денег. Прежде чем выйти, человек сложил его и сунул в карман.

До сих пор мэтр Куртен видел посетителя только со спины, но в тот момент, когда тот вышел вперед, чтобы выйти через садовую калитку, арендатор узнал мэтра Лорио.

— А! — произнес про себя Куртен. — И этот здесь! Он принес им деньги! Прийти сюда было и правда совсем не плохой мыслью.

И Куртен устроился, как и раньше, у камина, ибо решил, что настало время его аудиенции.

В тот момент, когда слуга приоткрыл дверь, он сделал вид, что поглощен своей молитвой настолько, что даже не пошевелился.

Подойдя к нему, слуга слегка притронулся к плечу и предложил последовать за ним. Однако Куртен сначала закончил свою молитву точно так же, как ее начал, перекрестившись, и бретонец набожно последовал его примеру.

Арендатора ввели в ту же комнату, в которой мэтр Паскаль принимал в первый вечер Мишеля; только теперь мэтр Паскаль был занят более серьезным делом, чем в тот раз. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и Куртену показалось, что он распознал блеск монет под

грудой вскрытых писем, нарочно разбросанных, чтобы спрятать золото.

От мэтра Паскаля не ускользнул взгляд арендатора; однако он не придавал ему значения, подумав, что крестьяне всегда с любопытством рассматривают золотые или серебряные монеты; но ему вовсе не хотелось, чтобы неожиданный пришелец и дальше проявлял любопытство, и потому, сделав вид, что ищет какую-то бумагу в ящике, он приподнял свисавшее до пола зеленое сукно и прикрыл стол. Затем, обернувшись к посетителю, мэтр Паскаль нетерпеливо спросил:

— Что вам угодно?

— Я пришел с поручением,— ответил Куртен.

— От кого?

— От господина де ла Ложери.

— А! Вы служите у этого молодого человека?

— Я его арендатор и доверенное лицо.

— В таком случае говорите.

— Однако я, в свою очередь, не знаю, могу ли я довериться вам,— уверенно ответил Куртен.

— Как?

— Господин де ла Ложери послал меня вовсе не к вам.

— А к кому же, любезнейший? — спросил мэтр Паскаль, нахмурившись.

— К особе, к которой вы должны меня проводить.

— Я не знаю, о ком вы говорите,— ответил мэтр Паскаль, не в силах скрыть досаду после непростительной оплошности, которую совершил, по его мнению, Мишель.

Увидев беспокойство на лице хозяина дома, Куртен понял, что поторопился, но теперь он не мог сразу отступить, не вызвав при этом подозрений.

— Послушайте,— произнес Паскаль,— вы скажете мне или нет то, что вам поручили передать? У меня нет времени с вами разговаривать.

— Бог мой, я даже не знаю, добрый господин, что мне делать,— сказал Куртен,— я так люблю хозяина, что готов ради него броситься в огонь; когда же он мне что-нибудь поручает, я в лепешку расшибаюсь, но выполняю его распоряжение; и вовсе не с вами я должен переговорить.

— Любезнейший, как вас зовут?

— Куртен, к вашим услугам.

— Из какого вы прихода?

— Конечно, из Ложери!

Мэтр Паскаль достал записную книжку и, полистав, окинул арендатора подозрительным взглядом.

— Вы мэр? — спросил он.

— Да, с 1830 года.

Заметив, как на глазах менялось к нему отношение мэтра Паскаля, он добавил:

— Меня назначила мэром моя хозяйка, баронесса.

— Господин де ла Ложери просил передать что-то на словах особе, к которой вас послал?

— Да, у меня есть записка, но она не к ней.

— Я могу взглянуть?

— Конечно, в ней нет секрета, ибо она даже не запечатана.

И Куртен передал в руки мэтра Паскаля записку, которую ему вручил Мишель для Берты, в которой Малыш Пьер просил ее прибыть в Нант.

— Как случилось, что эта записка все еще у вас? — спросил мэтр Паскаль. — Мне кажется, что она написана более суток назад.

— Всему свое время; по возвращении домой я тотчас передам записку в руки того, кому она адресована.

Не найдя имени Куртена в списке роялистов, мэтр Паскаль не спускал с него глаз; а Куртен решил снова прикинуться дурачком, как это ему уже однажды блестяще удалось с капитаном «Молодого Карла».

— Послушайте, милейший, — произнес Паскаль, — только я могу выслушать то, что вам поручено передать. Рассказывайте, если это вас устраивает, в противном случае возвращайтесь к своему хозяину и передайте, чтобы он сам сюда прибыл.

— Мой дорогой господин, я не могу этого сделать, — ответил Куртен, — мой хозяин приговорен к смертной казни, и мне вовсе не хочется, чтобы он появился в Нанте с риском для жизни; ему лучше оставаться в наших краях. Я все скажу вам, а вы поступите по вашему усмотрению; пусть мой хозяин выругает меня, если я поступлю неправильно.

Такая простодушная преданность немного смягчила сердце мэтра Паскаля, который был явно встревожен вопросами, заданными мэром Ложери.

— Говорите, любезнейший, а я уж постараюсь, чтобы ваш хозяин не бранился.

— Я все скажу. Господин Мишель поручил передать вам или скорее господину Малышу Пьеру,— ведь так зовут господина, к которому он меня послал...

— Ладно,— произнес с улыбкой мэтр Паскаль.

— Что он знает имя человека, отправившего корабль за несколько минут до того, как Малыш Пьер, мадемуазель Мари и он прибыли в условленное место.

— И кто же он?

— Некто по имени Жозеф Пико, работающий последнее время на конюшне в «Рассвете».

— Да, он действительно там работал и со вчерашнего утра исчез!— воскликнул мэтр Паскаль.— Продолжайте, милейший Куртен.

— Мой хозяин просил остерегаться этого Пико в городе и установить за ним слежку в Бокаже.

— Хорошо, передайте господину де ла Ложери мою благодарность за ценные сведения. Они, смею вас заверить, попали по назначению.

— Отлично,— ответил, вставая, Куртен.

И мэтр Паскаль с такой любезной учтивостью попрощался с арендатором, проводив его до самого выхода на улицу, которую не проявил, как мог наблюдать Куртен, даже к самому мэтру Лорио.

Куртен был слишком хитер, чтобы его ввело в заблуждение такое с ним обращение, и он нисколько не удивился, когда, отойдя шагов на двадцать от дома мэтра Паскаля, услышал позади себя скрип открывшейся и тут же захлопнувшейся калитки. Ему не надо было оборачиваться, чтобы убедиться, что за ним шли следом, и он пошел вперед с видом человека, которому некуда спешить. Разинув рот, он останавливался у каждой витрины магазина и читал все вывески подряд, стараясь своим поведением окончательно рассеять возникшие у мэтра Паскаля подозрения.

Такая прогулка была ему вовсе не в тягость, ибо прошедшее утро показалось ему особенно удачным, и он уже представлял, что вот-вот сможет воспользоваться плодом упорных трудов.

В тот момент, когда он подходил к гостинице «Отель де Колони», он увидел, как у ее входа мэтр Лорио разговаривал с незнакомым для него человеком.

Придав своему лицу удивленное выражение, мэтр Куртен направился к нотариусу и спросил, что привело его в Нант в самый что ни на есть небазарный день.

Затем он попросил мэтра Лорио отвезти его обратно в своем кабриолете, если найдется для него свободное место, на что тот великодушно согласился, предупредив, что ему еще надо задержаться по делам в Нанте часа на четыре или пять, и посоветовал скоротать время в каком-нибудь кафе.

Для арендатора кафе было роскошью, которую он ни при каких обстоятельствах не мог себе позволить, а тем более в тот день, когда он из суеверия отказался бы даже зайти в трактир; приняв набожный вид, он направился в церковь, где как раз проходила вечерняя проповедь для каноников, затем вернулся к гостинице, где у него была назначена встреча с мэтром Лорио; присев на тумбу, он задремал или сделал вид, что погрузился в безмятежную и спокойную дремоту, свойственную людям с чистой совестью, под сенью двух тисов, которые стояли в виде пирамиды у входа в гостиницу.

Не прошло и двух часов, как появился нотариус; он заявил Куртену, что вынужден на какое-то время задержаться в Нанте и потому будет в Леже не раньше, чем часам к десяти вечера, что совсем не устраивало арендатора, ибо между семью и восемью часами вечера у него была назначена встреча в Сен-Фильбер-де-Гран-Лье с Гиацинтом — так назвался ему человек из Эгрефей.

Заявив мэтру Лорио, что вынужден отказаться от удовольствия проехаться вместе с ним, он пошел пешком, ибо солнце уже клонилось к закату, а он хотел добраться до Сен-Фильбера до наступления темноты.

Еще сидя на тумбе, Куртен заметил своим недремлющим оком слугу-бретонца, который наблюдал за ним, но виду не показал, когда направился на назначенную ему встречу; лакей проводил его за Луару, и ни разу мэтр Ложери не оглянулся, что было бы вполне естественно, будь у него не чиста совесть; бретонцу ничего не оставалось, как вернуться домой и сказать своему хозяину, что тот напрасно заподозрил в нехорошем достойного крестьянина, предававшегося самым невинным развлечениям и святым молитвам, так что мэтр Паскаль изменил свое мнение и уже не винил Мишеля в том, что тот доверился столь преданному слуге.

ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР ВЕЛИКОГО СВЯТОГО ЖАКА

Нашему читателю будет легче представить события, которые развернутся на страницах нашего романа, если мы вкратце опишем окрестности деревни Сен-Фильбер, раскинувшейся на левом берегу реки Булонь, которая впадает в озеро Гран-Лье.

Церковь и большинство домов располагались в километре от озера; главная и единственная улица деревни пролегла вдоль берега Булони; чем дальше она спускалась к устью реки, тем реже встречались дома и тем беднее они выглядели; наконец, когда глазам путешественника открывалась широкая водная гладь, обрамленная зарослями камыша, на берегу оставалось не больше трех или четырех хижин под соломенными крышами, в которых жили крестьяне, чьим основным занятием было рыболовство.

Но все же в этом идущем на убыль по мере приближения к озеру уровне благосостояния жителей Сен-Фильбера было исключение. Шагах в тридцати от хижин, о которых мы только что рассказали, стоял воздвигнутый из кирпича и камня дом под красной черепичной крышей с зелеными ставнями и со всех сторон окруженный, словно военный лагерь часовыми, копнами сена и соломы, наполненный разноголосьем всяческой живности, с раннего утра мычавшей и блеющей в хлеву, кудахтавшей и крикавшей у ворот в поисках зернышка в придорожной пыли.

Дорога подходила к самым стенам, но и без свободной площадки перед окнами, заменявшей хозяевам скотный двор, дом мог по праву гордиться на всю округу своими самыми пышными и плодоносящими садами.

С дороги виднелись выступавшие над черепичной крышей на высоте труб верхушки плодовых деревьев, сплошь усыпанные весной розоватыми цветами и украшенные летом спелыми плодами всех размеров и оттенков; и, наконец, девять месяцев в году здесь было настоящее царство зелени и фруктовых деревьев, поднимавшихся амфитеатром на двести метров на юг до невысокого холма, на вершине которого стояли развалины старинного замка, возвышавшиеся с северной стороны над озером Гран-Лье.

Здесь как раз и находился тот постоянный двор, в котором хозяйничала мать вдовы Пико.

Что же касалось развалин, то это было все, что осталось от знаменитого замка Сен-Фильбер-де-Гран-Лье.

В старину над всей округой и озером возвышались мощные стены и высокие башни замка, принадлежавшего одному из самых богатых и знатных феодалов этой провинции; казалось, что и теперь стены замка еще хранили воспоминание о том, как под их мрачными сводами раздавалось эхо, откликавшееся на звон шпор графа Жилия де Реца, когда он, прохаживаясь по каменным плитам, замышлял очередную жуткую оргию, по части которых он едва ли не превзошел в изобретательности погрязший в разврате Древний Рим. Теперь же замок был разрушен и превратился в груды развалин, его обвалившиеся стены были сплошь увиты гирляндами плюща, а каменные плиты поросли диким левкоем. От былого величия не осталось и следа. И вот печальный итог: в прошлом величественные, наводившие страх и ужас на всю округу стены стали скромным пристанищем для потомков тех бедных крестьян, которые, по всей видимости, смотрели на них не иначе, как с душевным трепетом.

Развалины защищали прекрасные сады от северо-западного ветра, особенно губительного для фруктовых деревьев во время цветения; небольшой клочок земли превратился в настоящее Эльдorado, где все, начиная от местной груши до винограда, от горькой рябины до сладкого инжира, росло, цвело и плодоносило.

Но от замка в наследство новым владельцам досталась не только райская благодать сада: в ее низких продуваемых со всех сторон сквозняками помещениях донжона¹ было устроено хранилище для фруктов, где дары сада и огорода не портились еще много месяцев после того, как истекал срок хранения, что удваивало им цену; наконец, в камерах, где в старину томились несчастные узники Жилия де Реца, располагались маслобойня и сыроварня, славившиеся на всю округу сырами и маслом.

Вот как сказалось время на величественном сооружении, возведенном в средневековье знатными феодалами Сен-Фильбера.

¹ Донжон — главная башня крепости. (Прим. переводчика.)

Теперь пришла пора рассказать о том, как выглядел замок Сен-Фильбер.

По замыслу строителей крепостное сооружение представляло собой огромный параллелограмм, который с одной стороны был обнесен стеной и стоял на самом берегу озера, а с другой — окружен широким рвом, вырубленным в скале.

Четыре квадратные башни венчали углы этого гигантского каменного сооружения; донжон с опускной решеткой и подъемным мостом был призван защищать вход; напротив донжона над всем замком и окружавшим его с трех сторон озером возвышалась пятая, самая высокая и величественная башня.

От всех построек и стен крепости сохранились лишь пятая башня и донжон; следует отметить, что время не пощадило и эту башню: сгнившие балки перекрытия второго этажа, которым уже было не под силу удерживать тяжесть ежедневно падавших сверху камней, однажды рухнули на первый этаж, увеличив его в высоту на один фут, и теперь в башне сохранился лишь свод плоской крыши.

И именно здесь, под низким потолком на полках вдоль стен, раскладывал на зиму дары своего сада дед вдовы Пико.

Стены, двери и окна этой части замка были еще в довольно сносном состоянии, а на одном из окон даже сохранилась, возможно, со времен графа Жилия, покрытая ржавчиной железная решетка.

От былого великолепия замка почти ничего не осталось; часть развалившейся на куски каменной кладки, упав, загроможила двор, а другая — рухнула в озеро, прикрывавшее старинные развалины в хорошую погоду своими разросшимися камышами, а в ненастье — вспенившимися волнами.

Как и у башни, о которой мы только что рассказали, стены донжона сохранились почти полностью. Крышей ему служила огромная шапка из плюща, свитая над двумя небольшими комнатами. Несмотря на всю внушительность каменного сооружения, в замке не было ни одного помещения, которое занимало бы больше восьми или десяти квадратных футов — настолько толстыми были его стены.

Внутренний двор, в прошлом служивший местом построения защитников крепости, а теперь заваленный каменными глыбами, скопившимися здесь за долгие годы, обломками колоннады, зубцами башни, арками, разбитыми статуями, практически не использовался. Узкая тропинка вела отсюда к средней башне, а другая, едва заметная тропа была протоптана к развалинам восточной башни; от нее сохранилась только каменная лестница, по которой желавшие полюбоваться открывавшимся сверху изумительным пейзажем могли с большим трудом подняться на крышу донжона по галерее вдоль стены, словно по горной тропе, проложенной между скалой и пропастью.

Следует упомянуть, что в то время года, когда хранилище овощей и фруктов пустовало и не охранялось по ночам, дверь башни запиралась. Вот как раз тогда и стекались поглазеть на руины любители исторических памятников. Развалины также привлекали местных празднующих шалопаев, которые копошились в камнях, отыскивая птичьи гнезда, рвали цветы, рискуя сорваться, словно хотели бросить вызов опасности, что в общем-то свойственно молодым.

Именно здесь, на развалинах старинного замка, назначил Куртен свидание господину Гиацинту; он знал, что, как только стусятся сумерки, вокруг не будет ни души, ибо из-за дурной славы, ходившей о здешних местах, и след простынет от тех, кто при ярком свете дня ящерицей ползал по старинным зубцам донжона.

Мэр Ложери отправился из Нанта часов в пять вечера; хотя Куртен шел пешком, ему казалось, что он летел на крыльях, а когда мэтр переходил мост, ведущий к Сен-Фильберу, до наступления темноты оставалось по крайней мере еще с целый час.

В деревне Куртен считался большим человеком; увидев, что он, изменив привычке, не направился к «Великому Святому Жаку» — постоялому двору, к воротам которого он обычно привязывал свою Красотку, — а предпочел «Сосновую шишку», то есть трактир, где хозяйкой была мать вдовы Пико, деревенские кумушки захлеб начали обсуждать это событие. Догадавшись о разговорах, которые шли за его спиной, пришедший пешком в деревню мэр Ложери, хотя и не собирался заходить в трактир, ибо никогда не пил, если ему не под-

носили стаканчик, все же остановился у ворот «Великого Святого Жака» и завел беседу с окружившими его жителями Сен-Фильбера, пожелавшими узнать причину разгрома под Шеном и Пенисьером.

— Мэтр Куртен, — спросил один из крестьян, — правда ли то, о чем говорят?

— А о чем же таком говорят? — воскликнул Куртен. — Ну-ка, Матье, расскажи, чтобы я тоже знал.

— Да вот ходят слухи, что вы вывернули свой кафтан наизнанку и теперь синему цвету предпочитаете белый.

— Ах! Вот вы о чем, — заметил Куртен, — какая ерунда!

— Но вы сами дали повод для подобных разговоров: с тех пор, как ваш хозяин переметнулся к белым, вы нигде не появляетесь. Может, поболтаем, как в былые времена?

— Поболтаем! — с плутовским видом заметил Куртен. — А о чем поболтаем? Ладно! Давай поговорим, раз на то пошло... и я тебе, парень, так и быть, что-нибудь расскажу.

— Тем лучше! Тем лучше! Видите ли, мэтр Куртен, вся эта смута губительна для торговли, и, если патриоты не объединятся вместо того, чтобы идти под пули, как наши отцы, мы погибнем от голода и нищеты. И наоборот, если бы нам удалось избавиться от мерзавцев, которые шатаются по окрестным лесам, наши дела тут же пошли бы в гору. Вот, собственно, что мы хотим.

— Кто шатается? — переспросил Куртен. — Мне кажется, что теперь им не остается ничего, кроме как бродить по лесам, потому что для них все кончено.

— Ба! Как бы не так! Вот только минут десять назад, как я видел одного из самых отъявленных местных негодяев с ружьем на плече и пистолетами за поясом; он разгуливал с таким гордым видом, словно в округе уже позабыли о «красных штанах».

— Кто же он?

— Черт возьми, да Жозеф Пико! Он даже убил собственного брата.

— Как, здесь Жозеф Пико? — воскликнул, побледнев, мэтр Ложери. — Тысяча чертей! Этого не может быть!

— Мэтр Куртен, это так же верно, как и то, что я вижу перед собой вас и что мы молимся одному Богу!

Только одет он был почему-то в матросскую куртку и шапочку. Неважно, как бы он ни вырядился, я все равно бы узнал его.

Мэтр Куртен на минуту задумался. План, выработанный на основе сведений, полученных о доме с двумя выходами и о ежедневных встречах мэтра Паскаля с Малышом Пьером, мог провалиться; при таком повороте событий его единственной надеждой была Берта. Теперь, чтобы раскрыть тайное убежище Малыша Пьера, у него в запасе осталось только одно средство, которое ему не удалось использовать с Мари: проследить за девушкой, когда она отправится в Нант. Однако, если Берта встретится с Жозефом Пико, он лишится последнего шанса на успех. Но еще хуже будет, если Берта приведет шуана к Мишелю! Молодой человек узнает о той неблагоприятной роли, которую сыграл Куртен в ночь состоявшегося побега, и тогда, рассудил он, ему придет конец.

Куртен попросил перо и бумагу, нацарапал несколько строк и протянул записку своему собеседнику.

— Возьми, дружище Матье,— произнес он,— вот тебе доказательство, что перед тобой истинный патриот и что он не крутится, как флюгер на ветру в ту сторону, куда прикажут его хозяева. Ты обвинил меня в том, что я, изменив своим убеждениям, последовал за молодым хозяином; я докажу тебе обратное; прошел всего час после того, как я узнал, где он скрывается, а я уже выдаю его властям; и всякий раз, как только мне представится возможность поквитаться с врагами родины, я ни перед чем не остановлюсь; и меня не волнует, что действую, возможно, во вред самому себе; пощады от меня не будет никому, даже моим друзьям.

Крестьянин, ярый сторонник синих, долго с воодушевлением тряс руку Куртена.

— Ты быстро бегаешь? — спросил мэр Ложери.

— Да еще как!—ответил крестьянин.

— Отнеси-ка поскорее эту записку в Нант; и я рассчитываю, что ты будешь держать язык за зубами; тебе ведь не надо объяснять, что, если станет известно о том, что я выдал молодого барона, зерно, которое я еще не успел обмолотить, никогда не попадет в мои закрома.

Крестьянин дал слово Куртену молчать, а так как уже начали сгущаться сумерки, мэр Ложери поспешил покинуть постоянный двор, свернул налево и пошел сначала в сторону поля, а затем повернул назад и направился задеворками к развалинам замка Сен-Фильбер.

Когда он приближался к озеру, его путь пролегал вдоль внешнего рва, и он, перейдя через каменный мост, воздвигнутый на месте подъемника, который опускался в старину перед донжоном, вошел во двор.

Дойдя до середины двора, арендатор тихо свистнул.

Из-за груды сваленных кирпичей вышел мужчина.

Это был господин Гиацинт.

— Это вы? — спросил он, приближаясь с некоторой опаской к Куртену.

— Да, это я, — ответил фермер, — не беспокойтесь.

— Какие новости?

— Самые хорошие, но здесь их лучше не обсуждать.

— Почему?

— Потому что вокруг такая темнота, хоть выколи глаз. Я едва об вас не споткнулся, даже не подозревая о том, что вы рядом. Здесь, у нас под носом, может спрятаться целый полк, а мы не увидим и не услышим. Идем поскорее отсюда. Все так удачно складывается, что не стоит рисковать.

— Будь по-вашему. Но где вы найдете более укромное место?

— Но нам надо его найти. Если бы поблизости простиралась пустыня, я бы, не колеблясь, отвел вас туда. И даже там я бы не рисковал говорить в полный голос. Однако, раз поблизости нет пустыни, придется искать местечко, где мы могли бы по крайней мере надеяться, что нас не подслушают.

— Хорошо, пошли.

XXIII

ДВА ИУДЫ

Куртен повел своего компаньона в направлении средней башни; по дороге он раза два останавливался, чтобы прислушаться, ибо ему все время мерещилось, что позади них скользили какие-то тени и раздавались чьи-то шаги. Но всякий раз господин Гиацинт уверял его,

что вокруг не было ни души, и в конце концов мэр Ложери вынужден был признаться, что у него чересчур разыгралось воображение. Подойдя к башне и толкнув ногой дверь, Куртен вошел первым, достал из кармана фосфорную зажигалку, засветил свечу и для начала осмотрел все углы, а потом прошелся взглядом по стенам, заглянув в каждую щель, чтобы убедиться, что никого не было в бывшем хранилище фруктов.

Внимание Куртена привлекла дверь, прорубленная в правой стене и наполовину заваленная обломками перекрытия. Толкнув ее, он оказался на краю зиявшей перед ним пропасти, над которой клубился туман.

— Вы только взгляните! — воскликнул подошедший сзади господин Гиацинт, указывая на огромную брешь в стене, откуда открывалось серебрившееся под луной озеро. — Вы теперь убедились?

— О! Теперь у меня не осталось сомнений, — ответил, рассмеявшись, Куртен, — да, молочная ферма мамы Шомпре нуждается в большом ремонте. С того времени, как я был здесь в последний раз, пробоина в стене увеличилась вдвое: сейчас сюда можно заплывать в лодке.

Подняв вверх свечу, Куртен хотел осмотреть затопленное водой подземелье, но ничего у него из этой затеи не получилось. Подняв с земли камень, он бросил его в воду. Раздался всплеск, который тут же был подхвачен эхом, показавшимся зловещим, а накатывавшиеся на стены и ступени лестницы волны отозвались ровным гулом.

— Да, — сказал Куртен, — похоже, что здесь, кроме озерных рыб, никто нас не услышит, а поговорка гласит: «Нем как рыба».

И тут с кровли сорвался камень и, прокатившись по внешней стороне стены, упал на мощеный двор.

— Вы слышали? — спросил господин Гиацинт, испугавшись.

— Да, — ответил мэр Ложери, который в противоположность своему спутнику обрел в окружении величественных развалин былую самоуверенность после того, как убедился в том, что во дворе никто не прятался, — такое здесь часто случается. Я видел не один раз падавшие куски стен со старых башен, после того как пролетающая мимо ночная птица чуть задевала их крылом.

— Эх! — заметил господин Гиацинт гнусавым голо-
сом, выдававшим в нем германского еврея.— Вот, вот,
именно ночных птиц и стоит в первую очередь опасаться.

— Да, — сказал Куртен, — хотя развалины находят-
ся слишком близко от деревни, а в ее окрестностях бро-
дит один мерзавец, от которого, как я считал, мне уда-
лось уже раз избавиться и только что о нем услышал
вновь, шуаны тем не менее не решатся на нас здесь на-
пасть.

— Все же погасите свечу.

— Не стоит; правда, поговорить мы сможем и в тем-
ноте, но мне кажется, что, кроме разговоров, у нас есть и
другое дело.

— Неужели? — заметил господин Гиацинт, решив
пошутить.

— Безусловно. Спрячемся вот здесь, в нише, где нас
не потревожат и откуда никто не увидит отблеск свечи.

И мэр Ложери увлек за собой господина Гиацинта
под арку, которая вела к двери в подzemелье, затем по-
ставил зажженную свечу у подножия лежавшей плиты
и присел на ступеньки лестницы.

— Вы пообещали, — произнес господин Гиацинт,
присаживаясь напротив Куртена, — назвать улицу и но-
мер дома, где скрывается Малыш Пьер.

— Или что-то близкое к тому,— ответил Куртен, в
ушах которого зазвенело золото, зашитое в пояс господи-
на Гиацинта, а в глазах загорелся алчный огонек.

— Послушайте, не будем тратить время на пустые
разговоры. Вы знаете, где он скрывается?

— Нет.

— Тогда зачем же вы сюда пришли? Ах! Как я жа-
лею, что связался с таким торопыгой, как вы!

Вместо ответа Куртен вытащил записку, которую
подобрал среди пепла в камине дома на Базарной ули-
це, и протянул господину Гиацинту, затем поднял свечу
так, чтобы тот смог прочитать ее.

— Кто это написал? — спросил еврей.

— Девушка, о которой я уже вам рассказывал; она
входит в окружение особы, которую мы разыскиваем.

— Да, но теперь это в прошлом.

— Вы правы.

— В таком случае, я вас спрашиваю, какая нам

польза от этого письма? Что в нем такого, что помогло бы продвинуть наше расследование?

Пожав плечами, Куртен поставил свечу на прежнее место.

— По правде говоря, вы слишком плохо соображаете, хотя родом вы не из крестьян.

— Не понимаю.

— Черт возьми! Разве вы не прочитали, что, если у человека, которому адресовано письмо, возникнут неприятности, Малыш Пьер предоставит убежище?

— Да, ну и что дальше?

— А вот что: нам остается сделать так, чтобы эти неприятности у него появились.

— Ну а потом?

— Обыскать дом, где он будет скрываться, и накрыть разом всю компанию.

Господин Гиацинт задумался.

— Да, это вы неплохо придумали, — произнес он, разглядывая письмо с обратной стороны сквозь огонь свечи, чтобы проверить, не написано ли на нем чего-либо еще.

— Я уверен, что письмо нам поможет!

— И где живет этот человек? — спросил как бы незначай господин Гиацинт.

— А! Что до него, то тут особый разговор, — сказал Куртен. — У вас в руках уже кое-что есть, и вы сами в этом смогли убедиться, но я вам не сообщу ничего больше, пока вы не расплатитесь со мной.

— А если этот человек не воспользуется предложенным ему убежищем? Если он не захочет укрыться в том же доме, где скрывается особа, которую мы ищем? — спросил господин Гиацинт.

— О! Я так все устрою, что у него не будет другого выхода. Дом выходит на две улицы: мы с солдатами перекроем дорогу с одной стороны, а он будет удирать через запасной выход, который мы нарочно оставим как бы без присмотра; выйдя на улицу, он убедится, что опасность ему не грозит, в то время как мы будем наблюдать с двух концов улицы и тут же устремимся за ним, куда бы он ни пошел. Вы поняли, что это беспроигрышный вариант! Ну, развязывайте ваш пояс.

— Вы пойдете со мной?

— Конечно.

— С этого момента и до конца всей операции вы будете с нами?

— Постараюсь, раз вы мне дадите только половину обещанных золотых монет.

— Хочу вас предупредить,— произнес господин Гиацинт с таким решительным видом, что, несмотря на его вполне дружелюбный тон, было ясно: этот человек не намерен шутить,— если я обнаружу обман, при первом подозрительном жесте я тут же пушу вам пулю в лоб!

И с этими словами господин Гиацинт вытащил из-за пазухи пистолет и повертел перед носом мэра Ложери. Его лицо оставалось по-прежнему бесстрастным, в то время как в глазах появился такой холодный огонек, что его спутник тут же понял, что он хладнокровно выполняет угрозу.

— Дело ваше,— ответил Куртен,— тем более что вам это не будет стоить большого труда, ибо я невооружен.

— И напрасно,— заметил господин Гиацинт.

— Ладно,— сказал Куртен,— дайте мне сколько обещали и поклянитесь, что, когда дело будет завершено, я получу столько же.

— За мной не пропадет, вы можете не сомневаться во мне. Словом, либо человек честен, либо нет, третьего не дано. Скажите, если все это время мы будем вместе, зачем вам носить на себе такую тяжесть?— продолжил господин Гиацинт. Казалось, насколько Куртен горел желанием поскорее заполучить обещанное, настолько его сообщник не торопился расставаться с содержимым пояса.

— Как?! — воскликнул мэр Ложери.— Неужели вы не видите, что я умираю от нетерпения поскорее проверить золото на зуб, потрогать и пощупать, чтобы убедиться воочию в том, что золото находится с вами; как же я этому поверю, если не дотронусь до него рукой? Однако за минуту блаженства, которое мне предстоит пережить, когда я стану перебирать монеты — вы же все равно отдадите мне их, ибо в противном случае я ничего вам больше не скажу,— я столько претерпел, превзойдя даже самого себя! Из человека, который боялся собственной тени и дрожал как осиновый лист, когда ему выпадало ночью шагать в одиночестве по деревенской улице, я превратился в смельчака. Отдайте мне золото, отдайте мне это золото, господин! Ведь у нас впереди еще не-

мало препятствий и нас подстерегают самые неожиданные опасности, а золото придаст мне храбрости,— с ним мне ничто не страшно. Если вы хотите, чтобы я был таким же невозмутимым и хладнокровным, как вы, отдайте мне золото!

— Да,— ответил господин Гиацинт, увидев, как разгорелись и засверкали всегда тусклые глаза крестьянина и раскраснелось его обычно бледное лицо,— да, отдам, но только в обмен на адрес этого человека. Скажите адрес, и золото ваше.

Каждый как мог добивался своего.

Поднявшись на ноги, господин Гиацинт расстегнул пояс; Куртену снова послышался круживший ему голову звон золотых монет, и он протянул руку, чтобы схватить пояс.

— Постойте! — произнес господин Гиацинт. — Ничего даром не дается!

— Да, но прежде позвольте взглянуть на золото.

Теперь уже еврею ничего не оставалось, как пожать плечами; однако, уступив просьбам крестьянина, он вытянул железную цепочку, которой был завязан кожаный кармашек, и Куртен тут же зажмурился, ослепнув от блеска золотых монет; арендатор почувствовал, как с ног до головы его охватила сладострастная дрожь; вытянув шею, не отрывая глаз от столь завораживавшего зрелища, с дрожащими губами, охваченный неизъяснимым и неопишуемым блаженством, он запустил руки в грудку монет, которые потекли ручьями сквозь его растопыренные пальцы.

— Он проживает,— произнес мэр Ложери,— на Базарной улице в доме номер 22, у дома есть второй выход в параллельный переулок.

Мэтр Гиацинт выпустил из рук пояс, который тут же, сопя от удовольствия, подхватил Куртен.

Но тут же с испуганным видом поднял голову.

— Что случилось? — спросил господин Гиацинт.

— Ах! Здесь кто-то ходит,— сказал арендатор, и его лицо исказилось от страха.

— Вам показалось,— ответил еврей,— кругом стоит тишина. Я сделал глупость, что отдал вам золото.

— Почему? — спросил Куртен, прижимая к сердцу пояс, словно боялся, что отнимут.

— Да потому что вы стали еще трусливее.

Куртен быстрым движением схватил рукой своего напарника за локоть.

— Так что же? — спросил господин Гиацинт, которому передалось волнение арендатора.

— Говорю вам, что кто-то ходит над нашими головами, — произнес Куртен, посмотрев на темный и мрачный свод.

— Да будет вам! Вы случайно не заболели? — спросил еврей, пытаясь пошутить.

— Да, я действительно плохо себя чувствую.

— Тогда нам пора уходить. Здесь нам больше нечего делать. Надо поскорее отправляться в Нант.

— Нет, не сейчас.

— Почему?

— Давайте спрячемся и немного подождем. Если я и впрямь слышал чьи-то шаги, значит, нас выследили, а если нас выследили, у входа уже поджидает засада... О, Боже! Не успел я получить мое золото, как кто-то уже собирается у меня его украсть! — причитал арендатор, по-прежнему прижимая к себе пояс с монетами, но от страха руки у него тряслись так, что ему никак не удавалось застегнуть его на себе.

— Послушайте, вы и впрямь совсем потеряли голову, — сказал мэтр Гиацинт, который сохранил хладнокровие. — Для начала давайте задует свечу, а затем, как вы сказали, спрячемся в подземелье. А там посмотрим, ошиблись вы или нет.

— Вы правы, вы правы, — произнес, задувая свечу, Куртен. И потянул на себя дверь, ведущую в затопленное подземелье, ступая на первую ступеньку лестницы.

Однако, не успев сделать второй шаг, он душераздирающе крикнул, и в его крике можно было разобрать лишь несколько слов:

— Ко мне, господин Гиацинт!

Его напарник не успел даже выхватить пистолет, как его схватили сзади и чьи-то сильные руки едва не вывернули плечо.

От пронзившей его тело жуткой боли еврей упал на колени, на лбу выступил пот, и он взмолился о пощаде.

— Если ты произнесешь хотя бы одно слово или сдвинешься с места, я пристрелю тебя как паршивую собаку! — послышался голос мэтра Жака.

— Эй, бездельник, ты держишь его?

— О, негодяй! — раздался прерывистый голос, словно отвечавший ему человек задыхался, удерживая Куртена, которого схватил, когда тот открывал дверь в подземе-лье, а теперь арендатор яростно сопротивлялся, но во-все не для того, чтобы защитить себя, а чтобы спасти свое золото.— О! Этот негодяй укусил и рвет на мне одежду... А! Если бы вы не запретили мне его трогать, я бы с ним уже давно расправился!

И тут же раздался шум упавших на землю сцепив-шихся в драке тел.

Они прокатились клубком в двух шагах от господина Гиацинта, которого повалил на землю мэтр Жак.

— Можешь его прикончить, если он и дальше будет так брыкаться! — произнес мэтр Жак.— Теперь мне из-вестно все, что я хотел узнать, и хватит с ним церемо-ниться.

— А! Проклятье! Мэтр, почему вы мне об этом не сказали раньше? Я бы уже давно его прикончил.

В самом деле, Жозеф Пико словно только ждал этих слов: изловчившись, он подмял Куртена под себя, при-жав коленом к земле, и выхватил из-за пояса острый нож, лезвие которого сверкнуло в темноте перед глаза-ми Куртена.

— Пощадите! Пощадите! — крикнул арендатор.— Я все вам расскажу, я во всем вам признаюсь, только не убивайте меня.

Мэтр Жак отвел руку Жозефа Пико, который уже замахнулся ножом.

— Нет,— сказал Жак,— еще не время. Мне кажется, что он может нам пригодиться. Свяжи-ка его, чтобы он не пошевелил ни рукой, ни ногой.

Несчастный Куртен был настолько напуган, что сам протянул руки Жозефу, чтобы тот обхватил их тонкой и крепкой веревкой, которой запасся по совету мэтра Жака.

Однако арендатор не расстался со своим набитым зо-лотом поясом, который прижимал локтем к животу.

— Ну что ты там копаешься? — спросил хозяин брать-ев-кроликов.

— Вот осталось завязать еще одну руку,— ответил Жозеф.

— Ладно, а потом свяжи и второго,— продолжил Жак, указывая на господина Гиацинта, которому он

позволил приподняться и встать на одно колено. И тот молча застыл в столь неудобной позе.

— Дело пошло бы быстрее, если я хотя бы что-нибудь видел,— произнес Жозеф Пико, раздосадованный тем, что в темноте не мог распутать узел на веревке.

— В конце концов,— сказал мэтр Жак,— какого черта мы мучаемся? Почему бы нам не зажечь фонарь? Мне даже интересно поглядеть на рожи этих торговцев королями и принцами.

Мэтр Жак вытащил из кармана небольшой фонарь и зажег его с помощью фосфорной зажигалки с таким невозмутимым видом, словно находился в лесу Тувуа; затем он осветил господина Гиацинта и арендатора Куртена.

И тут Жозеф, увидев кожаный пояс, который арендатор крепко прижимал к груди, бросился к Куртену, чтобы отобрать.

Мэтр Жак неправильно истолковал его порыв: подумав, что шуан проникся такой острой ненавистью к мэру Ложери, что хочет убить его, он бросился к нему, чтобы остановить.

И в этот момент откуда-то сверху из темноты раздался глухой выстрел, и мэтр Жак повалился на тело Куртена, который почувствовал на лице горячую и пресную жидкость.

— Ах ты негодяй! — воскликнул мэтр Жак, припав на колено и обращаясь к Жозефу.— Ты заманил меня в ловушку! Я могу простить обман, но не предательство!

И, не целясь, выстрелил из пистолета в брата Паскаля Пико.

Фонарь погас и скатился по лестнице в озеро; от дыма, еще не успевшего рассеяться после выстрелов, наступившая тьма показалась еще плотнее.

Увидев, как упал сраженный пулей мэтр Жак, бледный и до смерти напуганный господин Гиацинт молча метнулся вдоль стены башни в поисках выхода; наконец сквозь узкое окошко он увидел сверкавшие на черном небе звезды, и, нисколько не заботясь о судьбе компаньона, он забрался на подоконник с проворством, возможным только в приступе страха, и, не задумываясь ни о высоте, ни о подстерегавшей его опасности, прыгнул головой вниз в озеро.

Окунувшись в холодную воду, он сразу же пришел в себя; кровь отхлынула от головы, и он снова обрел привычную ясность мысли.

Вынырнув, он поплыл.

Оглядевшись по сторонам, увидел лодку, причаленную к проему в стене, через который вода из озера поступала в башню.

По всей видимости, это была лодка напавших на них людей.

Дрожа всем телом, господин Гиацинт подплыл поближе и, стараясь не шуметь, забрался в нее и, взявшись за весла, стал быстро грести.

И только когда до берега оставалось футов пятьсот, он вспомнил о своем компаньоне.

— Базарная улица, дом 22! — воскликнул господин Гиацинт.— Нет, от страха у меня не отшибло память. Теперь все зависит от того, как скоро я доберусь до Нанта. Несчастный Куртен! Надеюсь, что теперь мне по праву наследника достанутся пятьдесят тысяч франков, которые я должен был вручить ему. Однако какую глупость я совершил, отдав пояс! Сейчас у меня были бы и адрес и деньги. Какой я кретин! Какой кретин!

И, словно стремясь заглушить мучавшие его угрызения совести, еврей стал грести с неистовой яростью, какую нельзя было даже предположить у такого хлипкого на вид человека, как он.

XXIV

ЗУБ ЗА ЗУБ, ОКО ЗА ОКО

Следуя за почти чудом спасшимся господином Гиацинтом, мы оставили связанного по рукам и ногам старого знакомого Куртена в тот момент, когда он лежал в крошечной тьме рядом с двумя ранеными бандитами.

Прерывистое дыхание мэтра Жака, стоны Жозефа навели на него не меньший ужас, чем только что прозвучавшие угрозы; однако больше всего он опасался, что кто-нибудь из бандитов вспомнит о нем и напоследок расквитается; и чтобы этого не случилось, он лежал, затаив дыхание, ни живой, ни мертвый от страха.

Между тем, пожалуй, сильнее, чем инстинкт самосохранения, он горел желанием до последнего дыхания за-

щищать от всех потенциальных убийц бесценный пояс, который по-прежнему крепко прижимал к своему сердцу; и он сделал то, что никогда не посмел бы предпринять, защищая даже собственную жизнь: словно какими-то таинственными узами связанный с золотыми монетами, он, изловчившись, тихо и незаметно положил золото на землю, а затем лег сверху, прикрывая телом.

И только он успел с большим трудом выполнить задуманное, как услышал скрип ржавых петель у двери башни. Скосив глаза в сторону, откуда доносился шум, он увидел, что к нему с факелом в одной руке и с тяжелым ружьем, волочившимся прикладом по каменным плитам, в другой, приближалась бледная как полотно женщина во вдовьем платье, которая была скорее похожа на призрак, чем на живого человека.

Жозеф Пико узнал ее сквозь предсмертный туман, уже начинавший заволакивать глаза, ибо он крикнул срывавшимся от ужаса голосом:

— Вдова! Вдова!

Вдова Пико — а это и в самом деле была она — медленно приближалась; даже не взглянув ни на мэра Ложери, ни на мэтра Жака, зажимавшего левой рукой рану от пули, пронзившей навывлет грудь, и пытавшегося приподняться, опираясь на правую руку, она остановилась напротив своего деверя и взглянула на него все еще пылавшими от ненависти глазами.

— Священника! Священника! — воскликнул умирающий, напуганный появлением этого призрака, пробудившего в нем до сей поры неведомое для него чувство: угрызения совести.

— Священника? А зачем тебе, негодяй, понадобился священник? Разве он вернет жизнь твоему брату, которого ты убил?

— Нет, нет, — крикнул Жозеф, — нет, я не убивал Паскаля, клянусь тебе, находясь на краю могилы.

— Да, ты не убивал своими руками, но ты не остановил убийц, а может быть, даже подтолкнул их на преступление. Тебе показалось мало его смерти, ты стрелял и в меня, и если бы не рука одного доброго человека, которая отвела от меня твою пулю, ты стал бы двойным братоубийцей только за один вечер. Но знай, Каин, что я отомщена за все причиненное тобой зло: сам Господь Бог вложил в мои руки оружие!

— Как! — воскликнули в один голос Жозеф Пико и мэтр Жак. — Этот выстрел..?

— Да, это стреляла я, застав тебя за очередным преступлением. Вот так, Жозеф, храбрец, всегда похвалявшийся силой, само Провидение вынесло тебе приговор: ты умрешь от руки женщины.

— Мне теперь все равно, от чьей руки я приму смерть! Раз я умираю, значит, такова воля Божья. Женщина, умоляю тебя, дай мне возможность покаяться в грехах, помоги мне выпросить прощение у Бога! Прошу тебя, позови священника!

— А разве был священник около твоего брата в его последний час? Разве у твоего брата было время вручить свою душу Господу, когда те, кто был с тобой, убивали его у брода через Булонь? Нет, зуб за зуб, око за око! Умри же насильственной смертью без покаяния и отпущения грехов так же, как умер твой брат! И пусть все негодяи, — добавила она, обернувшись к мэтру Жаку, — пусть все бандиты, каким бы знаменем они ни прикрывались, пусть все, кто оставил после себя на нашей земле только смерть и разруху, пусть все они вместе с тобой отправятся прямо в ад!

— Женщина! — воскликнул мэтр Жак, которому удалось немного приподняться на локте. — Какое бы преступление он ни совершил, какое бы горе он вам ни причинил, вы не должны говорить таких слов. Простите его, чтобы простили и вас.

— Простили меня? Кто посмеет меня в чем-то обвинить?

— Тот, кого вы случайно свели в могилу, тот, кто был сражен вашей пулей, которую вы предназначали вашему деверю, наконец, тот, кто говорит с вами сейчас. Я умираю от вашей руки, но не проклиная вас, ибо считаю, что теперь человеку доброй воли ничего не остается, как отправиться на небеса, чтобы посмотреть, имеет ли там трехцветная тряпка такое же значение, как на земле.

Вдова от удивления вскрикнула; от слов мэтра Жака ей стало не по себе.

Как догадался наш читатель, зная о намерениях двух сообщников, она дождалась Куртена; увидев, как он вошел в башню, по наружной галерее пробралась на плос-

кую крышу и оттуда выстрелила в деверя сквозь щель в потолке.

И мы знаем, что пуля попала в мэтра Жака, когда тот невольно прикрыл собой Куртена.

Как мы уже сказали, вдова сначала даже растерялась, когда поняла, что месть настигла другого.

Однако она тут же вспомнила о том, какие перед ней отпетые бандиты.

— Ваши слова убедительны, но верится вам с трудом,— произнесла она,— когда я попала в одного, целясь в другого, разве не сразила вас пуля именно в тот момент, когда вы собирались совершить новое гнусное преступление? Разве я не спасла жизнь ни в чем не повинному человеку?

При ее словах бескровные губы мэтра Жака скривились в саркастической усмешке; он повернулся в сторону Куртена, и его рука потянулась к рукоятке второго пистолета, который был засунут за пояс.

— Ах! Да, вы правы,— произнес он с дьявольской усмешкой.— Я о нем совсем забыл... Так вот, этот не повинный ни в чем человек, раз вы мне о нем напомнили, получит то, что ему причитается по заслугам; мне не хотелось бы умереть прежде, чем я не закончу начатое дело.

— Мэтр Жак, не оскверняйте кровью последние минуты, как вы это делали всю свою жизнь! — воскликнула вдова, вставая между Куртеном и шуаном.— Я вам этого не позволю.

И она навела на мэтра Жака ружье.

— Хорошо,— сказал мэтр Жак, словно согласившись с доводами женщины,— если Господь подарит мне еще какое-то время и мне хватит сил, я расскажу вам все, что знаю об этих двоих мерзавцах, которых вы считаете невинными овечками. А он пусть пока поживет, но взамен, кроме того, о чем я вас просил, вы должны простить вашего несчастного деверя... Разве вы не слышите его предсмертный хрип? Еще каких-то десять минут, и уже будет поздно.

— Нет, нет, никогда! — глухим голосом повторила вдова.

Между тем угасал не только голос, но уже был еле слышен предсмертный хрип Жозефа Пико. Из последних сил он по-прежнему взывал к милосердию невестки.

— Просить надо Бога, а не меня,— ответила она.

— Нет,— ответил умирающий, качнув головой,—нет, я не могу обратиться с мольбой к Богу, пока на мне лежит ваше проклятие.

— Тогда обратись к своему брату и попроси у него прощения.

— Мой брат...— прошептал Жозеф, прикрыв глаза, словно увидел перед собой призрак умершего,— мой брат! Я вижу его, вот он стоит передо мной!

И рукой он попытался оттолкнуть от себя окровавленный призрак, который, как ему показалось, потянул его за собой.

Затем едва слышным голосом прошептал:

— Брат... брат... почему ты отворачиваешься, когда я обращаюсь к тебе с мольбой? Паскаль, именем нашей матери, позволь мне поцеловать твои колени! Вспомни, как в детстве мы вместе плакали, когда набивали первые шишки, которые закаляли наш характер. Прости меня за то, что я свернул на кривую дорожку, уготованную нашим отцом для нас двоих. Увы! Я тогда не знал, что когда-нибудь наши пути разойдутся и мы станем врагами! Боже мой, ты не отвечаешь мне. Паскаль! Ты по-прежнему отворачиваешься от меня... О! Мое бедное дитя, мой бедный маленький Луи, я тебя больше никогда не увижу! — продолжал шуан.— Умоляй своего дядю, умоляй его за меня! Он любил тебя, как собственного сына, попроси его от имени твоего умирающего отца, чтобы он позволил мне предстать перед Богом раскаявшимся грешником... Ах! Брат,— прошептал он почти в экстазе с сиявшим от радости лицом,— ты смилостивился надо мной... ты прощаешь меня... Боже, теперь ты можешь принять мою душу, мой брат простил меня!

И он повалился на землю, с которой приподнялся в предсмертной агонии, чтобы протянуть руки к призраку.

В то время, пока Жозеф говорил, дышавшее ненавистью и жадной мщенья лицо вдовы постепенно разглаживалось. А когда Жозеф упомянул имя сына, которого бедный Паскаль любил как родное дитя, на ресницах Марианны блеснула слеза. И наконец, когда при свете факела она увидела, что на лице умиравшего словно отразилось какое-то неземное сияние, она упала перед ним на колени и, сжав руку, произнесла:

— Я верю тебе, Жозеф. Господь открывает глаза умирающему, чтобы представить его взору бесконечные

небесные просторы. Как тебя простил Паскаль, так и я прощаю тебя. Как он забыл, так и я забыла все причиненное тобой зло, чтобы помнить только о том, что ты был его братом. Брат Паскаля, уходи с миром!

— Спасибо,— пробормотал Жозеф, его голос был еле слышен, а на губах выступила красная пена.— Спасибо! Но что будет с моей женой? С детьми?

— Твоя жена — моя сестра, а твои дети — мои дети,— произнесла торжественно вдова.— Уходи с миром, Жозеф!

Рука шуана потянулась ко лбу, словно он хотел перекреститься, его губы еще шевелились, но, по-видимому, он уже обращался к тому, кто находился в потустороннем мире, ибо на земле никто не смог бы разобрать его слов.

Затем его глаза округлились, он вытянул вперед руки и глубоко вздохнул.

И это был его последний вздох.

— Аминь! — произнес мэтр Жак.

Стоя на коленях у тела усопшего, вдова еще некоторое время молилась, удивляясь, что может так горько оплакивать человека, из-за которого пролила столько слез.

Со всех сторон ее обступила тишина.

Возможно, мэтру Жаку показалось, что тишина слишком затянулась, ибо неожиданно он воскликнул:

— Проклятье! Никто не подумал о том, что здесь есть еще один живой христианин! Я говорю, что один, так как нельзя назвать Иуду христианином.

Вдова вздрогнула: из-за умершего она забыла об умиравшем.

— Я вернусь домой и пришлю вам помощь.

— Помощь? Ко всем чертям! Мне окажут помощь только для того, чтобы отправить на гильотину. Благодаря тебе, Пико, я умру как солдат. Такая смерть мне больше по сердцу, и я вовсе не хочу менять ее на другию.

— А кто сказал, что я выдам вас?

— А разве вы не из синих и не жена синего? Черт возьми, вдова, вас только поблагодарят за то, что вы выдадите мэтра Жака!

— Да, мой муж был патриотом, и я придерживаюсь его взглядов. Однако я ненавижу предательство и предателей. За все золото мира я не выдам никого, даже вас.

— Вы ненавидите предательство? Эй, ты слышишь? Нет, я не сдвинусь с места.

— Жак, я пойду за подмогой,— сказала вдова.

— Нет,— ответил хозяин братьев-кроликов,— я знаю и чувствую, что пора свести счеты с жизнью. Я столько лет скрывался по лисьим норам, что уже сыт ими по горло! Часа через два или самое большее через три я навсегда затеряюсь в моем последнем прибежище — в самых прекрасных и бескрайних небесных ландах! Но вначале выслушайте меня.

— Говорите.

— Вот он,— продолжал он, пнув ногой Куртена, словно рядом с ним лежала грязная скотина,— вот он за несколько золотых монет продал человека, который был для всех святыней, и не только потому, что ему Всевышним было определено носить корону, а потому, что у него благородное, доброе и великодушное сердце.

— И этому человеку,— вставила свое слово вдова,— я предоставляла кров под крышей моего дома.

— Да, Пико, вы уже раз спасли его, я знаю об этом. И потому, уважая вас, решил обратиться с просьбой.

— Говорите, что нужно сделать?

— Подойдите поближе и наклоните ко мне ухо; никто, кроме вас, не должен слышать то, что я сейчас скажу.

Вдова обошла Куртена и склонилась над раненым.

— Надо,— произнес он вполголоса,— предупредить человека, что скрывается у вас.

— Кого? — спросила удивленно вдова.

— Того, кто укрывается в вашем коровнике и к кому каждую ночь вы ходите, чтобы ухаживать за ним и утешать.

— Но кто же вам сказал?..

— Вы думали, что можно что-то скрыть от мэтра Жака? Пико, все, что я говорю,— правда. В противном случае я не был бы мэтром Жаком, я — шуан и этим горжусь.

— Но он еще не выздоровел. Ему едва ли хватит сил, чтобы встать на ноги, да и то он будет держаться за стены.

— Будьте спокойны: силы к нему вернуться,— ведь он настоящий мужчина, один из тех, кого теперь среди нас днем с огнем не сыскать,— с гордым видом произнес ван-

деец,— если он не сможет идти, он найдет, к кому обратиться. Скорее! Скажите ему только о том, что необходимо предупредить людей в Нанте. Нельзя терять ни минуты! Надо предупредить, а кого, он знает... Пока мы здесь болтаем, второй Иуда давно уже в пути.

— Мэтр Жак, я сделаю все, что вы сказали.

— Если бы ваш несчастный Жозеф раньше развязал язык,— продолжил мэтр Жак, приподняв плечи, чтобы остановить кровь, хлеставшую в три ручья из раны в груди,— ведь я уверен, что он знал о замыслах этих негодяев. Однако он держал при себе свой секрет, ведь он и не думал умирать... Человек предполагает, а Бог располагает. Его соблазнило золото... Кстати, вдова, вы можете поискать, оно где-то здесь.

— И что же мне с ним делать?

— Разделите пополам: одну половину раздайте сиротам, чьи отцы погибли в гражданской войне, будь то белые или синие. Это моя доля, та, что я должен был получить по завершении дела. Вторую же половину, ту, что получил бы Жозеф, передайте его детям.

Куртен от расстройства даже застонал, ибо последние слова раненый произнес достаточно громко, и он их услышал.

— Нет,— сказала вдова,— это золото Иуды, оно принесет несчастье! Спасибо, но я не хочу брать такое золото даже для невинных бедных детишек.

— Вы правы, раздайте золото нищим: рука, принимающая подаяние, смывает все, даже преступление.

— А как быть с ним? — спросила вдова, указывая на Куртена, но не глядя на него.

— А разве он не крепко связан?

— Да, на первый взгляд.

— Пусть тот, кто смотрит на нас с Небес, и решит его судьбу.

— Пусть.

— Кстати, Пико, возьмите с собой в подарок нашему другу мой табачок, мне он больше не пригодится. Мне кажется, что он будет польщен таким вниманием. Вот,— продолжил хозяин братьев-кроликов,— мне уже и жалко умирать... Ах! Я отдал бы все обещанные мне двадцать пять тысяч, чтобы присутствовать при встрече нашего друга с этим мерзавцем, вот будет потеха... Но,

увы! Богатый ты или нищий — все едино, когда за тобой приходит курносая с косой.

— Вы не останетесь здесь, — сказала Марианна, — в донжоне есть комната, куда я вас перенесу. Туда по крайней мере к вам сможет прийти священник.

— Как вам будет угодно, но прежде сделайте мне любезность и проверьте, крепко ли связаны руки у этого красавчика, видите ли, мои последние минуты будут омрачены, если он сможет улизнуть до того, как здесь начнется суматоха.

Вдова склонилась к Куртену.

Веревки так крепко стягивали руки мэра Ложери и впивались в кожу, что они распухли и на них выступили синюшные лиловые полосы.

На лице арендатора отразились все его страхи и волнения, и потому он был едва ли не бледнее, чем сам мэтр Жак.

— Судите сами, он не сможет и пошевелиться, — ответила Марианна. — К тому же я запру дверь.

— Да, и надеюсь, вы уйдете совсем ненадолго. Вы же скоро вернетесь?

— Не волнуйтесь.

— Спасибо!.. О! Моя благодарность не идет ни в какое сравнение с благодарностью того, к кому вы идете. Прошу вас, поторопитесь!

— Хорошо, но сначала я вас перенесу в донжон, где вам будет предоставлено все, что положено в вашем состоянии. Не беспокойтесь, ни врач, ни священник не проболтаются.

— Поступайте, как знаете... Вот будет потеха для тех, кто увидит, что мэтр Жак умирает на кровати, когда всю жизнь не знал другой постели, кроме мха и вереска.

Вдова приподняла вандейца и перетащила в небольшую комнату, о которой мы уже упоминали, положив его на убогую кровать, которая стояла там.

Несмотря на смертельную рану и страшную боль, которую, по всей видимости, ему приходилось терпеть, мэтр Жак и на краю могилы остался таким же язвительным, каким его знали всегда. В отличие от многих его соотечественников, ему хватило силы духа до самой последней минуты.

Между тем, продолжая язвить и посмеиваться над теми, кого защищал, равно как и над теми, против кого воевал, он по-прежнему не забывал поторапливать вдову Пико отправиться с его поручением к Жану Уллье.

Его труды не пропали даром, ибо вдова Пико, прикрыв на засов старое хранилище фруктов, где остался лежать на земле связанный Куртен, быстро пересекла сад и вернулась на постоянный двор, где ее поджидала старенькая мать, встревоженная выстрелами, которые донеслись из башни. А так как дочь все не возвращалась, бедная женщина еще пуще разволновалась, предположив, что она попала в ловушку, подстроенную ее деверем. Старушка уже не знала что и думать, когда в дверях появилась Марианна.

Не сказав матери ни слова о том, что произошло, она только попросила ее проследить за тем, чтобы никто не ходил в эту ночь на развалины, и, накинув на плечи шаль, направилась к двери.

В тот момент, когда ее рука уже взялась за щеколду, кто-то тихонько постучал в дверь.

Марианна обернулась к матери.

— Мама,— произнесла она,— если какой-нибудь незнакомец попросится переночевать на постоялом дворе, скажите, что у нас заняты все комнаты. Сегодня никто не должен сюда входить: Бог распростер свои руки над нашим домом.

В дверь снова постучали.

— Кто там? — спросила вдова и открыла дверь, загородив вход своим телом.

Берта стояла на пороге.

— Мадам,— обратилась к ней девушка,— утром вы дали мне знать, что у вас есть для меня важная новость.

— Ах! Да, вы правы,— ответила вдова,— я совсем забыла.

— Святая дева! — воскликнула Берта, заметив, что платок Марианны забрызган кровью.— Неужели что-то случилось с моими близкими? С Мари, отцом или Мишелем?

И, несмотря на всю силу характера, от одного лишь предположения у девушки подкосились ноги, и ей пришлось прислониться к стене, чтобы не упасть.

— Успокойтесь,— ответила вдова,— я хотела вам сообщить не о несчастье, напротив, у меня есть для вас

хорошая новость: один из ваших старых друзей, которого вы считали погибшим и оплакивали как мертвого, жив, и вы с ним увидите.

— Жан Улле! — воскликнула Берта, тут же догадавшись, о ком идет речь. — Жан Улле! Ведь правда, вы хотели мне сказать о нем? Он жив? Слава Богу! А как обрадуется отец! Мадам, умоляю вас, отведите меня сейчас же к нему!

— Утром именно так я и думала поступить, но с тех пор многое изменилось, и сейчас вас ждет более неотложное дело.

— Дело? — спросила удивленно Берта. — Какое?

— Вам надо поскорее отправиться в Нант, ибо боюсь, что бедный Жан Улле еще настолько слаб, что не сможет выполнить просьбу мэтра Жака.

— И что мне надо сделать в Нанте?

— Передать тому или той, кого вы зовете Малышом Пьером, что за секрет ее тайного убежища хорошо заплатили. Необходимо, чтобы она немедленно оттуда уехала. Для нее любой другой дом будет надежнее, чем тот, в котором она сейчас скрывается. Ее предали, о чем вы должны поскорее предупредить. Такова воля Божья!

— Предали! — воскликнула Берта. — Предали! Но кто?

— Тот человек, кто однажды уже прислал за ней в мой дом солдат, это арендатор Ложери по имени Куртен.

— Куртен? Вы его видели?

— Да, — коротко ответила вдова.

— О! — воскликнула Берта, сложив в мольбе руки. — Нельзя ли мне увидеть его?

— Девушка, — произнесла вдова, уклоняясь от ответа. — Я прошу вас предупредить ее; хотя моего мужа убили приверженцы этой женщины, а вы, одна из ее самых верных сторонниц, вдруг вы стали сомневаться, а стоит ли спешить!

— Да, да, вы правы, — сказала Берта. — Я вовсе не сомневаюсь, а бегу!

В самом деле девушка повернулась, чтобы уйти.

— Вы опоздаете, если пойдете пешком. На конюшне стоят две лошади. Берите любую из них, а надеть на нее седло и накинуть уздечку поможет вам слуга на конюшне.

— О! — воскликнула Берта. — Не волнуйтесь, с сед-

лом я как-нибудь и сама справлюсь. Но чем же бедную вдову сможет отблагодарить та, которую вы спасаете во второй раз?

— Передайте, пусть она вспомнит о том, что я ей сказала в моей лачуге у постели, где лежали двое убитых по ее вине мужчин, передайте ей, что она совершает преступление, когда несет раздор и войну в страну, где даже враги защищают ее от предательства. Поторопитесь, мадемуазель, и с Богом!

С этими словами вдова стремительно вышла из дома. Вначале она побежала к юре Сен-Фильбера, попросив прийти в донжон, затем со всех ног помчалась напрямик через поле к своей ферме.

XXV

«КРАСНЫЕ ШТАНЫ»

За прошедшие сутки волнение Берты достигло предела; узнав о разоблачениях Жозефа Пико, девушка засомневалась не только относительно Куртена: она уже перестала доверять Мишелю.

Из памяти Берты никак не могло выветриться воспоминание о вечере накануне боя при Шене, когда она заметила мужскую фигуру под окошком Мари; время от времени это воспоминание искрой вспыхивало в сознании и болью отзывалось в сердце, а мысли о безучастном к ней отношении Мишеля во время выздоровления вряд ли помогали развеять все сомнения; когда же она узнала, что Куртен, действовавший, как она предполагала, не по собственной инициативе, направил корабль в открытое море, а главное после того, как охваченная тревогой за своего любимого она вернулась в Ложери и не нашла его, подозрения еще более усилились.

Однако она мгновенно забыла про все свои тревоги и печали, когда вдова напомнила о долге, выполнение которого было для нее самым главным в жизни, выше личных переживаний, даже выше любви.

Не теряя времени, она побежала на конюшню, выбрала самую выносливую лошадь, которая ей показалась способной быстро преодолеть расстояние до города, насыпала ей двойную порцию овса, чтобы ноги не подкосила усталость, надела ей на спину вьючное сед-

ло и, взяв в руки уздечку, подождала, пока лошадь закончит жевать овес.

И в этот момент ей послышался шум, который не мог быть незнаком людям в эти смутные времена.

До ее слуха донеслась мерная поступь приближавшегося военного отряда.

Дверь постоянного двора сотряслась от громкого стука.

Через застекленное окно смежной с кухней пекарни девушка разглядела солдат, и с первых же их слов она догадалась, что военные ищут проводника.

И тут Берте, опасавшейся за судьбу Малыша Пьера, Мишеля и отца, больше всего на свете захотелось все разузнать. Она не могла отправиться в путь, пока в точности не выяснит намерения солдат; уверенная в том, что никто не сможет опознать ее в крестьянском платье, которое она по-прежнему не снимала, девушка пробралась из конюшни в пекарню, а из пекарни на кухню.

Небольшим отрядом командовал лейтенант.

— Как?! — сказал он, обращаясь к мамаше Шомпре. — Неужели во всем доме нет ни одного мужчины?

— Да, господин, — ответила старая женщина, — моя дочь вдовствует, а единственный слуга на конюшне, похоже, куда-то запропастился.

— Вообще-то я пришел за вашей дочерью, и, окажись она дома, мы взяли бы ее в проводники, как в ту памятную ночь у порога Боже, а если бы она не смогла пойти с нами, то указала бы нам подходящего человека, на которого можно было бы положиться, так как местным крестьянам, когда мы берем против их воли в проводники, никогда нельзя доверять: эти мерзавцы все до единого наполовину шуаны.

— Хозяйки Пико сейчас нет дома, но, может быть, ее сможет кто-то заменить? — произнесла Берта, решительно сделав шаг вперед. — А далеко ли вы направляетесь, господа?

— Ей-Богу, какая красавица! — произнес молоденький офицер, подходя ближе. — Клянусь, прелестное дитя, что я пойду за вами хоть на край света!

Опустив глаза, Берта стала теревить кончик передника, как простодушная деревенская девушка.

— Если это недалеко и если хозяйка позволит, я могу вас привести. Я неплохо знаю окрестности.

— Согласен! — сказал лейтенант.

— Но при одном условии, — продолжала Берта, — пусть кто-нибудь проводит меня обратно: мне будет страшно одной возвращаться назад.

— Ну, моя красавица, Боже сохрани, чтобы я доверил кому-нибудь другому столь почетную миссию! — воскликнул офицер. — Хотя такая любезность может мне стоить погон. Итак, ты знаешь, как пройти в Банлевр?

Услышав название принадлежавшей Мишелю фермы, где она провела несколько дней вместе с отцом и Малышом Пьером, Берта почувствовала, как по всему ее телу пробежала дрожь, холодный пот выступил на лбу, а сердце заколотилось в груди; однако ей удалось справиться с волнением и не показать вида, что она испугалась.

— Банлевр? — повторила она. — Нет, это не наши места. А что это? Замок или деревня?

— Это ферма.

— Ферма? А кому она принадлежит?

— Одному господину, по всей вероятности, он из ваших мест.

— Вы там решили остановиться на постой?

— Нет, мы направляемся туда по заданию.

— А что это значит — по заданию? — спросила Берта.

— Вот это да! — заметил лейтенант. — Такая молодая, а все хочет знать.

— А что здесь удивительного: если я поведу вас или покажу вам дорогу на Банлевр, мне хотелось бы по крайней мере знать, что вы там собираетесь делать.

— Мы собираемся, — вступил в разговор младший лейтенант, желая вернуть свое шутливое словцо, — так намылить свинцом шею одному белому молодчику, чтобы он стал синим.

— Ах! — воскликнула Берта, не в силах справиться с охватившей ее тревогой.

— Боже, что с вами? — спросил лейтенант. — Если бы мы назвали имя того, кого должны арестовать, я бы подумал, что речь идет о вашем возлюбленном.

— Что? — спросила Берта, призывая на помощь всю силу воли, чтобы скрыть тревогу, сжимавшую тисками грудь. — Этот господин — мой возлюбленный?

— Бывали случаи, когда короли женились на пас-

тушках,— сказал младший лейтенант, явно настроенный на шутливый лад.

— Хорошо! — воскликнул лейтенант.— Однако, честное слово, перед нами пастушка, которая едва не падает в обморок, как знатная дама.

— Я? — произнесла Берта, пытаясь улыбнуться.— Чтобы я упала в обморок? Ну, вы скажете, господа! Так ведут себя девушки у вас в городе, но только не в нашей деревне.

— Но, моя красавица, вы и впрямь блеее полотно.

— Боже, вы так просто говорите о том, что собираетесь убить человека, словно речь идет об охоте на зайца на опушке леса.

— Ну, это совсем разные вещи,— заметил младший лейтенант.— Подстреленного зайца можно зажарить на костре, а от убитого шуана какая польза?

Берта не смогла скрыть отвращения, которое она почувствовала при неудачных шутках молодого офицера.

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул лейтенант.— Так, значит, вы вовсе не такая патриотка, как ваша хозяйка, и мы ошиблись, обращаясь к вам?

— Нет, я — патриотка; однако, несмотря на ненависть к врагам, я еще не привыкла спокойно относиться к смерти.

— Ба! — произнес офицер.— К этому быстро можно привыкнуть, особенно если по ночам, вместо того чтобы спать в своей постели, вам пришлось бы шагать по дорогам. Вот и сегодня, я помянул всех чертей вместе с чертенятами, когда на пост в Сен-Мартене примчался сломя шею этот проклятый крестьянин, из-за которого мне пришлось поднять солдат по тревоге и выйти в ночь. Однако теперь я вижу, что был не прав, ибо небо меня вознаградило за тяготы солдатской жизни, и я уже не кляню свою судьбу, а даже нахожу, что в профессии военного есть и некоторые приятные стороны.

И с этими словами, по-видимому, желая немного разрядить обстановку, офицер наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на шее девушки.

Почувствовав на своем лице горячее дыхание молодого человека и не ожидая от офицера такого любовного порыва, Берта выпрямилась и покраснела, как гранат; ее ноздри трепетали, а глаза пылали гневом.

— О! — продолжил лейтенант.— Моя красавица, не-

ужели вас так разгневал какой-то несчастный поцелуй?

— А что тут удивительного? Уж не думаете ли вы, что, если перед вами бедная крестьянская девушка, вы можете безнаказанно ее оскорблять?

— «Безнаказанно оскорблять»! Хм! Как она говорит! — произнес с сомнением в голосе младший лейтенант. — А нас уверяли, что мы попали в дикий край!

— А знаете ли вы, — сказал лейтенант, — что я хочу сейчас сделать?

— Что?

— Арестовать вас по подозрению в совершении преступления и отпустить только в том случае, если вы мне заплатите выкуп.

— Какой еще выкуп?

— Тот, в котором вы мне отказали: поцелуй.

— Я не могу вам этого разрешить — ведь вы не приходите мне ни родственником, ни братом, ни мужем.

— Так, значит, никто, кроме этих достойных людей, не имеет права прикоснуться губами к вашим свежим щечкам?

— Несомненно.

— А почему?

— Потому что я не могу нарушить долг.

— Ваш долг! О! Вы шутите!

— Неужели вы считаете, что только вы способны выполнять свой долг, а другим это не дано?.. Вот (Берта попробовала улыбнуться), если, к примеру, я бы спросила, как зовут того человека, которого вы собираетесь арестовать, разве вы бы мне назвали его?

— Честное слово, — ответил молодой офицер, — в этом я не вижу нарушения долга, и вы можете узнать его имя.

— Ну, раз так, назовите его.

— О! Тогда... Честное слово, я так растерян! Ваши глаза сводят меня с ума, ради них я готов пойти на все. Если вы так настаиваете, если вы настолько любопытны, насколько я слаб и волен, пусть будет по-вашему: я изменю родине и назову имя этого человека, но лишь при одном условии: взамен вы меня поцелуете!

Чувствуя сердцем, что Мишелю грозила смертельная опасность, охваченная страхом за его судьбу, забыв про всякую осторожность, и со свойственной ей горячностью, даже не задумавшись о том, что ее настойчивость может

показаться подозрительной лейтенанту, Берта неожиданно подставила щеку для поцелуя.

Офицер тут же запечатлел на ее бледной щеке два звонких поцелуя.

— Услуга за услугу,— сказал он, не в силах сдерживать улыбку,— вот вам имя того человека, которого мы идем арестовывать: господин де Венсе.

Отступив на шаг, Берта взглянула с недоумением на офицера.

— Поспешим в дорогу! — сказал лейтенант.— Я найду у мэра то, что мне не удалось найти здесь.

Затем, обернувшись к Берте, офицер добавил:

— Ах! Какого бы проводника он мне ни предоставил, он не сможет быть для меня столь приятным, как вы, прелестное дитя!

И галантно вздохнул.

Обратившись к солдатам, приказал:

— Эй, скорее в путь!

Младший лейтенант и несколько солдат, вошедших в дом следом за офицером, вышли, чтобы занять свое место в колонне

Офицер попросил спичку, чтобы зажечь сигару. Берта принялась искать спички на каминной плите. Подождав несколько секунд, офицер вытащил из кармана клочок бумаги, зажег его над лампой; Берта, следившая за каждым жестом офицера, взглянула на бумагу, которая уже сворачивалась от огня, и отчетливо увидела на пожелтевшем изгибе имя Мишеля.

«Ах! Так я и знала,— подумала девушка,— он мне солгал! Да, они идут арестовывать Мишеля!»

Офицер небрежно бросил на пол полуобгоревший листок бумаги, и Берта тут же наступила на него ногой; ее волнение было настолько велико, что офицер не замедлил этим воспользоваться и поцеловал ее во второй раз.

Затем в тот момент, когда она обернулась к нему, офицер произнес, поднеся палец к губам:

— Тише! Вы не крестьянка. Раз уж вам необходимо скрываться, следите получше за собой. Вы пропадете, если так же плохо станете разыгрывать из себя простую крестьянскую девушку перед теми, кто вас разыскивает!

И с этими словами он быстро выбежал из комнаты, опасаясь, по всей видимости, за себя.

Не дожидаясь, пока за ним захлопнется дверь, Берта схватила обгоревший клочок бумаги.

В ее руках был донос, который Куртен направил в Нант с крестьянином, которому доверился, а тот доставил его, чтобы не ехать слишком далеко, на первый попавшийся ему на пути пост, находившийся в соседней деревне Сен-Мартен.

На бумаге сохранились несколько строчек, написанных рукой мэра Ложери, так что у Берты не осталось сомнений в том, зачем направлялся отряд в Банлевр.

Голова Берты пошла кругом: если приговор, вынесенный молодому человеку, приведут в исполнение солдаты, а доказательством тому служили шутки младшего лейтенанта, не пройдет и двух часов, как Мишеля не будет в живых; представив себе, как он будет лежать на сырой земле с простреленной грудью в луже собственной крови, Берта совсем потеряла голову.

— Где Жан Ульье? — крикнула она, обращаясь к старой хозяйке постоянного двора.

— Жан Ульье? — переспросила старая женщина, с недоумением взглянув на девушку.

— Я вас спрашиваю, где Жан Ульье?

— А разве Жан Ульье не умер? — ответила мамаша Шомпре.

— А куда же тогда отправилась ваша дочь?

— Бог мой, да я не знаю, моя дочь никогда мне не говорит, куда идет; она в таком возрасте, что может сама отвечать за свои поступки.

Берта вспомнила о доме Пико; однако если ее предположения не оправдаются, она потеряет целый час.

И этот час мог стоить Мишелю жизни.

— Когда она вернется, а это будет скоро, — продолжила Берта, — передайте ей, что я не смогла сразу поехать в известном ей направлении, но постараюсь добраться туда еще до рассвета.

Побежав на конюшню, девушка надела уздечку, вскочила в седло и стремительно выехала со двора. Удаляясь по бокам лошади хлыстом, она заставила ее перейти если не на галоп, то по крайней мере на рысь, надеясь опередить солдат хотя бы на полчаса.

Когда она пересекала площадь Сен-Фильбера, она услышала справа от моста шум, производимый удалявшимся воинским подразделением.

Оглянувшись по сторонам, Берта свернула в узкую улочку, выехала за пределы деревни, направила лошадь в реку, переплыла на другой берег Булони и выехала на дорогу, идущую немного выше Машкульского леса.

XXVI

РАНЕНАЯ ВОЛЧИЦА

К счастью, Берте досталось более выносливое животное, чем можно было бы предположить вначале. Когда невысокая бретонская лошадка скучала на конюшне, у нее был усталый и понурый вид, что делало ее похожей на местных жителей, однако так же, как и крестьяне во время работы, лошадка преобразилась, и с каждой минутой убыстряла свой бег, раздувая ноздри, вскоре перешла на галоп и, словно птица, летела вперед с развевающейся на ветру гривой, оставляя позади холмы и долины, рощи и леса, в то время как пригнувшейся к ее шее Берте оставалось только задавать ей направление, отпустив поводья и не переставая хлестать по бокам хлыстом.

Попадавшиеся навстречу редкие в столь поздний час крестьяне, увидев мчавшуюся во весь опор лошадь и ее всадницу, принимали их за призраки, явившиеся на мгновение и тут же исчезнувшие в темноте, и крестились им вслед.

Однако как бы быстро ни скакала лошадь, ей было далеко до той скорости, с какой жаждала ехать Берта: ведь каждая секунда была для ее сердца месяцем, а минута казалась целым годом; она отдавала себе отчет в том, какая тяжкая ответственность давила на ее хрупкие плечи, где смешалось все: кровь, смерть и бесчестье. Спасет ли она Мишеля? А если спасет, успеет ли отвести опасность от Малыша Пьера?

Ее одновременно одолевало множество противоречивых мыслей. То она начинала упрекать себя в том, что не оставила матери Марианны вразумительных указаний, как следовало поступить, то приходила в ужас от того, что после столь стремительного темпа, который она

задала животному, несчастная бретонская лошадка за-
мертво упадет по дороге из Банлевра в Нант; сознавая,
что только она одна может добраться до знатной изгнан-
ницы, ибо никто, кроме нее, не знал пароля, она корила
себя за то, что, спасая любимого человека, она рисковала
жизнью бесценного для величия Франции человека;
во власти самых разноречивых чувств, не зная, что и ду-
мать, словно в каком-то бреду, она только и делала, что
вонзала каблуки в бока несчастной лошаденки, чтобы
ускорить ее и без того безумный бег и чуть-чуть освежить
на ветру разгоряченную голову, которая, казалось, вот-
вот расколется от осаждавших ее тревожных мыслей.

Не прошло и часа, как она добралась до леса Ту-
вуа; здесь она была вынуждена отказаться от бешеной
гонки; дорога была вся в рытвинах и ухабах, и бедная
бретонская лошадка уже дважды, споткнувшись, чуть
было не упала; решив, что у нее в запасе еще достаточ-
но времени, чтобы Мишель успел скрыться, Берта дала
коню передышку и позволила перейти на шаг.

И как глоток воздуха ей была необходима надежда.

На какое-то время улеглись все ее страхи и вол-
нения.

Мишель еще раз будет обязан ей жизнью!

Только тот, кто любил, кто испытал невыразимое
блаженство самоотречения, кто познал счастье принести
себя в жертву ради любимого существа, может понять,
какой гордостью и радостью наполнялось сердце Бер-
ты в те краткие мгновения, когда она думала, что благо-
получие Мишеля, которого она спешила спасти, доста-
нется ей, возможно, слишком дорогой ценой!

Она очнулась от будораживших ее душу мыслей, уви-
дев перед собой освещенные луной белые стены фермы
на фоне черных кустов орешника.

Ворота фермы были открыты.

Спрыгнув с лошади, Берта привязала ее к одному
из колец с наружной стороны стены и вошла во двор.

Она почти бесшумно ступала по засыпанному наво-
зом двору, и ни одна собака не залаяла, чтобы оповестить
обитателей фермы об ее приходе.

У двери дома Берта, к своему великому удивлению,
увидела привязанную лошадь под седлом.

Возможно, лошадь принадлежала Мишелю, а может быть, и кому-то другому.

Прежде чем постучать, Берта решила убедиться в том, что в доме нет посторонних.

Ставни в окне горницы, в которой Малыш Пьер просил у маркиза от имени Мишеля руку девушки, были слегка приоткрыты. Бесшумно подобравшись к окну, Берта заглянула в комнату.

И тут же приглушенно вскрикнула и едва не упала в обморок.

Она увидела Мишеля, стоявшего на коленях перед Мари; одной рукой молодой человек обнимал ее за талию, в то время как Мари перебирала пальцами кудри барона; на их губах играла улыбка, а глаза сияли таким счастьем, что не оставалось никаких сомнений в чувствах молодых людей для тех, кто хоть раз был влюблен.

Совершив открытие, Берта тут же пришла в себя. Бросившись к дому, она с силой распахнула дверь и, словно статуя Мщенья, без кровинки в лице, с распущенными волосами, горящим взором, вздымавшейся от негодования грудью, предстала на пороге.

Мари вскрикнула и, прикрыв лицо руками, упала на колени.

По разъяренному виду Берты Мари с первого взгляда поняла все, что творилось в душе сестры.

Испугавшись пылавших гневом глаз Берты, Мишель тут же вскочил на ноги, и, словно перед ним появился враг, руки невольно потянулись к оружию.

— Прикончите меня! — воскликнула Берта, заметившая жест молодого человека. — Несчастный, прикончите меня! И это будет лишним доказательством вашей трусости и предательства.

— Берта... — пробормотал Мишель, — позвольте сказать вам... позвольте объяснить вам...

— На колени! На колени! Вместе с вашей соучастницей! — воскликнула Берта. — Лишь на коленях можно произносить гнусную ложь, которую вы приготовили в свою защиту... О, неблагодарный! А я-то забыла про свой долг и честь и, обезумев от страха и отчаяния, как только узнала, что ему грозит смертельная опасность, помчалась спасать ему жизнь, стремясь лишь к одной цели, горя одним желанием, чтобы сказать ему: «Мишель, взгляни и ответь мне, люблю ли я тебя!». И что же я

вижу? Он изменил всем клятвам, нарушил все обещания, разорвал священные узы если не любви, то хотя бы благодарности! И с кем? Ради кого? Ради той, которую после него я любила больше всех на свете, с кем прошло мое детство! С моей сестрой! Неужели не нашлось рядом другой женщины, чтобы соблазнить? Отвечай, мерзавец! — продолжила Берта, схватив молодого человека за руку, и стала с яростью трясти ее. — Или ты хотел, чтобы в своем горе я не смогла бы искать утешения и сочувствия у самой для меня близкой души, у своего второго «я» — моей сестры?

— Берта, выслушайте меня, — произнес Мишель, — выслушайте меня, умоляю вас! Слава Богу, мы не настолько перед вами виноваты, как вы думаете... О Берта, если бы вы только меня выслушали!

— Я не желаю ничего слышать! Мое сердце навсегда разбито. Оно разрывается от боли и отчаяния! Я прислушиваюсь лишь к тому, что подсказывает мне моя совесть, а она мне говорит, что ты трус!.. Боже мой, — воскликнула девушка, в отчаянии теребя непослушной рукой пряди черных волос, — Боже мой, неужели я заслужила такую черную неблагодарность за нежность, любовь, которая была настолько слепа, что глаза не хотели видеть, а уши — слышать, когда мне говорили, что этот нерешительный и робкий, изнеженный и дрожащий от страха мальчишка не достоин моей любви? О! Какой же безмозглой я была гусыней! Мне хотелось верить, что он проникнется благодарностью к той, которая проявила жалость к его слабости, к той, кто бросил вызов предрассудкам, общественному мнению, чтобы вытащить его из грязи, и, наконец, сделал все, чтобы его запятнанное имя произносилось без стыда!

— Ах! — воскликнул Мишель, выправившись во весь рост. — Хватит, довольно!

— Да, запятнанное, — повторила Берта. — Ах! Тебе это не нравится? Тем лучше! Я повторю еще и еще раз... Да, твое опозоренное имя, потому что оно запятнано самым низким, самым отвратительным, самым трусливым предательством! О! Семья предателей! Сын продолжил дело отца. Этого от него и следовало ожидать.

— Мадемуазель, — произнес Мишель, — вы пользуетесь привилегией, какую дает ваш пол, чтобы оскорблять

меня, и вы унижаете не только меня, но позорите самое святое для любого человека — память его отца.

— Мой пол? Я утратила его в тот момент, когда ты смеялся надо мной у ног этой несчастной дурочки! Я утратила его в ту минуту, когда ты превратил мою сестру в самое презренное существо! И вот от того, что я не лью перед тобой слезы, не ползаю на коленях и не рву на себе волосы, ударяя себя кулаком в грудь, ты вдруг делаешь открытие, что я — женщина, которую надо уважать как нежное и слабое существо и никогда не причинять ей душевной боли! Нет, нет, ты никогда не видел во мне женщину и никогда не увидишь. С этой минуты перед тобой некое бесполое существо, которое ты смертельно оскорбил, и оно отвечает тебе тем же!.. Барон де ла Ложери, я тебе уже сказала, что тот, кто соблазняет сестру своей невесты — а я и была невестой этого человека, — совершает трусость и предательство сто раз, — барон де ла Ложери, ты не только трус и предатель, ты сын труса и предателя. Твой отец — тот презренный негодяй, который продал и выдал Шаретта, однако он по крайней мере заплатил за свое гнусное преступление жизнью! Тебе рассказывали, что он случайно погиб во время охоты или же с ним произошел несчастный случай. Это ложь, которую я опровергаю: он был убит тем, кто видел, как он совершил свое мерзкое преступление, его убил...

— Сестра! — воскликнула Мари, вскочив с колен и прикрыв ладонью рот Берты. — Сестра, вы совершите сейчас одно из тех тяжких преступлений, в которых вы обвиняете других. Вы хотите выдать чужую тайну.

— Согласна, но пусть этот человек скажет в свое оправдание хотя бы слово! И если у него осталась хотя бы капля совести и гордости, пусть поднимет голову и посмотрит мне прямо в глаза или пусть лишит меня жизни, которая с этой минуты опостылела и теперь станет для меня вечной мукой, пусть по крайней мере доведет начатое дело до конца! Боже мой! Боже мой! — продолжила Берта, и на ее ресницах наконец навернулись слезы. — За что ты позволяешь мужчинам разбивать наши слабые сердца? И кто же теперь, о Боже! сможет меня утешить?

— Я! — ответила Мари. — О, моя сестра, моя добрая сестра, моя дорогая сестра! Если только ты захочешь

меня выслушать, если только ты захочешь меня простить!

— Вас простить? Вас? — воскликнула Берта, отталкивая сестру. — Нет, вы теперь заодно с этим человеком, я больше знать не желаю вас! Отныне смотрите друг за другом в оба, ибо предательство не принесет вам счастья.

— Берта, Берта! Господом Богом тебя молю не произносить столь страшных слов, не проклинять нас!

— Хорошо, — сказала Берта, — а вы не подумали, что, может быть, правы те люди, что окрестили нас Волчицами? Может быть, вы хотите, чтобы теперь о нас говорили: «Девушки из замка Судэ любили господина де ла Ложери. Обе влюбились в него, а он, пообещав каждой жениться только на ней, — ведь правда, он и вам обещал жениться, — сочетался браком с третьей»? — Неужели вы не понимаете, как это чудовищно выглядит со стороны даже для Волчиц!

— Берта! Берта!

— И если я свысока относилась к этому прозвищу, точно так же как пренебрегала соблюдением светских правил приличия, — продолжила девушка, по-прежнему в состоянии крайнего нервного возбуждения, — если я высмеивала нравы, царящие в гостиных и в высшем обществе, то делала это только потому, что мы — вы слышите? — мы имеем право ходить с гордо поднятой головой, имея собственное понимание высокой добродетели и чести. Мы считали себя выше всех пересудов и низких наветов. Но сегодня, заявляю вам открыто, я сделаю для вас то, что никогда бы не согласилась совершить для себя: Мари, я убью этого человека, если он не женится на вас! Хватит с нас и одного позора, порочащего честное имя нашего отца.

— Клянусь тебе, Берта, я не опорочу его имени! — воскликнула Мари, снова опускаясь на колени перед сестрой, которая, почувствовав наконец, что силы изменяют ей, упала на стул, обхватив руками голову.

— Тем лучше! Одним горем меньше для той, которую вы больше никогда не увидите.

И, заломив в отчаянии руки, воскликнула:

— О Боже! Ведь я так их любила, а теперь мне надо их ненавидеть!

— Нет, Берта, ты не станешь меня ненавидеть! Твое

горе, твои слезы причиняют мне еще больше страданий, чем твой гнев. Прости меня. О, Боже! Что я такое говорю? Ты можешь подумать, что я в чем-то перед тобой виновата, потому что целую твои колени, потому что прошу у тебя прощения! Нет, клянусь тебе, я не чувствую за собой вины... Я расскажу тебе... но я не хочу, чтобы ты страдала, я не хочу видеть твоих слез... Господин де ла Ложери,— продолжила Мари, повернув к Мишелю залитое слезами лицо,— господин де ла Ложери, все, что было между нами, приснилось, а теперь настало пробуждение: уходите! Уезжайте, забудьте обо мне, уезжайте поскорее!

— Мари, ты опять теряешь голову,— произнесла Берта, не отнимая своей руки, которую сестра покрывала поцелуями и на которую проливала слезы,— это невозможно!

— Нет, нет, Берта, это возможно,— заметила Мари, и на ее губах появилась вымученная улыбка.— Берта, мы с тобой выберем себе жениха, чьим именем заткнем рты всем сплетникам и клеветникам.

— Кого же, бедное дитя?

Мари подняла руку к небу.

— Бога! — сказала она.

Берта не смогла в ответ произнести ни слова: душевная боль мешала ей говорить, но она с силой прижала Мари к груди, в то время как расстроенный Мишель присел на табурет, стоявший в углу комнаты.

— Ну прости же нас,— шепнула Мари на ухо сестре,— не осыпай его упреками!.. Боже мой, разве он виноват в том, что воспитание сделало его таким робким и нерешительным, что ему не хватило мужества сказать правду в тот момент, когда решалась его судьба?.. Он уже давно хотел тебе во всем признаться и молчал только потому, что я запрещала ему это делать, ибо мне казалось, что я смогу когда-нибудь его забыть!.. Увы! Увы! У нас слишком слабые сердца! Но теперь все кончено, дорогая сестра, теперь мы больше не расстанемся... Подними на меня глаза, чтобы я их могла поцеловать... Никто больше не стоит между нами, и никто больше не посмеет посеять вражду между двумя сестрами! Нет, нет, мы останемся только вдвоем и будем любить друг друга, и вместе с Богом, которому посвятим жизнь... мы обретем покой и счастье там, где сможем молиться за него!

Мари произнесла последние слова таким тоном, словно у нее разрывалось сердце, и потрясенный до глубины души Мишель, не выдержав такого испытания, встал на колени рядом с Мари, в то время как Берта, чье внимание было всецело приковано к сестре, не оттолкнула его.

В этот момент в дверь, которую Берта оставила широко распахнутой, вломилась солдаты. И офицер, уже знакомый нам по встрече на постоялом дворе Сен-Фильбера, выйдя на середину комнаты, положил руку на плечо Мишеля.

— Вы господин Мишель де ла Ложери? — произнес он.

— Да, господин.

— Именем закона, вы арестованы.

— Боже Всемилостивый! — очнувшись словно от сна, воскликнула Берта. — Боже Великий! Я забыла обо всем на свете!.. Ах, я стану виновной в его смерти!.. А в городе, что же происходит в городе?

— Мишель, Мишель, — произнесла Мари, которая перед лицом опасности, угрожавшей молодому человеку, тут же забыла обо всем, что только что говорила сестре. — Мишель, если тебя убьют, я умру вместе с тобой!

— Нет, нет, клянусь тебе, сестра, он не умрет, и вы еще будете счастливы! Господин, дайте пройти! — продолжила Берта, обращаясь к офицеру.

— Мадемуазель, — ответил он с подчеркнутой вежливостью, — как и вы, я не умею поступаться своим долгом. Еще в Сен-Фильбере я заподозрил вас, но я не комиссар полиции и не стал вами заниматься, но здесь смог убедиться в том, что вы выступаете против властей, и я вас арестовываю.

— Вы хотите меня арестовать в такой момент! Скорее вы меня убьете, чем арестуете!

И не успел офицер прийти в себя от удивления, как Берта, прыгнув на подоконник, выскочила в окно и бросилась к воротам.

В воротах стояли солдаты.

Оглянувшись по сторонам, Берта увидела, что лошадь Мишеля, напуганная появлением солдат, металась по двору.

Рассудив, что лейтенант, уверенный в том, что дом по его приказу был оцеплен и охранялся, не станет применять грубую силу по отношению к женщине, девушка подбежала к животному и одним прыжком вскочила в седло, а затем, пролетев стрелой мимо ошеломленного офицера, Берта направила лошадь к ограде в том месте, где стена была немного ниже и, натянув до отказа поводья и пустив в ход свои каблуки, заставила коня — а это был отличный английский скакун, — совершить высокий прыжок и преодолеть препятствие высотой футов в пять. И конь вместе со своим седоком уже мчался во весь опор по открытому полю.

— Не стреляйте! Не стреляйте в эту женщину! — крикнул офицер, словно посчитав, что раз ему не удалось заполучить ее живой, мертвой она была ему не нужна.

Однако солдаты, охранявшие наружную стену, не услышали, а может быть, не поняли приказ командира, и град пуль просвистел над головой Берты, которую английский скакун стремительно уносил отсюда прочь.

XXVII

КАМИННАЯ ПЛИТА

Теперь поспешим в Нант и посмотрим, что же происходило в ночь смерти Жозефа Пико и ареста барона Мишеля де ла Ложери.

Часов в девять вечера в приемную префекта вошел человек в мокрой и забрызганной грязью одежде; на отказ секретаря провести его к высокому должностному лицу, он протянул визитную карточку, открывавшую, по всей видимости, перед ним любую дверь, ибо префект тут же оставил все дела, чтобы принять посетителя, который был не кем иным, как известным нам господином Гиацинтом.

Не прошло и десяти минут, как к двери дома, выходящей на Базарную улицу, где жил мэтр Паскаль, подъехал эскадрон жандармов и несколько полицейских агентов.

Военными не было принято мер предосторожности, чтобы заглушить шум шагов на марше, так что ни у кого не оставалось сомнений относительно их намерений; мэтр Паскаль, еще издали увидев вооруженных людей и убедившись в том, что у двери, выходящей в пере-

улок, не было засады, воспользовался именно этим выходом еще до того, как солдаты выбили дверь со стороны Базарной улицы, которую им отказались открыть.

Направившись к улице Шато, он вошел в дом под номером три.

Спрятавшийся за тумбой господин Гиацинт пошел за ним с осторожностью охотника, преследовавшего дичь.

В операции, за успех которой, по всей видимости, отвечал господин Гиацинт, власти задействовали значительные силы, и сразу же после того, как еврей доложил префекту Нижней Луары о том, что ему удалось узнать от Куртена, по тревоге подняли тысячу двести солдат, и они направились к дому, в который, как проследил шпион, вошел мэтр Паскаль.

Они разделились на три колонны.

Первая колонна спустилась по улице Кур, расставив часовых вдоль ограды сада епископа и у соседних домов, затем проследовала вдоль рва вокруг замка и остановилась напротив дома номер три, где и развернулась в цепь.

Вторая колонна пошла по улице Евеше, пересекла площадь Святого Петра, спустилась по проезжей части улицы вниз и соединилась с первой колонной внизу улицы Шато.

Третья же колонна присоединилась к двум первым колоннам в верхней части улицы Шато.

Кольцо сомкнулось: все соседние с номером три дома оказались в окружении.

Солдаты ворвались на первый этаж во главе с бежавшим впереди комиссаром полиции. Отряд рассредоточился по дому, перекрыв все ходы и выходы; военные выполнили свою задачу, теперь дело оставалось за полицией.

В доме, как оказалось, проживали четыре дамы. Принадлежавшие к высшим аристократическим кругам города Нанта и известные не только своим высоким положением в обществе, но и безупречной репутацией, женщины были арестованы.

На улице перед домом уже собралась огромная толпа, образовавшая за спиной солдат второе живое кольцо. Казалось, что весь город вышел на улицу и столпился у ворот дома. Между тем до сих пор не прозвучало ни единого роялистского лозунга: горожане пока проявляли простое любопытство.

В доме начался обыск, и первые находки подтвердили, что герцогиня Беррийская скрывалась именно здесь: на одном из столов было найдено вскрытое письмо, адресованное Ее Королевскому Высочеству; исчезновение мэтра Паскаля, которого видели входившим в дверь, доказывало, что в доме существовал тайник. Оставалось лишь отыскать его.

Весь дом был перевернут вверх дном; если находились ключи, шкафы открывались, а если же их не было, то просто взламывались. Саперы и каменщики поднимали полы и простучивали стены молотками; осмотревшие комнаты строители заявили, что внешнее и внутреннее устройство дома не позволяло устраивать тайники, где могли бы укрыться люди. В одной из стен были найдены хранившиеся здесь различные вещи, среди которых оказались документы, драгоценности и серебряная утварь, принадлежавшие хозяину дома, что позволило утвердиться во мнении, что принцесса скрывалась в этом доме. Осмотрев мансарду, строители заявили, что здесь, как и в других местах, отыскать тайник невозможно.

Тогда начался обыск соседних домов в поисках тайника. Полицейские стучали по стенам с такой силой, что от них отваливались целые куски каменной кладки, и в какой-то момент показалось, что вот-вот рухнет весь дом. Пока наверху копошились сыщики, арестованные знатные дамы сохраняли хладнокровие и, несмотря на то, что находились под стражей, с самым невозмутимым видом сидели за столом.

Две другие женщины — следует вытащить на свет Божий из темноты истории их имена, чтобы о них узнали потомки — две другие женщины попали под особое внимание полиции; они прислуживали в доме, одну из них звали Шарлотта Моро, а другую — Мария Буасси; сначала их привели под конвоем солдат в замок, а оттуда отправили в казарму жандармерии, где, убедившись, что угрозами от них ничего не добьются, попробовали подкупить, обещая при каждом новом допросе все больше и больше денег, на что в ответ они твердили только одно, что знать не знают, где скрывалась герцогиня Беррийская.

Полиция охладила свой пыл, не добившись быстрых результатов. Префект распорядился дать на время отбой, оставив в доме на всякий случай достаточное количество

жандармов, чтобы занять все комнаты, а также полицейских, которые расположились на первом этаже. Дом был обложен войсками со всех сторон, и национальные гвардейцы частично заменили солдат, которым необходимо было дать время для отдыха.

В соответствии с полученным приказом два жандарма несли службу часовыми на только что обысканной сыщиками мансарде. Они так продрогли от холода, что не выдержали: один из них спустился вниз и принес охапку дров, чтобы развести огонь в камине; не прошло и десяти минут, как в очаге уже полыхали яркие языки пламени, а четверть часа спустя каминная плита раскалилась докрасна.

И почти в то же время, хотя еще не наступил рассвет, поиски возобновились; рабочие били по стенам железными прутами и молотками с такой силой, что они сотрясались.

Несмотря на стоявший вокруг грохот, один из жандармов ухитрился заснуть, а его разомлевший от тепла напарник перестал подбрасывать поленья в огонь. Рабочие наконец покинули эту часть дома, которую, следуя инстинкту разрушителей, они едва ли не превратили в руины.

Не смыкавший глаз жандарм, желая воспользоваться передышкой и тишиной, наступившей после стоявшего здесь только что невероятного шума, разбудил товарища, чтобы, в свою очередь, подремать. Его напарник сильно продрог во сне. Он прежде всего подумал о том, чтобы согреться; для этого он снова развел огонь, а так как поленья плохо разгорались, стал подбрасывать в костер подшивки «Котидьена», грудой сваленные под столом.

Принявшийся за газеты огонь запылал с такой силой, что они отчаянно задымили, принеся столько тепла, сколько прежде не давали даже поленья. Согревшись, довольный жандарм решил скуки ради почитать «Котидьен», когда вдруг творение его пиротехнической мысли неожиданно рухнуло и поленья, приставленные к каминной плите, разлетелись по мансарде.

И тут же из-за плиты ему послышались необычные звуки, которые навели на странную мысль: он решил, что в каминной трубе завелись крысы, и теперь из-за жара в печи они решили переселиться в другое, более прохлад-

ное место. Жандарм разбудил товарища, и вдвоем они схватились за сабли, чтобы достойно встретить противника.

И пока жандармы готовились к столь новой для них охоте, один из них заметил, что каминная плита сдвинулась. На его крик: — Кто там? — ему ответил женский голос. — Мы сдаемся и выходим: погасите огоны!

Оба жандарма тотчас бросились тушить огонь, за тапывая сапогами. Каминная плита повернулась, и глазам жандармов открылось огромное отверстие, из которого вышла женщина. Ее лицо было бледно, голова не покрыта, а волосы спадали на лоб, как у мужчины. На ней было скромное коричневое «неаполитанское» платье, местами сильно обгоревшее. Женщина тут же протянула руки к неостывшим еще углям.

Женщина была Малышом Пьером, Ее Королевским Высочеством, герцогиней Беррийской.

Вслед за ней из убежища вышли ее спутники. Целых шестнадцать часов они провели без еды и питья.

Служивший им убежищем тайник был устроен между камином и стеной соседнего дома под самой крышей, чьи стропила служили ему потолком.

В тот момент, когда военные окружили дом, Ее Королевское Высочество слушало мэтра Паскаля, который с улыбочкой рассказывал о том, как по тревоге ему пришлось бежать из дома. В окно квартиры, где скрывалась принцесса, заглядывала луна, поднимавшаяся на светлом и безмятежно спокойном небе, на фоне которого темнели силуэты неподвижных и безмолвных башен.

Бывают такие минуты, когда природа кажется нам поистине умиротворенной и даже не верится, что в столь благодатной тишине нам может угрожать опасность.

Вдруг мэтр Паскаль, подойдя к окну, увидел блеснувшие в темноте штыки.

И в тот же момент он отпрянул назад с криком:

— Спасайтесь, Мадам! Спасайтесь!

Мадам бросилась к лестнице, и все последовали за ней.

Добежав до тайника, она пригласила с собой всех, кто был с ней. Согласно табелю о рангах мужчины из окружения Ее Королевского Высочества прошли первыми, а горничной, которая отказывалась идти впереди Мадам, она сказала, рассмеявшись:

— В соответствии с требованиями стратегии, командир должен замыкать отступление.

Когда солдаты вломились во входную дверь, за беглецами уже закрылась каменная плита.

Мы видели, с какой тщательностью производился обыск: и каждый удар по стенам был слышен в тайнике, устроенном за камином, где нашли убежище герцогиня Беррийская и ее товарищи. И всякий раз, когда стены сотрясались от ударов молотков и железных прутьев и над их головами осыпалась штукатурка и падали кирпичи, они рисковали оказаться заживо погребенными под обломками.

Когда жандармы развели в камине огонь, его стенка и плита так раскалились и в узком и тесном убежище стало настолько жарко, что с каждой минутой становилось все труднее и труднее дышать, и все, кто прятался, наверняка бы погибли от удушья, если бы им не удалось оторвать от кровли несколько черепиц и немного проветрить помещение.

Больше всех страдала принцесса, ибо, войдя последней, она оказалась прижатой к каминной плите, и, хотя каждый из ее спутников постоянно предлагал ей поменяться местами, она наотрез отказывалась.

Над попавшими в ловушку людьми нависла угроза не только задохнуться, но и сгореть заживо; плита раскалилась докрасна, и у женщин уже обгорел подол платьев, и вот-вот их одежда грозила вспыхнуть факелом. Уже два раза загоралось платье на Мадам, и она гасила на себе пламя голыми руками, на которых надолго сохранились следы ожогов.

В укрытии уже нечем было дышать, а через редкие отверстия в кровле поступало слишком мало воздуха снаружи. Замуровавшие себя в стене узники начали задыхаться; если бы они остались здесь еще минут на десять, жизнь герцогини была бы поставлена под угрозу. Каждый умолял ее покинуть убежище, но она все не сдавалась; от бессильного гнева из ее глаз хлынули слезы, но жар от раскаленной плиты тут же высушил их на ее щеках. Огонь снова добрался до ее платья, и, когда она поднялась, чтобы погасить его, нечаянным движением задела за крючок, придерживавший каминную плиту, которая, слегка приоткрывшись, привлекла внимание жандармов.

Подумав, что она раскрыла секрет их убежища, Мадам согласилась сдаться из сострадания к мукам своих товарищей и вышла из укрытия, как мы только что вам рассказали.

И она сразу же попросила позвать Дермонкура. Один из жандармов спустился на первый этаж, где находился генерал, не пожелавший уйти отдохнуть.

XXVIII

ТРИ РАЗБИТЫХ СЕРДЦА

Как только объявили о приходе генерала, Мадам стремительно вышла ему навстречу.

— Генерал,— торопливо произнесла она,— я сдаюсь в надежде на вашу офицерскую честь.

— Мадам,— ответил Дермонкур,— Ваше Королевское Высочество находится под защитой французской армии.

Он проводил ее до кресла, и, опускаясь в него, Мадам все еще крепко держала Дермонкура за руку.

— Генерал, мне не в чем упрекать себя, я лишь выполняла свой материнский долг, желая отвоевать наследство сына.

Ее голос прозвучал отрывисто и резко.

Несмотря на бледность, Мадам находилась в таком возбужденном состоянии, словно у нее был жар. Генерал распорядился принести стакан воды, в который она опустила пальцы; почувствовав прохладу, женщина немного успокоилась.

Тем временем о происшедшем узнали префект и командир дивизии.

Первым прибыл префект.

Он вошел в комнату, где сидела Мадам, не потрудившись даже снять с головы шляпу, словно здесь не было женщины, пусть даже и арестованной, но которая и по положению, занимаемому в обществе, и по пережитым мукам, заслуживала больше уважения и внимания, чем все почести, оказанные самому префекту за всю его жизнь. Подойдя к герцогине, он заглянул ей в лицо, молодцевато поднес руку к полям шляпы и, слегка приподняв ее со лба, произнес:

— А! Да, это она.

И тут же вышел отдать новые распоряжения.

— Кто этот человек? — спросила принцесса.

Она задала вполне естественный вопрос, ибо высокое должностное лицо не удосужилось представиться, а по его одежде не было видно, какое положение он занимал.

— Мадам не догадывается? — ответил генерал.

Она взглянула на него и попробовала улыбнуться.

— Наверное, префект, — сказала она.

— Ответ Мадам настолько точен, словно она заглянула в его документы.

— Этот человек служил во времена Реставрации?

— Нет, Мадам.

— Значит, мне показалось.

В этот момент вернулся префект; как и в первый раз, он вошел без предупреждения и так же лишь приподнял шляпу. По всей видимости, в тот день префект не обедал, ибо в руке он держал тарелку с куском мясного пирога; поставив тарелку на стол, он приказал принести нож и вилку, а затем принялся за еду, повернувшись спиной к принцессе.

Мадам окинула его гневным взглядом, к которому примешивалось глубокое презрение.

— Генерал! — воскликнула она. — Знаете ли вы, о чем я больше всего сожалею из того утраченного, что мне раньше полагалось по занимаемому положению в обществе?

— Нет, Мадам.

— О двух секретарях, которые вытолкнули бы этого господина из комнаты.

Закончив завтрак, префект повернулся лицом к герцогине и потребовал документы.

Мадам попросила, чтобы их поискали в тайнике, откуда и принесли оставшуюся там белую папку.

Префект взял папку и передал герцогине.

— Господин, — произнесла герцогиня, — содержимое этой папки не представляет большого интереса, однако я хочу вручить вам эти вещи и объяснить их назначение.

И она передала ему в руки все, что находилось в папке.

— Мадам известно, сколько у нее денег? — спросил префект.

— В тайнике находится около 36 000 франков, из которых 12 000 принадлежат лицам, которые я назову.

Подойдя к Мадам, генерал сказал, что если она чувствует себя немного лучше, то настало время покинуть дом.

— И куда же вы меня проводите? — спросила она, пристально глядя ему в глаза.

— В крепость, Мадам.

— Ах! Прекрасно! Несомненно, это крепость в Блейе?

— Генерал, — произнес один из спутников Мадам, — Ее Королевское Высочество не может отправиться туда пешком — это не соответствует ее положению.

— В данном случае, — ответил Дермонкур, — и карета будет выглядеть неуместной. Мадам вполне может пройти туда пешком, накинув на плечи пальто, а голову прикрыв шляпой.

Адъютант генерала и префект, на этот раз решившие проявить галантность, спустились на третий этаж и принесли три шляпы. Принцесса выбрала шляпу черного цвета, более всего подходившую, по ее словам, к событиям этого дня; затем, опираясь на руку генерала, вышла из комнаты; когда она проходила мимо мансарды, бросив последний взгляд на каминную плиту, так и оставшаяся открытой, она произнесла с улыбкой:

— Ах! Генерал, если бы вы не вели против меня войну не на жизнь, а на смерть, что исключает всякое снисхождение к противнику, вы бы не шли со мной сейчас под руку. Пошли, друзья! — добавила она, обращаясь к своим товарищам.

Принцесса спустилась по лестнице. И в тот момент, когда она уже переступила порог, чтобы выйти из дома, она услышала ропот собравшейся позади солдат толпы, образовавшей вокруг дома плотное кольцо.

Мадам могла подумать, что толпа встретила криками ее появление, но не подала признаков страха, только крепче оперлась на руку генерала.

Когда принцесса проходила через двойной коридор, образованный солдатами и национальными гвардейцами от дома до самой крепости, крики и гул толпы стали еще громче.

Генерал обернулся в сторону, откуда доносился шум, и увидел девушку в крестьянском платье, пытавшуюся прорваться сквозь ряды военных, которые, удивленные ее красотой и отчаянием, написанным на ее прекрасном

лице, не пропускали, но все же не решались применить к ней грубую силу.

Дермонкур узнал Берту и указал на нее. Герцогиня от неожиданности вскрикнула.

— Генерал,— торопливо произнесла она,— вы обещали не разлучать меня с моими друзьями. Пусть ко мне пропустят эту девушку.

По знаку генерала ряды солдат расступились, и Берта смогла подойти к августейшей пленнице.

— Простите, Мадам! Простите несчастную, которая могла вас спасти и не сделала этого! О! Я хочу умереть, проклиная свою роковую любовь, из-за которой я стала невольной соучастницей предателей, продавших Ваше Королевское Высочество!..

— Берта, я не знаю, что вы хотите этим сказать,— прервала ее слова принцесса, поднимая с колен девушку и предложив ей свободную руку.— Несмотря на все, что случилось, ваш поступок доказывает, что мне не следует сомневаться в вашей преданности, о которой я никогда не забуду. Но, дитя мое, я хотела бы с вами поговорить совсем о другом. Я должна просить у вас прощения за то, что невольно совершила ошибку, которая, возможно, причинила вам немало горя, я хотела вам сказать...

— Мадам, я все уже знаю,— сказала Берта, подняв на принцессу глаза, полные слез.

— Бедное дитя! — произнесла принцесса, сжимая руку девушки.— Раз так случилось, идемте со мной. Мое сочувствие и время вылечат ваши душевные раны.

— Ваше Высочество, я должна просить у вас прощения за то, что не могу выполнить вашу волю: я дала обет, который должна выполнить. Для меня, как велит мне долг, один только Всевышний выше вашей августейшей воли.

— Идите, дорогое дитя! — сказала Мадам, понимая, какой обет могла принять девушка.— Да поможет вам Бог, о котором вы мне говорите! Не забудьте упомянуть о Малыше Пьере, когда будете обращаться к нему с молитвой! Бог скорее услышит молитвы разбитых сердец, чем просьбы тех, кто счастлив в любви.

Они уже подошли к воротам донжона. Герцогиня подняла глаза на почерневшие стены, затем протянула руку Берте, которая, преклонив колени, прикоснулась к ней губами, снова умоляя простить ее; немного помедлив,

Мадам перешагнула порог башни, в последний раз улыbnувшись на прощание Берте.

Генерал отпустил руку герцогини, чтобы она прошла вперед, затем обернулся к девушке.

И вполголоса спросил:

— А где ваш отец?

— Он в Нанте.

— Передайте ему, чтобы он возвращался в свой замок, и пусть не беспокоится: его никто там не тронет. Скорее я сломаю свою шпагу, чем разрешу арестовать моего старого недруга!

— Благодарю вас за него, генерал.

— Ладно! А вы, мадемуазель, если в чем-то нуждаетесь, я сделаю все, чтобы вам помочь.

— Мне бы хотелось получить пропуск для псездки в Париж.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— И куда его доставить?

— По ту сторону моста Руссо на постоянный двор «Рассвет».

— Мадемуазель, вы получите пропуск через час.

И, кивнув девушке на прощание, генерал шагнул под темные своды.

Пройдя сквозь плотную толпу зевак, Берта дошла до первой встретившейся на ее пути церкви и долго стояла на коленях на холодных плитах.

Когда девушка поднялась с колен, плиты вокруг были мокрыми от слез; она пересекла город из конца в конец и подошла к мосту Руссо.

Приблизившись к постоялому двору «Рассвет», она увидела сидевшего на пороге отца.

За несколько часов маркиз де Судэ состарился лет на десять; в его глазах погасла насмешливая искорка, придававшая ему прежде столь молодцеватый вид; он сидел с понуро опущенной головой, как человек под тяжестью свалившейся на его плечи непосильной ноши.

Узнав о случившемся от кюре, который, выслушав последнюю исповедь мэтра Жака, поспешил в лес предупредить маркиза в его укрытии, старик тут же отправился в Нант.

В половине лье от моста Руссо ему повстречалась Берта, чья лошадь упала, разорвав сухожилие во время бешеной скачки.

Берта рассказала отцу обо всем, что произошло. Старик ни в чем ее не упрекнул и лишь разбил о камни мостовой палку, которую держал в руках.

Когда они подошли к мосту Руссо, было уже семь часов утра; несмотря на ранний час, они повстречали много знакомых, от которых узнали об аресте принцессы, что на самом деле еще не совсем соответствовало действительности.

Не смея поднять глаза на отца, Берта отправилась в город, а старик как сел на скамью у ворот, так и просидел на ней все четыре часа.

Впервые в жизни у него настолько заболела душа, что следа не осталось от всей его философии эгоиста и эпикурейца! Он простил бы дочери любой проступок, однако от одной только мысли, что дочь запятнала свое имя преступлением против государя, он приходил в отчаяние, считая, что отныне и навсегда имя Судэ будет связано с окончательным падением монархии.

Когда к нему подошла Берта, он протянул ей, не говоря ни слова, сложенный листок, который только что принес жандарм.

— Отец, не простите ли вы меня, как простила меня она? — произнесла девушка тихим голосом и с такой просительной интонацией, которая нисколько не напоминала ее прежний самоуверенный тон.

Старый дворянин грустно покачал головой.

— Где мне теперь искать моего бедного Жана Уллье? — сказал он. — Раз Бог сохранил ему жизнь для меня, я хочу найти его, чтобы уехать с ним подальше отсюда.

— Отец, вы хотите покинуть Судэ?

— Да.

— И куда же вы направитесь?

— Туда, где я смогу не называть своего имени.

— А Мари, наша бедная Мари, она ведь ни в чем не виновата!

— Мари выйдет замуж за того, кто стал причиной этого жуткого преступления.. Я не увижу больше Мари.

— Вы останетесь совсем один.

— Это не так. У меня будет Жан Уллье.

Берта опустила голову. Она вошла в дом, где переоделась из крестьянской одежды в траурное платье, которое купила себе по дороге. Выйдя на улицу, она не обнаружила старика на прежнем месте. Оглядевшись по сторонам, она увидела, как он, заложив за спину руки, шагает с понуро опущенной головой по дороге в сторону Сен-Фильбера.

Берта залилась слезами, затем в последний раз окинула взглядом зеленые луга Реца, упиравшиеся в синевшую вдаль кромку Машкульского леса.

И со словами: «Прощай все, что я здесь любила!» — она направилась в Нант.

XXIX

ПАЛАЧ, ПОСЛАННЫЙ БОГОМ

Пока связанный по рукам и ногам Куртен лежал на земле в развалинах замка Сен-Фильбер в течение трех часов рядом с трупом Жозефа Пико, он пережил столько мучений и волнений, сколько другому хватило бы на всю жизнь.

Он по-прежнему не расставался с драгоценным поясом, на который улегся, прикрыв на всякий случай своим телом. Однако теперь золото тяжелым грузом давило на и без того щемившее от плохих предчувствий сердце и вдобавок к страху, парализовавшему волю и разум, доставляло ему страшные волнения.

Неужели ему не достанется золото, которое было для него дороже и милее собственной жизни? Кто же был тот незнакомец, о ком, как он подслушал, шептался со вдовой мэтр Жак? Что это за таинственный мститель, которого он должен бояться? Перед мысленным взором мэра Ложери прошли все люди, кому он причинил зло на протяжении всей своей жизни; список оказался слишком длинным, и в темноте башни ему уже начали мерещиться их грозные лица.

Порой его мрачные мысли озарялись тоненьким лучом надежды, который поначалу был почти неясным и слабым, но постепенно стал набирать силу. Разве смертен тот, кто владеет столь большим богатством? Разве ему не удастся откупиться, если перед ним вдруг появится один из обиженных им людей, кто захочет расквитаться

ся за причиненное зло? И тогда он вновь мысленно считал и пересчитывал монеты, которые принадлежали ему и только ему, и он наслаждался, чувствуя, как они впивались в его тело, причиняя сладкую боль, словно золото стремилось стать частью его существа; затем Куртен подумал о том, что, если ему удастся и на сей раз выкрутиться из переделки, в которую он попал, вдобавок к пятидесяти тысячам франкам, что уже были при нем, он получит еще столько же, и со связанными руками и ногами, обреченный на верную смерть человек, над которым уже был занесен дамоклов меч, грозивший с минуты на минуту опуститься на его голову, млея от счастья, и у него от радости кружилась голова. Затем его мысли потекли по другому руслу; Куртена стали обуревать сомнения, как бы его сообщник, которому он не слишком доверял, не воспользовался его отсутствием и не завладел долей, которая по праву принадлежала ему. Куртену уже начало мерещиться, как тот убегает, сгибаясь под тяжестью присвоенного золота, отказавшись поделиться с тем, кто в своем предательстве превзошел самого себя. И на этот случай он припас молитвы, которые, по его мнению, должны были пробудить совесть у еврея; он уже представлял, как будет запугивать, осыпать упреками и угрозами, однако рассудив, что господин Гиацинт, по всей вероятности, любит золото отнюдь не меньше его самого,— он был евреем, и последнее обстоятельство лишь подтверждало его предположение,— он оценил его в соответствии с собственными понятиями чести и должен был признать, что от сообщника нельзя было ожидать столь невероятной жертвы. И когда арендатор осознал, что ему не помогут ни слезы, ни просьбы, ни жалобы, ни упреки, он пришел в такую неопишемую ярость, что от проклятий начали сотрясаться стены старого феодального замка. Связанный с головы до ног, он извивался всем телом, кусал пуги зубами, пытаясь их перегрызть, однако тонкие крученые веревки, словно ожившие от его усилий, сопротивлялись, словно живые. Ему показалось, что теперь они еще более врезались в его кожу, а развязанные с огромным трудом узлы тут же сами собой завязывались еще крепче прежнего и уже не простым, а двойным, тройным и четверным узлом и, как бы наказывая за тщетные попытки выпутаться из их плена, впивались в больное тело, оставляя на нем кро-

вавые рубцы. И все его мечты о благополучии, счастье, богатстве улетучились в миг, словно облако под порывом ураганного ветра. И перед арендатором снова возникли грозные призраки тех, кого он преследовал или обманул; все вокруг камни и балки, фрагменты деревянных конструкций и куски карнизов принимали в темноте очертание человеческих фигур, и со всех сторон, словно тысячи блуждавших огоньков на черном саване, на него смотрели пылавшие гневом глаза. У несчастного Куртена закружилась голова; от страха теряя рассудок, разглядев в шагах четырех от себя окоченевшее тело, он обратился к трупу Жозефа Пико с просьбой, предлагая четверть, треть, половину своего золота, только бы тот помог ему развязать веревки; однако в ответ под мрачными сводами звучало одно только эхо собственного показавшегося ему замогильным голоса, и, обессилев от пережитых волнений, он погрузился в короткое забытие.

Какое-то время он лежал в прострации, как вдруг раздавшийся снаружи шум заставил его очнуться; кто-то шел по внутреннему двору крепости, и вскоре до его слуха донеслось, как на двери старого хранилища фруктов со скрипом отодвигался засов.

Куртен почувствовал, как от страха и тревожной неизвестности в его груди учащенно забилося сердце; от мысли, что сейчас сюда войдет мститель, о котором говорил мэтр Жак, у него перехватило дыхание.

Дверь отворилась.

Стены мрачного свода окрасились кровавым отблеском от пламени факела. В душе Куртена на секунду затеплилась надежда: узнав вдову, которая несла в руке факел, он решил, что она пришла одна, но когда женщина переступила порог башни, вслед за ней, отстав на два шага, вошел мужчина.

На голове арендатора волосы встали дыбом; ему не хватило духу рассмотреть лицо этого человека: он молча закрыл глаза.

Мужчина и вдова подошли к нему.

Передав факел своему спутнику и указав рукой в сторону мэтра Куртена, Марианна встала на колени перед трупом Жозефа Пико и принялась за молитву, словно отрешенная от всего, что творилось вокруг.

Что же касалось мужчины, то он сделал еще шаг в направлении Куртена. Желая, по всей видимости, удостовериться, что перед ним был мэр Ложери, он осветил лицо арендатора факелом.

— Спит? — произнес он вполголоса.— Ах, нет! Он слишком труслив, чтобы заснуть! Для спящего лицо не должно быть таким бледным. Нет, он не спит...

Воткнув факел в щель стены и присев на огромный камень, упавший с крыши и откатившийся на самую середину башни, он обратился к Куртену.

— Ну, господин мэр, открывайте глаза!—сказал он — У нас есть о чем беседовать, а когда я говорю, то люблю смотреть в глаза собеседнику.

— Жан Улье! — воскликнул Куртен, и его лицо покрыла мертвенная бледность, а тело стало извиваться угрем в отчаянной попытке разорвать веревки и убежать.— Жан Улье жив!

— Даже если бы это был его призрак, господин Куртен, вам и тогда было бы от чего прийти в ужас, ибо и перед призраком вам пришлось бы отвечать по строгому счету!

— О, Боже мой! Боже мой! — воскликнул Куртен и застыл неподвижно на земле с удрученным видом человека, смирившегося со своей судьбой.

— Наша взаимная ненависть возникла не сегодня, не правда ли? — продолжил Жан Улье.— И на ее счет мы никогда не строили иллюзий. Эта ненависть преследовала меня повсюду, вот и теперь, несмотря на то, что я только что поднялся со смертного одра, она привела меня к вам.

— Я никогда не испытывал к вам ненависти,—сказал Куртен, почувствовав, что Жан Улье не настроен сию минуту убивать; он снова воспрянул духом, решив, что ему, возможно, удастся уговорить не трогать его,—я никогда не испытывал к вам ненависти, напротив! И настигшая вас пуля предназначалась вовсе не вам: откуда мне было знать, что именно вы находились в зарослях.

— Нет, господин Куртен, вы успели мне навредить еще задолго до этого.

— Задолго до этого? — переспросил Куртен, мало-помалу к нему возвращалась былая изворотливость.— Клянусь вам, что до того случая, о котором я весьма сожалею, я не причинил вам ни единой неприятности.

— У вас слишком короткая память, а обиды, как известно, обиженные помнят дольше, нежели обидчики, ибо я ничего не забыл.

— Ничего? И что вы не забыли, господин Жан Уллье? Разве можно выносить приговор тому, кого вы не выслушали, лишать жизни несчастного, не дав ему сказать ни слова в свое оправдание?

— А откуда вы взяли, что я собираюсь вас убивать? — спросил Жан Уллье тем же ледяным тоном, с которым он все время обращался к Куртену. — Наверное, вам это подсказывает ваша совесть?

— О, говорите! Господин Жан, говорите! Скажите, в чем, помимо этого несчастного выстрела, вы меня обвиняете, и я уверен, что смогу оправдаться в ваших глазах. Да, я вам докажу, что к достойнейшим обитателям замка Судэ никто не относился с такой любовью, как я, никто не почитал их так, как я, и никто так не радовался будущей свадьбе, соединявшей семьи наших хозяев, как я.

— Господин Куртен, — произнес Жан Уллье, выслушав обрушившийся на него поток красноречия, — как вы сказали, справедливость требует, чтобы обвиняемый защищался. Так защищайтесь, если сможете. Так слушайте, я начинаю свою обвинительную речь.

— О! Вы можете начинать, я не боюсь ничего, — заметил Куртен.

— Сейчас увидим. Кто выдал меня жандармам на ярмарке в Монтегю, чтобы добраться до гостей моего хозяина, которых, как вы предполагали, я стал бы наверняка защищать? Кто, трусливо прячась за оградой сада на окраине Монтегю, одолжил ружье у хозяина этого сада, выстрелил в моего пса, убив моего бедного друга? Кто, если не вы? Отвечайте, господин Куртен.

— Кто посмеет утверждать, что видел, как я стрелял? — воскликнул фермер.

— Три человека были тому свидетелями, в том числе и хозяин ружья.

— Откуда мне было знать, что собака принадлежала вам! Господин Жан, клянусь вам честью, что мне это было неизвестно.

Жан Уллье с презрением махнул рукой.

— Итак, — продолжил он, по-прежнему не повышая голос, но в котором уже звучали обвинительные нотки, —

кто проник в дом Паскаля Пико и сообщил синим о скрывавшихся в нем людях, нарушив тем самым святой закон гостеприимства?

— Я подтверждаю! — глухо прозвучал голос вдовы Паскаля, словно очнувшейся от молчаливого оцепенения.

Арендатор вздрогнул и не нашелся, что ответить.

— Кто на протяжении четырех месяцев, — продолжил Жан Уллье, — постоянно встречался на моем пути, кто вынашивал свои гнусные планы, расставлял сети и прикрывался именем своего хозяина, которому клялся в верности и преданности, а на самом деле осквернил эти святые добродетели своими преступными намерениями? Кого я услышал в ландах Бузме в тот момент, когда он торговался, взвешивая в уме золотые монеты, обещанные ему за самое подлое, самое трусливое предательство? Кого я слышал, если не вас?

— Клянусь всем самым святым на свете, — произнес Куртен, по-прежнему полагавший, что Жан Уллье не мог простить полученное ранение, — я не знал, что вы находились в том несчастном кустарнике.

— Однако я уже говорил вам, что мое обвинение строится не на одном факте. Я ни словом не упрекнул вас: список ваших преступлений и без того весьма длинный.

— Жан Уллье, говоря о моих преступлениях, вы не вспоминаете о том, что мой молодой господин, а он скоро станет и вашим хозяином, обязан мне своей жизнью; если бы я был предателем, как вы утверждаете, я бы уже давно выдал его солдатам, которые каждый день ходят мимо моего дома; вы забываете об этом, и в то же время, обвиняя меня во всех грехах, придаете значение самым незначительным событиям, происшедшим в результате неблагоприятного стечения обстоятельств.

— Если ты и спас своего хозяина, — продолжил Жан Уллье все тем же ледяным тоном, — то только потому, что великодушие было тебе на руку; и для твоего хозяина и для двух бедных девушек было бы намного лучше, если бы ты со своими мерзкими интригами не вмешивался в их жизнь. Вот, Куртен, в чем я тебя больше всего обвиняю, вот почему я тебя ненавижу.

— Жан Уллье, — вставил свое слово Куртен, — у меня есть доказательство, что я никогда не желал вам

зла. Если бы я захотел, то уже давно вас не было бы в живых.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Когда на охоте погиб господин Мишель или, точнее, когда его убили, — господин Жан, назовем вещи своими именами, — то всего в шагах десяти от него находился загонщик, и этим загонщиком был не кто иной, как Куртен.

Жан Уллье выпрямился во весь свой рост.

— Да, — продолжил арендатор, — этот загонщик видел, что предатель упал на траву от пули Жана Уллье.

— Раз загонщик может это рассказать, значит, он говорит правду. Однако это вовсе не было преступлением, а лишь возмездием, — ответил Жан Уллье, — и я горжусь тем, что именно меня выбрало Провидение, чтобы наказать за бесчестие.

— Господин Уллье, только Богу дано право выносить свой приговор, только Бог может карать виновного.

— Нет! Я не ошибся! Именно по воле Бога в моей душе поселилась глубокая ненависть к злодеянию, и память о предательстве не сотрет даже время. Именно Бог своим перстом прикасается к моей груди всякий раз, когда я слышу имя Иуды, и мое сердце вновь трепещет ненавистью. Сделав тот выстрел, я почувствовал на своем лице его божественное прикосновение и понял, что справедливость восторжествовала. И с того момента мир и покой поселились в моей душе, которая не могла смириться с тем, что на моих глазах творилось беззаконие. Теперь ты видишь, что Бог не отвернулся от меня и навсегда поселился в моей душе.

— Бог не прощает убийства.

— Бог всегда на стороне палача, поднявшего меч правосудия. У людей свои законы, а у Бога другие; в тот день я стал карающим мечом самого Господа Бога, каким я стану для тебя сегодня.

— Вы хотите убить меня, как убили барона Мишеля?

— Я хочу покарать того, кто продал Малыша Пьера так же, как я покарал того, кто продал Шаретта. И покараю его без страха, сомнения и упрёка.

— Поберегитесь! Вы можете об этом еще пожалеть, когда ваш будущий хозяин заставит вас ответить за смерть его отца.

— Молодой человек правдив и честен и, если он призовет меня к своему суду, я расскажу ему о том, что видел своими глазами в лесу Шаботьер, и он оправдает меня.

— А кто сможет подтвердить, что вы скажете правду? Только один человек, и этим человеком могу стать я. Жан, не убивайте меня, как только что поступила эта женщина; в нужный момент я вам пригожусь, чтобы сказать: «Подтверждаю!».

— Куртен, от страха ты совсем потерял разум! Господину Мишелю не понадобится свидетель, когда Жан Уллье скажет ему: «Вот вся правда»,— и, обнажив грудь, воскликнет: «Если вы хотите отомстить за отца, вот мое сердце!» — И, упав на колени, обратится к Богу с просьбой отпустить ему тот грех, и, если Бог рассудит, что ему надо ответить за прегрешение, Жан Уллье, не колеблясь, искупит его. Да, да, Куртен, напрасно ты вспомнил о смерти барона Мишеля. Ты, мэтр Куртен, поступил еще хуже, чем Мишель старший, ибо твои руки обагрены более благородной кровью, чем та, которую пролил он! Раз я не пощадил Мишеля, неужели я пощажу тебя? Нет, никогда! Никогда!

— Пощадите, Жан Уллье! Не убивайте меня!— произнес негодяй, заливаясь слезами.

— Попробуй разжалобить эти камни, попроси у них защиты и сочувствия, возможно, они тебе ответят, но ничто не сможет заставить меня отказаться от принятого решения. Куртен, ты умрешь!

— А! Боже мой! Боже мой!—завопил Куртен.— Неужели никто не придет ко мне на помощь? Помогите! Вдова Пико, неужели вы позволите, чтобы меня вот так запросто прирезали? Защитите меня, умоляю вас! Если вам нужно золото, я вам отдам его. У меня много золота... Нет, нет, это бред. Нет у меня никакого золота! — воскликнул негодяй, испугавшись, что от его признаний глаза его недруга засветятся, как ему уже мерещилось, лихорадочным огоньком убийства.— Нет, нет, у меня нет золота, но зато есть земля, я отдам ее вам, вы станете богатыми людьми. Пощадите, Жан Уллье! Вдова Пико, защитите меня!

Вдова даже не пошевелилась. Ее губы были сжаты, а лицо было такое бледное, словно выточенное из мрамора, и в траурном платье, молчаливую и неподвижную

рядом с покойником, ее можно было принять за одну из коленопреклоненных статуй, которые выточены у подножия старинных надгробий.

— Как! Вы хотите убить меня? — продолжил Куртен. — Не в бою, не в драке, в тот момент, когда вам не грозит опасность, что я могу убежать или защититься? Перерезать горло связанному по рукам и ногам человеку, словно скотине, которую привели на бойню! О! Жан Улле, такое деяние достойно лишь мясника, но никак не солдата!

— А кто тебе сказал, что тебя убьют именно здесь? Нет, нет, мэтр Куртен, взгляни на рану на моей груди, она до сих пор кровоточит, я еще совсем слаб, едва стою на ногах и шатаюсь, когда иду, мне надо скрываться, за мою голову назначен выкуп, и, несмотря ни на что, я уверен в том, что поступаю по справедливости, за что отвечу перед Богом. Куртен, я тебя отпускаю на свободу.

— Вы отпускаете меня на свободу?

— Да, отпускаю... О! Только не благодари меня: я делаю это вовсе не для тебя, а для себя. Я не хочу, чтобы про Жана Улле говорили, что он убил безоружного и лежащего на земле человека. Но будь спокоен, я дарю тебе жизнь лишь потому, что рассчитываю, что очень скоро ты с ней распрощаешься.

— Бог мой!

— Мэтр Куртен, ты выйдешь, как и вошел сюда, без веревок и пут на ногах и руках. Однако предупреждаю: будь осторожен! Как только ты окажешься за пределами этих развалин, я пойду вслед за тобой, и буду идти до тех пор, пока мне не представится случай выстрелить в тебя, и я успокоюсь лишь тогда, когда увижу твой труп. Поберегись, мэтр Куртен! Поберегись!

И с этими словами Жан Улле, взяв в руки нож, разрезал веревки, которыми были связаны ноги и руки арендатора.

От радости Куртен едва не лишился рассудка. Но тотчас пришел в себя. Приподнявшись, он почувствовал, что ему мешает пояс, словно напомнивший ему о себе. Надеясь на то, что Жан Улле даровал ему жизнь, он тут же подумал: без золота что это за жизнь?

И снова улегся с такой же поспешностью, как и приподнялся. Несмотря на то, что, не успев встать, Куртен

оказался снова на земле, Жан Улле разглядел туго набитый золотом пояс и догадался о том, что происходило в душе арендатора.

— Что же ты ждешь, чтобы уйти? — спросил он.— Да, я понимаю, ты боишься, что, когда ты поднимешься и я увижу, какой ты здоровый и сильный, во мне с новой силой вспыхнет злоба, ты боишься, что я брошу тебе второй нож и, когда он будет у тебя в руках, крикну: «Защищайся, мэтр Куртен!» Нет, Жан Улле верен своему слову — беги, спасай свою шкуру! И если Бог на твоей стороне, он уберет тебя от моей карающей руки, а если он вынес свой приговор, я даю тебе шанс. Забирай свое проклятое золото и убирайся вон.

Мэтр Куртен не произнес ни слова в ответ; пошатываясь, словно пьяный, он поднялся на ноги; ему никак не удавалось застегнуть пояс, ибо пальцы так сильно дрожали, словно у него была лихорадка.

Прежде чем выйти, он со страхом оглянулся на Жана Улле.

Предатель боялся предательства. Не поверив в благородство своего недруга, он опасался ловушки.

Жан Улле пальцем указал ему на дверь, однако перед тем как перешагнуть за порог, Куртен услышал за спиной голос вандейца, прозвучавший под сводами словно сигнал к бою:

— Поберегись, Куртен! Поберегись!

И, несмотря на то, что его отпустили на все четыре стороны, мэтр Куртен затрясся от страха и, споткнувшись ногой о камень, поскользнулся и упал навзничь.

От страха он вскрикнул. Ему показалось, что вандеец вот-вот набросится на него, и ему уже мерещилось, как холодное лезвие кинжала вонзается в его спину.

Однако это было лишь дурным предзнаменованием; Куртен поднялся на ноги и минуту спустя, выйдя за ворота замка, тут же бросился бежать через открытое поле, которое он уже и не надеялся больше увидеть.

Когда он скрылся из виду, вдова подошла к Жану Улле и протянула ему руку.

— Жан,— сказала она,— слушая вас, я все время думала о том, насколько был прав мой бедный Паскаль,

когда мне говорил, что благородных людей можно встретить под любыми знаменами.

Жан Улле пожал руку, протянутую достойной женщиной, которая спасла ему жизнь.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Лучше! Борьба всегда придает силы.

— И куда же вы теперь пойдете?

— В Нант. Из слов вашей матери я понял, что Берта отправилась совсем в другую сторону, и я очень боюсь, как бы там не произошло беды.

— Хорошо! Но возьмите хотя бы лодку, все-таки вам не придется утомлять ходьбой ноги половину пути.

— Пусть будет по-вашему, — ответил Жан Улле.

И пошел вслед за вдовой до того места на озере, где на песок были вытащены рыбацкие лодки.

XXX

**ИЗ КОТОРОЙ СТАНОВИТСЯ ПОНЯТНО,
ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК, ИМЕВШИЙ ПРИ СЕБЕ
ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ФРАНКОВ,
ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ХУЖЕ НИЩЕГО**

Не успел мэтр Куртэн выйти за ворота замка Сен-Фильбер, как тут же сломя голову бросился бежать. Гонимый страхом, он бежал куда глаза глядят, ему казалось, что ноги сами несли его отсюда прочь. Это походило на бегство ради самого бегства. И если бы ему хватило сил, он добежал бы до края света, настолько ему хотелось поскорее убраться подальше от угроз вандейца, звучащих в его ушах похоронным звоном.

Пробежав с пол-лье по полю в сторону Машкуле, он скорее упал, чем присел на обочину дороги, совсем обессиленный и тяжело дыша; мало-помалу приходя в себя, он задумался над тем, что ему делать дальше.

Сначала он подумал немедленно вернуться домой, но он тут же отказался от этой мысли, понимая, что, какие бы меры ни предприняли власти по обеспечению безопасности мэра Ложери, у Жана Улле было слишком много своих людей в здешних краях, а при его знании местности, где ему была знакома каждая тропинка в лесу и любая дорога в поле, при его авторитете среди крестьян, а

также принимая во внимание ненависть, с какой местные жители относились к Куртену, все козыри были бы у Жана Уллье.

И тогда арендатор рассудил, что лучше всего ему следует искать убежища в Нанте: в городе и полиция повольнее и куда многочисленнее, чем в сельской местности, и сможет надежнее охранять его жизнь,— а может быть, полиции еще удастся арестовать Жана Уллье, на что больше всего надеялся Куртен, так как очень скоро он смог бы предоставить ей исчерпывающие сведения о постоянных местах пребывания мятежников и приговоренных судом бунтовщиков.

И рука беглеца невольно потянулась к поясу, чтобы его сдвинуть в сторону, ибо под грузом золотых монет, которыми тот был набит до отказа, ему было трудно дышать.

И этот жест решил его судьбу.

Разве не в Нанте ему надо было разыскать господина Гиацинта? И получить от своего сообщника, если их замысел удался, в чем он несколько не сомневался, сумму денег, равную той, которая уже была в его руках? От этих мыслей сердце Куртена наполнилось такой безудержной радостью, что он тут же позабыл обо всем на свете, и только что пережитые тревоги и сомнения показались ему ничтожными по сравнению с счастьем, которое его ждало впереди.

И, не теряя ни секунды, решительным шагом он направился в сторону города.

Решив поначалу сократить путь, мэтр Куртен пошел, как и прежде, напрямик через поле. Рассудив, что на дороге его выследить легче, чем в чистом поле, где, по его мнению, Жану Уллье ничего не оставалось, как уповать на счастливый случай, чтобы напасть на его след, разгоряченное перипетиями прошедшего вечера воображение одержало верх над здравым смыслом.

И как бы он ни старался спрятаться за живой изгородью, сколько бы ни хоронился под ее сенью, стараясь идти бесшумно и выходя на открытое место только после того, как убеждался в том, что вокруг не было ни души, его ни на секунду не отпускал панический страх.

В каждом дереве со спиленной верхушкой, возвышавшемся над живой изгородью, ему мерещился поджида-

ший его убийца, а узловатые ветви, распростертые над головой, казались ему похожими на вооруженные кинжалами руки, готовые вот-вот опуститься на него. И тогда, обливаясь от страха холодным потом, он останавливался как вкопанный, его ноги становились ватными и отказывались ему повиноваться. Его зубы стучали, а руки судорожно сжимали золото. Проходило немало времени, прежде чем он мог немного успокоиться и прийти в себя.

И он вышел на дорогу.

Ему казалось, что его покинет страх, как только он пойдет по дороге; навстречу ему будут попадаться прохожие, которые могли бы несомненно оказаться его врагами, но все же, если бы он подвергся нападению, они могли бы прийти к нему на помощь; под действием охватившего его страха любое живое существо казалось ему менее опасным, чем мрачные и грозные, казавшиеся немолимыми неподвижные призраки, которые, как рисовало ему болезненное воображение, подстерегали его на каждом шагу в открытом поле.

Кроме того, шагая по дороге, его могла нагнать попутная телега, на которой он добрался бы поскорее до Нанта, сократив наполовину путь.

Пройдя шагов пятьсот, он вышел на ту часть дороги, которая на протяжении четверти лье пролегалла по берегу озера Гран-Лье, одновременно выполняя роль дамбы.

Каждую минуту Куртен останавливался, чтобы прислушаться, и вскоре до его слуха донесся топот копыт.

Бросившись в заросли камышей, подходивших к дороге со стороны озера, он оказался во власти переживаний, которые мы только что описали.

Вдруг слева от себя со стороны озера ему послышался негромкий всплеск весел, ударявших по воде.

Продравшись сквозь заросли камышей и посмотрев в ту сторону реки, откуда раздавался шум весел, он увидел лодку, медленно проплывавшую вдоль берега.

По всей видимости, мимо плыл рыбак, спешивший до наступления дня вытащить закинутые с вечера сети.

Между тем топот копыт все приближался. Удары лошадиных подков по проезжей части дороги до смерти напугали Куртена: ему и здесь почудилась опасность.

Он слегка присвистнул, чтобы привлечь внимание рыбака.

Человек в лодке опустил весла и прислушался.

— Сюда! Сюда! — крикнул Куртен.

Не успел он произнести эти слова, как после мощного взмаха весел лодка оказалась шагах в четырех от арендатора.

— Не могли бы вы перевезти меня через озеро в Порт-Сен-Мартен? — спросил Куртен. — Я дам вам за это целый франк.

Закутанный в похожий на штормовку плащ, с низко опущенным капюшоном, прикрывавшим лицо, рыбак лишь молча кивнул головой в ответ, но в то же время направил свою лодку в самую гущу камышей, чьи стебли жалобно хрустнули, примятые носовой частью лодки, и в тот момент, когда лошадь, нагнавшая столько страха на мэтра Куртена, приблизилась к тому месту, где стоял мэр Ложери, он в два прыжка достиг лодки и забился на самое дно.

Словно разделяя опасения арендатора, рыбак быстро погреб к середине озера, и Куртен облегченно вздохнул.

Не прошло и десяти минут, как дорога и деревья на берегу слились в узкую темную полосу на горизонте.

Куртен не переставал радоваться удаче после того, как встретил лодку, так кстати повстречавшуюся на его пути. Когда он доберется до Порт-Сен-Мартена, ему останется пройти пешком какое-то лье по дороге, где ни днем ни ночью не прекращалось движение, до Нанта, а там наступит конец всем его страхам и волнениям.

После только что пережитого ужаса Куртен настолько был счастлив, что ему невольно хотелось с кем-то поделиться. Сидя на корме, он с радостью наблюдал, как согнувшийся в три погибели над веслами рыбак с каждой секундой увозил его все дальше и дальше от берега, где его подстерегала опасность; вслух считая каждый взмах весел, он тихо рассмеялся и, нащупав пояс с золотыми монетами, стал перебирать их пальцами.

Между тем ему показалось, что рыбак уже достаточно отплыл от берега и теперь настало самое время взять курс на Порт-Сен-Мартен, ибо, если лодка и дальше будет идти в том же направлении, они неминуемо оставят деревушку по правую руку позади от себя.

Некоторое время Куртен выжидал, надеясь, что рыбак попытается выйти на боковое течение, которое само понесет лодку вперед.

Однако рыбак по-прежнему греб, удаляясь от берега.

— Эй, парень! — воскликнул наконец арендатор. — Вы плохо расслышали, я не просил вас довести до Порт-Сен-Пера, мой путь лежит в Порт-Сен-Мартен. И чем раньше вы повернете туда, тем скорее получите свои денежки.

Рыбак по-прежнему молчал.

— Вы что, не слышите? — продолжил Куртен, теряя терпение. — Приятель, мне надо в Порт-Сен-Мартен! Вы должны повернуть направо. Хотя я и не против, что мы плывем далеко от берега и нас не достигнут пули, если по нам начнут стрелять с берега, все же, пожалуйста, гребите туда, куда я сказал вам!

Рыбак и ухом не повел.

— Ах, вот в чем дело! Может, вы глухой? — воскликнул арендатор, выходя из себя.

Вместо ответа рыбак лишь пуще прежнего налег на весла, и лодка проплыла по озеру еще футов десять.

Вне себя от ярости, Куртен бросился вперед и, схватившись за капюшон, бросавший тень на лицо рыбака, приблизился к нему вплотную, чтобы получше разглядеть, и тут же с приглушенным криком отпрянул назад, упав на колени посреди лодки.

Лодочник опустил весла и, не вставая с места, произнес:

— Да, мэтр Куртен, Бог решительно отказался встать на вашу сторону. Я вовсе не стремился найти вас — это сам Господь посылает вас ко мне. Я почти забыл про вас, но Господь напомнил мне. Мэтр Куртен, Бог желает вашей смерти!

— Нет, нет, Жан Уллье, вы не убьете меня! — воскликнул Куртен, снова охваченный страхом.

— Я вас убью, и это так же верно, как сияние звезд, рассыпанных по небу рукой Всевышнего! Если у вас, несмотря ни на что, есть душа, сейчас самое время подумать о ее спасении. Покайтесь в своих грехах и попросите Бога, чтобы он проявил к вам снисхождение!

— Вы не сделаете этого! Жан Уллье, вы не сделаете этого! Подумайте, что вы собираетесь погубить человеческое существо, созданное самим Господом Богом, чье

имя вы только что упомянули! О! Как же вы можете лишать его возможности видеть землю, столь прекрасную в лучах восходящего солнца! Вы хотите, чтобы я лежал в холодном гробу, безразличный ко всему, что раньше любил! Нет, нет, это невозможно!

— Возможно, твои мольбы и могли бы тронуть меня, если бы ты был отцом семейства, если бы у тебя была жена, мать, сестра или, на худой конец, кто-то ждал твоего возвращения. Однако нет, тебе никто не был нужен, ты думал только о том, как бы использовать людей, чтобы получить выгоду, и за добро отплатить злом. Ты и сейчас продолжаешь богохульствовать, и по-прежнему лжешь, ибо ты никого не любил на этой земле, и никто не любил тебя; мой нож пронзит только твою грудь, но не заденет твоей души. Мэтр Куртен, ты сейчас предстанешь перед Божьим судом, последний раз тебе советую — покаяйся.

— Эх! Разве мне хватит нескольких минут? Такому большому грешнику, как я, нужны годы, чтобы покаяться в совершенных мною грехах. Неужели столь верующий человек, как вы, Жан Уллье, не дарует мне жизнь для того, чтобы я смог провести остаток дней, замаливая грехи?

— Нет, нет! Тебе нужна жизнь, чтобы снова грешить! Только смерть может искупить твои прегрешения! Если ты боишься смерти, принеси к ногам Господним свои тревоги, Господь милосерден и освободит тебя от страха! Мэтр Куртен, время идет, и клянусь Господом Богом, смотрящим на нас со своего небесного трона, не пройдет и десяти минут, как ты предстанешь перед его судом.

— Десять минут? Боже мой! Всего десять минут! О! Сжался надо мной!

— Куртен, ты напрасно теряешь время на бесполезные просьбы, подумай лучше о своей душе!

Куртен не ответил, его рука легла на весло, и в его душе забрезжил луч надежды.

Быстрым движением схватившись за весло, он неожиданно поднялся во весь рост и замахнулся, целясь в голову вандейца. Жан Уллье бросился вправо и увернулся от удара. Стукнув о борт лодки, весло разлетелось на щепки, и в руках арендатора остался лишь обломок.

Скорый на руку, Жан Улле вцепился в горло Куртену, который во второй раз упал перед ним на колени.

Охваченный страхом, негодяй покатился по дну лодки, ему едва хватило сил прошептать:

— Пощадите, пощадите!

— А! Хоть перед страхом смерти у тебя появилось немного мужества! — воскликнул Жан Улле. — А! Ты нашел, чем защищаться! Тем лучше! Защищайся, Куртен! А если оружие, которое ты держишь в руке, не кажется тебе надежным, возьми мое. — продолжил старый егерь, бросая к ногам арендатора свой нож.

Однако Куртен от страха не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Его губы шевелились, произнося какие-то бессвязные и непонятные слова, а тело, словно в лихорадке, сотрясала дрожь, в ушах стоял неясный гул, а так как голос уже перестал повиноваться ему, все его существо охватила предсмертная тоска.

— Боже мой! — воскликнул Жан Улле, пнув ногой безжизненное тело, распростертое перед ним. — Боже мой, я же не могу поднять руку на лежачего!

И, словно в поисках какого-то решения, вандеец огляделся по сторонам.

Ночь была тихой; слабый бриз, едва касаясь поверхности озера, поднимал легкую волну, почти неслышно бившуюся о борт лодки; тишину природы нарушил крик вспорхнувшей перед носом лодки утки, чьи темные крылья особенно выделялись на фоне яркой полосы зари, которая заалела на востоке.

Неожиданно Жан Улле повернулся к Куртену и, потянув его за руку, сильно встряхнул.

— Мэтр Куртен, я не могу тебя убить, если моя жизнь не подвергнется смертельной опасности, — произнес он, — мэтр Куртен, я заставлю тебя бороться, если не со мной, то со смертью. Вот, она уже приближается, защищайся!

В ответ арендатор еле слышно простонал; его блуждавший по сторонам взгляд не останавливался ни на одном предмете; казалось, что перед угрозой страшной и мучительной смерти он окончательно лишился рассудка.

И тут Жан Уллье мощным ударом выбил ногой наполовину прогнившие доски днища, и вода, пенясь, стала заполнять лодку.

Почувствовав холод воды, подобравшейся к его ногам, Куртен очнулся и завопил таким дурным голосом, словно в нем не осталось ничего человеческого.

— Я пропал! — крикнул он.

— Пусть нас рассудит Бог! — воскликнул Жан Уллье, простирая руки к небу. — Первый раз я не тронул тебя потому, что ты был связан; на этот раз, мэтр Куртен, я не подниму на тебя руку. Если от тебя не отвернулся твой ангел-хранитель, он спасет тебя. А я не хочу пачкать себе руки.

Пока Жан Уллье произносил эти слова, Куртен вскочил на ноги и, брызгая водой во все стороны, сделал несколько шагов по дну лодки.

На носу, стоя на коленях, молился спокойный и невозмутимый Жан Уллье.

Вода по-прежнему прибывала.

— О! Кто же спасет меня? Кто меня спасет? — крикнул смертельно побледневший Куртен, с ужасом наблюдая, как над поверхностью воды лодка выступала бортом всего на шесть дюймов.

— Тебя может спасти один Бог, если только он этого захочет! Сейчас твоя жизнь, равно как и моя, в его руках. Пусть Господь сам выбирает, кого из нас двоих лишит жизни, а кого оставить в живых. Возможно, Бог призовет к себе нас двоих. Мы находимся на пути к нему, говорю тебе еще раз, мэтр Куртен, смирись с приговором Всевышнего.

И не успел Жан Уллье договорить, как лодка треснула по швам и вода поднялась до самого края борта. Сделав один полный круг, как бы помедлив одну секунду, лодка ушла из-под ног двух мужчин и, сопровождаемая тихим журчанием волны, погрузилась в озеро.

Куртена подхватил водоворот, но он тут же появился на поверхности воды, вцепившись пальцами во второе весло, плававшее рядом с ним; сухой и легкий кусок дерева удерживал его на плаву еще некоторое время, достаточное, чтобы он снова обратился с мольбой к Жа-

ну Уллье. Но ванделец, не слыша его, неторопливо плыл навстречу зарождавшемуся дню.

— Ко мне! Ко мне! — кричал несчастный Куртен.— Жан Уллье, помоги мне добраться до берега, и я отдам тебе все золото, что у меня есть с собой.

— Вот мой последний совет: расстанься с этим грязным золотом, брось его в воду,— ответил ванделец, обернувшись к арендатору, который вцепился в деревянный обломок,— это твой последний шанс сохранить себе жизнь.

Куртен потянулся было к поясу, и ему показалось, что если бы он не отвел вовремя руку, пояс обжег бы ему пальцы, и, словно ванделец приказал ему вспороть себе живот или разрезать себя на куски, он прошептал:

— Нет, нет, я спасу золото и спасусь вместе с ним! И попробовал плыть.

Однако ему не хватало ни сил, ни навыков Жана Уллье; к тому же слишком тяжелый груз тянул его на дно, и с каждым движением рук он все больше и больше погружался в воду и уже стал захлебываться.

Он еще раз позвал на помощь Жана Уллье, но тот уже был далеко от него.

Погрузившись с головой в воду и почувствовав, что у него закружилась голова, он резким и быстрым движением расстегнул пояс, однако прежде чем бросить в пучину свое драгоценное золото, ему захотелось напоследок еще раз взглянуть и полюбоваться им. Прижав к себе пояс, он стал его ощупывать скрюченными пальцами.

Столь неумное преклонение перед металлом, который значил для него больше, чем собственная жизнь, решило судьбу Куртена; ему так и не хватило духу расстаться с золотом; прижав его крепко к груди, он попытался при помощи ног вынырнуть на поверхность озера, однако верхняя часть его тела оказалась настолько перегруженной, что, не удержав равновесия, он снова нырнул под воду; через несколько секунд наполовину задохнувшийся Куртен еще раз появился над поверхностью озера и, взглянув в последний раз на небеса и послав им проклятие, он пошел камнем ко дну, словно вместо золота его тащил туда сам дьявол.

Обернувшись, Жан Уллье увидел, как над поверхностью воды расходились круги: то были последние признаки жизни, которые подавал мэр Ложери перед тем, как уйти в мир иной.

Подняв глаза к небу, вандеец воздал хвалу Господу за справедливое решение.

Несмотря на то, что Жан Уллье был хорошим пловцом, еще незажившая рана, усталость и переживания прошедшей жуткой ночи сказались на нем. Когда до берега оставалось не больше сотни футов, он почувствовал, что силы изменяют ему; однако не теряя присутствия духа, как с ним всегда происходило в самые решающие моменты жизни, он решил бороться до конца.

И плыл, не останавливаясь.

Вскоре он понял, что теряет сознание; его ноги и руки словно налились свинцом; ему показалось, что в тело впились тысячи острых иголок; мышцы одеревенели и причиняли нестерпимую боль, а к голове прилила кровь с такой силой, что в ушах стоял шум, похожий на рокот морской волны, разбивавшейся о скалы; перед его глазами поплыли черные круги вместе с облаками, состоявшими из множества сверкавших огоньков; чувствуя, что умирает, он огромным усилием воли все же заставлял свое ослабевшее тело двигаться вперед.

И он продолжал плыть.

Глаза невольно закрылись; ноги и руки совсем заоченели, и он напоследок вспомнил всех, с кем его сводила жизнь: детей, жену, старика, оказавшего на него столь сильное влияние в молодости, двух девушек, заменивших ему близких; ему хотелось помолиться за них прежде, чем уйти в мир иной.

Но в этот момент перед ним возникло как наяву видение: он увидел Мишеля старшего, лежащего на лесном мху в луже собственной крови и простиравшего в воде руки к небу, и Жан Уллье воскликнул:

— Боже! Если я ошибся! Если я совершил преступление! Прости меня, если не на земле, то хотя бы на том свете!

Затем, словно на эту мольбу ушли его последние силы,— в тот момент, когда поднимавшееся на горизонте из-за гор солнце позолотило своими первыми лучами темную гладь озера, в тот самый момент, когда Куртен, зарывшийся с головой в ил на дне озера отдавал Богу

душу, в тот самый момент, когда арестовывали Малыша Пьера,— душа его, казалось, навсегда покинула все еще державшееся на поверхности воды безжизненное тело!..

Тем временем Мишель под конвоем солдат шел по дороге в Нант.

Спустя полчаса командовавший небольшим отрядом лейтенант подошел к молодому барону.

— Господин,— обратился он к Мишелю,— у вас вид благородного человека, а так как я тоже дворянин, то мне тяжело смотреть, как вы страдаете от наручников; если хотите, я могу вас от них освободить, если вы мне дадите слово, что не попытаетесь бежать?

— Охотно,— ответил Мишель,— благодарю вас, и клянусь, что кто бы мне ни пришел на помощь, я не покину вас без вашего разрешения.

И молодые люди продолжили свой путь едва ли не в обнимку, так что случайно встретившийся на дороге прохожий мог не сразу разобраться, кто же из двоих был пленником, а кто конвоиром.

Если ночь была прекрасной, то наступившая заря предстала во всем своем ослепительном великолепии: цветы, еще влажные от росы, искрились и сверкали на солнце, словно осыпанные бриллиантами, воздух был напоен самыми нежными и тонкими ароматами, на деревьях на все голоса распевали птицы, и Мишелю дорога показалась настоящей прогулкой.

Выйдя к берегу озера Гран-Лье, лейтенант остановил своего пленника, с которым они опередили колонну на добрую половину лье и, указав на некий темный предмет, плававший на поверхности озера метрах в пятидесяти от берега, спросил:

— Что это такое?

— Вроде бы похоже на тело мужчины? — ответил Мишель.

— Вы умеете плавать?

— Немного.

— Ах, если бы я умел плавать, то уже давно бы прыгнул в воду,— произнес со вздохом офицер, оглянувшись в надежде позвать на помощь своих людей.

Мишель не стал ждать; он слустился по откосу к воде, разделся и бросился в озеро.

Через несколько секунд он уже вытаскивал из воды казавшееся бездыханным тело Жана Уллье.

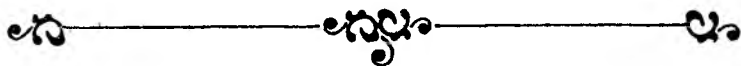
Тем временем подоспели солдаты и окружили утопленника.

Один солдат, сняв свою флягу и разжав зубы вандейца, влил ему в рот несколько капель водки.

Первым человеком, которого, раскрыв глаза, увидел Жан Уллье, был Мишель, поддерживавший рукой ему голову, и в глазах вандейца мелькнула такая тревога, что офицер посчитал необходимым сказать, указав на Мишеля:

— Друг мой, вот ваш спаситель!

— Мой спаситель!.. Его сын! — воскликнул Жан Уллье — Ах! Благодарю тебя, Боже! Твоя милость так же велика, как страшна твоя кара!

ЭПИЛОГ

Однажды в 1843 году к воротам монастыря Шар-трезских Кармелиток в семь часов вечера подъехала тяжелая карета.

В карете было пятеро путешественников: двое детей лет восьми или девяти, мужчина и женщина лет тридцати — тридцати пяти и старый крестьянин, еще вполне крепкий, хотя и с седой головой; несмотря на свою деревенскую одежду, старик сидел в карете рядом с дамой, посадив на колени одного из детей, забавлявшегося кольцом от толстой стальной цепочки, на которой к петлице жилета были прицеплены часы, и загорелой морщинистой рукой гладил ребенка по шелковистым волосам.

Когда лошадь свернула с мощеной дороги, чтобы направиться в предместье Сен-Жан, карету сильно встрях-

нуло, и дама выглянула в окошко, но тотчас же с ужасом отпрянула назад; увидев перед собой высокие монастырские стены и мрачные ворота, на лице молодой женщины отразилась скорбь.

Спустившись с облучка, возница подошел к воротам и произнес:

— Это здесь.

Дама сжала руку сидевшего напротив мужа, и две крупные слезы скатились по ее щекам.

— Ну, Мари, мужайся! — сказал молодой мужчина, в котором наши читатели уже узнали барона Мишеля де ла Ложери. — Мне жаль, что правила монастыря запрещают мне разделить с вами ваше горе, и впервые за последние десять лет мы будем страдать порознь!

— Вы не забудете сказать ей обо мне? — произнес старый крестьянин.

— Да, мой Жан, — ответила Мари.

И молодая женщина, поставив ногу на ступеньку кареты, сошла на землю и постучалась в ворота.

Стук молотка разнесся эхом под мрачными сводами.

— Матушка Святая Марта? — спросила дама.

— Вы та дама, которую ожидает наша матушка? — спросила кармелитка.

— Да, сестра моя.

— Тогда входите! Вы сейчас ее увидите, но вам надо знать о том, что по правилам монастыря, несмотря на высокое положение, которое она занимает здесь, вы сможете с ней говорить лишь в присутствии одной из ее сестер, которая будет следить за тем, чтобы вы с ней не говорили о мирских делах, которые она оставила навсегда.

Мари склонила голову.

Послушница прошла вперед, и баронесса де ла Ложери последовала за ней по темному и сырому коридору, куда выходила дюжина дверей. Толкнув одну из них, монахиня посторонилась, чтобы пропустить Мари.

От волнения молодая женщина на секунду остановилась в дверях: но тут же, собравшись с духом, перешагнула через порог и вошла в тесную келью, занимавшую не более восьми квадратных футов.

Кроме узкой кровати, стула и скамеечки для молитвы в келье не было другой мебели; все убранство состояло из нескольких картинок на религиозные сюжеты, при-

колотых к голым стенам, да медного распягия на кресте из черного дерева, распростертого над скамеечкой для молитвы.

Словно ослепнув, Мари ничего не увидела вокруг.

На кровати лежала женщина с лицом, будто вылепленным из прозрачного желтого воска, на бескровных губах которой, казалось, уже застыл последний вздох.

И этой женщиной была или, вернее, когда-то была Берта!

Теперь перед Мари находилась матушка Святая Марта, настоятельница монастыря Шартрезских Кармелиток.

И она отдавала Богу душу.

Увидев вошедшую, умирающая раскрыла объятия, и Мари с порога бросилась к ней.

Время шло, а они все не разжимали крепко сплетенных рук; Мари обливала слезами лицо сестры, а Берта лишь тяжело вздыхала, ибо в ее глубоко запавших от бесконечных постов, молитв и тягот монастырской жизни глазах застыла живая скорбь, давно исчерпавшая весь запас ее слез.

Сидевшая на стуле за чтением молитвенника послушница не столько была занята молитвами, сколько присматривалась и прислушивалась к тому, что происходило в келье.

И по-видимому ей показалось, что вопреки правилам монастыря сестры слишком уж долго обнимаются, ибо монахиня легонько кашлянула, чтобы призвать сестер к порядку.

Матушка Святая Марта мягко отстранила от себя Мари, но не отпустила ее руку, которую держала в своей ладони.

— Сестра! Сестра! — прошептала Мари. — Разве мы могли себе когда-нибудь представить такую встречу?

— На все воля Божья, и надо смириться, — ответила кармелитка.

— Его воля бывает порой слишком суровой, — вздохнула Мари.

— Сестра моя, что вы такое говорите! Напротив, Бог ко мне был и так слишком снисходителен и милостив. Вместо того чтобы заставить меня еще долгие годы

страдать на земле, он оказывает милость, призывая меня к себе.

— Там вы встретитесь с нашим отцом! — сказала Мари.

— А кого я оставлю здесь, на этом свете?

— Нашего доброго друга Жана Уллье, он жив и по-прежнему вас любит.

— Благодарю... А еще?

— Моего мужа... и двоих детей, мальчика зовут Пьер, а девочку Берта, и я научила их молиться за вас.

На щеках умирающей появился легкий румянец.

— Дорогие мои крошки! — прошептала она. — Если Бог оставит для меня местечко рядом с ним, я буду молиться за них на небесах.

Тишину нарушили удары колокола, затем послышался звон колокольчика и, наконец, в коридоре раздались шаги, которые приближались к келье.

Это священник пришел причащать умирающую.

Мари упала на колени в изголовье кровати Берты.

Вошел священник, держа в левой руке священную дароносицу, а в правой — просвиру.

В этот момент, почувствовав, что Берта тянется к ее руке, молодая женщина подумала, что сестра хочет на прощание пожать ей руку.

Но она ошиблась.

Берта передала ей какой-то предмет, который походил на медальон.

Мари хотела взглянуть на него.

— Нет, нет, — сказала Берта, — когда я умру.

Мари кивнула, что выполнит ее волю, и уронила голову на скрещенные руки.

Келью заполнили монахини. Они молились, стоя на коленях. И по всей длине коридора, на всем пространстве, которое окидывал взор, стояли на коленях и молились монахини в темных одеждах.

Умирающая, казалось, собралась с последними силами, чтобы предстать перед Создателем, и, слегка приподнявшись, она прошептала:

— Господь! Вот и я!

Священник положил ей на губы просвиру; умирающая откинулась на подушку, закрыв глаза и сложив руки.

Если бы ее губы не шевелились, то ее можно было принять за покойницу: настолько бледным было ее лицо и едва теплилось ее дыхание.

Священник продолжал соборовать умирающую, которая уже больше не открывала глаз.

Затем он вышел, и вслед за ним потянулись его помощницы.

Послушница подошла к Мари, по-прежнему стоявшей на коленях, и легонько притронулась рукой к ее плечу.

— Сестра моя,— сказала она,— правила нашего ордена запрещают продолжать оставаться в этой келье.

— Берта! Берта! — произнесла сквозь рыдания Мари.— Ты слышишь, что мне говорят? Боже мой! Двадцать лет мы жили, ни на день не расставаясь, одиннадцать лет провели в разлуке, и теперь не можем побыть вместе хотя бы два часа перед тем, как расстаться навеки!

— Сестра моя, вы можете оставаться в монастыре до тех пор, пока я не умру, и я буду счастлива уйти в мир иной, зная, что вы рядом со мной и молитесь за меня.

Мари наклонилась, чтобы в последний раз поцеловать умирающую, но присутствовавшая при их свидании монахиня остановила ее со словами:

— Сестра моя, нельзя воспоминаниями о земном отвлекать нашу святую матушку от дороги к небесам, на которую она уже вступила.

— О! Но я же не могу ее так просто оставить! — воскликнула Мари и, бросившись к постели Берты, она прикоснулась губами к ее губам.

В ответ на ее поцелуй губы Берты слегка дрогнули, затем она мягко рукой отстранила от себя сестру.

Однако ее рука не соединилась с другой, а бессильно упала на кровать.

Послушница подошла к ее постели, и без единой слезы, без единого вздоха, с бесстрастным лицом, на котором не отражалось ни малейшего волнения и какого бы то ни было переживания, взяла руки умирающей и соединила у нее на груди.

Затем она стала подталкивать Мари к двери.

— О! Берта, Берта! — воскликнула молодая женщина, заливаясь слезами.

Ей показалось, что в ответ на ее рыдание сестра еле слышно откликнулась, потому что до ее слуха донеслось ее имя, отчетливо произнесенное Бертой.

Но она уже была в коридоре, и за ней захлопнулась дверь.

— О! Дайте мне на нее еще раз взглянуть! — воскликнула Мари,— всего один раз!

Но монахиня, вытянув руки, преградила ей путь

— Хорошо, сестра,— сказала Мари, глаза ее застлала слезы,— проводите меня.

Монахиня привела ее в пустую келью; жившая здесь монахиня скончалась накануне.

Сквозь слезы Мари разглядела скамеечку для молитв и висевшее над ней распятие; едва держась на ногах и пошатываясь, она подошла к распятию и встала на колени.

Она провела час в непрерывной молитве.

Наконец на пороге кельи показалась монахиня и все таким же холодным и бесстрастным тоном произнесла:

— Матушка Святая Марта скончалась.

— Я могу ее видеть? — спросила Мари.

— Это запрещено правилами нашего ордена,— ответила монахиня

С горьким вздохом Мари уронила голову на руки.

И тут увидела, что в ладони сжимает предмет, который ей передала Берта, когда собралась навсегда покинуть этот мир.

Матушка Святая Марта скончалась, и теперь Мари могла взглянуть на него.

Как она уже догадалась по его форме, перед ней был медальон.

Мари открыла крышку и увидела прядь волос и тонкий листок бумаги.

Прядь была того же цвета, что волосы Мишеля.

А на листке было написано:

«Срезано во время его сна в ночь на 5 июня 1832 года».

— О Боже! — прошептала Мари, подняв глаза к распятию.— Боже, прими ее с милосердием, ибо ваши муки длились всего сорок дней, а она страдала целых одиннадцать лет!

И, спрятав на груди медальон, Мари спустилась по холодной и сырой лестнице монастыря.

Карета и все приехавшие вместе с ней по-прежнему ожидали ее у ворот.

— Ну что? — спросил Мишель, распахнув дверцу кареты и выходя навстречу Мари.

— Увы! Все кончено! — сказала она, упав ему на руки.— Она умерла, пообещав, что будет за всех нас молиться на небесах.

— Счастливые дети! — произнес Жан Улле, положив одну ладонь на головку мальчика, а другую на головку девочки.— Счастливые дети! Вы можете смело идти по жизни: святая мученица охраняет вас на Небесах!

Содержание

КНИГА ВТОРАЯ

XV	В которой мэтр Жак держит слово, которое он дал Кургузому Обену	7
XVI	В которой доказывается, что не все евреи родом из Иерусалима и не все турки — из Туниса	11
XVII	Мэтр Марк	24
XVIII	Как путешествовали в департаменте Нижняя Луара в мае 1832 года	29
XIX	Немного истории никому не повредит	37
XX	В которой Малыш Пьер примиряется с неизбежностью	48
XXI	Как Жан Ульье доказал, что если уж взялся за гуж, не говори, что не дюж	54
XXII	В которой рассказывается о том, как и почему барон Мишель принял решение отправиться в Нант	64

XXIII	О том, как заблудшая овца вместо лона семьи попадает в ловушку	72
XXIV	В которой доказывается что, если бы Триго оказался на месте Геркулеса, совершил бы двадцать четыре подвига вместо двенадцати	81
XXV	Ключ полей	95
XXVI	В которой Мари одерживает Пиррову победу . . .	110
XXVII	В которой барон Мишель вместо слабой тростинки наткнулся на крепкий орешек	119
XXVIII	Последние рыцари королевства	126

КНИГА ТРЕТЬЯ

I	В которой Жан Улье обманывает из лучших побуждений	137
II	В которой тюремщик и заключенный спасаются вместе	143
III	Поле боя	151
IV	После боя	158
V	Замок Пенисьер	162
VI	Ланды Буэме	172
VII	В которой заведение «Кургузый Обен и компания» подтверждает свое название	183
VIII	Когда помощь приходит оттуда, откуда ее совсем не ждешь	193
IX	На большой дороге	202
X	Что случилось с Жаном Улье	217
XI	Батареи мэтра Куртена	229
XII	В которой баронесса де Ла Ложери, думая, что устраивает дела сына, действовала в интересах Малыша Пьера	235
XIII	По улицам и переулкам	244
XIV	В которой любовные дела Мишеля вроде бы пошли на лад	253
XV	Рыбак рыбаку рознь	266
XVI	Допрос и очная ставка	272
XVII	В которой мы снова встретимся с генералом и убедимся, что он несколько не изменился	281
XVIII	О том, как уже в который раз разочаруется Куртен	289
XIX	В которой маркиз де Судэ вместо устриц вылавливает сетями из воды Пико	298

XX	О том, что происходило в заброшенном доме . . .	309
XXI	В которой Куртен наконец-то сможет притронуться к своим пятидесяти тысячам франков	320
XXII	Постоялый двор великого святого Жака	329
XXIII	Два Иуды	335
XXIV	Зуб за зуб, око за око	344
XXV	«Красные штаны»	355
XXVI	Раненая Волчица	362
XXVII	Каминная плита	370
XXVIII	Три разбитых сердца	376
XXIX	Палач, посланный Богом	382
XXX	Из которой становится понятно, почему человек, имевший при себе пятьдесят тысяч франков, чувст- вовал себя хуже нищего	392
Эпилог	404

Дюма А.

Д 96 Волчицы из Машкуле. Т. 2. Кн. вторая. Гл. пятнадцатая — двадцать восьмая. Кн. третья. / Под общ. ред. Ю. П. Уварова.: Перев. с фр. Л. А. Четет.— М.: Пресса, 1995.—416 с.

ISBN 5—253—00835—7

Роман «Волчицы из Машкуле» продолжает серию «XX век в романах А. Дюма». Герои этого произведения — маркизы и генералы, трактирщики и солдаты, короли и простолюдины — становятся участниками заговоров и переворотов, попадая в самые разнообразные переделки.

Д 4703010100—3016 3016—95
080(02)—95

84.4 Фр

Литературно-художественное издание

ДЮМА Александр

ВОЛЧИЦЫ ИЗ МАШКУЛЕ

Том 2

Редактор

С. А. Суркова

Оформление художника

Ю. К. Бажанова

Художественный редактор

Р. А. Клочков

Технический редактор

Т. С. Трошина

Младший редактор

Н. В. Зверева

ИБ 3016

Лицензия ЛР № 010151 выдана 26.12 91 г.

Сдано в набор 13.12.94. Подписано к печати 20.01.95
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл. кр.-отт. 21,84.
Уч.-изд. л. 22,27. Заказ № 1937.
Тираж 25 000 экз. Цена договорная.

Набрано и отпечатано в типографии издательства
«Пресса» 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. Правды, 24

По вопросам приобретения книг
просим обращаться в отдел реализации
издательства «Пресса»
по телефонам: 257-45-13, 257-49-00

**Оптовым покупателям
предоставляется скидка.**